

Amalie Brook

**Пыльными дорогами.
Путница.**

Судьбу свою искать — дело нелегкое.

Не знаешь, что выпало тебе — то ли дорога долгая, то ли свадьба с песнями, то ли палаты княжеские, то слез река.

Хотела я от доли нежеланной уйти, сбежать и затеряться навеки. Да чтоб не знал никто, чтоб не трогал, не видел, чтоб жить по собственному разумению. Да видно не уйти...

Боги мудрые все знают и, если уж написана участь твоя алыми буквами в книгах чародейских, если сложена твоя песнь да не одна, не сбежать. Найдет тебя судьба хоть на краю мира. Поведет странами дальними, дорогами пыльными, волной морскою, шепотом нежным, что слышится в ночи...

Глава первая

Пролог.

«Ждан не спешил говорить:

— А осмелишься ли правду узнать? Вдруг дорога твоя не так легка окажется?

— Какою бы не была...

Старик снова засмеялся и певуче, будто гуслиар заезжий, заговорил:

— От околицы до околицы пыль клубится. То верхом, то пешком по дороженьке — путникам покоя нет на семи ветрах. А за стенами каменными ждет воин с мечом булатным. Глаза его неба серого, а в руке его цепь да грамота. И что выберешь, то и сбудется.

Я слушала его и запомнить старалась, каждое слово повторяя про себя. Сидела, а по телу так мурашки и бежали.

Страшно мне...

Но раз уже решила, так до конца дослушаю.

— Вьюжный путь труден и жесток. За кем не уследишь, того и потеряешь. А коли трех попутчиков себе возьмешь, так и сама живой останешься. И смотри, чтоб верные были — сталь, кровь и чернила. Далек твой путь, страшно, как далек. Пять земель что день покажутся. Подернутся алым покрывалом заморским и не разорвать его. С даром твоим весь мир пред тобою, да только ты прислужница. Три битвы кровавых, одна дорога и слез река — вот что увидишь. Смотри только бусины белой не теряй, не то и себя утратишь.

Проговорил и замолчал.

Я как очнулась, на щеке своей слезу ощутила.

— Что, страшно стало? — сощурился Ждан. — Правда, она не каждому сладка.

— Так вот за что тебя люди боятся, — тихо проговорила я, поднимаясь.

— Не держи зла, лисица, — только и ответил старик. — Не моя в том вина. Что увижу, то и скажу. В судьбе лгать не стану.

— Спасибо, дед Ждан. Пусть боги хранят твой дом.

Я поклонилась и быстро вышла.

Пророчество его так с губ и не сходит. Помню. Каждое словечком повторяю. Будто мороз по коже от них. До седых волос не забуду теперь»

Глава первая.

Я устало вздохнула и отерла со лба пот. Поставив заплечный мешок на землю, выпрямилась и потянулась, разминая затекшую спину.

Ох, и жаркое же лето выдалось! Полдень уж миновал, а солнце стоит в самом зените. Надо бы остановиться и в тени передохнуть. А то ведь и с ног свалиться не долго. Только вот

где? Ближайший лесок виднеется аж за тем пологим холмом. Чтобы обогнуть его, ой, сколько сил еще понадобится. А ложиться отдыхать здесь нельзя — обгорю до пузырей на коже, или, чего доброго удар схвачу. Вон даже тюрбан, намотанный на манер кочевников, и полотняная отцова рубаха плохо спасают.

Я мысленно обозвала себя самыми последними словами, какие только могла знать простая деревенская девушка, и чуть прогнулась вперед. На это телодвижение поясница отозвалась ломотой и скрипом. Это ж надо так мешок нагрузить — едва тащу!

Ну, молодец, деваха, сумела же!

По земле мелькнула крылатая тень. Я подняла глаза к небу. Сверху донесся клекот. Вот же, наглец, от самого селения за мной летит! И кто только выдумал, что орлы путникам к удаче? Вон этот уже второй день в покое меня не оставляет, а везения пока ни на медяк. Припасы кончились, воды чуть, да и денег — одни слезы.

А все почему? Потому что бежала из родного дома под покровом ночи и даже не удосужилась как следует монеты выбрать из тайничка своего. Вместо золотушек захватила только серебрянки и медяки. Сказано, дуреха деревенская! Теперь вот ни в трактир, ни на постой, только на земле и спать под открытым небом. Благо, что лето да тепло, да травка мягкая.

До Трайты путь неблизкий. Мне бы хоть за месяц добраться пешком-то. Я ведь одна-одинешенька иду, никто меня не защищает, никто за мной не присматривает. Только вот орел-проказник в небе клекотом своим надежды вселяет. Заезжие купцы говорят, что к удаче это, путь, мол, не зря начат.

Я приложила ладонь ко лбу и, повернувшись против солнца, взглянула вверх.

— Ну что, дружок, ты все еще со мной?

Орел в вышине сделал очередной вираж и громко что-то пророкотал на неведомом мне языке. Сказывали старики в селении, что некоторым дар от рождения положен зверье понимать. Эх, мне бы его, я бы спросила у орла-попутчика, куда мне брести дальше.

Идти в Трайту решила случайно. Как узнала, что отец жениха мне нашел, да сосватать хочет, так и надумала, что сбегу. Не по мне дома сидеть, да мужу угождать. Пусть и говорят, что так положено, а я не верю. Нельзя за нелюбимого идти — все несчастья от этого одного. Почему все бабы в нашей деревне так страдают, что мужья их гоняют, поколачивают, бывает, да и шибко не балуют? От того же. Всех принято по сговору замуж отдавать, против воли, не спрашивая.

А я не хочу. Сидеть с малыми детьми, да у печи гнуться не по мне. Если уж судьбу свою искать, так не в хате соседкой. Мир, сказывают, велик, синими водами разорван на части. И не видно конца и края тем водам, нет им границ. Сказывают еще, морями те воды называют. А мне бы хоть разок такое море увидеть, хоть соли его глотнуть и знать, что не врали скоморохи заезжие.

Отец все твердил, что и так засиделась в девках, что слишком уж стара, чтобы капризничать да перебирать. Оно и то правда. Мне уж восемнадцать на прошлой неделе стукнуло, а я все еще не пристроена. Вон сестренка моя старшая в четырнадцать замуж выскочила, да и троих уж родить успела. Сидит теперь в зажиточном доме, да люльку качает. Видать и горя ей мало, считает, что все удалось, все свершилось в жизни.

А я не хочу! Не стану за нелюбимого идти. Хоть из дома уйду, но не стану!

И ушла ведь. Так и решила пару дней назад, из дома тайком сбегаючи. Жениха-то мне и неплохого нашли — работающий, зажиточный, косая сажень в плечах. Правда, старше уж на

пятнадцать лет. Да разве ж кто другой на меня перестарку посмотрит? Одно только вот в нем не ладно было. Трех жен он уже схоронить успел. В деревне поговаривали, что всех забивал до смерти. Хоть и не верили люди, а боязно мне стало. Не хочу во цвете лет от побоев сгинуть. Уж лучше где-то в пути затеряться.

Куда идти — я не ведала. Мир мой за околицей кончался, а дальше — дороги пыльные нехоженые. Лишь знала, что рядом с деревней нашей, Растопшей, путь в Трайту — столицу нашу — пролегает. Как-то в детстве отец меня с собой на ярмарку возил, вот в память и врезалось. Трайта — город большой, людной. Там затеряться легко. Никто меня найти не сможет, даже если долго-долго искать будет.

Я еще раз посмотрела на своего крылатого спутника и потянулась за мешком. Ох, и тяжеленный, он, сволочь, оказался после отдыха!

С кряхтением, набросила его на плечи и побрела дальше. Вот доберусь до леса, там и отдохну под сенью деревьев раскидистых, да на травке мягенькой. Здешняя степь-то лесами перемежается лишь изредка. Выжжена вся до самой голой земли. Трава сухая, колючая — не полежишь на ней, только спину исколешь да оцарапаешься.

— Ну, веди меня, дружок мой, — шепнула я, обращаясь к далекому орлу. Тот не ответил ни звуком и лишь зашел на новый виток в пронзительно-голубом небе.

Я невесело усмехнулась и зашагала по жесткой траве. Эх, только бы не упасть, не встану ведь потом, устала — сил нет.

Лес был густым, приветливым, прохладным. Солнечные лучики играли в листьях и отдавали свою силу тянущимся к небу растениям. Птички весело напевали свои песенки и радостно порхали с веточки на веточку. Белки сновали по стволам, прыгали туда-сюда и ничуть не боялись забравшейся в их владение путницы.

Мне понравилось здесь. От леса исходил какой-то особый дух. Словно, принял он меня как родную, встретил и предложил свой покров. Не боялась я ничего. Дождь вдруг пойдет — под ветвями еловыми спрячусь. Лихие люди объявятся — найду укрытие в густых кронах. Лазанью по деревьям с детства обучена. А зверья лесного я и подавно не боюсь. Не страшат они меня нисколечко. Сколько помню себя, всю жизнь с животными словно с кровными братьями общалась. Слушались они меня, подчинялись, даже помогали.

В детстве помню, забрела я в чашу лесную. Далеко-далеко забрела. Дитем была несмышленным, ничего про опасности знать не знала. Шла и шла себе по лесу, не думала ни о чем. Знай только песенку под нос напевала, да ягоды в лукошко складывала. И тут откуда не возьмись приятель-серый волк из кустов выскочил. Посмотрел на меня, зарычал, а потом подошел и прямо в лоб лизнул. Я даже испугаться не успела, а волк уж убежал.

Когда нашли меня, все рассказала. Родители ничего про то не знали и решили, что просто зверь ребенка пожалел, есть не стал. У животных, у них ведь тоже сердце есть, рассудили они. А старые люди только головами покачали, да намекнули, что странная я, не такая как остальные, что придется понять моим родным, что сила во мне таится какая-то. Поговорили-поговорили, да и забыли про тот случай. Только я одна с той поры и узнала, что могу зверье приручать, да защиту у него искать.

Сон быстро пришел. Только я улеглась на траву, как сразу веки потяжелели, а по телу томная нега проплась. Устала я, ой, как устала...

Говорят, везет как зайцу на перелазе.

Так это про меня. Вот скажите, люди добрые, кто из вас по лесу в глухих местах бродит? Правильно, нет таких. А, если и есть, так то все народ лихой, кто поживы за чужой счет ищет.

Вот думала, лягу, отдохну, никто тревожить не станет. Нет, ну кто в глухом лесу объявится? Разбойники, они в местах живых обитают, не в самой чаще, а опричь лесных дорог. Бродяги? Да кроме меня тут нету таких. А ко мне вряд ли кто сунется. Вид у меня такой, что детей пугать можно!

В общем, проснулась я от негромких звуков. Сквозь закрытые веки слышала, как кто-то прошелся рядом, в двух шагах, сел и закричал.

Что же мне делать? Проснуться или притворяться дальше? Может, этот кто-то и уйдет? А если нет? А если он мой мешок распотрошить надумал?

Я осторожно приоткрыла один глаз и сквозь ресницы посмотрела на пришельца. Им оказался молодой мужчина, сидящий спиной ко мне.

Почему я решила, что молодой? Да просто волос у него темный, ни грамма седины нет. Старик этим уж не похвастается. Конечно, седина она у кого в двадцать выскочит, а у кого и в пятьдесят не видать. Только вот человек этот уж больно на молодого смахивает — и спину ровно держит, и одет не по-стариковски.

Я просунула руку под полу своей куртки, стараясь не шуметь. Только бы не зашуршало! Там у меня нож припрятан на случай таких вот гостей. Оружием я отродясь не владела, а вот короткий нож у отца свиснула, когда бежала.

Нащупать рукоять удалось сразу. Только вот достать не вышло. И угораздило же меня его в самый дальний карман положить! Куртка предательски зашуршала.

Сидящий мужчина резко оглянулся. Я отпрянула назад и застыла, сидя на траве.

Он посмотрел на меня с некоторым пренебрежением и усмехнулся:

— Ну что, выпалась?

Я с недоверием покосилась и мотнула головой:

— Ты кто такой будешь?

Его светлые глаза затянулись пеленой, а красиво очерченный рот искривился в лукавой улыбке. Мужчина развернулся и сел поудобнее. Так, чтоб полностью меня рассмотреть.

— И чего неласковая такая? — спросил он. — Я тут сторожил тебя, думал, чтоб в обиду никому не дать, а ты злишься.

— А я не просила тебя тут караул нести! — снова огрызнулась я и отползла еще дальше. — Или ты ко всем путникам так подкрадываешься и сторожишь, а?

Он тряхнул головой, откинул назад свои темные кудри и хмыкнул что-то о глупых бабах.

— Охотник я здешний, — наконец произнес он вслух. — Шел дичи пострелять и на тебя наткнулся. Дай, думаю, спрошу, кто это в моих лесах обосновался.

— Так уж и в твоих? — язвительно пропела я.

— В моих, — серьезно заявил охотник. — Здесь село есть, Подлесьем зовется. Вот я оттуда.

Я мысленно ругнулась на саму себя. Ведь слышала же о селе этом. Знала, что в лесу оно стоит! Сколько раз отец мне говорил, что живут люди особенные — те, кто с природой говорить может, как с человеком, кто самый шум ветра понимает и ответить знает как.

— Значит, ты из ведунов? — спросила я у мужчины.

Он пожал плечами в ответ.

— Сам не ведун. Охотник я, ведунами дед с бабкой были. Ты сама-то кто? Звать тебя как?

Я села, выпрямилась и шмыгнула носом. Даже как-то стыдно стало, что повела себя так глупо. Надо теперь хоть постараться выглядеть достойно перед ним, а то уж совсем душой почитает.

— Из Растопши я иду, — отозвалась, стараясь казаться более значительной. — А зовут меня Вельма.

Мужчина улыбнулся и протянул руку. Я с недоверием пожалала ее.

— Да не трясись ты, — рассмеялся он. — Меня Арьяром зовут. Куда путь держишь, Вельма?

— В Трайту.

— В Трайту? — он даже присвистнул, оглядев меня с ног до головы. — А отец-то знает?

Я вспыхнула. Вскочив с земли, вытянулась перед ним в нитку и громко ответила:

— А тебе какое дело? Знает. По делам я туда иду.

Гордо вскинув подбородок, отвернулась и сложила руки на груди. Сначала подкрадывается незаметно, потом пугает, еще и вопросы задает! Хороши же охотники пошли!

— Ну, я так спросил, для шутки, — улыбнулся Арьяр. — Неважно мне, будь ты хоть беглой каторжницей. А спрашивать кто будет — не скажу, что сбежала из дома.

— Да... — я даже не знала, что ответить. Выдала себя с потрохами и все! Вот дура деревенская! Осторожней надо быть.

— Ну что, идем что ли в Подлесье? — предложил Арьяр. — Отдохнуть тебе надо, вон устало как выглядишь.

В ответ я только кивнула.

Мы шли с моим странным спутником звериными тропами, известными только ему. Арьяр вел меня через чащу уверенно. Он ни разу не оглянулся, не сверился ни с какими приметам и ничуть не засомневался в своих наблюдениях.

Во всем облике этого человека мне виделась какая-то уверенность и твердость. Схожее чувство ощущаешь, когда видишь вековое дерево, вросшее корнями глубоко в землю. Кажется, что оно настолько крепко вцепилось в почву, что уже ничто на свете не заставит его покинуть насиженное место. словно древние силы охраняют его и помогают держаться в земле.

Те же древние силы должны хранить и ведунов. Этот особый народ живет отдельно ото всех. Они кроются в чаще, не желая открывать своих тайн пришельцам. Ведуны испокон века были полны загадок. Те, кого мне доводилось видеть в нашем селении, лишь странники, покинувшие родные места. Остальные же ведуны редко оставляли родное место силы.

Я начала отставать от Арьяра. Его широкий мужской шаг равнялся трем моим. Еще и мешок за плечами здорово тормозил. Стоило мужчине шагнуть чуть быстрее, я оказывалась где-то позади.

— Тяжело? — неожиданно обернулся он, когда я остановилась поправить ношу за спиной.

— Ага, — кивнула в ответ.

— Давай.

Одной рукой он ловко ухватил мешок, который я не могла нормально утащить и двумя, и закинул на плечо.

Вот это силища! Я чуть рот не открыла от удивления. Хотя, с такими-то плечищами и таким ростом неудивительно. Вон он какой здоровый! А я что? Тощая девица невысокого роста. Сколько раз мне мать говаривала, что я замуж из-за этого и не выхожу. В нашем-то селении девки ценились крепкие, справные, такие, чтоб кровь с молоком. А я? Не в коня корм, как говорится. Сколько мать со мной не билась, ничего не могла поделывать. Я так и оставалась худой, бледной, с густой рыжей косищей. Даже к знахарке меня водили, мол, что делать, коли девица никак в тело войти не может. А та ручками развела — знать такой и будет, говорит. Вот и засиделась я в девках. И не смотрел никто — не нравилась.

— Спасибо, — поблагодарила я мужчину, взявшего мою ношу себе.

— Аааа, — махнул он рукой. — На тебя ж смотреть страшно, переломишься еще.

В другой раз я бы обиделась, но не сейчас. Сейчас благодарна была.

— Долго нам идти еще?

Арьяр указал рукой вперед.

— Видишь, там заросли терновника? Вот минуем их и до села рукой подать. Там и дома увидишь, и стену нашу.

— Далеко вы забрались.

— А ты как думала? Это тебе не ваши людские села, которые на самом ветру стоят. Ведунам места нужны особые, где сила есть. А сила она любит от глаз прятаться, чтоб в руки злые не попасть.

Я перекинула на плечо косу и кое-как стала ее переплетать. Ох, и беда мне с этой гривой. Обрезать бы совсем, да, жалко. Так и мучайся, от ветвей ее отцепляй постоянно.

— А почему же некоторые из вас уходят?

Арьяр оглянулся на меня и сверкнул своими колдовскими глазами.

— Знаешь, Вёльма, мы люди особые. Не все из нас силой владеют. Я хоть и знаю лес, хоть и говорить с ним могу, а вот искусствам тонким не обучен. Есть еще те, кто над настоящей силой властен. Вот те как раз ведуны. Только мало их сейчас. А есть еще и странники. Они-то и уходят из селений родных. Зачем? То лишь им самым понятно. Если уж кто решит странником сделаться, ему и почести и слава достаются. Воины они отчасти — вот и весь сказ.

Я тихонько ступала следом за мужчиной и запоминала каждое его слово. Говорил он понятно, без заумностей особых. Так, что даже я, неученая деревенская девка, понимала все.

Куда уж мне о ведунах знать? У нас все боялись их. Стоило только страннику заявиться в село, как все тут же по дворам прятались. Даже посмотреть не давали. Мол, придет такой и сманит девку со двора. Эх, знал бы мой отец, что я сейчас рядом с таким человеком иду!

Одно лишь покоя мне не давало:

— Арьяр, а почему ты сидел и ждал, пока я проснусь? Зачем тебе я? Пошел бы своей дорогой?

Мужчина остановился и посмотрел мне в глаза. Ох, и страшный же у него взгляд! Так и бегут мурашки по спине. Глаза как омуты. И смотрят так, словно душу насквозь видят. Врет он — как есть ведун.

— Не веришь, что просто так сторожил?

Я отрицательно качнула головой.

— Мы, ведуны, путников всегда приветливо встречаем, — ответил Арьяр. — Нельзя нам людей в лесу бросать. Места здесь опасные для чужаков.

Я неуверенно отступила назад. Слишком уж испугали меня глаза его. Так смотрит, словно сожжет сейчас. Ох, влипла ты, Вельма!

— Так я вроде в лес идти и не собиралась, — постаралась хоть как-то оправдаться. — Так, на опушке прикорнула.

Арьяр мотнул головой, его темные кудри упали на лоб.

— Не обманешь тебя, — усмехнулся он. — Сама не ведунья, часом?

Я молчала.

— Девка ты красивая, — ответил Арьяр. — Жалко такую бросать было.

После этого он развернулся и пошел дальше. Я, совершенно растерявшись, стояла посреди леса и не знала, что делать. Впервые в жизни меня мужик красивой назвал. Раньше-то только шушукались за спиной, да смеялись вслед. А, может, зря я иду за ним вовсе? Может, стоит обратно повернуть? Да только поздно уже, вон мои вещи у него и из лесу сама не выйду. Ох, Вельма, дура ты деревенская!

Вскоре, как и обещал Арьяр, мы подошли к стене селения. Казалось бы, зачем она, если вокруг и так лесная чаща? А вот решили ведуны выстроить себе дополнительную защиту. Чтобы никто наверняка не сумел пробраться к ним. Станные они люди и непонятные. А, может, и не люди вовсе? Кто их разберет?

Я подняла голову и посмотрела на высокий, почти в два человеческих роста, забор. Надо сказать, что когда они его строили, расчет велся явно не в два моих роста. Тут, наверное, человек вроде Арьяра имелся в виду. Высокие крепкие столбы из цельных бревен держали собою плотную стену из такого же дерева. Ворота были легче, а над крепостью возвышалось несколько наблюдательных башенок. Здорово устроились ведуны, ничего не скажешь!

— Эй, часовой! Отворяй! — крикнул Арьяр, остановившись у самых ворот.

Из окна башенки выглянул парнишка лет пятнадцати с натянутым луком в руках.

— Кто пришел? — спросил он сонным хрипловатым голосом.

— Свои, — спокойно ответил Арьяр.

Часовой проморгался и внимательнее посмотрел на нас.

— Это ты-то? Ну и где ж свои?

В ответ Арьяр плюнул и закричал:

— Ах, ты ж, Сенька, паразит! Вот скажу отцу, задаст он тебе! Быстро ворота открой, а то уши так надеру, что на светлейших похож станешь!

Часовой махнул своим светлым чубом и скрылся из виду.

— А ты что ж? — тут же спросила я у Арьяра. — И светлейших видал?

Мужчина усмехнулся и посмотрел на меня, как на наивного ребенка.

— Их уж поди три эпохи никто не видел. А что уши у них длинные, так это все знают.

И то правда! Опять я опростоволосилась и всю свою глупость показала. И перед кем? Перед ведуном, которого с детства преданиям грамоте учили. Сказывали в селении моем, что все они читать и писать с ранних лет приучены, что нет среди них дремучих и безграмотных.

А я-то что? Имя свое написать не смогу, не то что прочесть хоть слово. Ох, защити меня, Ларьян-батюшка, да разума дай.

Сенька пронзительно свистнул и двое молодцов в холщовых небеленых рубахах отворили тяжелые бревенчатые ворота.

— Ты, Арьяр, смотрю, диковинную добычу привел к нам, — засмеялся один, окинув меня взглядом. — И где только нашел такую? Как звать тебя, лисица?

Я невольно вздрогнула, откинула косу за плечо и вздернула кверху подбородок.

— И кто тебя только воспитывал? Где ж это видано, чтоб девице первой представляться?

Парни переглянулись с Арьяром, моим спутником, а после во весь голос расхохотались. Я нерешительно попятилась и густо-густо залилась пунцовой краской, ощущая на коже жар.

— Ишь ты, бедовая какая! — проговорил молодец, отсмеявшись. Видно, братец того, что имя моё спросил — уж больно похожи. — Наверное, набросилась на тебя и едва не искусала?

— Искусать не искусала, но ножом пырнуть собиралась, — отшутился Арьяр.

— И откуда ж такие девки берутся? Ни имени спросить, ни близко подойти.

Он посмотрел на меня и ехидно сощурился.

— А ты свое назови, а после уже меня спрашивай, — стояла на своем я, стараясь не расплакаться от растерянности.

— Ладно, хватит девку пугать, — проговорил Арьяр. — Знакомься, Вельма, это Дар и Амельд. А это Вельма. Она из Растопши в Трайту идет.

Амельд присвистнул и укоризненно покачал головой.

— Видать, неладное что случилось, раз тебя одну отпустили.

Ну вот! Опять! Далось же им мое треклятое «одна». Ну, одна и что ж с того? Разве малс девок в одиночку в города едут? Благородные только и знают, что разъезжать в своих расписных повозках, да женских седлах. А мне, значит, раз рожей не вышла, и по лесу пройти нельзя?

— Что случилось, не твоего ума дело. Раз иду, значит, прок от того есть, — заявила я, начисто согнав с лица непрошенную краску.

— Ох, и норовистая же ты, Вельма. Не повезет кому-то с женкой, — подбоченясь, усмехнулся голубоглазый Дар. — Да и имя у тебя чудное.

— Имя как имя. Меня в честь Вельмы-Огневицы назвали. Слыхал о такой?

Он кивнул.

— А раз слыхал, так глупостей не спрашивай.

Арьяр молча наблюдал за нашей перепалкой и, зная себе, посмеивался. Наконец, надоело ему это. Взял он меня, готовую еще не того братьям наговорить, за локоть и вперед потянул.

— Идем. Хватит языком чесать.

Я неохотно подчинилась ему, бросив пару недобрых взглядов на братьев, посмеивающихся мне вслед. Ничего! Будут знать, какие девки еще бывают. Привыкли небось своими ведуньями помыкать да у печи держать их. Со мной не пройдет — не на ту напали.

Подлесье оказалось гораздо больше, чем я думала. Дома в селе стояли добротные, дубовые, бревнышко к бревнышку выложенные. А уж какие резные узоры на окнах да на дверях! Ни разу таких не видела. Искусные мастера, должно быть, работали. То цветы, то птицы и звери, вырезанные из тонких дощечек, на каждом доме красовались.

Стройные ряды жилищ от площади лучами расходились во все стороны. Аккуратно огороженные дворы чистенькими и ухоженными были. У нас в Растопше, бывало, куда не

зайдешь, кругом, то скарб какой, то клоки сена вокруг всего дома, а то и вовсе навоз конский то тут, то там виднеется. А здесь, в Подлесье, хозяева высоких оград не ставят — все видно. Чисто в дворах ведунов, как будто и не простой люд, а благородные живут.

— С характером ты девка, — обернулся на меня Арьяр. — Вон как Дара и Амельде приложила.

— А ты думал, смолчу?

— Думал, постесняешься. А тебе палец в рот не клади, по локоть откусишь.

— Тебе бы по плечо откусила, — ответила я.

Мой проводник только головой покачал.

— Вот и подумай, сама ты из Растопши ушла, или, выгнали за длинный язык.

— Сама ушла, — буркнула я, разглядывая ближний дом. На двери его вместо узоров был набит красный щит с белой поперечной полосой и головой змея. — А это что у вас? Никак здесь рыцарь живет?

Арьяр мельком взглянул в сторону моей вытянутой руки и кивнул.

— Сван здесь живет. Когда-то в дружине короля Ельнийского воевал, да теперь состарился и на родину подался.

Я хлопнула глазами, и рот от удивления открыла.

— И что же? Настоящий рыцарь? И знак имеет?

— И знак, и щит, и благословение, и право жить в землях ельнийских.

— И сюда вернулся? Обратно в Беларду? — не сдержала вопрос я и от удивления едва не кричала.

Да разве ж слыхано такое, чтоб из далекой Ельнии в Беларду возвращались? Из края, где земля густыми лесами покрыта, а синие воды, что сушу на части рвут, зимой льдом покрываются, из войска знаменитого и обратно к нам? Да и куда — в глушь лесную, в Подлесье. Ох, видать, умом этот Сван не блещет, раз решил податься в эти места.

Издавна же все знают, что король ельнийский всем своим воинам клочок земли и жалование богатое дает. Сказывали в Растопше, что в походах его дальних озолотиться можно и что славой великой себя покрыть. Вон сын соседа нашего два года как в Ельнию подался. Взял его оруженосцем человек благородный и со времен воином сделать обещал. Эх, повезло парню, заметил его проезжий гость.

Вот я не я буду, если доведется мне в Ельнию попасть и назад вернуться. Уж что-что, а в Беларду назад не вернусь.

— Тише ты! — шикнул Арьяр. — Разоралась тут. Еще чего доброго Сван услышит, а он шибко не любит прошлое вспоминать.

Я только плечами пожала и снова осматриваться начала.

Люди, встречавшиеся нам на пути, любопытно, но без злобы смотрели на меня. Видом ничуть от наших, растопшинских, не отличались. Разве что повыше немного, да и то почти незаметно.

— Не отставай, Вельма, — поторопил меня, засмотревшуюся, Арьяр. — Успеешь еще налюбоваться.

Легко ему говорить! А я, может, всю жизнь только село родное и видела. И ничего больше.

Мир он, вон какой большой, оказывается! Такой, что встать на вершину холма, раскинуть руки, закричать и голос твой далеко-далеко унесется и конца и края его пути не будет. И ведь, сколько не смотри, все равно не увидишь места, где земля обрывается. А я же

только-только глаза от земли отрывать начала, только-только раскрыла их да протерла после сна многолетнего.

— И куда мы идем? — спросила я, когда изрядную часть Подлесья миновали.

Впереди уж площадь с колоколом тревожным виднеется, а мы все идем и идем.

— В мой дом, — ответил охотник. — Отдохнешь денек, а после обратно в путь отправишься.

Я с недоверием покосилась на него.

— И чего это ты добрый такой? Чужого человека в дом готов запросто ввести.

— Не дело тебя бросать.

Хотела я еще что-то ответить, да тут ветерок подул и от ближайшего дома теплым хлебным духом повеяло. Где-то внутри загрохотал пустой живот, и невольно вспомнилось, что еду в последний раз еще в отцовском доме видела. Может, оно и неправильно к чужому в дом идти, опасно, но мне бы поесть и поспать. А там уж и снова в путь можно. Раз уж ушла в странствия, перебирать нечего.

Дом Арьяра стоял в стороне. В самом конце улицы-луча, у стены крепостной. Небольшой, но ладный, сложенный из потемневших от времени бревен.

Охотник открыл дверь и впустил меня первую, мол, девица все ж таки. Оказавшись внутри, я сразу ощутила теплый аромат свежего хлеба и жареной картошки. От запахов желудок окончательно скрутился в тугий узел, причиняя боль.

— Арьяр, вернулся?

Из-за печи появилась высокая статная женщина с убранными назад косами, в которых виднелись посеребренные пряди. Лицо ее, еще не старое, но уже подернутое сеткой морщин, что выступают не столько от прожитых лет, сколько от пережитого горя.

Увидев меня, она остановилась и удивленно выгнула приподнятые точь-в-точь как у Арьяра брови.

— Кто это с тобой? — голос прозвучал строго и чуть недовольно.

— Это гостья наша, Вёльма. Она из Растопши в Трайту идет.

Женщина внимательно осмотрела меня с ног до головы, после будто бы что-то сказала себе под нос и согласно прикрыла глаза.

— Это Заряна, моя мать.

Я тут же поспешила склониться перед хозяйкой дома. Коса свалилась со спины и ударила меня по щеке.

— Прошу простить меня, матушка, — проговорила я, откидывая ее назад. — Если позволите, останусь в вашем доме, а не позволите, сразу уйду.

Заряна жестко усмехнулась и кивнула в сторону Арьяра:

— Он здесь хозяин, у него и проси.

После развернулась и ушла в другую комнату.

Я растерянно посмотрела на Арьяра. Тот только бросил мой мешок на скамью у стены и проговорил:

— Входи.

Говорят, тяжело спится в чужом доме да на чужой перине. Врут люди. Если в пути пешем долгие часы провел, уснешь, хоть и на твердой скамье.

Заряна, по всему видно, гостей принимать не хотела. Арьяру, как старшему в доме, подчинилась, но со мной едва ли словом обмолвилась. Разве что за стол пригласила, да в бане объяснила, где что лежит. Глаза ее о недовольстве говорили, мол, чего пришла, в дом чужой и не стыдно ли тебе, лисица рыжая, под моим кровом есть и пить.

А мне и не стыдно было. Я еще хозяйку за еду поблагодарила и попыталась помочь стол накрыть. Заряна посмотрела на меня, как на зверя лютого, и отрицательно головой качнула. Арьяр тоже ничего не сказал, только глазами одними показал, что, мол, сядь, не дергайся.

Вечером, когда я выкупалась, высушила волосы, снова в косу сплела и переделалась в чистое, вышла во двор. Арьяр сидел на скамье и чистил оружие. Увидев меня, поднял глаза и улыбнулся.

Разговорились мы, и узнала я, что Заряна прошлой весной мужа, отца Арьяра, схоронила. С тех пор стала нелюдимою и неразговорчивой. Сын ее, получив место главы дома, все заботы на себя взял. Заряна, хоть и не соглашалась с ним, но и не перечила открыто. Сил на споры у нее не было. Есть еще младший, Милан, мальчишка лет десяти. Того дома не застанешь — все где-то с дружками бегает. Я его лишь вечером и увидела. Рослый, жилистый, руки все в царапинах, а глаза молодые да хитрые. Ох, и вырастет же Заряне забота.

Ночь на Подлесье легла темным покрывалом, рассыпав на небе звезды-зерна. Помню, слышала я еще девчонкой сказание деда Талимира о небесной птахе. Говорил он, что летает она высоко, до самого солнышко. Крылья ее из легкого невесомого пера и сторают, светила коснувшись. Потому спит птаха весь день, а как солнце садится, на крыло поднимается. Облетает за ночь весь мир и склевывает волшебные зерна-звезды. До рассвета все до единого съедает и снова отправляется отдыхать. Еще птаха дождя боится, чтобы не промокли крылья ее воздушные, потому в плохую погоду сидит в своем гнезде и клюва наружу не кажет.

Много лет прошло с тех пор. Деда Талимира уже и в живых нет, а сказ его все еще помню.

Спала я в свободной комнате. Мне, как гостье, место почетное отвели. Сон навалился на меня тяжелым неснимаемым панцирем, и не пробудилась я, пока птаха все звезды не склевала, оставляя место солнышку.

Увидев утро за окном, я оделась быстренько и выскочила во двор. Прохладная роса обожгла ноги и заставила идти быстрее.

Хозяева дома уже проснулись и занимались своими делами. Заряна хлопотала у печи, Арьяр во дворе возился, а Милан помогал ему с таким кислым видом, будто щавля наелся.

Я тихо прошла вперед, стараясь держаться у бревенчатой стены, чтобы остаться незамеченной. Притаилась у поленницы и стала наблюдать за Арьяром и его братом.

Старший, одетый в старую посеревшую рубаху, поправлял покосившийся за домом забор. Милан, выполнял работу подручного — то колья поддерживал, то инструмент подавал.

В воздухе разносился густой запах горького дыма, разносимого утренним ветерком откуда-то из центра селения. Совсем неподалеку залаяла собака. Глухо, громко и очень недовольно. Может, нерадивый хозяин запамятовал вовремя ее покормить, а, может, мимо сонного пса проскочила плутовка-кошка. Услышав недовольство своего собрата, лай

подхватили другие собаки и дружно залились на все Подлесье.

Лай собачий я всегда понимать могла. Знала, как зверь на своем языке говорит. Ни слова не понимала, а чувствовала, о чем речь ведет — больно ли ему, грустно ли, истосковался ли по хозяину, или, от голода живот свело.

Подумав о том, что в селе есть несколько голодных собак, я и сама решила, что не прочь перекусить. Только вот как? Заряна вон и смотреть на меня не хочет. Вряд ли есть позовет, а уж про то, чтоб в дорогу мне чего дать, так и речи не идет. Уходить мне пора. Сейчас вот в дом вернусь, мешок свой соберу и снова в путь.

Твердо задумав уйти, я вздохнула, и собралась было тихонько скрыться. Да тут роса утренняя со мной шутку злую сыграла. Только-только ступила я босой ногой на траву, так мир перед глазами и завертелся. Земля и небо мелькнули в миг передо мной, и растянулась я во весь свой невеликий рост аккурат на траву мокрую.

И ладно бы сама упала, так еще задумала руками за поленницу ухватиться. Диво, что дрова не на меня полетели, а то не сносить мне, неумехе, головы.

В глазах от удара помутилось. Небо черной сеткой затянуло, а во всем теле ухнуло глухой болью. Застонала я в голос, да глаза прикрыла.

Потом Арьяр с Миланом подскочили, стали меня на ноги поднимать.

— И как же тебя только угораздило? — спросил Охотник, внимательно осматривая мою голову.

Я только вздохнула шумно. Ударилась так, что слезы по лицу катились.

— На траве поскользнулась, — ответила негромко.

Арьяр посмотрел на поленницу и покачал головой.

— И чего ты туда полезла?

Я хотела быстро что-то придумать, соврать, да так и не смогла. Видно удар все мысли из головы моей дурной разогнал.

— К знахарке ей надо, — вставил Милан, покосившись на меня. — Вдруг чего перебила?

— Не пойду к знахарке, — тут же ответила я. — Мне в путь пора.

Ох, кажется, прав малец — и руку-то я сильно ушибла, и спину тянет, и на затылке, видать, кожу свезла, вон как жжет. И понесло же меня к этой поленнице, чтоб ее в Изнанку!

— Вёльма, не дури. Куда тебе в путь, если встать не можешь?

Я хотела было ответить, что могу, но в голове как завертелось...

— Оооох, — выдохнула только.

— Милан, беги за матерью.

— Не надо...

— Молчи, Вёльма, — проговорил Арьяр, поднимая меня на руки, — Сказано, девки-дуры...

Возражать я не стала. Дура и есть, чего уж там.

А вот к знахарке не пойду и все тут. Стыдно сказать, а ведь с детства не люблю их, травниц этих. Всегда они косо на меня смотрели да слова страшные говорили. Мол, сила в тебе темная, простым людям недоступная, не смогут они твоей сути принять, сторониться будут. И не деться мне было никуда от этих намеков и слов злых.

Какая же во мне сила темная? Да я и обычной-то не имею. Говорил отец, правда, что прабабка его жрицей ушедшей богини была, чарами владела да духов вызывать могла. Только то давно было. А я что? Девка глупая, ничему не обученная. Нет во мне сил никаких.

Внес меня Арьяр в горницу, на лавку усадил, велел не двигаться. Заряна сразу же заохала, захопотала вокруг меня. Стала мокрую тряпицу ко лбу прикладывать. Милана за знахаркой послали, а он и рад был уйти — не на меня же смотреть.

Сколько времени прошло, не скажу, только мне лучше стало. Боль утихать стала, взор прояснился, только рука заныла с новой силой.

— И как же ты так упала? — вздохнула Заряна, разочарованно глядя на меня серыми тусклыми глазами.

Сразу ясно, что падение мое ей поперек горла. Вдруг, чего приключится и тогда придется хозяйке незваную гостью терпеть в доме своем.

А я что? Уйти бы рада, да не могу!

— А Вёльма на месте не усидела, вот и схлопотала за это, — усмехнулся Арьяр. Видать понял, чего к поленнице полезла.

А я вот краснеть не стану. Любая девка на моем месте не поленилась по росе пройтись да притаиться, чтоб за Арьяром понаблюдать. Другая бы еще и разговор завела да предложила рубаху заштопать. Это я, неумеха, с иглой да котелком не дружу, а иные везде мастерицы.

Ох, как голова гудит... от боли да переживаний время нитью бесконечной тянется. Идешь, мнится, за клубком, а он все не кончается, тянется и тянется окаянный.

В глазах то кружилось, то снова останавливалось. Если бы не мокрая тряпка Заряны, лежать бы мне бездыханной. А так по лицу капли текут — липко, противно, медленно — прямо в чувство и приводят.

Милан шустрым оказался, быстро справился. Привел за собой знахарку. Вошла она и будто чистым духом повеяло.

Есть люди будто сияют изнутри. Смотришь на иных, а вокруг мир и добро разливается, как лучи от солнышка теплого. То ли я это вижу, то ли мнится, то ли так и есть оно.

Одетая в свободное, расшитое красными нитками по подолу, рукавам и вороту, льняное платье. Волосы цвета вороньего крыла свободными прядями струятся по спине, придерживаемые лишь простеньким ободом. На шее знахарки висел амулет со странным, неизвестным мне, символом.

Взглянув на меня, женщина улыбнулась и положила на лоб ладонь. От руки ее тепло живительное пошло, и я прикрыла глаза, ощущая, как затихает боль.

— Упала она, говорите? — быстро спросила знахарка.

Арьяр в двух словах объяснил, что случилось. Женщина покачала головой и поцокала языком.

— Ты поможешь, Ясна?

Знахарка быстро оглянулась на него, сверкнув бездонно-синими молодыми глазами. Лишь тонкая чуть наметившаяся паутинка морщин у глаз говорила об истинном возрасте травницы.

— Помогу.

Потом резко кивнула Заряне.

— Выйдите все.

Хозяйка хотела было сказать слово, но знахарка только рукой на дверь указала. Властно так, будто княгиня, а не баба деревенская.

Дождавшись, пока хозяева дома дверь закроют, Ясна обернулась на меня и, чуть улыбнувшись, проговорила:

— Не думала, что такую диковинку в нашей глуши увижу.

Я возразить что-то хотела, но голова вмиг так закружилась, что только охнула и набок завалилась.

Ясна поддержала меня, помогла лечь на лавку. Быстренько порылась в своей сумке и достала какой-то корешок. А после велела мне не двигать и слова не говорить. Зашептала что-то, шевеля одними только губами, быстро-быстро повторяя слова. Корешок в руках помяла, согнула, да лбу моему провела.

Ощутила я, будто оцарапало колючей веткой. Неприятно так обожгло, а после заохлоло. После Ясна стала надо мной руками водить, будто бы с головы что-то невидимое стряхивала и прочь отбрасывала.

И тут мне легче стало. Боль как по кускам разбилась, разлетелась по осколочкам и в стороны ссыпалась.

Знахарка отодвинулась в сторону и пот со лба утерла.

— Ну все, — сказала она. — Теперь полежишь пару дней, и все как рукой снимет. Я еще травы оставлю, чтоб отвар пила. А на кисть мы лубок сделаем — вывихнула ты ее.

— Спасибо тебе, Ясна, — ответила я, поднимаясь.

Женщина села рядом.

— Это долг мой, предками завещанный, людям помогать, — ее глаза посмотрели пронзительно, будто насквозь. — Скажи лучше, как ты в наши места забрела?

— В Трайту я шла, а по пути Арьяра встретила. Он и пригласил отдохнуть в дороге.

— Знать, боги тебя прислали, — чуть улыбнулась Ясна. — Вижу, в силу ты еще не вошла.

Я недоуменно посмотрела на травницу и хлопнула глазами.

— В какую такую силу?

— В ту, что невредимой тебе сюда дойти позволила, — ответила ведунья. — Не будь ее, загрызли бы волки у первого же дерева.

— Не боюсь я волков! Они в жизнь меня не тронут.

— Твоя правда — простые волки не тронут.

Я собралась развести руками, да боль в правой не позволила.

— Разве ж мудреные бывают?

Знахарка усмехнулась и откинула назад, отливающую синевой, прядь шелковых волос.

— Ну хоть мудреными называй. Вижу, ты знать ничего о самой себе не знаешь.

Хотела я сказать, что все знаю. Что из дома сбежала, что ушиблась сильно и что сидеть мне теперь в Подлесье, пока рука не заживет, и косые взгляды Заряны терпеть. Но не стала. Мне ли, дуре неграмотной, со знахаркой-ведуньей спорить?

— Ты вот что, — продолжила Ясна, выкладывая из своей холщовой сумки снадобья. — Приходи ко мне, как отлежишься. Дорогу к дому моей здесь любой покажет.

— Зачем это?

Ясна сощурилась:

— А много спрашивать будешь, вовсе ничего не скажу. Приходи и все.

Заряна, хоть и косилась на меня, но отвар Ясны по всем правилам заварила, и выпить всю чашу заставила. Я и кривилась, и морщилась, и чуть не плевалась — горечь та еще оказалась — а все же пила.

Рука настойчиво ныла, обложенная какими-то мазями и кореньями. Знахарка говорила,

что первые боль снимают, а вторые хворь оттягивают и опухнуть не дают. Не знаю я про хворь, а ноет знатно. И не повернуться с лубком, и не почесаться как следует.

День клонился к вечеру, когда я поняла, что лежать и смотреть в потолок невозможно. Ясна вроде бы заговоры свои надо мной читала, чего-то руками водила. Видать, сильная она ведунья. Авось ничего не случится, если встану.

Аккуратно, стараясь не тревожить больную руку, я приподнялась на локте и села. Волосы, вольно растрепавшиеся из косы, вились по моим плечам рыжими змеями. Собрать их нет резона с одной-то рукой.

За окном виделись последние лучи заката. Эх, хорошо, наверное, там. Свежо, сверчки затянули свои песни, а в воздухе витает тот самый волшебный дух вечера. Часы заката самые любимые. В них таится какая-то древняя волшебба, неуловимое и немислимое что-то. Мнится, выйдешь за порог, а там чудеса, сказания. Ну как в такой вечер сидеть взаперти?

Голова закружилась, и я минуточку помедлила, собираясь с силами. После уперлась рукой и встала.

— И чего удумала? — раздался голос Заряны.

Я подняла голову, сдула с лица непокорную прядь и вздохнула.

— Ясна лежать два дня велела, — твердо произнесла хозяйка. — Не хватало мне еще с тобой потом возиться, вдруг приключится что.

Она стояла в дверях, держа подмышкой подушку, и смотрела на меня совсем недобро.

Я выпрямилась, и по привычке чуть было не уперла руки в бока.

— А, думаете, мне тут по нраву лежать? Да я бы уже на полпути в Трайту была.

— И кто же держит? — не отступала Заряна. — На себя-то посмотри! Куда тебе в Трайту? Или, думаешь, там своих калек мало?

Я вспыхнула. Это я-то калека? Да как... Да кто... Да как она вообще может!

— Ты вот что, девка, — Заряна решительно шагнула ко мне, бросила подушку на кровать, а после взяла за плечи. — Не дури, ложись давай.

— Не могу я дольше лежать!

Заряна удивленно посмотрела на меня, сдвинула черные соболиные брови и чуть назад подалась.

— И кто ж тебя воспитывал только? Хозяйке дома и знахарке перечить?

— Не перечу я вам. Просто мочи нет лежать, на воздух хочу выйти, прохладыдохнуть.

Заряна о чем-то подумала, внимательно разглядывая меня, а после усмехнулась.

— Идти-то сможешь, горемычная?

Я кивнула.

— Негоже бы тебе растрепанной идти, — покачала головой женщина. — Давай, косу что ли заплету.

Пальцы у Заряны были ловкие и быстрые. Мою гриву она вмиг расчесала и аккуратно сплела. Обе мы не слишком рады были такой работе, но обе и стерпели.

Сказано, бывают люди, которых и не знаешь, а уж лучше бы и не знал. Вот со мной так. Не знала я Заряну и знать не хотела бы. Не любит она меня, а я ее. За что — сама не скажу.

Заплела хозяйка мне косу и пошли мы на двор. Я первая, она позади, чтобы в случай чего не дать мне свалиться. Мнилось мне, что будь Заряна змеем крылатым, сожрала бы меня с косточками, да даже б не жарила. Так и чую, как смотрит в спину ненавидящим взором... И чего я ей не по душе?

Еще в сеньях услышала я печальный голос флейты. С улицы долетал он, нежный и ласковый. И на душе от него так грустно и легко становилось, будто взмахнешь руками и полетишь.

Свежий вечерний воздух сразу ударил в голову. Я схватилась за перила, чтобы не упасть.

— Чего с тобой? Давай назад отведу, — всполошилась Заряна.

— Нет, — мотнула головой я.

Она громко чмыкнула и махнула рукой. Чего с девкой упрямой спорить?

Через минут головокружение прошло, и я ощутила запах дыма. Вечерами часто зажигают костры. Люди собираются вокруг них, чтобы поговорить, вспомнить былое, обсудить грядущее, отдать дань предкам.

Огонь всегда объединяет своим теплом, собирает вокруг себя, дарит защиту и завораживает. Подумать страшно, как бы жили мы, не зная цвета пламени. Оно — та же жизнь наравне с водой. Без огня человек погибнет от холода и страха. Огонь несет спасение и опасность и всегда, неизменно на протяжении веков, собирает всех подле себя. Таков уж обычай в Беларде с давних пор.

— Дымом пахнет, — протянула я, чуть подавшись в сторону, откуда доносился запах. — Где интересно?

— А, это, видать, у Немира охотники собрались, — ответила Заряна. — Она завсегда перед походом в лес собираются.

— Что и Арьяр с ними?

— А как же иначе? — усмехнулась женщина. — Разве ты не знаешь, что все должны на совет приходиться? Или у вас в Растопше и охотников нет?

Я закусила губу и вмиг ощутила какую-то обиду за свое родное село. Мужики у нас охотились и охотились хорошо. Только вот настоящих охотников среди них не было и делали они то ради своего развлечения, или, чтоб заезжих господ порадовать.

Нет, ну сами посудите. До лесов нам еще ехать надо. Село стоит возле торгового тракта и раз в неделю там ярмарки проводятся. Само собой разумеется, что жители торговлей заняты, а все нужное им привозят. Да и в достатке мы живем, ни в чем остро не нуждаемся. Зачем нам лишний раз рисковать, да на охоту идти?

Только вот в сравнении с ведунами мы какими-то другими что ли кажемся.

— Мало у нас охотников, — отмахнулась я и тут же решила перевести разговор. — А что, у них поход намечается?

Заряна кивнула.

— Молодые завтра на рассвете уходят и Арьяр с ними. Есть у них домик в лесу, вот там и живут по несколько дней.

При мысли, что Арьяр уйдет и оставит меня вместе со своей матерью, я как-то сникла. Это при нем Заряна боится открыто против выступать, а без него как бы и из дому меня не выгнала. Надеяться буду, что побоится.

— И куда это ты собралась? — спросила она, грозно сдвинув брови в переносице.

Я, уже сделавшая, несколько уверенных шагов к калитке, замерла на месте.

— Выйти на улицу. Посмотреть...

— На что смотреть?

Я невинно пожала плечами.

— На охотников.

Заряна всплеснула руками.

— И где ж это видано, чтоб девка в мужские дела совалась?

— Так я соваться не буду, просто посижу рядышком и все.

Заряна посмотрела на меня, как на выжившую из ума.

— Брось, Вёльма, иди в дом и спать ложись. Подышала воздухом и будет.

Она шагнула ко мне и собралась взять за руку, но я резко отступила, подивившись отсутствию головокружения.

Заряна разочарованно качнула головой.

— Ну и иди, твое дело. Не буду же я по пятам бежать.

Развернулась и ушла в дом.

Я, обрадованная внезапной свободой, улыбнулась и, забыв обо всех проблемах, направилась за калитку, куда манили аромат костра и флейта.

Улицы у ведунов не широкие, как в Растопше. Здесь нет нужды освобождать дорогу для бесконечных телег и обозов. Местные редко провозят большую поклажу. Разве что кто-то на лошади проедет иной раз, да и лошадей я как-то особо не видела в Подлесье.

Пройдясь немного по улице в сторону дымка, что вился от одного из дворов(совсем недалеко, кстати), я услышала смех и мужские голоса. Так вот, значит, где этот Немир живет.

Оттуда же звучала и флейта. Неужто кто-то из охотников играть обучен? Или пастушка в свою компанию позвали?

Только-только я к воротам приблизилась, как почти у самого носа распахнулись они и навстречу мне высыпали десятка два мужиков. Первыми среди них вышли двое мальчишек лет десяти, у одного из них как раз флейта и была.

— Гляди-ка, Арьяр, это ж твоя гостья, — ткнул в меня пальцем давешний знакомый Амельд.

Охотник, вышедший из-за спины могучего кряжистого старика, с удивлением на меня посмотрел и сдвинул брови. Точь-в-точь как Заряна.

— Ты чего здесь делаешь, Вёльма? — спросил он.

Я как-то сразу потупилась и неловко кивнула в сторону ворот.

— А я на воздух вышла, слышу флейта. Дай, думаю, пойду, послушаю.

Несколько мужчин остановились и стали с интересом наблюдать за нашим разговором. По их лицам было видно, что кому-то просто захотелось потешиться над глупой девкой.

— И чего же не вошла? — спросил Амельд.

— А не успела. Вы раньше появились.

— И правильно, — проскрипел старик. — Нечего девкам на мужском совете делать.

Он подошел ко мне и внимательно всмотрелся в лицо.

— Откуда взялась? Я тебя в Подлесье не видел.

— Из Растопши я, — голос дрогнул. Отчего-то этот человек внушал страх.

— Из Растопши? Бывал пару раз. Торговка, стало быть?

— Отец торгует.

Старик снова оценил меня взглядом и будто бы разочаровался.

— На ведунью ты похожа, да только силы в тебе мало.

Сказал и ушел. А я осталась стоять, как будто меня ушатом холодной воды облили.

— Понравилась ты Свану, — негромко проговорил Арьяр.

— Свану? Тому самому?

— Ему-ему. На иных чужаков он и не смотрит.

Я обернулась.

— Так что же? Это тот самый Сван, что в Ельнии служил?

Арьяр улыбнулся краешками губ.

— И что тебе, Вёльма, все по сотне раз повторять требуется?

Я хотела выпрямиться и упереть руки в бока, да вдруг голова закружилась и удалось лишь неловко покачнуться.

Арьяр не дал мне упасть, поддержал.

— Идем домой. Нечего по улице шляться да людей смущать, — сказал он.

Я кивнула и покорно оперлась на его руку.

— Заряна сказала, что ты завтра на рассвете уходишь?

— Ухожу.

— А я как же? — голос прозвучал робко и умоляюще.

— Чудная ты, Вёльма. Как Ясна велела, так и будешь. Отлежишься и дальше пойдешь, коли захочешь.

— А не захочу? — спросила и вдруг подумала, что Трайта от меня никуда не денется. Можно и задержаться чуток, и со знахаркой поговорить, и на ведунов посмотреть.

Арьяр остановился и посмотрел на меня. Невольно отпрянув под пристальным, пронизывающим насквозь взглядом, я едва ли не опустила глаза, да вовремя спохватилась.

— А не захочешь — ты гостя в моем доме, оставайся сколько хочешь.

Я виновато закусила губу и все-таки опустила взгляд к земле. Не выдержала...

— Ты, может, и захочешь, а вот Заряна...

Арьяр вздохнул и покачал головой.

— Вот оно что? Матери боишься?

— Да не боюсь! — я сразу вспыхнула и даже на носочках приподнялась, чтоб правоту свою доказать. А как же? Обвинить человека в страхе легко, а вот отмыться от этого обвинения — нет.

Заряну я боюсь. Не боюсь я ее. Ни капельки. Просто неуютно мне с ней — будто холодом веет и не усидишь в комнате, не укывшись одеялом.

Арьяр усмехнулся, отчего в его глазах будто бы подтаяли светло-голубые льдинки. Те самые, что в первую встречу так испугали меня.

— Мать чужаков не любит. А после смерти отца и вовсе нелюдистой стала. Обожди пару дней — она привыкнет к тебе.

— Привыкнет? — вот я бы к чужаку привыкать не стала. Зачем — уйдет ведь и с концами.

Арьяр потянул меня за локоть.

— Идём домой, Вёльма. Поздно уже.

С тоской взглянув на потемневшее небо, я вздохнула и поплелась за ним.

Хворать — худое дело.

Это вчера я думала, что стану прыгать резвой козочкой после снадобья Ясны. Решила, что, мол, пошептала мне знахарка и все как рукой снимет. Ан нет. Лежу теперь, боюсь двинуться и глаза открыть. А все потому, что свет солнечный больно бьет, а движение любое и вовсе пыткой кажется.

И как же меня только угораздило так приложиться? Ох, дура я, дура! Сказано же!

Что со мной приключилось — сама не ведаю. Слышала только, сказывали, что есть такая хворь, будто от ударов и падений в голове что-то сотрясается и после долгонько человек в себя приходит. Видать, это самое со мной и случилось.

Заряна, кажется, гнев на милость сменила. Или, то мой мир перед глазами перевернулся? Вроде не зыркает больше злобно да ругается на меня. Даже жалеет, кажется.

Ох, дай мне сил, Ларьян-батюшка, обереги и сохрани.

Как и предсказывала Ясна, на третий день полегчало. Боль ушла, свет больше страданий не причинял, а к отвару травяному я привыкла уже.

После Заряна ко мне Милана прислала. Узнать, как гостя себя чувствует. Мальчишка что надо было узнал и ушел. Сказал, что Арьяр с охотниками еще не вернулся.

Хотела я выйти, да Заряна не пустила.

— Лежи лучше, — грозно шикнула на меня и ушла, оставив новую кружку с отваром.

Так и провалялась я целых пять дней с тоской думая, что могла бы уж до Трайты добраться да местные чудеса увидеть. Если верить скоморохам проезжим, там было чего посмотреть.

Рассказывал один гусяр, что стоит в столице белокаменный дворец, где князь сидит и оттуда всей Белардой заправляет. Еще говорил, что есть там Дом Предсказаний, где прорицатели заседают да будущее князю предсказывают. И что дома в Трайте не то, что наши избы, а целые скопища их — будто одну на другую ставят и то мало. И стены там каменные, и ров вокруг города вырыт, а на главной площади диковинное чудо стоит — как назвать не знаю, но будто вода из него льется, а само на живого змея похоже.

От мыслей захотелось схватить свой заплечный мешок и скорее бежать прочь — в сторону пыльной, твердо укатанной колесами телег, дороге — и не останавливаться до самой Трайты. Разве что голову вверх поднять и орла — спутника своего увидеть.

Да вот только выйти мне нельзя, шагу ступить в чужом доме боюсь лишней раз. Скорей бы уж Арьяр вернулся и отпустил меня на все четыре стороны.

В общем, на шестой день, когда я уже набралась сил и чувствовала себя преотлично, удалось наконец-то преодолеть все запреты Заряны и выйти из ненавистной комнаты. Да и не только из комнаты, а из дома.

На все слова о том, что «негоже девке по селу в мужском одеянии ходить» и что «нечего богов и людей гневить», я только отмахнулась. Какой мне прок красавицей рядиться, если уйду скоро? Не замуж же выходить собралась, а просто к знахарке сходить.

Заряна отмахнулась, мол, делай, как знаешь. Я же, счастливая и довольная вышла за калитку и чуть ли не вскрикнула от радости, понимая, что теперь могу идти куда хочу. А уж в селе ведунов оказаться и вовсе удача большая.

Вышла я на улицу, вдохнула полной грудью утренний свежий воздух, откинула косу за плечо и бодро вперед зашагала. Ясна говорила, что ее дома любой указать может.

Вот к «любому» я подойти и решилась, завидев у поворота с улицы двух мужиков. Один — пожилой, старик совсем, в потертой одежде, с окладистой бородой. А второй помоложе — первому хоть во внуки годится и чисто выбритый, стоял важно, подбоченясь, и то и дело посмеивался чему-то.

Видно правду говорят о том, что ведуны — народ чуткий да наблюдательный. Я еще и подойти к ним не успела, а они уж и заметили меня, по очереди обернулись, да

перекинулись какими-то словами.

Ох, Вельма, чую, влезешь ты снова в историю, или, на грубость нарвешься. Пока по улице шла еще — косые взгляды на себе примечала, а теперь уж вовсе натерплюсь.

— Здоровы будьте, люди добрые, — сказала мужчинам, чуть склоняя голову в знак почтения. Мне, молодой, завсегда пеняли, что почтения к старшим нет. А ведуны так и вовсе обычаям верны — попробуй чего не так сделать.

— И тебе день добрый, девица, — ответил старик.

Молодой промолчал, смерив меня любопытным и чуть насмешливым взглядом колючих, точь-в-точь как у Арьяра светлых глаз.

— Не подскажите ли, как мне Ясну найти?

— А чего ж ее искать, знахарку-то? — усмехнулся и развел руками старик. — Вон ее дом, у самой площади стоит.

Он указал на небольшую избенку, сложенную из ровных, потемневших от времени, снегов и дождей, бревнышек. Приземистую и неказистую.

— Спасибо вам, — улыбнулась я.

— Только ты скажи сначала кто такая? — вдруг спросил молодой. — Не каждый день у нас чужаки путь к Ясне ищут.

Я подняла глаза и невольно назад отступила. Почудилось мне, будто тень какая-то над ним нависла словно туман невесомый. Нависла и вмиг исчезла, растворилась, как ее и не было.

— Вельмой меня звать. Я у Арьяра гостя.

Мужчина улыбнулся.

— Слышал про тебя, как же. Ребята-часовые говорили, мол, появилась у нас в Подлесье бедовая девка-лисица.

Он посмотрел на мою косу, перекинутую на плечо, а я невольно зарделась от такого взора. Сколько себя помню, все покоя мне от рыжего цвета не было. И чего людям он дался? Ума не приложу. Слушают глупые древние сказки и верят во что ни попадя.

Старик, кряхтя, усмехнулся.

— И точно — лисица! Того и гляди, обернется, да в лес убежит. Ты не перевертыш часом?

Ох, чур меня...

Страшное наказание перевертышем быть. Рассказывали мне в детские годы о том, как люди оборотнями становятся, а то и рождаются вовсе. Как тут в сказки не поверить, если такие страсти говорят? Ох, обереги меня Ларьян-батюшки от встречи с детьми ушедшей богини.

— И чего ты городишь такое? — вспылила я. — Какой же тебе тут перевертыш? Девка я обычная. Что уж и дорогу спросить нельзя, так сразу оборотнем кличут.

Старик только развел руками.

— А правду народ говорит — тебе палец в рот не клади. Видишь, Ладимир, какая диковина в наши края забрела?

— Вижу-вижу, дед Ждан, — отозвался тот. — Таких я еще не видывал.

Они смотрели на меня так, будто вместо рук у меня крылья, а вместо ног — рыбий хвост.

— Ну, спасибо вам, люди добрые, — решила, пока не поздно, уйти. — Пойду я к Ясне, она ждет меня.

— Иди-иди, — засмеялся дед Ждан. — Дорожка вьется лентой, да травка не ней не растет, а сухая пыль на сапоги ложится.

Я удивленно расширила глаза и ничего не сказав, поклонилась и ушла. И кто их только разберет, ведунов этих.

Услышала только, как Владимир, глядя мне вслед, проговорил:

— Силу в ней чую, а какую — не разберу...

Осторожно, боясь скрипа половицы, я переступила порог избенки и замерла. Нехитрая мебель, цветные дорожки на полу, уводящие во вторую комнату, пылинки, танцующие в лучах солнца и приятный, чуть терпковатый запах трав, что пучками развешаны по стенам.

Я вмиг ощутила себя какой-то лишней в этом устоявшемся и приятном покое. Ворвалась будто бы в чужие думы, да и стою посреди них, не знаю, что и сделать.

Взволнованно одернув ворот рубашки и откинув назад косу, я ступила вперед. Звук моего шага был приглушен мягкой дорожкой.

— Есть кто дома? — робко позвала я. — Ясна?

Ответом мне послужила все та же тишина.

— Ясна?

Я прошла во вторую комнату и остановилась. Там тоже не было никого. Кровать, аккуратно застеленная и прибранная, пустовала. На лежанке не оказалось никого кроме спящего кота — дымчато-серого и очень толстого.

Позади скрипнула дверь, и я оглянулась.

— А я все гадала, придешь — не придешь, — улыбнулась хозяйка.

Сегодня она выглядела точно так же, как и в первую нашу встречу. Разве что волосы убрала по-другому, в хитрую прическу на затылке.

Я попятилась назад, а потом вдруг резко шагнула вперед, понимая, что нельзя в чужом доме так вольно себя вести. Ясна только усмехнулась.

— Да не смущайся ты. Раз уж зашла — располагайся. Я из своего дома никого не гоню. Садись, — она указала на лавку.

— Ты уж прости, что так ворвалась, — проговорила я, занимая положенное место.

— Не важно, — ответила Ясна, хлопотав у печи. — Как раз поешь со мной и поговорим. Как дом мой нашла?

— А я на улицу вышла и у прохожих спросила. Те сразу и указали.

— И у кого же узнавала? — чуть улыбнулась Ясна, ставя на стол небольшой чугунок. Клубы пара, исходящие от него, быстренько разлетелись в стороны и наполнили комнату вкусным ароматом.

Я потянула носом. Желудок радостно заурчал, предвкушая скорую трапезу.

— Там, на улице, — махнула рукой в сторону окна. — Деда Ждана и Владимира встретила.

Ясна вдруг подняла голову и внимательно на меня посмотрела. Да так, что прям холодок по спине пробежался.

— Значит, видел тебя Владимир, — протянула она, опускаясь на лавку. — Не сказал ничего?

Я чуть помедлила, раздумывая, стоит ли ей говорить, а после взяла да и выпалила как на духу:

— В глаза ни слова, а как уходила, так сказал деду Ждану, что силу чует.

— Его правда. Ладимир хоть и молод, а многое может. Сам-то в силу еще с детских лет вошел.

Я вопрошающе посмотрела на знахарку, а та продолжила:

— За много лет наш род разными кровями разбавили, оттого и нет сейчас настоящих ведунов. А Ладимир из чистокровных будет. В нем истинная сила живет. Та, которую молодые боги на эти земли принесли.

— А ты сама какой крови? — вдруг спросила я.

Знахарка ничуть не обиделась.

— А во мне много намешано. Дед мой ельницей был, а бабка ведуньей наполовину. Та сила, что во мне есть, разве что для заговоров и снадобий годится. Дело это хитрое и тонкое, но много волшебства не требует. Правда вот, жрицей, или настоящей колдуньей мне ни за что не стать — не сдюжу.

— В Растопше говорили, что среди прабабок моих жрица ушедшей богини была.

Ясна только улыбнулась, услышав это.

— Видать, сильной была она, раз до сих пор в тебе дар виден.

— Какой еще дар?

— Особый дар, редкий.

Ясна загадочно улыбнулась и придвинула ко мне деревянную миску.

— Давай поедим, а после я тебе расскажу.

Я согласно кивнула, понимая, что если уж ждала восемнадцать лет, чтоб о даре узнать, еще несколько минут и подавно выдержу.

— Ясна, а скажи, что за человек дед Ждан?

Знахарка удивленно выгнула бровь.

— А что он сказал тебе?

— Про дорогу какую-то говорил. И слова такие, будто из песни.

Ясна покачала головой.

— Из вещунов дед Ждан. Пророчить не берется, но как скажет, так оно и будет. Его потому и боятся, что не скрывает ничего. Разве что Ладимир с ним на короткой ноге.

— Еще бы! — ухмыльнулась я. — Что ему, ведуну сделается? Сам небось кого хочешь заколдует.

— Ладимир может.

Вот в чем-чем, а в этом ничуть не сомневаюсь. Ладимир этот сразу мне не по нраву пришелся. Колючий какой-то, злой. Будто с двумя изнанками человек. Смотришь — просто и ясно все, а чуть глубже копнешь, чуть внимательнее в глаза взглядишься и видишь там пучину глубокую, где неизвестно что сокрыто. Подумаешь и решишь, что видать не стоит туда лезть, а то поглотит тебя тьма и не отпустит обратно.

Кота Ясна назвала Увальнем. Да и сразу понятно, за что. Лежал он на печи целыми днями, дремал. Просыпался только к обеду, а после назад возвращался. Говорила знахарка, что лень его только к весне и проходит да и то ненадолго. Побегает Увальень с неделю за кошками и назад на печь просится.

А так — животина ласковая и безвредная. Подошел ко мне, носом холодным в ладонь ткнулся, замурлыкал ласково да и есть попросил. Я улыбнулась и угостила кота томленной картошкой со шкварками. Он довольно муркнул и посмотрел на меня с такой любовью, будто новой хозяйкой признал.

— Ишь как к тебе ластится, — заметила нас Ясна. — К чужим-то обычно и не идет. Как кто в дом заходит, так сразу на печь и прятаться.

Я почесала кота за ухом, на что он довольно сощурился и громко замурлыкал.

— Так и не к кому? Смотри, какой он ласковый у тебя.

Знахарка отрицательно качнула головой.

— Это к тебе любая животино подойдет и ластиться будет, а к другим мой Увалень разве что, сладкого корня объевшись, полезет.

Издавна известно, что коты большие любители особой лекарственной травы — сладкого корня. Тот имеет приторный терпкий вкус и густой запах. Любому коту такое лакомство за честь можно считать. Чем их эта трава прельщает — понять не могу.

— Так уж и любая? Вон меня соседский пес страшно не любил, — вспомнила я, подхватывая кота на руки.

— Любая-любая, — ответила Ясна. — Говорю же, что сила в тебе особая, Вельма. Зверье тебя понимает. Сама вспомни, может, уже случилось в лесу к волком или медведем столкнуться.

— Ну, случилось, — в памяти тут же живо встал случай из детства.

— Вот. Не просто так зверь тебя не трогает.

— А почему же, раз не просто? Какая такая сила его передумать заставляет?

— Та, что от твоей прабабки перешла, — она посмотрела на меня со, свернувшимся клубок, котом. — Сдается мне, заклинательница ты.

Я подняла на нее глаза.

— Это еще что такое?

— А это дар особый, Вельма. Редкий и не каждому поддающийся. За такое богатством богов каждый день благодарить следует.

Говорила Ясна вроде бы и просто, да только мне все ее слова сказкой мудреной казались. Разве может быть сила в обычной девке деревенской? Да еще в такой, как я, дремучей-неграмотной. Чародеи, сказывали мне, другими бывают. Они все от знатного рода происходят, либо кровей древних, от самих молодых богов род ведущих.

— Заклинатели и среди ведунов редко рождаются, а уж среди обычных людей, так и вовсе. Если получила такой дар, за честь почитай.

Я усмехнулась только в ответ:

— Какая ж я чародейка, Ясна? Ты на меня посмотри! Разве такими маги бывают?

— Магом стать надо, — ответила знахарка. — Знала я в твои годы одного — он в Ельнии обучался, в Замке Видящих.

— Так, значит, этому знанию обучиться можно? — в голос удивилась я.

— Можно-то можно, — согласилась Ясна, — да только ельницей силу свою без позволения у земли берут, оттого и слабее тех, кто с даром рождается.

— Стало быть, ельницы без дара чародеями становятся?

— Разные среди них есть. Только у нас в Беларде так уж повелось, что лишь одаренные да ведуны магией владеют, а у них любой способен обучиться.

Я слушала ее и только дивилась.

Какой же, оказывается, мир огромный. Какие только лики его не являются людям! Я-то думала, что волшебство, она только здесь, у ведунов живет, что лишь они в тайны молодых богов посвящены. А, оказалось, чародеев, магам называемых, и за границами Беларды полным-полно. И мастерство свое они в обучении получают, а не от матери — природы.

Ох, велик мир, ох, как велик! Куда уж мне понять его, дура деревенской, неграмотной!
— Слушай, Ясна, — от волнения я теребила кончик своей косы. — А, если и впрямь дар у меня?

Женщина взглянула на меня как на дитя неразумное и усмехнулась:

— Так я тебе об том и говорю, Вельма-лисица. Дар к тебе от прабабки-жрицы перешел. Говоришь, она ушедшей богине служила?

Я кивнула и ойкнула, слишком сильно дернув собственные волосы.

— Слышала сказание о ней? Так вот сила ее, бусинами ожерелья раскатилась в разные стороны по всей земле. Кому какая досталась, те такую суть и получили. Была из них всего пара белых — власть над миром зверей означала.

— Одна лишь светлая сторона ее сил, что в яви находится, — добавила я.

— Верно говоришь. Так вот сказание говорит, что нашли эти бусины простые люди, ничем не одаренные, ни какие знатных кровей не имеющие. С тех пор и заклинатели редко объявляются. Дед мой говорил, что раз в полвека во всей Беларде находится.

Ох, страшно мне стало...

И краска в лицо бросилась, и колени затряслись так, что даже Увалень проснулся и тревожно на меня взглянул. Тише, серенький, тише. Тебя моя беда не коснется.

— Что ж это получается, Ясна? — тихо спросила я. — Я — служительница ушедшей?

— А вот это уже тебе решать, Вельма. Коли захочешь, станешь на ее сторону, коли нет — дар твой лишь тебе служить будет. Бусина ведь твоя белой была, а ушедшая над такой силой не властна.

Посмотрела я на знахарку и даже дрожь по телу пробежала. Правду ведь говорит, чую, что правду.

Ведуны, как Ясна рассказала, молодым богам поклонялись. Тем, что пришли в мир, когда он еще в темноте лежал, да не видел света. Пришли тогда они и тьму во свет обратили. А после безраздельно править стали над всеми мирами, оттеснив ушедшую богиню. Ту, что от родни отказалась, и имя свое позабыла.

В моей родной Растопше всегда богов почитали — праздники отмечали, обычаи соблюдали и жертвы к алтарям неизменно приносили. Только делалось все это не из веры большой и не из страха, а просто по привычке и традиции. Здесь же, в Подлесье, ведуны шибко боялись законы нарушить, все до единого выполняли, каждую приметку соблюдали строго.

Возвращалась я от Ясны уже затемно. Долго мы со знахаркой проговорили, много она мне поведала. Только от слов ее легче не стало. Наоборот, засела во мне какая-то печаль. О том, что дальше делать и что будет со мной. «Дар, — сказала Ясна, — ты скрыть не сможешь. Сама себя обманывать начнешь, он наружу и запросится. А люди заметят и не поймут. Шла бы ты учиться, Вельма». А куда идти толком и не сказала. Намекнула только, что есть в Доме Предсказаний человек, такой же, как я, заклинатель, и что ждет он того, кому силу свою передаст и знание.

Вдохнув прохладный воздух пряного вечера, я с грустью посмотрела на темнеющее небо и шагнула на крыльцо дома. Ох, зря я видать из Растопши-то сбежала, ох, зря. Укажи мне

путь Ларьян-батюшка.

Войдя в дом, я снова окунулась в густой приятный аромат чего-то вкусного, что Заряна обычно томила в печи. Что ни говори, а еду ее впору князи подавать.

— Арьяр! — не сдержавшись, воскликнула я, увидев хозяина дома сидящими за столом.

Легкая улыбка не скрыла его усталости, а глаза, хоть и живые и по-прежнему пронзительные были красны от плохого сна.

— Здравствуй, Вельма.

— Ты сегодня вернулся?

— Перед закатом пришел, — ответил мужчина.

Заряна, проносящая мимо меня чугунок, недовольно хмыкнула и кивнула в сторону.

— Чего посреди горницы стоишь? Садись что ли.

Я невольно вздрогнула и подчинилась. Села на скамью, прямо напротив Арьяра. Милан, братец его, сидел по правую руку и быстро выхватывал из миски кусочки мяса.

— Обожди, пока остынет, — строго сказала ему Заряна, — так ведь и обожжешься!

— Как твоя охота, Арьяр? — спросила я, не смея смолчать. Отчего-то очень рада была его возвращению. А, может, просто Заряны боюсь?

— Добрая вышла охота, — последовал ответ. — Добычи много.

Я быстро оглядела горницу. Ничего. Может, все лежит в кладовой. Но там же жарко, а ледник в доме Арьяра слишком мал, чтобы хранить много мяса.

— А где же она?

Наверное, вопрос мой был слишком бесхитростным. Милан тут же усмехнулся и обжегся горячим куском. Неловко махнув рукой, он опрокинул кувшин молока, и оно белыми ручейками потекло по столу, а оттуда на пол.

— Ох, ты ж медведь! — закричала Заряна. — Говорила ж тебе! А ну вставай, иди рубаху переодень. Ох, горе...

Арьяр только улыбнулся, глядя как его братец уходит, раскрасневшийся и обиженный, да грозно зыркает в мою сторону. Мол, девка чужая до чего довела.

— Так не храним мы добычу дома, — наконец ответил охотник, когда история с молоком благополучно разрешилась. — Все в общем леднике лежит.

— В общем леднике? — переспросила я. — А как же потом вы все делите?

— Так давно уж разделили, — встряла в разговор Заряна. — Это у вас, белардов, принято каждый себе тянуть. А мы, ведуны, общиной живем, чужого нам не надо. Кому какая доля досталась, тому она и будет. Кабы мы все по-вашему делили, так передохли бы давно. Или, думаешь, в лесу, далече от всего мира, выжить легко?

— Вряд ли, — ответила я.

— То-то же.

Заряна насухо вытерла стол и унесла мокрые тряпки на улицу — вывесить сушиться.

— Вижу, ты выхворалась? — спросил Арьяр, пристально глядя на меня.

Неловко кивнув, я принялась теревить кончик косы, что всегда в волнении делала.

— Сегодня к Ясне ходила. Она говорит, здорова я.

— Ну и славно.

Хотела я ответить, сказать, что уходить собираюсь да смолчала. Дверь скрипнула и после Заряна в дом вошла. Милан, показавшись из своей комнаты, все еще обиженно сопя, сел за стол и стал доедать, жалуясь на обожженные язык и щеку.

— Куда это ты? — встрепенулась Заряна, когда Арьяр отставил миску в сторону и резко

встал.

— Пройдусь немного.

— Так ты же только с охоты, Арьяр! — всплеснула руками женщина. — Отдохнуть бы тебе.

— После, мать, — коротко ответил он.

— Куда хоть идешь-то?

— К Ладимиру.

Посмотрев на меня, добавил:

— Со мной что ли пойдём, Вельма?

От неожиданности я ложку из рук так и выронила. Мне идти с Арьяром? К Ладимиру? Ох уж и не нравится мне этот ведун! Ой, как не нравится.

Надумала я было отказаться да тут на Заряну посмотрела. Вон какие у нее глаза перепуганные. Боится за сына, что уставший собрался идти. И ведь ее правда — нельзя одного пускать.

— Пойдем, — встала я с готовностью. — Далеко ли?

— Рядом совсем. Ты вроде как знаешь уже Ладимира?

— Знаю.

— Смотри-ка! — ухмыльнулась Заряна. — И тут успела.

Я сделала вид, что не заметила ее слов и вышла вслед за Арьяром.

Запах дыма медленно разносился над Подлесьем, гонимый едва ощутимым ветерком. Огни, зажженные на стенах крепости, мерцали где-то в вечерней темноте. Лес поглотил селение под свою сень так быстро, что я не успела даже заметить. Никогда не видела такого быстрого заката. словно и не было дня, только ночь, подвластная воле ушедшей богини.

— Зачем тебе к Ладимиру? — спросила я, нагоняя Арьяра уже за калиткой.

Он замедлил шаг, и мы оказались наравне.

— Поговорить хотел. Мы ведь друзья с ним.

Вот те раз! Не подумала бы, что Арьяр, такой степенный и рассудительный, свяжется с этим надменным колдуном. Стойте-ка! Выходит, Ладимир сразу понял, с кем дело имеет и оттого так насмешливо на меня смотрел. И веди неизвестно, чего еще Арьяр ему наговорил. Может быть, ведет меня на посмешище. Ну, если так, то не сдобровать ему! И приятелю его заодно!

Гордо выпрямившись, я откинула косу за плечо и смело зашагала вперед. Может, он и ведун, а я заклинательница. Ясна так сказала, а знахаркам здесь принято верить.

— И где же твой друг живет?

— На соседней улице.

— И о чем ты с ним говорить будешь?

— О чем нужно.

— Если тайна, так зачем меня взял? — не унималась я.

— Одному идти не хотелось?

— А, если люди чего подумают? — Арьяр остановился и с интересом на меня посмотрел, а я только продолжила: — Разве у вас принято, чтоб девка с неженатым мужиком по улицам в ночи шастала?

И удалось же мне наконец ведуна удивить. У Арьяра даже лицо вытянулось. Как будто сказать что-то хочет, а что и сам не знает.

— Ох, языкастая же ты, Вёльма, — только вымолвил он.

— Какая есть, — смело улыбнулась я. — Так зачем ты меня с собой взял?

— А вот пусть Владимир тебе сам и расскажет. Не буду я в ваши колдовские дела лезть.

Ох, не нравится мне это. Раз уж Ясна меня разгадала, то этому ведуну и вовсе ничего не стоит. Только бы он ничего дурного не задумал. Обереги меня, Ларьян-батюшка, от людской подлости.

— Стало быть, не скажешь?

Арьяр только отрицательно помотал головой. Не скажет ведь, подлец!

— Ну, значит, увидимся мы с твоим дружком, а завтра я собираться стану и дальше в путь отправлюсь.

— И охота тебе одной идти в такую дальнюю дорогу? — как будто равнодушно спросил Арьяр. Так, что даже обидно стало.

— Охота — не охота, а придется идти.

— Твоя воля, Вёльма, только...осталась бы еще.

От его взгляда по мне как мурашки поползли. И боюсь же я все-таки этих ведунов. Смотрит, словно ножом режет, а я будто и рада.

— В Трайту мне нужно, Арьяр, — только и ответила. Да и что тут скажешь?

Подошли мы к дому Владимира и даже входить не пришлось. Хозяин уж на завалинке сидел, нас поджидал.

— Припозднился ты, Арьяр. Я тебя еще до темноты ждал.

— Отчего не позже?

— Так я ж не вещун, чтоб точно знать.

На лице Владимира, подсвеченном всполохами костра, вдруг отразилась неожиданно теплая улыбка. Он поднялся, пожал Арьяру руку, хлопнул его по плечу.

— Как охота?

— Удачной вышла, слава богам.

Владимир кивнул в мою сторону.

— И лисицу рыжую с собой привел?

Я гордо выпрямилась и вздернула подбородок. Пусть знает, что не трогает меня ни взгляд нахальный, ни слова хлесткие, ни насмешка, на лице замершая.

— Ее приведешь! — отвечал Арьяр. — Коли сама не захочет, ни за что не уговоришь.

— А чего ж не пойти, если люди добрые зовут? — сказала, ничуть не смущаясь, да руками в бока уперлась.

Владимир так со смеху и покатился.

— И где же ты тут доброго человека углядела? Сегодня днем думал, что укусишь со злости. Как думаешь, Арьяр, лисицы сейчас бешеные в наших краях водятся?

Ах он, злыдень пропащий! Змей подколодный! Да чтоб его упыри под землю утащили, да чтоб пчелы дикие искушали, да чтоб сотню лет ему сна спокойного не было!

Я обрушила на голову Владимира все известные мне проклятия. Да только не в голос, а про себя. Мать в детстве учила, что нельзя перед обидчиком свою слабость казать. Вот я и держусь. Стою, улыбаюсь, будто дуреха наивная, а сама, знай, его крою, как только в голову придет.

Арьяр тоже молчал. Да и не просто молчал, а наблюдал, ждал, чем все закончится. Что я ему, гусяр, или, скоморох какой что ли?

— Ох, была б я перевертышем, — молвила спокойно, — как вы с дедом Жданом меня честили, от тебя и косточек не осталось.

— А и впрямь с тобой шутки плохи, — опять рассмеялся Владимир. — Сама-то немочь бледная, а в обиду себя не дашь. Уважаю за то.

Вот уж и думай, что тут сказать. То ли обругал, то ли похвалил... Да только краска мне в лицо так и бросилась. Не от смущения, от злости.

— Да знаешь что, — начала было я, но Арьяр все разом оборвал:

— Хватит вам, языкастым, воду лить. Зачем звал нас, Владимир?

Колдун тут же забыл обо мне и повернулся к товарищу своему.

— Садись, переговорим. Дело одно есть. Только твоей помощи спросить и могу. И ты садись, Вёльма, коли не брезгуешь.

Я недовольно фыркнула и уселась поодаль, да к костру поближе. Тут и потеплее, и Владимира пропащего меньше видно.

— На днях мне сокол письмо принес, — уже серьезно заговорил Владимир. — Из Трайты.

Услышала я слово заветное и сердце сильнее забилося.

— Дядька мой к себе зовет, в Дом Предсказаний зовет. Пишет, что нужные ему верные способные люди. Князь велел воеводам своим армию собирать, а чародеям свой совет держать.

Арьяр нахмурил густые брови и подбросил в огонь сухую хворостину. Та в один миг до огня долетела и тут же алым схватилась.

— Неужто война грядет?

— Дядька пишет будто гарнарский каган своё войско в сторону Беларды ведет. С той поры как ельницы ему отпор дали, он злобы скопил, да решил с востока зайти. Получи он Беларду, Ельния и Ферания не откупятся никаким золотом. На наших землях такую армию можно собрать, что до самого Редкого моря все захватить можно.

— И что делать будешь?

— Идти собираюсь, — ответил молодой колдун. — Слышал, гостя твоя в Трайту направляется. Отчего бы мне молодой девице компанию не составить? Что скажешь, Вёльма-лисица? Пойдешь со мной в одной упряжи?

Я отмахнулась от назойливого комара, упорно трубящего над ухом свою долгую песню, и взглянула на Владимира.

— Пойду, коли смеяться надо мной не станешь да слов дурных говорить.

Оно все ж лучше, чем одной по дорогам шляться. Хоть и не принято девкам незамужним с мужиками водиться. Так им и из дому сбегать не принято. Чего уж там? Владимир пусть и острый на язык, а все же колдун. С ним мне точно спокойней будет.

— Того не обещаю, — ухмыльнулся он. — Уж больно с тобой спорить интересно.

— А с тобой, так еще и приятно! — беззлобно огрызнулась я.

Арьяр стал смурнее тучи. Исполдбья посмотрел на меня, потом на него, потом снова на меня. Будто не нравились ему слова наши.

— А меня-то зачем позвал? — спросил у ведуна.

— С собой хочу взять.

— Зачем? Я ведь не колдун, твоему дядьке пригодиться не смогу.

— Тебе в дружине место найдется. Такого как ты любой воевода к себе завсегда возьмет.

Арьяр усмехнулся невесело.

— Я охотник, Ладимир, какой от меня прок?

— Стрелять умеешь, меч в руках держишь — стало быть есть прок. Чего тебе в Подлесье сидеть? Все равно ведь, если война, так за тобой княжеские люди придут.

— Странником предлагаешь стать?

— Странники — чародеи, они по дорогам колесят, да за деньги свое мастерство продают. А еще от родства своего отрекаются. Ты ведь на это не пойдешь, знаю.

— Не пойду.

— Так и не предлагаю. У князя в дружине тебе лучше будет — и заработаешь, и в дальних краях побываешь. Не век же на леса эти смотреть?

— Где родился, там и сгодился, — проговорил Арьяр, опуская глаза к земле.

— А ты, Вельма-лисица, так же считаешь? — вдруг спросил у меня Ладимир.

Как есть колдун! Будто насквозь меня видит и все про меня знает. Чую, сказал ему Арьяр чего-то про меня беглую.

— Я думаю, кому какая судьба выпадет, ту и принимать надо. А за судьбой иногда и пойти не грех.

Ладимир кивнул.

— Даже лисицы нынче верно заговорили, а, Арьяр?

Я недовольно отвернулась и стала слушать пение цикады, сидящей где-то в траве. Тварь неговорящая, а и то слушать приятней.

— Не пойду я с тобой, Ладимир, — решительно ответил Арьяр. — У меня мать и брат. Да и осень скоро — чем они кормиться станут? Не могу их бросить.

— Как знаешь, друже, как знаешь. А мы с твоей лисицей-гостьей в путь тронемся. Дня через два, а, Вельма?

Два дня... Два дня и я уйду отсюда, из Подлесья, из дома Арьяра. И не узнаю тайн ведунов больше ни одной. Отчего-то жаль.

Взглянула я на хозяина своего, думала, что хоть слово скажет, остановит, еще на денек остаться предложит. Ан нет!

— Тебе решать, Вельма, — лишь молвил.

— Два дня, так два дня, — ответила я Ладимиру. — Чем скорее уйду, тем лучше будет. Мне и самой в Трайту надо до холодов.

— Твоя правда. Заклинатели — народ редкий.

— Разгадал? — ничуть не удивляясь, спросила Ладимира.

— С первого же мига. От тебя, Вельма, силой веет, да только ты сама не чуешь.

— Было бы чего чуют.

— А разве ж нечего? Слышала про белые бусины Ушедшей?

— Про них разве что дети малые не знают. Только сказки все это глупые.

Ладимир слабо улыбнулся.

Я поежилась, ощущая, как вечерний холодок лениво ползет по спине и на правах хозяина заглядывает под ворот рубахи. Догорающий костер уже почти не греет и толку от него чуть. Эх, зря я куртку не взяла.

Выставил Ладимир ладонь перед собой, так я прямо и вскрикнула, да чуть на спину не завалилась. Костер-то, уже почти истлевший, заново полыхнул. Да ярко так, да с такой силой, что даже страшно стало. Обдало меня жаром, а теплее не стало — только холодок прохватил.

— Сказки — не сказки, — проговорил Ладимир, — да только ты заклинательница, а я ведун. И никуда от того не деться.

Не врала, знать, Ясна. Сила в нем большая.

— Ты все подумай, друже, — сказал колдун умолкшему Арьяру. — Я твой ответ до самого ухода ждать буду.

«Я тоже...» — отчего-то подумалось мне. И ведь знаю, что не дождусь.

Взглянула я на пламя колдовское, на языки его горяче-желтые, и вспомнились старые сказки, что дед Талимир рассказывал. О птахе небесной, о змее заморском, что девиц похищает, о воинах из огня, дружинниках Ларьяна-батюшки, о северном крае, где плещется бескрайняя вода, морем называемая, да о Вельме-Огнёвице, в честь которой меня прозвали. Правда, рыжей она не была и зверей заклинать не умела. Да и, чего ж скрывать, простой девкой деревенской жила, а стала воином великим, хоть и меча в руках не держала.

Прав тот, что смотрит на меня сейчас и на чьем лице блики от огня колдовского играют. Есть сказки, живут рядом, стоит только за околицу выйти, да глаза от земли оторвать. Есть они.

Только вот сдаётся мне, не верит в них Арьяр. Оттого и не пойдет с нами. Ох, уговорить бы его.

И о чем я только думаю...

Уговорившись идти в Трайту с Ладимиром, я не слишком обрадовалась. Неделя в Подлесье слишком короткой показалась. Не узнала я ни тайн ведуньих, ни заговоров секретных, чародейства настоящего и то не видела. Живут себе люди тихо и спокойно. Никого не трогают. С виду так и вовсе обычные самые — нет ничего тайного да страшного. Непонятно, отчего наши растопшинские так их боялись.

Заряна, прознав, что я скоро из их дома уйду, просияла, будто лучами солнечными покрытая да ласковей ко мне стала. Предложила еды в дорогу дать и мешок заплечный мой собрать помочь.

Я издавна поняла, что сидеть на месте и чего-то ждать совсем уж не мой удел. Пусть и девка деревенская, пусть ничего собой не кажу, а не по мне штаны на лавке протирать. Уж коли осталось всего два денька в Подлесье, так и проведу их с пользой.

— Скажи, Заряна, а где у вас в Подлесье святилище?

Женщина улыбнулась.

— Задумала на богов наших поглядеть?

Я только кивнула.

— Перед дорогой помощи попросить хочу.

— Так недалече тут. За ворота выйдешь и вправо поверни. Там тропинку увидишь, а уж она тебя прямо к святилищу и приведет.

Поблагодарила я ее и на поиски пошла. Сказывали скоморохи, что у ведунов все по-иному делается. Может, и святилище каким-нибудь другим окажется? Кто ж их знает, отшельников этих?

Вышла я из дому, прошлась по улице, а как на площади оказалась, так меня и

приметили.

— Эй, лисица! А ну-ка постой! — окликнул звонкий девичий голос.

Я обернулась и увидела трех девок. Одна, видать та, что позвала, чуть впереди подруг была. Высокая, статная, с медовыми светло-кариими глазами, волосами вороного крыла да кожей светлой и гладкой. Не чета мне, на солнце загоревшей, в мужском платье и без единого украшения(не люблю их, что ж поделать!).

— Ты что ли звала? — проговорила я, вздергивая подбородок и выпрямляясь. Может, хоть чуть выше покажусь.

Девушки остановились в шаге от меня. Черноволосая насмешливо скривила губы, что ничуть ее красоты не испортило и проговорила певуче:

— Тебя Вельмой звать?

Ее подруги осматривали меня с головы до ног и быстро перешептываясь, усмехались.

— Может и меня, — не сумела смолчать. — А ты кто такая сама будешь?

— Черновой звать. Не слыхала про такую?

— Ни словечка.

На лице девушки появились и злость, и удивление и примесь обиды. Будто бы ждала она в подарок ленту алую, а ей старую рубаху поднесли.

— Гляди-ка, Чернава, разве ж девка путная станет в мужеских штанах ходить, — пропела ее подруга, белобрысая да пышная. Того и гляди из платья выпрыгнет будто тесто из дежи.

— А разве ж станет человек умный в голос такие вещи говорить? — отвечала я и невольно вперед выступила.

— А на твоём бы месте смолчать, лисица рыжая.

Белобрысая вмиг разругалась да гневно на меня посмотрела.

— А на твоём бы уж и подавно.

Чернава злобно взглянула на меня. Как есть змея!

— Скажи-ка мне, Вельма, чего это ты на ночь глядя по чужим домам ходишь, да к чужим мужикам лезешь?

— И к кому же это я лезу?

Захотелось встать на носочки, чтобы сравняться с нависающей надо мной девкой.

— К кому — к кому! Спрашивает еще! — фыркнула белобрысая. Ох и препротивная же девка, видать. Вон какая блеклая да бесцветная — брови и те не видать.

— Бесстыжая... — процедила третья их подруга, желчная тонкогубая девица.

Чернава напряженно молчала и все высматривала чего-то на моем лице.

— Языки бы попридержали, — спокойно ответила я. — А то без судилища на чужого человека всех собак спустить готовы.

Ох, чую не сдобровать мне. Вон, как они-то посмурнели.

— Это тебе бы в худой час перемолчать. Где ж такое видано, чтоб девка такое творила. Не совестно тебе мужика чужого уводить?

— И кого ж это я увожу-то? Ты хоть скажи, а то, глядишь, свадьба скоро, а я-то и не знаю?

Откинув за плечо косу да уперев руки в бока, я все-таки чуть привстала на носки и нахально улыбнулась в лицо Чернаве.

— Нет, ну гляньте-ка! — вскричала она, взмахнув руками словно птица крыльями. Бегло осмотрелась вокруг, убеждаясь, что у нашего странного разговора появляются свидетели, и

снова на меня обратилась. — Еще спрашивает, лиса бесстыжая! К жениху моему зачем по вечерам шляешься?

Не стала виду подавать, хоть и догадалась сразу.

Стоя под добрым десятком любопытных пар глаза не слишком-то ловко себя чувствовать будешь. А уж если тебя прилюдно стыдят и обвиняют, так и вовсе хоть сквозь землю провалишься. Ох, только бы краска к лицу не прилила.

— И все-то ты про меня знаешь, — громко, чтоб все слышали, заявила я. — А я вот про тебя ни словечка. Знала бы, кто твой жених, может, сходила бы в гости!

На лице Чернавы задергались желваки. Я торжествующе улыбнулась, чуя вкус победы и необходимость тут же бежать.

Зрители смотрели на нас с явным желанием узнать, чем же все кончится. Что-то иной раз выкрикивали, но я не слушала.

— К Ладимиру ведь ходила? — сдавленно процедила Чернава. — Он и есть жених мой.

Ох, не минует меня расправа. Вон как ее ладони в кулаки сжались, да как лицо от злости побелело.

Сделав робкий шагок назад, я ощутила напряжение во всем теле. Бежать. Что есть духу!

— Ходила, — ответила, чуя, что страх потихоньку под кожу мне пробирается. Поганое дело. Гнать его надобно. — А тебе-то что? Иль в чужие дела лезть задумала? Так знай, что мужики того не любят. И вот что, — я гордо оглядела ее и ее подруг, — с гостями ласковой надо быть. А то как останетесь злыднями, так и вовсе никто не женится. Некогда мне тут с вами, вот что.

Развернулась, выдохнула. Кажись, обошлось...

Только шаг сделала, да тут услышала визг бабий и вмиг мне в косу вцепились.

Со всей силы меня, зараза, дернула. Слезы из глаз брызнули и наземь я повалилась. Тут уж не до церемоний было. Злость на меня нахлынула.

Протянула я руку и Чернаву за ее космы поганые потянула. Девица взвыла и вслед за мной, в пыль дорожную упала.

Схватились мы не на жизнь, а на смерть. Покатились по земле, лица друг дружке царапая да волосы выдирая.

Резкий ожог будто от углей по лицу прошелся — то она мне щеку расцарапала. Я же, извернувшись, руку высвободила и тумака ей прямо в глаз залепила. Да потом еще...

И откуда только сила во мне, тщедушной, взялась?

— Ах ты ж змея подколодная! — кричала я, хлеща противницу по лицу. — Злыдня! Кикимора!

Только-только поднялась, а она меня за ногу. Я снова упала на спину. Чернава сверху надела и ну меня за косу тянуть.

— Я, говоришь, кикимора? Да ты лиса облезлая! Курица мокрая! Да чтоб тебе...

Тут мы снова по земле покатались.

А потом чьи-то руки меня схватили да в сторону утащили. Но не тут было!

Крепко схватив чернавины черные космы, я отпустить и не думала.

— Лиса я, говоришь, облезлая? Мы еще посмотрим, кто из нас облезлая!

— Пусти ее, Вельма! — кричал знакомый голос. Только вот чей, я в горячке схватки и не заметила.

Чернава, вырываясь из рук дюжего незнакомого парня, меня за рубаху тянула.

— Иди-ка сюда! Уж я тебя отхожу! Будешь знать, как чужих женихов уводить!

— И кто на тебе, стерве такой, только и женится? — крикнула я, дергая ее волосы.

Чернава взвыла и ко мне снова потянулась. За косу ухватила, змеюка!

Народ где-то позади все потешался над нами. То одну, то вторую подбадривал криками.

А парни нас все растащить никак не могли.

— Да вы никак с ума посходили! — закричал Владимир.

Только что подбежавший к месту схватки, он, запыхавшись кинулся меж нами.

— Чернава, пусти! Вельма! Да что вы, девки, творите?

Глядя в подбитые моей же рукой глаза противницы, мне совсем отпускать ее не хотелось. А все ж первая боевая горячка прошла, силы быстро уходили, оставляя неприятную дрожь, да боль и жжение от ссадин и царапин.

Отпустила я ее первой, да тут и оттащили меня в сторону.

— Пусти! — рванулась я из рук, крепко сжимающих меня.

— Рано тебе, стой смирно...

Оглянулась я и увидела Арьяра.

Увидела, да и замерла, надежно запертая в кольцо его рук.

— И что вы тут утворили? — донесся суровый скрипучий голос. — Пропустите, бабы!

Из толпы, в которую чуть ли не все Подлесье к тому времени собралось, показался Сван. Тот самый воин-рыцарь, что в Ельнии бывал.

Строго поглядев на меня, затем на Чернаву, чьи глаза уже всю сияли синюшными кругами (ох, не зря в детстве с мальчишками в казаки-разбойники играла), остановился прямо меж нами.

— Кто драку начал? Ты? — указал на меня.

Я мотнула головой, а после вырвалась из рук Арьяра и встала прямо.

— Не я, уважаемый Сван.

— Стало быть ты?

Чернава только глазами зыркнула и долу их опустила.

Старый рыцарь грозно сложил руки на груди — ни дать, ни взять герой сказаний.

— И кто ж мне скажет, что стряслось тут?

— Я скажу, — выступила вперед и чуть голову склонила. Должен же кто-то правду ему открыть. Негоже так уважаемому человеку перечить. — Шла я по улице, уважаемый Сван, а тут ко мне эта, — на Чернаву указала. — В общем, слово за слово и сцепились с ней. А дальше — мужики нас разняли.

Старик с интересом посмотрел на меня.

— И из-за чего же сцепились?

— Да не слушай ты их, Сван, девок дурных, — попытался остановить Владимир.

— Обожди, — махнул ему рыцарь. — Говори, лисица.

Я, хоть и слово это невлюбила, а против не сказала.

— Про то не отвечу.

— Змея... — прошипела Чернава.

— Да чего тут думать? — донесся чей-то голос из толпы. — Чернавка Вельму к колдуну своему приревновала, вот и решила за косу оттащить.

Дружный смех разнесся над людьми. Владимир закрыл рукой лицо, а Сван только головой покачал.

— Не должно девкам за мужика драться. Подойдите и помиритесь. Сейчас же.

Чернава исподлобья взглянула на меня и шагу не сделала. Я тоже на месте осталась.

— Ну! — гаркнул Сван.

Ох, нехорошо выходит, ох, как нехорошо!

Нельзя мне такой след в Подлесье оставлять. Не одна ведь Чернава виновата.

Прошлась я вперед да руку ей протянула. Та даже не взглянула в мою сторону.

— Не держи зла, Чернава, — говорю, а самой опять ей в лицо вцепиться хочется. Да только нельзя уж.

Девка подняла глаза, нахально хмыкнула, пряди темные с лица откинула, развернулась и прочь пошла.

— Ой, гордячка!

— Правильно сделала, нечего всяким...

— Чернавка-змеюка!

— Бабы-дуры! — понеслось из толпы, а после люди расходиться стали.

Опустила я голову и чуть не заплакала. Обидно и больно стала. Зря, выходит, унизилась и по-людски вести себя пыталась.

— Не реви, лисица, не реви, — проговорил Сван над самым ухом. — Побеждает не тот, кто сильнее ударит, а тот, у кого сила примириться есть.

Сказал и ушел прочь. Остались мы трое — я, Арьяр да Амельд.

— Ну что, — усмехнулся привратник. — К Ясне тебя вести? Вон как Чернава лицо-то раскроила. Чего доброго и зараза начнется.

— А ты и рад смотрю, — ответила грубо. — Вон рот до ушей на чужую беду.

— Да что ты? Неужто от Чернавы набралась. Девка она красивая, да только норовистее тебя будет.

Арьяр легонько тронул меня за плечо, будто обнял незаметно.

— Идем, Вельма. Раны залечить надо.

А после посмотрел так, что к глазам слезы так и подступили. Едва сдержалась я, чтоб себя не начать жалеть.

— Идем...

Ясна, увидев меня, охнула, да кинулась хлопотать — склянки со снадобьями своими доставать. Амельд и Арьяр наскоро ей все рассказали, а знахарка после оханья своего вдруг смеяться стала. Меня чуть-чуть пожурила, а после какой-то мазью царапины обработала.

Густой травяной дух окутал меня, в нос ударил так, что голова закружилась. Ясна уверила, что все хорошо будет и дурного тут нет.

— Зелье хоть и пахнет сильно, а помогает скоро. Глядишь, через несколько дней и следов на твоей щеке не будет. Вот, возьми, — подала мне склянку, — будешь дважды в день мазать, и как рукой снимет. Запомнила?

Я кивнула.

— Ну и славно. Смотри, больше с девками нашими не дерись.

— Куда уж? — недовольно проворчала я. — Ухожу скоро. Погостила и хватит.

Ясна понимающе кивнула и чуть заметно улыбнулась, отчего у уголков ее глаз тоненькие морщинки появились — печать того, что годы-то она прожила немалые. Зато как сохранилась! Мне бы ее умение! Впрочем, сказывают, ведуны да чародеи дольше живут и стареют медленно. Может, повезет. А то вон матушка моя едва-едва четвертый десяток

разменяла, а уже состарилась.

Ох, матушка, как же ты там?

О родне я старалась не думать. Неправильно это — бежать, а опосля волосы рвать на себе да в рыданиях заходиться. Нет уж. Ушла, значит, ушла. И дороги назад нету.

— Рановато ты уходишь, Вёльма, — ухмыльнулся Амельд, усевшись на широкий ясенин подоконник. — С тобой вон как весело в Подлесье стало.

— Пожил бы ты с ней под одной крышей денек, — не без насмешки добавил Арьяр, — узнал бы, что такое настоящее веселье.

— И чего ж это тебе не по нраву? — взметнулась я со стула. — Значит, мешаю тебе под одной крышей?

Мужчины переглянулись и дружно рассмеялись.

— Да тише ты, Вёльма, — примирительно произнес Арьяр. — Я ж шучу.

— Ты бы шутил острожней, Арьяр, — снова влил масла в огонь Амельд. — А то лица разукрасит точь-в-точь как Чернаве.

Арьяр прикрыл лицо руками и отошел назад.

— Ох, как боюсь! Лиса — зверь хитрый!

И снова дружный смех.

— Да ну вас! Злыдни! — мотнула головой я и снова села.

За окошком день полностью вступил в свои законные права. Солнышко ясное разлилось лучами теплыми, все ближе подбираясь к зениту. Травка питалась его живительной силой, а листочки на деревьях просвечивались будто бумага тонкая, каждую свою жилочку открывая.

Помнится, видела я как-то бумажные листы. Приехал к нам в Растопшу сборщик княжеских налогов. Сундучок у него еще был такой чудной. Резной, медными вставками украшенный. На нем все узоры красовались — птицы диковинные, цветы пышные, волны моря студеного. Открыл он тот сундук, а там — видимо-невидимо всего. Перья гусиные, до остроты ножа заточенные. Склянки с жидкостью темной, чернилами прозываемой. И бумага. Белая, тонкая. Дотронешься и хрустит, будто корочка на хлебе только что выпеченном. И пахнет так по-особому. Тогда-то мне выучиться грамоте и захотелось. Вот попаду в Трайту, найду Дом Предсказаний и попрошу, чтоб окромя чародейства меня читать-писать обучили. Не век же неграмотной ходить!

— И куда это ты бежишь? — послышался крик Ясны, которая за чем-то из дома отлучилась. — В чужой дом без спросу?

Дверь распахнулась, и на пороге появился Владимир. За ним знахарка.

— Ишь, взяли по чужим домам шастать! — злилась она. — Нет, чтоб хозяйку спросить?

Владимир оглянулся на нее. Да так, что знахарка прямо как-то сникла.

— Чернаве снадобье от синяков нужно, Ясна. За тем и пришел.

Не видя больше сопротивления, Владимир прошел в комнату и остановился напротив меня.

— Ну как, Вёльма? Заживет до свадьбы?

— До твоей разве, — огрызнулась я и тут отвернулась от него.

— Владимир, ты жениться что ль надумал? — хохотнул Амельд. — Да какая ж девка за тебя пойдет?

— Одна-то точно пойдет. Даже побежит вприпрыжку, — снова подала голос я. — Вон как разукрасила за то, что на пути попалась.

Я обиженно указала пальцем на свое лицо и опять отвернулась, желая выказать полное

презрение к колдуну. Тот только головой помотал.

— Сразу видно, что чужачка ты, Вельма. Никакая Чернава мне не невеста. Она и тебя-то обманула только из-за того, что никого не знаешь ты здесь.

— А подарочек на лице она мне так, за доброе слово, оставила?

— Ты не держи на ее зла, лисица, — уже мягче проговорил Владимир. — Больно норовистая она, никого не слушает.

— Знать, одним норовом тебя взять решила, — хохотнул Амельд. — Дед Ждан и тот ей сказал, что, мол, не женится на тебе Владимир, а она ни в какую.

— Стойте-ка! — я даже привстала, развернувшись лицом к мужчинам, вмиг обиду забыв. — Выходит, не любя тебе Чернава и жениться не хочешь?

— Да какое жениться! — махнул рукой Арьяр. — Он сам от нее огородами уходит!

— И то, если в капусте ее подруги не сидят! — загоготал Амельд.

Я тоже усмехнулась, оценив все дело. Выходит, каким бы грозным не был Владимир, от Чернавы ему самому спасу нет. Живо вообразив, как он прячется за плетнем от чернокудрой красавицы, я было рассмеялась, но тут же это занятие прекратила. Оцарапанная щека все еще саднила и неприятной болью отзывалась.

— Ты бы девке объяснил, а то ведь изводится вся, — вставила Ясна. — На прошлой седмице ко мне явилась — приворотной травы просила.

Владимир шумно выдохнул:

— Ох, дурная. Решила, что я зелье не распознаю.

— Чернава ведь не чародейка, почему ей знать?

— И то так.

— Зато теперь у нее глаза сияют не хуже, чем у любой колдуньи, — опять пошутил Амельд.

— Дай ей снадобье и все уйдет, — сказал Ясна, подавая Владимиру склянку.

Амельд встал с подоконника, подошел к знахарке и так доверитель, чуть склонившись вниз, проговорил:

— Ясна, может, у тебя зелье такое найдется, чтоб из всех местных баб дурь вывести?

Женщина важно сложила руки на груди и с притворно строгостью на него посмотрела.

— Что ж я, по-твоему, против своих пойду что ль? Нам-то, бабам, может, дури и многовато досталось, а уж вам и вовсе, хоть в озере с зельем купайся.

— И где ж такое озеро?

— На кудыкиной горе, в краю царя Гороха.

— Далече...

— Да ты-то дойдешь — силушка есть и ум не нужен. Только без толку такое купание.

— Так уж и бестолку?

На лице парня играла задорная ухмылка. Будто не со знахаркой уважаемой на словах сцепился, а с девкой вроде меня.

Ясна окинула его взглядом с ног до головы.

— А ты сходи-ка, попробуй. Потом нам всем и расскажешь.

Откинула назад вороний локон, взмахнула рукавом, да запахом твар всю комнату наполнив, ушла склянки расставлять.

Амельд оглянулся на нас — меня, Арьяра и Владимира — да только плечами пожал. Бедовая, мол, баба, не сговоришься.

Вышли мы из ясниного дома и остановились на резном крыльчке.

— Ну что, Вёльма, достанет с тебя на сегодня, или, еще куда идти собралась? — спросил Арьяр.

— К святылищу идти я хотела. Да так и не дошла, — скосила глаза на Ладимира.

— Ну так, давай, отведу, — вдруг предложил он.

— Еще чего! — вскинулась я. — Чтоб твоя зазноба мне и глаза повыщарапала? Или, волосы до конца повыдрала?

Я указал ему на свои рыжие кудри, что теперь свободно по плечам рассыпались и до самого пояса падали. Ясна меня причесала, да сказала, что лучше в косу не сплетать заново — пусть отдохнут маленько после трепки.

Ладимир проследил глазами за моим движением и только улыбнулся.

— Нет уж! — попытожила я. — Иди к своей любезной и снадобье неси, а то небось вся синяя сидит.

Амельд только засмеялся и, махнув рукой, ушел.

— Забегай, если что, лисица.

— Раз уж зовешь...

— Не хочешь, как знаешь, — ответил Ладимир на мою речь и за привратником последовал.

Я обернулась к Арьяру.

— Стало быть ты мне дорогу покажешь?

— Того и жду, — отвечал мужчина и улыбнулся. Так же, как в первую нашу встречу.

Опустив глаза на миг, я тут же подняла их снова и чуть тише спросила:

— У тебя-то хоть зазнобы такой жаркой нет?

Ветерок налетевший волосы мне растрепал, да на лицо уронил. Ох, и неудобно же с ними, распущенными!

Арьяр не ответил. Только осторожно прядь одну назад отвел.

— Нет никого...

— Ну так идем.

Сказала и будто жарко мне стало. Комок туго где-то внутри свернулся, да уколол тихонько. Ох, что я делаю... Ох, что я творю! Сама-то побитая — поцарапанная, а чего-то себе думаю.

А и пусть! Главное, что вместе чуть ли не рука об руку идем.

Тропинка, о которой Заряна мне говорила, у ворот селения начиналась. Вилась она тонкой лентой, в самую чашу вводила. Хорошо утоптанная, гладкая и ровная.

— И далече идти?

— Ближе тут, — ответил Арьяр. — Ты не торопись.

А и вправду, чего ж мне торопиться?

Замедлив шаг, я поравнялась со своим проводником. Благо, что тропка двоим идти позволяет.

— И часто ты ходишь по этой дороге?

— Не слишком. Только по праздникам.

— А жрец у вас в селении есть?

Арьяр недоумевающе на меня взглянул, как будто я глупость какую спросила. А я-то

что? Как люди сказывают, так и говорю. Раз положено, что у богов жрецы были, чего ж тут такого?

— Нет у нас, ведунов, никого. Если помощь нужна, сами богов просим. Не заведено у нас их волю через кого-то одного передавать.

— С чего так?

— А ты представь, Вельма, что будет, если такую власть одному доверить. Люди ведь разные бывают. Вдруг со злыми намерениями кто придет?

Я только плечами пожала.

— Прав ты, Арьяр. Только вот у нас заведено, что жрец нужен. В моем роду и то были.

— У вас, белардов, много своих обычаев. А все оттого, что вы бездарными рождаетесь, глухими и слепыми к миру. Если человек чуток сердцем и душой, ему никакой жрец не нужен, чтоб волю бога своего понять.

Услышала я его слова и даже не нашлась, что ответить.

Правду он говорит. Вот я, девка темная-неученая, ничегошеньки не знаю, а и то поняла. Ведуны испокон веков в ладах с природой жили, со всем миром говорить могли. Оттого и нарекли их так, мол, знающие они. А мы-то, беларды, после пришли.

Сказывали, что кочевниками были. Жили раздельно — каждый род по своим куткам. С места на место переезжали, да доли искали лучшей. Были, правда те, кто в племена объединялись да место себе находили подходящее. Только все равно толку не было. Приходило племя другое и всех до одного вырезало. И страшное ведь какое это дело — своих же собратьев за кусок земли убивать — а предки не гнушались.

А после пришел воевода Рагнар со своей дружиной. Из самых северных краев пришел, из земель, что целый год снегами покрыты, а у берегов их бескрайняя гладь синевы — море — плещется. Собрал Рагнар белардов, да стал с ними совет держать. Коли согласятся они под его знамена встать, так быть государству, а не согласятся — быть войне и землям этим в руки к северянам перейти.

Подумали-подумали беларды, да и согласились. Спасения им ждать неоткуда. Сами вон по отдельным крепостям раскиданы. Случись чего и помощи ждать неоткуда. А у дружины Рагнара и лодьи быстрые, и мечи верные, и бойцы сильные. Пройдут они по землям и камня на камне не останется.

С тех пор и стоит наше государство, Белардой прозванное. На престоле княжеском и по сей день потомки Рагнара правят, в чьей крови, сказывают, сталь с морской солью подмешаны. Да только, разве можно в крови сталь размешать? Врут, видать, люди, новые сказки себе выдумывают.

Ведуны всегда мелким народом были. Небольшие земли, что на юге Беларды, испокон лет им принадлежали. Рагнар не стал их принуждать власти своей преклониться. Позволил спокойно жить, собственные порядки чтить, только в дела Беларды не мешаться. Дань они платили своевременно, по общим законам. Под знамена, если того требовалось, становились. Так и жили, и живут тайно-уединенно.

Шли мы с Арьяром недолго. Свернувши за раскидистый куст, вышла я на поляну — неширокую, круглую, невысокой шелковой травой поросшую. Посреди ее камень пологий лежал, будто жертвенник. А вокруг его молодые боги стояли.

Самый высокий среди них Ларьян-батюшка, по обе стороны братья его, а дальше их сыновья и дочери. Искусно вырезанные лики и фигуры их сразу заставили меня вспомнить об украшении ведунских домов. Славные мастера все же в Подлесье живут.

Прошла я вперед и остановилась. Арьяр чуть поодаль остался.

Дух у меня прямо захватило. Как будто сама природа здесь велела святилище сделать. Место такое, будто силой пышет. Кажется, притронуясь к земле и будто глоток живительный сделаешь. И боги так благосклонно смотрят на тебя, так мирно и добро. Кажется, попроси их, и они тебе ответят, помогут в беде твоей.

Прошлась я по кругу всему. Каждому поклонилась, у каждого защиты попросила. После уж к Ларьяну подошла и постояла немного. Вон какое у него лицо строгое. Брови так и сведены, мол, смотри мне, Вёльма! А пальцы крепко копые сжимают. Если нарушишь закон — не уйти от него отступнику.

Арьяр меня поодаль ждал.

— Что ж ты, к богам не пойдешь? — спросила у него, вернувшись.

Охотник отрицательно качнул головой.

— Ходил недавно.

— Как знаешь.

Пошли мы назад. Я собралась было снова по знакомой тропке идти, но Арьяр неожиданно отговорил.

— Идем кружным путем, — сказал он.

В глаза я ему посмотрела и ничего возразить не смогла. Кружным, так кружным. Хоть через самую Ельнию.

Пошли мы лесной тропкой нехоженой. В таком густом лесу и заблудиться не составит заботы, да только я с Арьяром, а он здешние места все знает. Каждое деревце, каждый кусток, каждую тропку.

Солнышко своими лучами осторожно касалось земли, продираясь сквозь густую рябь листьев. Птички лесные пели нам свои звонкие песни, а белки, проказницы такие, скакали туда-сюда по ветвям и о чем-то меж собой лопотали.

— Хорошо тут у вас, в Подлесье, — проговорила я, засмотревшись на синие клочки неба, ворвавшиеся сквозь плотный полог листвы.

— Не жалуемся, — коротко ответил Арьяр.

И что он за человек такой? То слова из него как клещами тащить следует, а то заговорит — не уймешь. Вон, в первую нашу встречу, так и рассказывал мне о ведунах, а сейчас будто воды в рот набрал. Говорит мало, лишь по делу. Два-три слова скажет и снова молчит.

И смурной такой всегда ходит. Хмурится, будто та туча на горизонте. Едва-едва покажет свой синеватый бок, притаится, надеясь на бескрайнем синем спрятаться, мол, авось меня не приметят. А как налетит ветерок да так и выгонет ее, ненастную, на свет, глазам людским показать. Так же и Арьяр. Может, и думает, что не заметит никто его печали в глазах. Только вот о чем печаль?

Раздумывая так, я все по сторонам смотрела. Хотела каждую веточку запомнить, чтоб потом, в неприветливой чужой Трайте, тепло здешнее вспоминать. То ли мерещится мне, а то ли впрямь чую, что не вернусь в эти края никогда уж.

Ох, просвети меня, Вела-вещунья.

Так я на листья, пересыпанные ворохом солнечных искр, засмотрелась, что не заметила камешек мелкий под ногами.

— Ой, батюшки! — вскрикнула, да руками замахала, чувствуя, что земля из-под ног уходит.

— И что ты неловкая такая? Все упасть норовишь?

Говорил Арьяр спокойно, тихо, прямо на ушко шептал, а руки его ласково меня, неудачливую, обнимали.

Обернулась я, в глаза ему посмотрела и будто в жар меня бросило.

Так близко, так рядом. И век бы не отходила и ладони, что сейчас крепко сжимаю, не отпускала.

— Арьяр... — проговорила было да не вовремя.

По телу всему сладкая нега разлилась, кровь мигом в лицо бросилась, и будто огнем обожгло, когда поцеловал он меня. Хотела отпрянуть да не позволил — к себе накрепко прижал.

Сказывали мне девки в Растопше, что слаще поцелуя нет ничего. Что мир в один миг меркнет, а в голове будто туман. И верила я. Думала, раз целовались, то знают. Правда, те, кто говорили, уж замужем давно. Ничего не боялись — за первого встречного шли, а иные и вовсе в сумерках к парням бегали.

А я-то что? Кто ж на меня такую посмотрит? В родной деревне все только носом крутили и прочили старой девой остаться, да племянников нянчить. Только Влас и посватался, а я не пошла.

Не все лгали девки. Дыхание так и перехватило, а мир...прежним мир остался. Только вот будто что-то по-иному стало.

— Люба ты мне, Вельма, — проговорил Арьяр, глядя мне прямо в глаза. — Сразу приглянулась. Оставайся в Подлесье и моей назовешься.

— Что ты... — выдохнула я.

Ларьян-батюшка, спаси-убереги! Да что ж это такое делается?

Остаться с ним и жить-тихо мирно в ведуньем селении. Забыть про дороги пыльные и Трайту далекую. Делить с Заряной место у печи и мужа любимого с охоты ждать. А после — засыпать рядом и дыхание его слушать, ощущать тепло рук, что тебя обнимают. Детей с такими же светлыми глазами, будто в них льдинки застыли, растить. Вот оно счастье бабье.

Да только не бывать этому.

Не для того я из дому ушла, чтоб к тому же самому и вернуться. Не затем бежала, чтоб в соседней деревне замуж выйти.

Останусь и никогда мне в Трайте не побывать, не увидеть Дом Предсказаний, не стать заклинательницей, не увидеть грозных северных воинов и далекой Ельнии, а еще никогда не испить соленой воды из студеной глади, что морем зовется. Ох, дурная же я девка! Другая бы... Да что мне до других?

— Что ответишь? — спросил Арьяр.

Опустила я глаза и, руки его с себя снимая, назад отошла.

— Не держи на меня зла, — проговорила. — Может, сама не ведаю, что творю. Да только не могу я остаться, как не проси. За кров и помощь тебе спасибо. Век благодарна буду. А об остальном...

Он хмуро сдвинул брови и мгновенно помрачнел.

— Не люб стало быть?

Я закрыла лицо руками, чтоб он видел краски и брызнувших слез. Какой-то миг с силами собиралась, а после снова в глаза ему посмотрела:

— Не могу я здесь остаться, Арьяр. Не для того из Растопши ушла. Прости меня, если сможешь, и за ответ такой, и за то, что покой нарушила.

Сказала и кинулась прочь, в чащу лесную. Подальше, чтоб не видеть его.

Расцарапанная щека, о которой успела забыть, отозвалась неприятным жжением. Наверное, слезами солеными залита.

Что уж тут говорить? Вышла я за порог судьбу свою искать, а теперь сама же от нее бегу прочь...

Глава вторая

«Не то тяжело, когда тело мучается, а то, как душа страдает», — говорила моя мать, когда я, от горшка два вершка, руку сломала. Знахарь наш тогдашний, из самой Трайты прибывший, грамотный да ученый, здорово мне помог — даже следов не осталось. Только вот сломать что-то и взрослому тяжело, а ребенку малому и подавно.

Так и сидела я, вспоминая материны слова, у корней могучего древнего дуба. Сила, от них исходящая, грела и питала меня. И будто легче на душе становилось, и боль отходила назад, и вина моя не такой ясной становилась.

Как смеркаться стало, я в Подлесье вернулась. Дорогу без труда нашла — лес подсказал. Я хоть заклинательству и не обученная, а все ж к природе привыкшая, знаки ее читать умею, куда идти помню. Такой я человек — если раз по дороге пройду, в жизнь не забуду. Сколько шла не вспомню, а только звездочки — птахины зерна — уж на небе появились, как я у ворот ведуньих оказалась.

Привратники меня сразу же узнали и без вопросов впустили. Мол, о тебе, рыжая лисица, теперь все Подлесье говорит, мы и проверять не станем.

На крыльце дома Арьярова я приостановилась, духу набираясь, чтоб войти.

Ох, как же нехорошо получилось! Ох, как же нехорошо!

Вдохнула поглубже, открыла дверь. В доме было тихо и темно. Лишь одинокая лучина, стоящая на столе, освещала горницу. Заряна сидела на месте главы дома и терпеливо перебирала гречневую крупу.

— Чего так поздно? — спросила, бросив на меня беглый взгляд.

— Заблудилась я, Заряна. Пошла гулять в сторону от святилища и с дороги сбилась.

— Немудрено. У нас места колдовские. Человека простого враз запугают да запугают.

Снова посмотрев на меня, женщина едко усмехнулась:

— Слыхала я про тебя. Соседки сказывали, лихо Чернаву уделала сегодня. Что ж ты, никак к колдуну ее примазаться хотела?

— Не хотела я ни к кому... — вдруг меня будто осенило — не знает Заряна ничего. — Чернава эта, дура и есть, только о мужиках и думает.

— А ты стало быть не думаешь?

— О другом я мечтаю, — ответила тише. — А что же ты одна дома?

Заряна помотала головой, не отрывая глаз от темного пятна крупы на столе.

— Милан и Арьяр спят уже. А я вот кашу завтра сварить решила.

— Может, помогу? — робко спросила я.

Заряна отмахнулась и на ее лице недовольство промелькнуло.

— Иди лучше спать. Я и сама споро управлюсь. А тебе еще завтра в дорогу собираться.

Последнее сказала так, будто выдохнула с облегчением. И то ясно — рада, что я ухожу. — Тихой ночи, Заряна, — проговорила я и бесшумной тенью скользнула в комнату, где мне место отвели.

Наскоро разделась, не зажигая свечи, смазала ясниным снадобьем щеку и спать легла. Помогите мне, боги ведуньи, завтрашний день пережить!

Наутро я проснулась измученная дурными снами и постоянными мыслями об Арьяре. Разве ж можно так о мужике переживать? Ни капли сожаления у меня не было. Жаль только, что хорошего человека обидела. Он мне и помог, и приютил, и заботился, а я...

Правду люди говорят, сердцу не прикажешь. Если б я чуюла, что мне он предназначен, да что судьбы другой нет, так и слова сказать не посмела бы против.

«Сердце свое слушай, оно вернее и мудрее», — старые люди говорят. Вот я и верю им, жизнь прожившим.

Поднялась я, быстренько собралась, косу заплела и тихо, чтоб никто не приметил, в горницу прошла.

Солнышко уже всю светило за окошком, а, значит, Заряна одна дома должна быть. Крадучись, чуть ли не вставая на носочки, я приблизилась ко входу в горницу и остановилась. Не одна Заряна в доме...

— И на что ж ты только польстился! — сетовала она. — Девку чужую в дом привел, небось, здесь ее и оставить хотел... Ой...

Послышался звук будто тарелка деревянная в сердцах на стол брошена.

— И где ж такое видано, чтоб чужачку в доме своем держать столько времени? Думаешь, люди не видят? Вон молва уже по деревне пошла...

— Хватит, — негромко отвечал ей Арьяр. — Завтра она уходит.

— И правильно! Правильно! — согласилась Заряна. — Нечего ей тут! Загостилась. Или ты ее за себя взять задумал? Арьяр?

— Хотел бы, так взял.

Послышался скрип скамьи, тяжелые мужские шаги и хлопок входной двери.

— Ох, вразуми его, Ларьян — батюшка, — прошептала Заряна.

Я, помедлив минуту, вышла из-за дверного косяка и поздоровалась с женщиной. Та нехотя кивнула и вернулась к своему котелку с кашей, от которого шел густой пар.

— Давно встала? — спросила, не глядя на меня.

— Только что.

Заряна резко обернулась, забыв про свою работу.

— Слышала разговор?

Я обреченно кивнула.

— Так вот что, девка, мы тебя приютили во время болезни, но пора и честь знать. Вот тебе порог — собирайся и уходи. И чтоб не было моему сыну от тебя тревоги.

— Я не хотела...

— Толку что не хотела. Только я его лучше знаю — все в глазах написано. Не держи зла, Вельма, но не рады тебе в этом доме.

— Завтра уйду, — лишь проговорила я и вышла из дому.

Не след мне больше находиться там ни минуты.

Ох, катись скорее колесница-солнце, да уступи место птахе небесной, а от ее прихода и до утра недолго.

Вышла я со двора, не зная, что делать. Переждать надо этот день где-то, только бы Арьяру на глаза не попадаться.

— Вижу, с печалью пришла, — с порога сказала мне Ясна.

— Твоя правда.

— Ну, так входи.

Знахарка перебирала травы, внимательно осматривая каждый стебелек, каждый листочек. Если находилось что лишнее, она его отрывала и тут же выбрасывала.

Я села рядом с ней и взяла со стола синенький цветок. Пах он летом, неясной горечью полевых трав и будто бы теплом от него веяло. Много раз я видела такие.

— Что за цветок такой? — спросила.

— Медунка. Против кашля ее пьют, — объяснила Ясна. — Я сегодня до рассвета поднялась и собрала. Пойдут холода, людям этот отвар нужен будет.

Она взглянула на меня проницательным, внимательным взглядом и спросила:

— Так что случилось у тебя? Ты ведь уходить завтра собралась?

— Собралась и уйду. Не могу дольше в доме Арьяра находиться.

— Никак с Заряной не сошлись?

Я только кивнула.

— Пустое. Тебя дорога ждет, не тревожься о другом.

— Вот за тем и пришла к тебе, Ясна. Расскажи мне, где в Трайте чародеев искать, что обучить меня смогут.

Знахарка оторвалась от трав и, будто что-то вспоминая, посмотрела в окно.

— Плохо я помню дорогу, да рассказать попробую. Смотри не спутай после ничего.

Ухватившись за перекладину невысокого забора, я встала на носки и заглянула во двор. Чистым и ухоженным он казался только на первый взгляд. Присмотрись получше и увидишь, что поленница сложена абы как, у забора лежат полусгнившие доски, а сам дом опасно покосился.

Войти в калитку не получилось — видать, она заперта изнутри.

Черный кудлатый пес, дремлющий у своей конуры, открыл глаза и, завидев меня, вскочил и радостно завилял хвостом.

— Ну что, дружок, дома ли твой хозяин? — спросила я.

Пес будто бы понял и хрипло словно древний старик залаял, повернув морду в сторону дома.

Я принялась терпеливо ждать.

Спустя несколько минут послышалось кряхтение. Откуда-то из-за дома показался старик. Ловко для своих преклонных лет, он шел, задумчиво поглаживая окладистую бороду.

— И чего ж ты лаешься, Жук? — проговорил, остановившись перед псом. Да так посмотрел на него, что-то сразу и притих, даже хвост поприжал. Знает, прохвост, что хозяин

с ним говорит. — Что тебе опять нейдет?

Жук, кажись, понял и мотнул мордой в мою сторону. Хрипло гавкнул и стал дожидаться что же дальше.

— Здрав будь, дед Ждан! — крикнула я, снова поднимаясь на носки. — Пустишь гостью на порог?

Старик сощурился, всматриваясь в неожиданную пришлицу, и кивнул после:

— Отчего ж не пустить? Лисицы-то ко мне нечасто приходят, а уж такие...

Терпеливо дождавшись, пока он откроет, я наконец-то очутилась в его дворе.

Ждан повернул засов на двери и обернулся на меня.

— Эх тебя Чернава изукрасила, — по-стариковски усмехнулся он. — Постаралась девка на славу. Да и ты ей, говорят, под глазами круги навела?

— Я защищалась, а она нарочно.

— Ну, будет, — остановил старик. — Передо мной-то не след оправдываться. Я ж и без того все вижу. Зачем пришла-то? Кажись, не шибко я тебе тогда по нраву пришелся.

— Поговорить хочу, — ответила, неловко с ноги на ногу переминаясь.

Ждан снова погладил бороду и, не сводя с меня своих колдовских глаз, кивнул:

— Отчего не поговорить, если человек просит хороший? Идем в дом.

Пес еще раз гавкнул, недовольно на меня поглядывая.

— Спасибо тебе, дружок, — проговорила ему.

Жук вильнул хвостом и, будто бы одобряюще кивнув, полез в конуру.

— Понимает, прохвост, — усмехнулся Ждан. — Да и немудрено. Тебя разве ж только перевертыш не поймет.

— Почему не поймет? — спросила я, поднимаясь вслед за ним на крыльцо.

— Дар твой только на зверей природных действует. Встретишь перевертыша — беги без оглядки, коли серебряной стрелы нет и меча на поясе.

В тесном домишке Ждана было душно и темно. Две комнатки, увешанные пучками трав и кореньями, жидко уставленные мебелью, да нехитрой утварью у печи.

— Живу, как видишь, один, — проговорил хозяин, будто извиняясь за свое жилище. — Только Жук мне товарищ. Гостиата моя десятый год как померла, а детей боги не дали. Да ты садись, чего стоишь, лисица! В ногах правды нет, а тебе твои и подавно поберечь нужно.

Помня все, что говорила Ясна про деда Ждана мне не по себе стало. Вдруг как скажет что дурное, как же жить потом? Ох, чую зря пришла.

— Ну, спрашивай, чего хотела? — в глазах Ждана играли озорные огоньки. Видать, потешиться надо мной решил.

— Говорят, ты, дедушка — вещун?

Он только руками развел.

— А много чего болтают! И про тебя, и про меня.

Я на миг растерялась:

— Про меня и говорить нечего — чужачка я. А тебя люди знают, врать не станут.

Ждан хитро сощурился:

— Сказывали вчера бабы на площади, что ты Арьяру полюбовница, а от него к Ладимиру решила перейти...

— Врут все! — так и вспыхнула я. — Уж если и ты, дед Ждан, веришь...

От возмущения даже вскочила и собралась было уйти.

— Стой, лисица дурная, — рассмеялся Ждан. — Шуток поди не понимаешь?

— А ты чего со мной шутишь? Я ведь за правдой пришла!

— Сядь-сядь. Знаю я твою правду. И что замуж уж дважды идти не схотела, знаю. И зачем пришла тоже знаю.

— Раз знаешь, скажи, что ждет меня?

Ждан не спешил говорить:

— А осмелишься ли правду узнать? Вдруг дорога твоя не так легка окажется?

— Какою бы не была...

Старик снова засмеялся и певуче, будто гуслиар заезжий, заговорил:

— От околицы до околицы пыль клубится. То верхом, то пешком по дороженьке путникам покоя нет на семи ветрах. А за стенами каменными ждет воин с мечом булатным. Глаза его неба серого, а в руке его цепь да грамота. И что выберешь, то и сбудется.

Я слушала его и запомнить старалась, каждое слово повторяя про себя. Сидела, а по телу так мурашки и бежали. Страшно мне. Но, раз уже решился, так до конца дослушаю.

— Вьюжный путь труден и жесток. За кем не уследишь, того и потеряешь. А коли трех попутчиков себе возьмешь, так и сама живой останешься. И смотри, чтоб верные были — сталь, кровь и чернила. Далек твой путь, страшно, как далек. Пять земель что день покажутся. Подернутся алым покрывалом заморским и не разорвать его. С даром твоим весь мир пред тобою, да только ты прислужница. Три битвы кровавых, одна дорога и слез река — вот что увидишь. Смотри только бусины белой не теряй, не то и себя утратишь.

Проговорил и замолчал.

Я как очнулась, на щеке своей слезу ощутила.

— Что, страшно стало? — сощурился Ждан. — Правда — она не каждому сладка.

— Так вот за что тебя люди боятся, — тихо проговорила я, поднимаясь.

— Не держи зла, лисица, — только и ответил старик. — Не моя в том вина. Что вижу, то и скажу. В судьбе лгать не стану.

— Спасибо, дед Ждан. Пусть боги хранят твой дом.

Я поклонилась и быстро вышла.

Пророчество его так с губ и не сходит. Помню. Каждое словечком повторяю. Будто мороз по коже от них. До седых волос не забуду теперь.

Утром, чуть солнышко ветвей коснулось, я с собранным мешком и небольшим узелком вышла на крыльцо арьярова дома.

Прохладный освежающий воздух тут же пополз по коже, норовя проникнуть за шиворот и пробежаться по спине. Немного вздрогнув от такого прикосновения, я плотнее запахнула куртку, подняла ворот и побрела к воротам селения. Туда, где с Ладимиром встретиться уговорились.

Заряна с младшим сыном не вышли меня провожать. Лишь сухое «легкой дороги» мне прощанием стало. И то верно, зачем я им? Чужачка, одно слово. Арьяр — тот и вовсе куда-то исчез. А я и дознаваться не стала.

У ворот уже маячила фигура Ладимира. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, колдун ждал моего приближения. Взгляд у него был такой, что хоть от молний уворачивайся.

— Ох и долго же ты собиралась, Вельма, — без тени насмешки проговорил он. — Видать, косу спросонья сплести не могла.

Я недовольно скривилась и ответила:

— Для тебя ж старалась. Зря что ли Чернава все лицо исцарапала? Уважить девку надо. Колдун закатил глаза.

— Чую, натерплюсь я с тобою.

— А уж я как натерплюсь.

Безнадежно оглянувшись назад, я поняла, что Арьяр не придет.

Плохо. Не хотелось с тяжелым сердцем Подлесье покидать.

— Поехали что ль?

— Не спеши уж, — Владимир повернулся в сторону и кликнул Амельда.

Через минуту привратник вышел к нам из-за караульного домика. Да не один. Под уздцы ведун вел двух коней — черного как ночь и в яблоках.

Увидев их, я опешила, рот открыла, шумно выдохнула да так стоять и осталась.

— В седле-то удержишься? — усмехнулся Владимир.

— Удержусь... — справляясь с удивлением, проговорила. — Только откуда?

— А ты поди думала, у нас и лошадей нет? — Амельд протянул мне поводье. — Держи крепче. Этот твой будет.

Кобыла, та, что в яблоках, моргнула, смеряя меня взглядом умных сливовых глаз и потрянула головой. Будто кивнула и что-то одобрила.

— Ее Миркой зовут.

Я сжала в руке повод и посмотрела на Владимира.

— Ну, чего перепугалась, лисица? — засмеялся он. — Как зверей диких заклинать, так мастерица, а как лошадь увидела, так и дух в пятки? Не трись, мои это кони.

Я выпрямилась, горделиво подбородок вздернула. Как обычно делала, ежели показать желала, что не задела меня за живое слова.

— Что ж, думаешь, лошади боюсь? — провела рукой по миркиной морде. — Мы с ней сдружимся, да, ласточка?

Кобыла согласно фыркнула и ударила копытом.

— Вишь, понимает, кто рядом.

Владимир покачал головой.

— Ладно, Амельд, прощай, — обнял товарища, дважды хлопнул по спине. — Мир тебе.

— И тебе не хворать, колдун. Смотри, не озоруй больно, а то, того и гляди, Трайту княжескую спалишь. Помнишь-то, как дом Свана в младенчестве поджег?

Они рассмеялись и крепко пожали друг другу руки.

— И ты прощай, Вельма — рыжая лисица, — улыбнулся привратник мне. — Жалко, что уходишь.

— Неужто заскучаешь?

— Так кто ж еще на площади подерется? Наши-то вряд ли.

— Прощай, — только и ответила я. Видать, молва людская из меня прямо зверя лютого сделала.

Владимир ловко взлетел в седло и я, хоть и не так проворно, но все ж не кулем заняла место всадницы. В родной моей Растопше дурным считается, если баба верхом ездит. Помню, крепко я получала от отца и матери за такую вольность. Но как однажды, забавы ради, усадил меня братец в седло, так уж оттуда и вытащить не сумел.

Мирка фыркнула, мотнула головой, отчего пальцы мои погладили шелковые локоны ее гривы. Тут я только заметила, что мастью кобыла всаднице подстать — грива-то чуть

рыжевата.

— Едем?

— Едем, — кивнула я и снова назад оглянулась. Нет Арьяра.

— Открывайте, друже, — скомандовал колдун.

— Что ж Арьяр тебя не провожает? — осмелилась спросить, ударив Мирку ногами в бока. — Едем, ласточка.

— Арьяр затемно в лес ушел на охоту. Мы уж вчера попрощались, — оглянулся на меня и добавил: — Тебя просил беречь.

— Вот и береги.

Подлесье, ведунья вотчина, осталось позади. Не увижу я больше дома Ясны, не услышу скрипучего голоса деда Ждана, той флейты, что пастушок вечерами играл одно не услышу. И не бывать мне больше в доме Заряны, не молиться на здешнем святилище. Арьяра больше не поцеловать и глаз его холодных не видеть, да и женой ему не стать.

Не вернуться мне в эти края. Прощай, Подлесье и народ твой славный. Сохрани меня, Ларьян-батюшка. Дай мудрости, Вела-вещунья. Путь мне верный укажи, Славша — странник.

Ехали мы молча. Лишь изредка я на колдуна поглядывала, только все время на спокойный да ровный взгляд натыкалась. Не усмехался, не гневался, не улыбался. Разве ж Ладимир таким бывает? Выходит, бывает.

— Долго нам до Трайты ехать? — спросила наконец.

— Долго.

А и то! Чего ж еще сказать-то? И ответил, и ни слова не понять.

— Сколько ж?

— Верхом за две недели управимся. Если погода не испортится.

Две недели! Хотя я грамоте и не обучена, а знаю, что в неделе семеро дней и каждый от солнца до солнца. Пока птаха не слетела с гнезда — день, как только крылом махнула — ночь и нового дня жди.

Отец мой, торговал всю жизнь с купцами заезжими, лавку свою держал. Он человек, грамоте обученный. Книжки какие-то все писал пером острым, считал чего-то. Братьев моих старших, Станимир и Третьяка, обучил читать и писать, а нам, девкам — Ружице, Любомире да мне — учиться ни к чему, решил. Сестрам-то ладно, а вот я. Кто же думал, что в белый свет уйду?

— Не испортилась бы, — пробормотала в ответ.

— Размокнуть боишься?

— Боюсь грудную болезнь схватить. Ты-то не поможешь.

Ладимир будто не заметил укора моего.

— Ну помирать не брошу.

— Ты ж не знахарь.

— Не знахарь, — спокойно согласился он. — Но кое-чего о травах и снадобьях знаю.

И что ж ты только не знаешь? Обо всем, видать, научили.

Опустив глаза я увидела, как шелковая трава стелется под копытами Мирке, а пчелы с цветка на цветок перелетают и собирают мед. Не боюсь их совсем — с роду не кусали.

Лес позади уж остался, а поле только-только объятия свои раскрыло. Исчезла сама память о селении ведуньем. Впереди расстилалась широкая необъятная белардская степь. В наших краях куда ни глянь — то поля, то степи. Вот дальше, к северу, там сплошные леса. Густые, непролазные, темно-зеленым покрывалом на холмах лежат. Сказывали люди, что на тех холмах и Трайта стоит, бескрайним зеленым окруженная.

К востоку тверди каменные, что горами зовутся, а за ними... А что за ними я и не знала. И никто не знал. Бывалые люди говорили, будто там племена дикие живут — кочевники, да лесной народ. О первых все знают и боятся, что их орды в Беларде подойдут. А вот вторые — те вовсе незнакомы нам. Сказывал один гусяр, что живут они в чаще густого леса, своим богам поклоняются, да с духами предков говорят. И носят на себе шкуры диких зверей, ими убитых. И нет у них ни городов, ни государств, ни князя, ни рати — только дома крепкие толстостенные, что от лютых морозов хранят.

А к западу, до самой границы, те же беларды живут. А уж за заставами княжескими лежит диковинная страна, что Ельнией зовется. Сколько раз снилась мне она, сколько раз грезилась. Говорили купцы заезжие, что дома там все каменные. А правителя тамошнего не князем, а королем величают. И сидит он на высоком троне в крепости такой, что никакой армии приступом не взять. Ежели скучно ему станет, так он промеж своих дружинников, что рыцарями зовутся, состязание заводит. Сходятся они на длинных копьях и верхом. Кто другого из седла выбьет, тот и победитель.

Армия там сильная, с чародеями заодно стоит. А витязи королевские каждый свой знак имеет, на щите начертанный. Еще, сказывали, одеваются там не так, как мы. Лаптей и вовсе не носят, а уж чтобы баба в сарафане ходила, так совсем непристало. И боги там другие, и порядки, и обычаи, и люди. Вот бы мне попасть туда, вот бы хоть одним глазком все увидеть.

Велик наш мир. И сколько же в нем всего интересного, сколько я не знаю и не видела. Говорят, что есть земли, где сплошной песок и волны на нем, будто в море, будто живые.

А еще слышала я сказку о заповедном острове, где сохранилось древнее племя змей крылатых. Будто бы драконами их прозывают. Будто бы мудры они и живут вечно, и хранят несметные сокровища. Врут видать люди. А, может, и не врут?

— О чем задумалась, лисица? — вырвал из сладких грез Ладимир.

— Не о тебе уж верно.

Колдун только усмехнулся, что привык делать при каждом моем слове:

— Поговорим что ли? А то уж совсем скучно стало.

Вот те раз! То молчал как сыч, а то «поговорим»! Не зря баба Пронья сказывала, что мужиков в жизнь не понять. А колдунов того и подавно.

— Можно и поговорить. О чем желаешь?

— Смотрю вот на тебя, Вельма, и думаю, чего ж девка молодая решилась одна в Трайту ехать?

— Арьяр что же, не сказал?

— Что сбежала? — спокойно, не обращая внимания на мои глаза удивленные, спросил Ладимир. — Сказал. А отчего ж сбежала? Не каждый день девки из дома бегают. Иные вон и за ворота выйти боятся.

Я натянула поводья Мирки и сравнялась с Ладимиром.

— Иные и с мужиками чужими в дорогу не идут, — сказала. — А мужики иные девкам головы не морочат, чтоб те морды друг другу били.

— Уела, — довольно протянул Ладимир. Будто ему нравился спор наш. — Чернаве я голову не морочил. Сама за мной увязалась. Думала, раз краше ее в селении нет, так на ней и женюсь.

— И что ж не женился? Не подошла?

— Отчего ж? Подошла бы, если б не сварливой была да я б не колдун. У нас ведь, Вёльма, чародеи не женятся.

— Как? — я даже в седле на миг покачнулась.

— Да ты с лошади-то не падай, — засмеялся мой спутник. — Тот, кто путь служения выбирает, должен что-то взамен отдать. Вот и лишают они себя семьи и детей.

— А как же прабабка моя? Она ведь жрицей была?

— А муж у твоей прабабки был?

Я только плечами пожала. Почему же мне знать?

— Вот видишь. Тот, кто с даром родился, выбрать должен — путем человека идти, или, путем чародея. Негоже богов и людей обманывать. На то, чтобы силой овладеть, годы нужны. А разве с мужем и детьми они у тебя будут?

— Оттого ты Чернаве отворот поворот и дал?

— Не любя мне Чернава — вот и весь ответ. Да и чего таить — девок много, а я один.

— Ох ты ж гусь, — я скривилась и отвернулась.

Мы въехали на холм, откуда открылся вид на широкую, утопанную повозками и копытами коней дорогу.

— Стало быть нам туда?

— Туда, — кивнул Ладимир. — До самой Трайты доберемся. — подстегнув коня, он снова ко мне обратился: — Ты-то не увиливай от ответа. Зачем из дома ушла?

— От замужества бежала, — сказала и гордо выпрямилась.

— Ой ли? — в который раз засмеялся Ладимир. — И кто ж позарился?

— Уж коли на тебя позарились, так отчего ж на меня не глянуть!

— Не шуми, я шучу. Значит, не хотела ты у печи стоять да детей растить?

— А чего мне печь? Мир вон как велик, а я что ж, весь век на нее смотреть буду? — не выдержала, честно сказала.

Думала, посмеется надо мной, опять какую пакость скажет. А вот и нет, даже согласился:

— Твоя правда. Негоже чародейке в глуши сидеть да дар свой губить. Дар ведь, если внутрь затолкать, вредить станет. Сжигать человека дотла, наружу рваться. Верно ты поступила, Вёльма. Не могу тебя судить. Только вот не боишься, что искать станут?

— Боюсь, Ладимир. Очень боюсь. Отец с братьями, может, уже клич пустили, что пропала их девка.

— На поиски-то выехать могут?

— Не знаю даже. Не шибко они любили меня, не шибко баловали. Разве что за молву людскую побоятся.

Он посмотрел на меня и как-то сочувственно произнес.

— Чудная ты, Вёльма, оттого и не любили. Вороны и те белых не любят, а люди подавно.

Отвернулась я от него. Вспомнила, как отец в сердцах говорил: «Послали же боги мне такое наказание! И что тебя ушедшая не заберет? Ох, сбуду тебя, Вёлька, со двора! За первого встречного отдам и имени не спрошу. Чтоб семью перед соседями не позорила!»

Хоть и родные, а не нужна я им была. На отца лицом не похожа, люди на меня все пальцем тыкали, а родные сестры помехой называли. Нет, верно, что ушла. Им легче станет, а мне... Не была я хорошей, такой, как другие, знать ввек не стану.

— Чего это ты, Вельма?

— Ничего, — сказала, стирая слезу со щеки грубым рукавом куртки. — От ветра глаза болят.

Ладимир все понял. От него ведь не скроешься. Но виду не подал.

Указал куда-то в сторону от дороги, где темное пятнышко деревьев виднелось.

— Там заночуем.

— Там, так там.

Чудеса в решете — дыр много, а выскочить некуда.

(славянская пословица)

Остановились мы, в том самом месте, которое Ладимир указал. Не ошибся ведун — славно тут. И неприметно, и тихо, и от дороги далеко, да и колодец есть. Видать люди издавна тут стоянки устраивали и соорудили, чтоб путникам легче было.

Поснимали мы с наших лошадок сумки, расседлали их, стреножили и на травку, пасться, отпустили. Благо тут вся земля ею покрыта, мягкой да шелковистой.

Ладимир обошел нашу стоянку, что-то про себя бормоча. Потом вдруг на колени опустился, ножом по земле черту провел и с силой его воткнул.

— Чего это ты делаешь? — спросила я, издали за ним наблюдая.

— Это чтоб лихие люди к нам не приблизились.

— А-а-а... — только и протянула я. Кто ж их, колдунов-то, разберет?

Опустившись на колени перед сложенной кучкой хвороста, наскоро собранного мной же, я отчаянно ударяла кресалом о кремень. Искры вспыхивали и мгновенно гасли, будто издеваясь надо мной.

Ладимир недолго наблюдал за моими мучениями, даже не стараясь помочь. А чего ему-то? Вон как ехидно посмеивается. Думает, нашел себе развлечение.

Наконец, я бросила на траву и кресало, и кремень. Отлепила, налипшие на лоб, пряди волос, и поднялась.

— Вот что, — сказала. — Ты бы сам сел, да огонь развел. Мужичье это дело!

— Да я бы и развел, — осклабился колдун. — Да только ты так старалась, так пыхла. Я уже и мешать не хотел. Чего доброго и меня бы с трутом спутала.

— Ух, ты, злыдень! — крикнула я. — Вот сам теперь и разводи огонь.

Отошла поодаль, на одеяло свое села да руки на груди важно сложила. Ничего, пусть сам попробует. А то привык баб стравливать, да над ними же насмехаться. Злыдень! Слава богам, чародеи не женятся — одной несчастной девкой меньше будет. Попадется ж ведь кому такое несчастье — век все на свете проклинать будет. И чего в нем, бесстыжем, Чернава только нашла. Вон какие глазища наглые, так и норовит посмеяться над добрым

человеком.

Ладимир тем временем, ничуть моего гнева не замечая, опустился возле костра, что я так и не подожгла. Посмотрел на него внимательно. Будто заговорить с хворостом решил! А после рукой над трупом — сухой листвой, что я поджечь собиралась — провел.

— Как же... — я даже вскочила на ноги, чтоб лучше рассмотреть — трут мигом гореть занялся. Огонь живо поглотил его и перекинулся на хворост. — Да как же ты сделал такое?

Ладимир взглянул на меня будто бы сверху вниз (хоть это я над ним и стояла) и проговорил:

— А ты ж в дар мой не верила — вот смотри.

Видать впрямь он колдун. А я то думала — так, прикидывается, вид важный делает. И ведь понял же, что не верила. Ой и Ладимир! Остер на язык, а как силен! Это ж надо — пламя живое вызвать. Никак сам Ларьян его дланью своей коснулся и даром наградил.

В прошлый раз-то он лишь угасающий огонь поднял, а сейчас — из ничего произвел. Не было огня и вот он! Чудеса!

— Ну чего ж перепугалась, лисица?

Я только головой мотнула.

— И не испугалась я. Не каждый ведь день перед глазами моими огонь вызывают. И мог бы сразу сказать, а то заставил мучиться!

Косу назад отбросила, отвернулась. Пусть знает, что не боюсь его.

— Тебе скажи! Я уж думал, кремень расколется.

— Да ну тебя, — сказала и стала котомку с едой, что Заряна в дорогу дала, разбираться. Чего с ним спорить зазря? Одно не переговорю.

Пока я на ужин собиралась, а Ладимир все в пламя свое колдовское смотрел. Вдруг, откуда не возьмись, я скрип телеги услышала. Да так ясно, что мороз по коже прошелся. Откуда здесь телега — вон уж темно кругом. А после голоса — мужские да женские.

— Ладимир...

— Тихо ты, — отмахнулся он. — Путники это. Точь-в-точь как мы с тобой.

— А, если... — не успела я договорить.

— «А, если», Вёльма, то не заметят нас.

Не зря же он нож тот в землю воткнул.

Обереги нас от худого, Славша-странник...

Видать колесо у той телеги совсем худое было. Через минуту я уж уши заткнуть хотела — до того ж противно скрипит. А ездокам ничего!

Пропело свою невыносимую песню и выкатилось на поляну вместе со всей телегой, двумя худыми клячами, да четырьмя седоками.

— Тпру! — крикнул мужик, что на облучке сидел. — Стойте, заразы тощие!

Лошади, ничуть не обидевшись, мирно встали. Привыкли, видать, уже к такому обращению.

Мы с Ладимиром поднялись и стали наблюдать, как пышная баба в белой рубахе стала с телеги слазить. Ее-то и в темноте любой разглядит.

— Ох, да что ж за напасть-то такая? — причитала она, а жалобный скрип только вторил. — Все ноженьки себе отсидела. Говорила ж тебе — тулуп возьми подстелить! — видать на мужика ругалась, а потом к нам обратилась: — Тихий вечер вам, люди добрые! Не пустите нас у огонька погреться. А то уже темно, а мы-то и заплутали...

— Отчего ж хороших людей не пустить? — ответил Ладимир, а я опасно за его

плечом стояла. — Вы кто такие будете?

— Так мы же... — начал было мужик.

— Мы на свадьбу едем, — опередила пышная баба. — К Родне, в Домину. Может, слышали, село такое большое близ Трайты? Меня Румяной звать, а это, — словно нехотя в сторону мужика махнула, — муж мой, Стоян. С нами братец младший — Осьмуша, да дочурка наша — Забава.

— Ну что ж, — Ладимир миг подумал, — проходите к огню, всем места хватит.

Соседи наши шумными да сварливыми оказались. Раньше я все на Ладимира глядела, думала, вон несчастье чьё-то будет. Теперь вижу — несчастья они всякие бывают.

Румяна — шустрая бабенка. Глазки у нее маленькие да быстрые. И все-то она увидит, все-то она приметит, ко всему руку норовит приложить. А муж ее, Стоян, потише будет. Знай, себе на уме. Только уж больно много ругается.

— Ох, хорошо возле огонька посидеть, — вольготно раскинулась на старом, потерпевшем от времени, одеяле, Румяна. — А то целый день на кляче этой трястись, — кивнула в сторону телеги. — Никаких сил нет. Мы ведь в пути уж не первый день. Как выехали третьего дня, так и до сих пор...

Стоян, сидел рядом, пожевывая сочную зеленую травинку и молчал.

— А вы откуда будете? — спросила Румяна.

— А мы...

— Из Клапшины, — резко перебил Ладимир. — Родители вот послали нас с сестрой родню проведать. Весть пришла, что Белёна, старшая наша, двойню родила. Так и везем им привет да благословение.

Румяна на миг сощурилась.

— Вот смотрю на вас и диву даюсь — в кого ж такие разные уродились? Сестрица твоя уж совсем на тебя не похожа.

— Так с чего ж ей похожей быть, — продолжал вдохновенно врать колдун. — Мать моя родами померла, а отец на второй женился. У ней и волосы словно огонь и глаза будто трава скошенная. Сестра моя, Вёлка, как есть она.

Для пущей убедительности он почти ласково погладил меня по голове, а я едва сдержалась, чтоб гадливо не отвернуться.

Румяна расплылась в улыбке.

— Ясненько-ясненько. А то я уж решила, что муж и жена вы, да от воли родительской бежите.

Как же! Да пчёл диких в морду твою любопытную! И стало же дело, кто мы такие? Ух, сказала б я этой Румяне. Вот за что баб не люблю, так это за язык их длинный. И хоть сама баба да сболтнуть могу, а шибко не уважаю, коли в дело твое нос суют.

— Вижу, сдружились вы, хоть от матерей разных? — не унималась противная баба.

— А чего ж нам вражду вести? — улыбнулась я. — Мы с братом не разлей вода всегда были. Белена-то замужем давно, а мы, младшие, остались и вместе росли.

— Любо-дорого посмотреть. Забавка, ты чего творишь?

Дочь ее, девчушка лет двенадцати, точь-в-точь как мать — пышная да востроглазая — все норовила чего-то из узла с вещами вытянуть.

— Прекрати! У тебя руки в золе. Чего доброго, сарафан мне измажешь!

— А на что тебе новый сарафан? Ты ведь не девка на выданье.

— И чего это ты говоришь? — взвилась Румяна. — Ох, задам я тебе, паскуде мелкой.

— Чего ей задавать? — лениво отозвался Стоян. — Дите правду говорит. Отвалили мы немерено за тряпки твои, а теперь еще и тронуть их нельзя.

— Ой, молчал бы! — всплеснула руками супружница. — Сам-то небось пропил бы в корчме. Или я не знаю, как ты с дружками своими гуляешь? Порадовался бы, что жена твоя красивой будет!

— К ушедшей твою красоту, зараза едкая, — пробормотал Стоян и принялся укладываться на ночлег.

— Тьфу! — смачно плюнула Румяна. — Людей бы постыдился!

— А чего мне стыдится? Тебя разве что...

— Ах ты, злыдень дремучий. Да чтоб тебе всю ночь упыри снились!

Стоян только фыркнул и отвернулся от сварливой жены.

— Вот, — заключила она. — Видите, какой мне мужик достался! Одна беда с ним, с окаянным.

Мы с Ладимиром молча переглянулись и как-то без слов друг друга поняли.

Станным мне показалось только то, что Осьмуша, братец Румяны, весь вечер молчал. Сидел чуть поодаль да наблюдал за нами. Лишь при знакомстве слабо головой кивнул. Разве ж может парень в пятнадцать лет таким смурным да молчаливым быть? Не может, верно говорю.

Ладимира я спрашивать хоть и не стала, а по глазам поняла, что колдун насквозь его видит. Будто понял все сразу.

Наутро, когда спутники наши еще спали, ведун разбудил меня.

— Чего тебе? Рано ведь, — возмутилась было я, видя серое марево предрассветных сумерек.

— Разговор есть. Идем.

Зная, что пощады не ждать, я встала и, кляня все на свете, поплелась за Ладимиром. Куда вел меня колдун ума не приложу. Только выйдя за границу круга охранного, что он вечером очертил, да отойдя еще на доброе расстояние, остановился.

— И припало тебе будить меня ни свет ни заря? — начала я нападки, руки в бока упирая.

— Будет тебе злиться, Вёльма. Не знаешь ведь, кто с нами ночь ночевал.

— И кто ж поди-скажи? Странники мирные?

Ладимир только усмехнулся.

— Братца Румяниного видела?

— Видела. Тихий парень и чего же? Спать мне не давать теперь?

— Дура ты, Вёльма. Заклинательница, а дальше носа своего не видишь.

— Сам-то на себя глянь. Умник!

— Перевертыш он, — резко проговорил колдун.

Я вмиг остатки сна растеряла и рот раскрыла.

— Как же? Ларьян-батюшка...

— Так и есть. Меня сразу учуял, вот и молчал. За странника видать принял.

— И что ж делать нам теперь? — я беспомощно оглянулась, желая убедиться, что не слушает нас никто.

У перевертышей слух острый, нос чуткий, а быстры и сильны они как ни один из людей. Ладимир потому и отвел меня подальше, чтоб сказать.

— Я враг ему теперь, — ответил. — Как полнолуние найдет, так добычей стану.

Слышала я сказание о том, что как луна-девица в серебряный свой наряд одевается, так и выходят суженые ее, слуги ушедшей, тоску свою рассказать в истинном облике. Слушает она их песни да не отвечает. А те тоскуют, вновь и вновь возвращаются к возлюбленной своей.

— Так я же с тобой! Ко мне ведь не один зверь не приблизится.

Ладимир покачал головой пуще прежнего.

— А что тебе дед Ждан говорил, помнишь? Обратни силы твоей не признают. Им сама ушедшая покровительствует, а она властью своей делиться ни с кем не хочет. Даже со своими же детьми-заклинателями.

Я даже вздрогнула, будто сбрасывая его слова с себя.

— Никакая я не дочь ушедшей. Ишь чего сказал! Ларьяну-батюшке и Веле-вещунье поклоняюсь.

Ладимир посмотрел на меня будто сверху вниз как на дите неразумное.

— Сила твоя от ушедшей пошла и того ты не изменишь. Хоть и светлая бусина попалась, а все ж из ее ожерелья. Ладно, Вельма. Не о том речь. Осьмуша на меня злобу таит. Чуть обернется и вслед за нами погонится, а перевертышу и всю Беларду пробежать мало будет.

Сказал, а у меня по спине мурашке побежали.

— Что же делать нам теперь, Ладимир? Знают ведь все, что обратни ведунов не любят.

— Один лишь выход — не дать ему обернуться.

— Стой! А Румяна и ее семья? Они ж разве не знают, кто с ними?

Колдун пожал плечами.

— Может и не знают. Сказать им как-то надо.

— И как? Подойду я к Румяне и скажу: «братец твой — перевертыш и скоро на четырех лапах ходить станет»? Да после такого она меня саму пришибет!

Говорила и словам своим не верила! Как же сестра родная про брата своего такого секрета знать не будет? Ладимир будто угадал и проговорил:

— Вдруг у Осьмуши дар недавно открылся?

Я пожалала плечами, не зная, что сказать.

— Есть один способ помешать ему обратиться.

Ладимир легонько прищурился, а я выжидающе на него посмотрела.

Дорога сегодня не в пример вчерашней была — шумная, людная. Со всех сторон голоса лились, ржание коней слышалось, рев волов, что повозку мельника тянули. Я, привыкшая к такому зрелищу — в Растопше частенько торговцы собирались — ничуть не дивилась. Будто дома оказалась снова.

Румяна все так же кляла своего мужа на чем свет стоит, дочка их, Забава, все смеялась, да с проезжающими парнями переглядывалась. Стоян женку свою сварливую все к ушедшей норвил послать. Та будто и не слышала, знай свое городила.

— Не ладно это, что народу столько, — негромко промолвил Ладимир, поравнявшись

со мной.

Я натянула Миркины поводья, чтоб лошадка чуть тише пошла.

— Думаешь, Осьмуша обернется и нападет?

— Не дам я ему напасть, — ответил колдун, — да и обернуться не дам.

С опаской на него покосившись, я плечами пожала. Хоть и видела, как Ладимир пламя призвал, а все в его силу не верила.

— Вишь, как смотрит, — кивнул он в сторону обернувшегося Осьмуши.

Глаз у парня и вправду худой — у меня аж холодок по спине пробежался.

— Врага учуял.

— Ладимир, так если ж обернется, как он тебя найдет? Перевертыши память ведь теряют вместе с обликом.

— Правду говоришь, Вёльма. Только одного ты не примечаешь. Запах.

Я недоверчиво скривилась.

— Что ж он, вынюхивать тебя станет?

— Уже учуял, а после по следу пойдет. Враг я ему кровный.

— С чего ж ведунов они так не любят? — спросила я, наблюдая, как вихрастый крепкий парень, красуясь перед Забавой, гарцует на своем вороном коне. И так зайдет, и эдак. Благо, что Румяна не видит, а то бы так ему задала, что и коня б потерял и сам припустил до самой Трайты.

Ладимир задумчиво глядел оборотню в спину и жевал сочную ярко-зеленую травинку.

— Издавна повелось, что странники наши с детьми ушедшей воевали. Еще до прихода белардов так было.

— И как же вы воевали с ними? — спросила я, уже зная ответ.

— Ясно дело, как, — едва взглянул на меня Ладимир.

«Ясно дело...» — про себя повторила я.

И даже нехорошо как-то стало, будто внутри все заглодело. Я ведь тоже одна из тех, кого ушедшая в мир привела. Хоть и светлая бусина мне, заклинательнице, выпала, а все ж я от нее род веду, ее сила по венам моим течет, ее слова моя прабабка-жрица людям передавала.

— И что ж вы, странники, со всеми подряд так?

Колдун едва заметно повел бровью. Лицо его вдруг таким холодным и жестким сделалось, что страшно. Будто другой человек передо мной предстал — чужой, незнакомый.

— Со всеми, — и добавил: — Заклинателей, правда, редко встречали. Обычно они с нами заодно. Но уж если на ее сторону становятся...

Заметив, как я сжалась и даже в сторону подалась, чуть из седла не выпадая, Ладимир усмехнулся:

— Не трясись, Вёльма. Тебя, необученную, никто не тронет. Не вошла ты в силу еще.

— А если войду?

Он не ответил. Оно и ясно — врагом стану. Как Осьмуша несчастный.

Ох, помогите мне, Ларьян да дочь его, Вела-вещунья.

— Из каких же ты краев, Румяна? — спросила я, по-простецки улыбаясь.

Вот ввек бы с этой вредящей бабой не говорила, да все Ладимир — иди, мол, разговори ее, попробуй узнать чего про Осьмушу, а я пока отъеду, к заклятию подготовлюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Чего он там готовить собирался, я не знала. А только уже битый час жалобы да

стенания Румяны по поводу неудачного замужества выслушивала. Хотя, глянула на мученическое лицо Стояна и подумала, кому из них больше не повезло-то?

— Да с западных земель мы приехали, из княжества Зарецкого. Родители наши уж померли давно — я у них третья была. Сестра моя старшая в Домине с мужем и детьми живет, а остальных наших братьев-сестер ушедшая забрала. Осьмушу вот черная хворь только и пощадила.

Перевертыш злобно зыркнул на меня и видно недоволен остался, что его сестра так разболталась.

Слушала я Румяну, да как-то и не верилось, что правду говорит. Черная хворь в Зарецком княжестве бывала — она там гостя частая. Мы все боялись, что до Беларды дойдет, но боги пощадили — прокатилась мимо.

И то, что люди будто мухи от хвори этой падают, я знала. Станным лишь то мне показалось, что Осьмуша выжил. Черная больше детей забирала, а годков пять назад он как раз малым ребенком был. Вспомнились мне слова Ладимира, мол, не болеют оборотни человечьими недугами.

— Горько это — родных терять, — ответила я. — Ладно ты сделала, что брата к себе забрала.

— А как же по-другому-то? — засмеялась Румяна. — Родная ведь кровь. Осьмуша у нас парень тихий, лишнего слова не скажет.

— Будет уже, — буркнул перевертыш.

— Ишь, засмутился, — ткнула его в бок Румяна.

— У тебя ж язык как помело, — спокойно протянул Стоян, глядя на дорогу. — Ты и упыря до смерти заговоришь.

— Ох, Ларьян-батюшка, обереги, — схватилась за сердце баба. — Все бы тебе среди дня нечисть поминать. Призовешь беду на наши головы.

— А я ее и так призвал, когда на тебе женился. Как есть нечисть!

Ну, а что? Прав ведь мужик!

— Молчи уж, — только махнула рукой Румяна. — Ушедшая тебя заberi...

Вечером мы снова остановились в стороне от дороги. Ладимир тревожно поглядывал на небо, где серебряным кругом расцветала луна-девица. Еще немного и запоют ей свои песни безнадежно влюбленные дети ушедшей, взвоят горестно, а после пойдут злобу свою на всех живых вымещать.

Ох, страшно мне, ох, страшно...

— Ладимир, глянь, — я кивнула в сторону Румяны.

Та склонилась над младшим братом. Осьмуша лежал, едва дыша. Мгновенно побледнел, осунулся, мелко задрожал, будто озноб его бил изнутри.

Колдун коротко кивнул и пошел к ним.

— Что случилось, Румяна?

— Да вот братцу моему чегой-то плохо стало. Не пойму, что и такое приключилось.

— Небось хворь какую подцепил. Бродяга, — буркнул Стоян, сидящий позади меня.

Я оглянулась.

— О чем это ты?

Мужик только махнул рукой.

— Родня у моей женки та еще. Сестра злей зверя лесного, а братец так и норовит куда-то уйти. Каждую луну пропадает. Вроде тихий-смирный, а чуть что сразу из дому бежит. Ох, навязался же на мою голову, ушедшая его забери! Не хватало своих забот, так этот еще...

Ладимир коснулся рукой лба Осьмуши. Тот вздрогнул и будто бы оскалился. Лицо его, всполохами костра освещенное, исказилось злобой.

— Уйди, злыдень, — сдавленно проговорил он.

— Ишь ты, норовистый какой! — взвилась на него Румяна. — Человек тебе, может помочь хочет?

— От колдуна помощи не приму, — отозвался братец.

— Ты что ли колдун?

Ладимир только глянул на нее тем самым взглядом, от которого мурашки бегут. Румяна так назад и отпрянула.

— Вельма, — позвал меня, — Неси отвар.

— Какой отвар? — прошептала Румяна. — Отравить его хочешь?

— Помочь хочу, — процедил ведун. Видать трудно ему такие слова даются. — Взяла бы ты дочь с мужем да отошла подальше.

Забава, все это время мирно спящая рядом, причмокнула губами и перевернулась на бок. Стоян только сплюнул и вспомнил какое-то ругательство.

— Брата оставить предлагаешь? — вспыхнула баба. — Не бывать тому. Кто тебя, чародея, знает! И как совести только хватило у охальника! Брат он мне, не уйду!

— Перевертыш твой братец, — холодно проговорил Ладимир, — На луну глянь и подумай, отчего захворал.

— Ларьян-батюшка, — всплеснула руками Румяна. — Стоян, ты слышал?

— Слышал, — отозвался муж. — Говорил я тебе, что неправильный парень.

Я подала Ладимиру кружку горячего отвара. Из каких трав и порошков тот был сделан — не понять. Разве ж ведун расскажет! Только смотришь на него — будто светится, а запах так и прошибает, пряно-горьким отдает. Вдохнула, а вроде как и сама напилась вдоволь.

— Пей, — приказал он Осьмуше.

Парень передернулся и отвернул лицо.

— Пей, сказал.

— Что ты ему суешь? — встряла Румяна.

— Зелье. Чтоб не перекинулся.

— А разве поможет? — робко спросила я.

Ладимир едва не спалил меня взглядом.

А что ж тут такого? Слыхала я, что такое зелье есть, да только мало помогает. Сказывали, будто темный дар перевертышей вовсе замедлить можно, усыпить.

— Пей, не то своих же погубишь, — жестко проговорил колдун.

Осьмуша злобно сощурил глаза. Кулаки его сжались так, что костяшки на пальцах побелели.

По спине моей вмиг холодок прошелся. Что-то страшное и неотвратимое будто за спиной стояло, надвигалось и не обойти его.

— Ладимир, — прошептала я, — луна...

Она уж почти в зенит вошла.

— Пей, — сам зарычал ведун.

По лицу Осьмуши пробежала странная рябь. Будто волной по коже. Пересилив себя, он сделал несколько глотков.

— Все пей.

— Да что ж ты его мучаешь? — выкрикнула Румяна и выбила из рук Ладимира кружку.

— Ах, ты, злыдня пропащая! — ругнулся он.

Драгоценный отвар, способный помочь парню, расплескался на землю.

— Вот дура-баба! Что ж ты ручищами своими лезла? — закричал Стоян.

— А чего он брату моему отраву давал?

— Да саму тебя отравить мало!

— Молчать! — закричал Ладимир.

Я стояла, едва дыша. Смотрела, как Осьмуша поднялся на ноги, весь будто передернулся и громко закричал. Не просто закричал, застонал, завыл. От голоса его у меня душа в пятки ушла.

— Все назад... — проговорил Ладимир.

— Забавушка, пойдём, — Стоян потащил ничего не понимающую девочку за собой.

Ладимир выхватил из-за пояса длинный нож, зашептал что-то и воткнул его в землю, как накануне делал.

— Не выпущу его из круга, — проговорил.

— Он перекинется?

— Не должен.

Я невольно назад отступила.

Горящие гневом глаза Осьмуши смотрели прямо на меня. То замер он, то вдруг будто судорога по телу прошла. Выгнулся, взвыл и упал на колени. Метнулся в сторону и будто его отбросило назад. Круг, очерченный Ладимиром, не выпускал перевертыша наружу.

— Что делать нам? — спросила я, цепенея от страха. Не думала, что в мире такие страшные вещи делаться могут.

— Ждать. Луна зайдет, он вернется.

Луна...ярко она на небе светит, прямо греет своими лучами перевертыша. А тот мечется в круге невидимом, как в клетке и наружу не может вырваться.

— Ладимир, выдержишь? — прошептала я, заметив, как по виску его каплю пота ползет.

— Выдержу.

А сам все шепчет что-то. Уперся рукой в землю, будто силу свою ей отдает. Глаза его совсем другими стали, потемнели, поволокой подернулись. Помогла бы, да не умею.

Взглянув на Осьмушу, я вскрикнула невольно и, на всякий случай, ножичек свой достала из кармана да сжала крепко. Отвар, что дал ему ведун, сделал свое дело да не до конца — все дурная Румяна виновата. Обращаться наш перевертыш стал. Не до конца, лишь наполовину. Клыки да когти появились, зрачки расширились, а лицо будто и не человеческое уже.

— Да что ж ты творишь, колдун треклятый? — грозно прокричала Румяна и, вырвавшись из рук Стояна, подскочила к нам. И как только сумела, коровища такая?

Схватила она нож, да и выдернула из земли.

— Отдай мне! — кинулась было я, чтоб выхватить его у дурной бабы. Неловко толкнула ее, а та наземь и повалилась.

По коже моей будто холод прошелся.

Обернулась медленно, а Осьмуша меня так и сверлит взглядом.

— Беги, Вёльма, — только и шепнул Ладимир.

Не чуя ног под собой, рванулась я куда-то вперед, в чашу незнакомого мне редкого леска. Темнотища кругом, ветки так по лицу и хлещут, а следом неперекинувшийся перевертыш бежит.

Ох, Вёльма! Нашла же себе забаву вдали от дома.

Ладимир... где ж ты есть? Где ж сила твоя?

Ох, кабы не сгинуть от когтей зверя. Так и слышу, как нагоняет он меня, по самому следу бежит, чуть ли не дыхание его ощущаю.

Была бы я чародейкой, мигом бы его остановила. Сказано, учение — свет...

И что ж я за дурища такая? За мной перевертыш гонится, а я все о пустяках думаю!

Рык его где-то рядом раздался. Я свернула в сторону, надеясь уйти. Ворох листьев зашуршал под моими ногами. Осьмуша то услышал и в погоню пуце прежнего.

Ох, сохрани меня, Вела-Вещунья! Рано мне еще в чертог ушедшей идти.

Бегу дальше и слышу, будто отстал он. В груди так и жжет, воздуха не хватает — отдышаться бы.

Остановилась я, прижалась к дереву. Может, стороной уйдет, не заметит?

Притаилась. Где-то будто голос Ладимира послышался. Знать, не бросил. Следом идет.

Шаги послышались. Не волчьи, человечьи...

Я только краем глаза из-за дерева посмотрела — Ладимир. Стоит неподалеку.

— Вёльма!

Не успела я отойти, как когти мне в плечо впились. Обернулась — в глаза волчьи заглянула.

Закричала, что было сил, да отбежать хотела. Осьмуша со всех сил на меня бросился, не землю повалил. Клыки его к шее так и потянулись. Только и успела я, что по руке его ножичком своим полоснуть. Не сгинет ведь от такой раны. Рыкнул только.

От страха меня будто сковало — крик где-то в горле застыл, тело не слушалось. Помутился мир от боли и ужаса. Только дыхание звериное над ухом раздалось, а после тяжесть на меня навалилась...

— Темное отродье, — ругнулся Стоян, сплюнул брезгливо и камень в сторону отбросил.

Я, мгновенно обретя силы, с криком столкнула с себя Осьмушу. Тот уж и на волка больше не походил — мальчишка прежний.

— Вёльма, жива?

— Д-да... не в-ведаю... — прошептала я.

Руки тряслись так, что опереться на них не могла. Ладимир помог — поднял на ноги.

— Не укусил?

— Н-н-нет. Оц-царапал т-только...

Колдун махнул рукой.

— Не беда. Заклинатели только от укуса обращаются, — посмотрел на Стояна и добавил: — Ловко ты его.

Мужик ослабил.

— Уж не первый день как задумал его огреть.

Ладимир мрачно усмехнулся.

— Вы отойдите с Вельмой, я заклятье сотворю. После амулет ему надену. Уйми пока женку свою. Шибко она любит в чужие дела соваться.

По правде сказать, я б и сама сейчас вредную бабу чем бы огрела, коли бы руки не дрожали.

— Идем, лисица, — подал руку Стоян. — Не будем колдуну мешать.

Я возблагодарила богов и даже не заметила, что еще один человек меня лисицей назвал. Пусть как хотят кличут, лишь бы живой да невредимой остаться.

«Разве после такого уснешь? — думала я, сидя на скомканном одеяле, закутавшись в куртку так, будто это и не куртка старая-истертая, а огромный отцовский тулуп. — Да тут впору себе зелье из сонных трав варить и переполох выливать».

Помню уж было однажды, что в разогретой железной латке плавил надо мной кусок воска пчелиного да заговоры читали. Жар тот навсегда запомню. По коже так и скользил, дух медовый помню, да шепот знахарки неразборчивый. А после, когда уж оплавился воск полностью, она на него взглянула, а там то, что перепугало меня, точь-в-точь вылилось, будто кто картину нарисовал. Сама не смотрела — боялись родители, что снова перепугаюсь. Мала ведь была еще — и пяти зим не минуло. Сейчас уж не вспомню, чего испугалась так. Верно видать переполох выливали.

Луна на небе уже завершала свою колдовскую пляску, тускнела, прячась за пеленой утреннего марева, да по краю обходила горизонт, уступая. Птаха небесная доклеывала зерна и спешила домой, в гнездо, смежить глаза и уснуть. Уходила ночь, а вместе с ней и сила ушедшей на спад шла.

Осьмуша уже совсем прежним стал. Не стало клыков, когтей, шерсти, что редко пробивалась за оборот неполный. Амулет, сплетенный из каких-то цветных нитей и сухих упругих травяных стеблей, дар его темный плотно закрыл, остатки колдовства в себя впитав.

Стоян все связать его хотел, чтоб вдруг чего не дергался. Ладимир же запретил. Сказал, мол, пусть так лежит, ничего не будет. Забава, кажется, не поняла совсем, что стряслось. Пожала плечами и снова спать завалилась. А вот мать ее, Румяна, только и знала, что стенала да ругалась — на мужа, на Ладимира, на братца своего и на меня заодно. Сказала, мол, девка колдуну помощница, вместе они темные дела творят. Дура-баба, чего скажешь!

— Не спится тебе, Вельма? — вздохнул Ладимир и рядом со мной сел.

Я взглянула на усталое лицо. Ясные глаза хоть и покраснели от ночи бессонной, а все ж пронзительными были. Не такие, как у Арьяра. Нет в них льдинок застывших, только огонь — холодный и обжигающий.

— Уснешь тут, — усмехнулась в ответ. — Сам небось спать не можешь.

— Мне спать нельзя. Оставь вас тут и всякое может случиться. Духи здешние и так недовольны, что потревожили их. Шуму только зря натворили.

— Так, значит, ты с духами говорить ходил?

Колдун кивнул.

— Лес тут хоть и редкий да маленький, а все по чину. Поклонился я всем местным обитателям, прощения попросил. Лесному хозяину уйти обещал и перевертыша увести. Тихое здесь место, непривычное для таких существ.

Я поерзала на месте, стараясь скрыть удивление и лишнего не сболтнуть. Опять убеждаюсь, что Владимир силу имеет недюжинную. Это ведь надо — с лесным хозяином да духами говорить. Не каждый может. Я вот сколько лет жила, все думала, что никто не может. А оно вон как — есть, значит, все на этом свете и не сказки это, а быль самая настоящая.

— Что теперь делать будем, Владимир? Нельзя же Осьмушу так оставлять.

— Нельзя, лисица, нельзя, — нахмурился ведун. — Что делать ума не приложу. Амулет я ему сделать могу, чтоб не оборачивался на полную луну. Так ведь долго темный дар сдерживать нельзя. Любая сила выхода требует. Не будет его и сила человека раздавит.

— Выходит, нет для Осьмуши спасения?

— Отчего ж нет? Надо вначале узнать, как он дар получил, а после думать.

Владимир взглянул на небо и чуть сощурил глаза.

— Рассвет скоро, Вельма. Днем нам точно бояться нечего.

Осьмуша очнулся чуть не с первыми лучами солнца. Будто сила светлая его пробудила. Румяна сразу же к брату кинулась, причитать да охать стала. Хотела даже амулет с него снять, да Стоян такой руганью в ее адрес разразился, что та мигом передумала, обозвав мужа упырем, злыднем, тварью поганой и еще кем. Кем я уж не запомнила.

— И как тебя только не сгубил этот колдун треклятый? — продолжала причитать она, глядя братца по голове. — Отравой своей волка из тебя хотел сделать. Да только не допустил Ларьян-батюшка! Взял да и спас несмыслёныша.

Осьмуша опустил глаза долу и лишь изредка вскидывал взор на нас с Владимиром, стоящими чуть поодаль.

— И что он сделал с тобой такое? — не умолкала Румяна. — Что только сотворил, окаянный? Век ведь такого не было! Сколько жил парнишка, никогда, никогда... Ох! Да откуда ж только колдуны эти проклятые берутся?

— Видно, не скоро она стенать закончит, — шепнула я Владимиру.

— Да обеда, не меньше, тут простоим, — согласился он. — Стоян, может, уймешь свою супружницу?

Мужик только вздохнул.

— Тяжкая это работа — дурную бабу унимать. Эй, Румяна, кончай причитать! Отойти от него, пусть люди добрые поговорят.

Баба обернулась к нам и зло сощурила глаза.

— Ишь чего удумали! Добить хотите? Так вы уж лучше меня с ним убейте!

— Сама просит! — гоготнул Стоян.

— Хватит сырость разводить, Румяна, — урезонил ее Владимир спокойным голосом. — Лучше дай мне помочь ему.

— Поможешь ты! Как же! Доведешь совсем парня. А он брат мой единственный.

— Тогда спроси у брата своего, помнит ли он ночь прошедшую.

Румяна покосилась на нас, затем на Осьмушу. А как тот ответил, что не помнит, так

сразу подзатыльник ему залепила и ушла плакать в сторону, кляня все на свете.

Осьмуша, вопреки моему страху, стал охотно говорить с Ладимиром. Амулет его снять не пытался и волком больше не смотрел. Ох, да что ж это я? «Волком смотрел...». Чур меня! Чур!

— Помнишь, как стал таким?

— А чего не помнить? — хмуро ответил паренек. — Уже вторую зиму как луне поклоняюсь. Случилось то еще в зарецких землях. Остался я совсем один как брат старший помер. Делать нечего — пешком в Беларду, к Румяне пошел. Заночевал на краю одной деревни в доме разрушенном, а ночью тамошние вышли перевертыша ловить. Поймать-то поймали, да он меня цапнуть успел.

Мы с Ладимиром переглянулись. Совсем молод еще перевертыш-то. Повезло нам, что ведун так справился умело. Сказывали мне, сила в них такая, что не остановишь.

— Ты, ведун, убьешь меня теперь? — без тени сомнения спросил Осьмуша.

Глядя на его серьезное, не по-отрочески взрослое лицо, Ладимир не сдержал усмешки.

— Не странник я, чтоб убивать детей ушедшей. Помочь чем — смогу. Амулет, что на тебе, не снимай. Отвар, который сестрица твоя расплескала, заново варить придется.

— А дальше-то мне как жить? — в голосе Осьмуши послышалась мольба. — Говорили старики, что дар темный остановить можно.

— Можно, — кивнул Ладимир. — Только мне не под силу это. В Дом Предсказаний тебе надо — там чародеи куда сильнее нас с Вельмой, они и помогут. Я лишь временную защиту тебе дать могу.

Осьмуша опустил глаза.

— Стало быть век мне таким ходить, пока странника не встречу. Румяна разве ж тебя послушает?

— А ты, значит, за сестрину юбку прятаться решил? — не выдержала я. — Сел на шею к ней, любезной, да и думаешь, все?

— Вельма, — хотел было остановить меня Ладимир.

— Нет уж! — продолжила я. — Ночкой прошлой чуть не сгубил меня, а теперь мне же и смолчать? И что ж вы, мужики, такие до жалоб падкие? Коль хочешь судьбу свою изменить, так сидеть на месте не след. Бери в руки котомку и в Трайту шагай. До следующей луны как раз успеешь, а оберег ладимиров тебя защитит. А то сидит тут, ревет! Сестры боится! Да в твои годы уже своих детей заводят, а не скулят будто щенки новорожденные!

Сказала и гордо подбородок вскинула. А что ж? Век ему что ли утешения слушать? Пусть правду знает!

Осьмуша посмотрел на меня так, будто я его камнем, как вчера Стоян, огрела.

— Ты, братец, с Вельмой не спорь, — усмехнулся Ладимир. — Лисицы они часто бешеные бывают, а наша-то и подавно.

Перевертыш громко сглотнул и на меня, грозную, опасно взглянул.

— Что ж ты кричишь на меня? Сказала б лучше, что делать, — так жалобно да несчастно сказал, что я сама не засмеялась. Будто не он вчера волком становился, а я. Только что.

— Спрашиваешь! — хмыкнула в ответ. — Ясно же тебе колдун сказал, в Трайту идти. Темный дар ведь не простуда — сам не пройдет.

— Много ты понимаешь, — насупился Осьмуша. Вроде взрослый парень уже, а как дитя малое прямо.

— А вот и понимаю. Думаешь, сама зачем туда иду?

У перевертыша аж глаза на лоб полезли.

— Так ты тоже что ль...

— Не тоже, — оборвала я, садясь рядом с ним. — Не твоего ума дело. Только сидеть тебе у сестриной юбки незачем.

Осьмуша умоляюще посмотрел сначала на меня, потом на Ладимира.

— Так кто ж меня в Трайту-то проводит? Я ж и знать — не знаю, где она находится?

— А с нами пойдешь?

— Вёльма, — разочарованно протянул Ладимир. — Болтаешь что ни попадя! Ведуна и оборотня в одну упряжь решила взять.

— Потерпишь. Меня же как-то выносишь. Так что, Осьмуша, с нами идем?

Молодой перевертыш тоскливо посмотрел в сторону своей сестры.

— Подумаю.

— Ох и дурень же ты! — только и бросила я.

Скоро сказка сказывает, да не скоро дело делается...

Румяна вон столько всего сказать успела, уж как она нас только не ругала. В жизнь мне видать таких слов о себе не услышать. Болтала-болтала дурная баба и все мешала нам в путь собираться.

Наконец, когда Ладимир не выдержал и гаркнул на нее, пригрозив в гадюку превратить, она чуть примолкла. Ненадолго. Стоило нам только в путь двинуться, как у Румяны снова приступ гнева случился. Теперь уж она по Стояну проходила — и как проходила!

Ехали мы и вдруг видим — народ впереди столпился. Шумно весело там у них. Крики, гомон, песни, гусли да свирели поют.

— Ладимир, гляди-ка.

Колдун приложил ко лбу руку, чтоб от солнечных лучей глаза защитить, да разглядеть все получше.

— Ярмарка там, Вёльма.

— Какая ж ярмарка посреде дороги-то?

Скажет тоже! Вроде ведун грамотный, а такое городит!

Подъехали ближе и поняла я что сама дура темная. Отчего уж не знаю, а только развернулась на обочине самая настоящая ярмарочная площадь. И чего тут только нет! Купцы решились по пути заработать и стали свой товар прямо тут предлагать.

В толпе среди прочих я разглядела молодцов в красных одинаковых плащах. Княжеские стражники. Не раз я их видела. Знаю, что крупные купеческие обозы с ценными товарами охраняют.

— И чего ж это они тут стоят? Где же ночевать будут? Где товар спрячут? — совершенно не понимала я ушлых купцов.

— Туда глянь, — указал Ладимир в сторону, где на склоне холма ютилась деревенька. — Думаешь, кто бы поехал прочь с дороги, чтоб калач купить?

— Твоя правда.

Ладимир хотел миновать торговое место и двинуться дальше. Но не тут-то было! Стоян и Румяна накрепко решились заехать, товары посмотреть, а я даже слушать не хотела о том,

чтоб свернуть. Разве ж можно такое интересное место пропускать? Это, может, Ладимиру все видевшему скучно, а мне-то в диковинку.

В общем, ринулась я в самую толпу торговцев, пестрых красок, аппетитных запахов выпечки, криков и песен.

— Таирские шелка!

— Горячий хлеб!

— Пенька!

— Мука ржаная!

— Мед! Лучший мед во всей Беларде!

Босоногая девица стояла рядом с гусяром, наигрывающем грустную мелодию, и печальным голосом пела слезливую песню.

Ох и люблю же я певцов слушать! Голоса у них такие, что всю душу выворачивают. А песни... Иные без слез слушать невозможно. Так бы кажется и подпевала им, да только боги голосом не наградили. Запела я как-то при гостях в горнице, так мать велела замолчать и прочь с глаз уйти.

Девица, погодка моя, пела так, будто слова из самого сердца лились. По щекам ее слеза тихой лодьей бежала, а в глазах столько печали было.

Выйду я на крыльцо,
Снег клоками валит.
Рядом нет ни души,
Лишь звезда говорит.

Говорит о тебе,
Ясный сокол, ты мой,
Говорит о пути,
О дороге прямой.

Затерялся мой друг,
Нету следа его,
Где-то бродит один,
Мне не шлет ничего.

Нет вестей уж давно,
Жду его у окна.
Снова ночь на дворе,
Стужа так холодна.

Где ж ты, миленький мой?
Затерялся в пути...
Где ты, друг дорогой?
След и тот не найти.

Возвращайся скорей,
Жду тебя и верна,
Возвращайся домой,
Побыстрей, до темна.

Только снег за окном
В доме вновь тишина.
Я поставлю свечу
На столе у окна.

Пусть горит в темноте,
Освещая твой путь.
Чтоб, завидев мой дом,
Не успел ты свернуть.

Чтоб нашел мой очаг,
Милый, ласковый мой.
Чтоб уже не свернул ты
С дороги прямой.

Сяду рядом с огнем,
Буду шить, буду ткать,
Чтоб мой милый, тебе,
Две рубахи отдать.

— Ох... — только и вырвалось у меня, а по щеке так слезы и побежали.
Вынула я из кармана монетку медную да в шапку гуслиару положила.
— Что, Вёльма, завелись у Сеньки деньги? — ехидно усмехнулся Ладимир.

— Не твоего ума дело, — ответила и слезу со щеки стерла.

Колдун присвистнул.

— Эх тебя разобрало-то.

Я развернулась к нему и руки в бока уперла.

— Злой ты да грубый, Ладимир. Ничего красивого вокруг не видишь! Не понимаешь, так и не лезь. Другим не мешай.

Последние мои слова шум толпы заглушил. Пение так понравилось людям, что они тут же щедро стали награждать музыкантов.

Быстренько обойдя все ряды и наслушавшись от спутника своего много всякого, я осталась довольна и согласилась двинуться в путь. Семейку скандальной Румяны мы решили тут и оставить. Нам лишние хлопоты ни к чему. Не хочет Осьмуша в Трайту ехать, так его дело. Сами пусть разбираются.

Только мы отъехали от ярмарки, как вдруг нас нагонять стали. Ладимир остановился, взгляделся в наездника и Стояна в нем узнал.

— Чего тебе еще?

Муж Румяны коня притормозил и, сбивчиво дыша, проговорил:

— Беда у нас, Ладимир. Помощь твоя нужна.

— Какая ж еще беда?

— Дочь наша, Забава, пропала. Увезли ее.

Я так и открыла рот да сказать ничего не смогла.

— А мы с Вельмой зачем?

— Чародеи вы, вас люди послушают...

Вот те раз! Еще и ворожить не научилась, а уже чародейкой зовут.

Ладимир вздохнул и тихо выругался. Да так выругался, что даже Мирка моя уши прижала.

— Ладно, Стоян, — махнул рукой, оглянувшись на светило, к закату спешащее. — Все равно уж далеко не уедем. Показывай дорогу.

Румяна металась между рядами, составленными из повозок торговцев. Спрашивала каждого, видел ли тот ее дочь Забаву, а после, когда тот отвечал, что не видел, ругала его такими словами, что и сказать страшно.

Завидев нас, идущих следом за Стояном, Румяна громко охнула, схватилась за голову и рванулась навстречу. Она буквально вцепилась в Ладимира, никак не ожидавшего такой напасти, и стала кричать-уговаривать, чтоб тот дочь ее непутевую нашел.

— Помоги, человек добрый! Не дай девке пропасть! Увели ведь глупую, а она и пошла, неблагодарная какая... Уж я ей все, а она! Уж не дай девчонку сгубить! Не к добру ведь увел ее! Ох, не к добру!

Ладимир не без усилия отстранил от себя назойливую бабу и отошел назад. Видать боевая Румяна не одного только Стояна ввергала в бегство. Я же усмехнулась — ишь какой! Так, мол, шустрый-смелый, а как до бабьих склок дело доходит, так любому мужику не сдюжить.

— Тише, Румяна, тише! — постарался урезонить ее. — Ты толком скажи, что случилось?

— Вот! — она схватила за локоть и подтащила ближе поникшего Осьмушу. — Вон его спроси! Видел, поганец, кто племянницу его сманил да молчит. Язык часом ли проглотил?

Парень робко дернулся и несмело поднял на нас глаза.

— Что ж ты? Слова сказать нам не мог что ли? — перекинулась на него Румяна. — Молчишь как пень! А дочь мою — раз и увели! Нууу... Скажи хоть что!

— Будет, — Стоян взял жену на руку и оттянул в сторону. — Пусть сам им скажет.

— Так ты знаешь что? — нахмурилась я, упирая руки в бока.

Чего ж злюсь? А то что задерживают меня! Вон еще сколько времени до Трайты ехать да Ладимира несносного терпеть, а тут еще чужие проблемы решаю. А Осьмуша-то хорош гусь! За ним следы, ему помогай, так еще и слова в помощь не скажет! Ох и мужики же пошли в Беларде — как телят за собой на поводке водить надо!

— Видел, кто Забаву увел? — в свою очередь спросил Ладимир.

Перевертыш поднял глаза и кивнул. Все ж мужское слово ему важнее моего.

— Кто увел — не знаю. Видел только, как она с князевыми стражниками говорила.

— Повтори, — приказал Ладимир.

Осьмуша покраснел до кончиков ушей и тихо, прямо себе под нос, пробурчал.

— Ткани она пошла посмотреть, а я за ней — Румяна приглядеть просила.

— Уж приглядел, братец! — крикнула женщина.

— Цыц! Тебе говорят! — впервые за все время рявкнул на нее Стоян.

Я даже рот раскрыла от удивления. Про иных в жизнь не скажешь, что кричать-то умеют.

— Дальше, — велел ведун.

— Дальше, — Осьмуша неуверенно переступил с ноги на ногу. — Дальше к ней витязи подошли в красных плащах да с мечами. Вот такими! Стали ласковые слова говорить, улыбаться. Забава так и слушала их, так и в рот смотрела.

— А после?

— Увели ее после! — снова вскричала Румяна.

— После она все уходить не хотела, — продолжил перевертыш, — Я еле увел ее, а она все оглядывалась. Мы уж собираться стали, только Забава все упрячилась, просила еще задержаться. Купцы уж собираться стали — суматоха началась. Мы только-только вещи в телеге уложили, глядь, а ее-то и нет...

— Так с чего ж ты взял, что князевы люди ее увели?

— А некому больше! — развел руками Осьмуша. — Девки они ж на воинов падки. Как плащ красный завидят, так и следом бежать готовы.

Я презрительно хмыкнула.

— Под одну гребенку-то не равняй.

— Чего ж не ровнять-то, коли правда. И ты б, рыжая, побежала.

— А ну иди сюда, перевертыш, — я угрожающе шагнула вперед, — Сам сейчас до самой Трайты побежишь.

— Тише, Вельма, — Ладимир отодвинул меня назад. — Хватит нам одной скандальной бабы.

— Это кто это скандальная баба? — взвилась Румяна.

— Цыц! — Стоян.

— Дело серьезное, — строго проговорил Ладимир, — Здесь умом надо действовать. Ежели это впрямь князьи люди, то нам им слова поперек сказать нельзя.

— А дочь мою уводить обманом можно?

— Криками тут не поможешь, Румяна. Стоян, ты знаешь, куда отряд двинулся?

— Говорили купцы, что в селе они стоят. Будто бы утром в Трайту отправятся.

— Ладно это — успеем. Вёлма, мы с тобой в село едем. А вы — следом за нами да потихоньку, чтоб не видел никто.

— Отчего ж это? Мою дочь увели, а я потихоньку?

— С воплями твоими мы Забаву так и не вернем.

— Дело говоришь, Стоян. Удержи ее, чтоб чего не испортила.

— Ладимир, а нам-то чего делать? — негромко спросила я.

Он хитро улыбнулся.

— А мы с тобой тоже люди княжьи. Помнишь письмецо от дядьки моего? Нас они точно слушать станут. Ты только наперед не лезь, дай мне сказать, а уж после...

— Что ж я совсем что ль дурная как эта? — легонько кивнула в сторону Румяны.

— Лишнего не ляпни да улыбайся чаще. Девочек красивых все любят да слушают.

От слов его я чуть было не зарделась да вмиг себя остановила. Нельзя ладимировы речи слушать. Соврет — недорого возьмет. К тому ж слова его колдовские вовсе за чистую монету принимать нельзя. А там — кто ж его разберет. Вдруг и впрямь красивой кажусь?

Вскочили мы в седла. Мирка недовольно фыркнула. Я ласково потрепала ее гриву.

— Потерпи, ласточка, скоро отдохнем. Еще немножечко послужи мне — в долгу не останусь.

Лошадь, хоть и сердилась за долгий изнурительный переход, но все ж согласилась дать мне немного времени. Знает ведь, плутовка, что я ее не обделю. И овса, и лакомств всяких вдоволь получит. Не могу я зверей обманывать! Людей запросто, а зверя... Он же ведь все нутром чует, будто знает наперед. А люди, они все обдумывают, все чего-то примеряют — забыли, что удачу свою чуют надо, а не призывать упрямо.

— Как думаешь, сдюжим? — робко спросила Ладимира.

Тот плечами пожал.

— Сам не знаю, зачем в это ввязался. Да делать нечего — едем, лисица.

Солнышко уж совсем закатилось за холм, когда мы в село въехали. Отовсюду тут хлебом печеным пахло, разговоры людские да песни слышались, огни костров кругом горели. Стало быть купцы с товарцем своим знатно шуму понавели.

— Тихий вечер вам! — окликнул Ладимир старика, неспешно бредущего по улице. В руке его были поводья старой клячи, едва передвигающей ноги.

— Тихий вечер, — поднял голову прохожий, расправляя сведенные к переносице, кустистые брови. Окинул нас внимательным взглядом.

— Не скажешь ли, добрый человек, где у вас тут княжий отряд стоит? Нам купцы у дороги говорили, здесь они.

— Здесь, верно говорят. Только вот зачем вам они?

— В Трайту мы едем по грамоте государственной. Дороги-то лихие, сам понимаешь. Вот и думали напроситься к ним в попутчики.

— Ну, коли по княжьему зову, так стало быть возьмут. Там они, — старик указал в сторону длинного бревенчатого дома, — У Пересвета Кривого в корчме стали. Их немного-

то — столько всего, — он показал раскрытую пятерню.

— Земной поклон тебе, — ответил Ладимир.

— Что ж, — закричал старик. — И девка с тобой в стольный град?

— Сестра моя.

— Ну, коль сестра...

Что-то мне в его словах не по нраву пришлось. Будто выведать что хотел, змей старый. И смотрел так будто разбойница я, будто ищут меня, чтоб в темницу бросить.

Ищут...от этой мысли по спине прошелся холодок. Вдруг отец с братьями меня ищут? Я-то, дура деревенская, совсем забыла про то. Езжу тут — налево и направо всем показываюсь...

Ох, беде быть, если ищут.

— Я первым захожу, а ты следом, поняла? Поняла, Вельма?

— Да, — рассеянно проговорила. — Я следом...

Ладимир верно заметил, что со мной стряслось, только не сказал. После уж поговорим.

Корчма Пересвета Кривого темной и неприветливой была. Зашла я туда вслед за Ладимиром и вмиг меня бражным духом обдало — густым да въедливым. Таким, что обычно в волосах остается, да ткани все напитывает.

Освещенная тусклыми самодельными лучинами, корчма была полна народу. За столами сидели люди всех мастей — купцы, поселяне, скоморохи, проезжие. Стражники в красных плащах сидели в небольшой нише за широким столом, уставленным блюдами. Рядом с ними — девка-певунья и спутник ее гуслиар. Девушка ела, а парень наигрывал что-то разбитное и пел.

— Тихий вечер, добрые люди, — позвал нас мужик в грубом небеленом фартуке, с закатанными рукавами засаленной рубахи и короткой, ровно выстриженной бородой. — Нету мест у нас, разве что ужином накормим.

— Не нужно нам места, — ответил Ладимир. — Мы только за делом пришли.

— За каким таким делом? — нахмурился мужик.

— Ты Пересвет Кривой будешь? — растянулась в улыбке я. Благо, щека уже зажила от ясниного снадобья.

— Ну, я, — чуть ласковей проговорил он.

Я улыбнулась еще теплее и вышла вперед, загородив собой Ладимира.

— Вижу, у вас князьки витязи сидят. У нас к ним разговор есть. Ты уж скажи, кто главный среди них, к кому обратиться можем.

Пересвет чуть ослабился.

— И чего ж это девке от княжьих людей надобно?

Я только руками развела:

— А тем, кто общее дело делает, всегда по пути.

Больше вопросов Пересвет не задавал — понял видать, с кем связался.

За столом сидели пятеро, как и говорил прохожий, в красных плащах. Трое молодые вовсе — вроде меня, а двое постарше. Один и совсем седой, с густыми длинными усами в дорогих добротных доспехах. Отчего знаю? Так брат мой у кузнеца в учениках был, ковал иной раз такие, а мне, любопытной, объяснял, чего да как.

— Вот к вам пожаловали, — объявил Пересвет, — подведя нас ближе. — Говорят, дело есть.

Все пятеро уставились на нас. Да так пристально, что аж душа моя в пятки убежала.

— Кто будете? — спросил седой.

— Меня Ладимиром звать, а это сестрица моя — Вёльма, — ответил за обоих колдун. — Мы в Трайту едем по грамоте княжьей. Проезжали мимо — узнали, что вы тут стоите. Решились в попутчики вам напроситься.

Седой смерил нас внимательным взглядом.

— А ну, давай свою грамоту сюда.

Читая бумагу, протянутую Ладимиром, он пожевал губами, отчего усы зашевелились. Я чуть не усмехнулась, сдержавшись вовремя.

— Чародей, значит? Из ведунов? — спросил седой.

— Чародей.

— А девка-то? — перевел глаза на меня. — Точно сестра? Или зазнобу с собой везешь?

— Сестра, — невозмутимо врал Ладимир. — Чародейка тоже. Только не обученная.

Я сразу же выпрямилась и сделала важное лицо. Чародейка же!

Седой только усмехнулся.

— Стало быть, в Доме Предсказаний совсем мужиков не стало, так девок берут? Иль за бабьи юбки прятаться решили?

Сидящие за столом загоготали и колючими, ядовитыми взглядами в меня уперлись.

— Так что ж теперь, что девка? — не выдержала я, перебив Ладимира. — Девка не человек что ли? Все бы вам мужиками над нами, девками, смеяться. Неужто ж чародеек не бывает?

За столом воцарилось молчание. На лицах стражей читалось полное недоумение, а Ладимир метнул в меня такой взгляд, что чуть было не сжег.

Воины переглянулись меж собой, а после еще громче расхохотались.

— Какова! — сквозь глухой смех, проговорил седой. — С такой сестрицей и чары не нужны, да и меч лишний.

Я густо-густо залилась краской и невольно назад отступила.

— Коль живыми нас твоя сестра отпустит, так возьмем с собой, — наконец проговорил он.

— Отпустит — куда денется, — мрачно протянул Ладимир.

— Раз отпустит — садитесь, — седой подождал, пока мы опустимся на край скамьи и спросил.

Я хотела было улыбнуться, но передумала. Покосилась с опаской на бехтерцы да рукояти мечей воинов и решила смолчать. Сколько помню — всегда язык острый мне не на руку был. Пора бы уж за зубами его придержать.

— Меня Далибором зовите. А это витязи мои — Данко, Деян, Мечеслав, Новак.

Воины легонько кивали, слыша свое имя, но говорить вперед старшего своего не смели. Слышала я, что такой порядок во всей княжеской армии заведен — нельзя без приказа и шагу ступить. Оно и верно — служивым людям порядок нужен.

— Значит, в Трайту вместе пойдем, — проговорил Деян, едва ли моложе Далибора. — С нами верней доберетесь и лихие люди не тронут.

— А их и так не тронут, раз такая девка тут, — засмеялся Далибор, покручивая ус. — И чего ж тебя, красавица, в чародейки понесло? Авось бы замуж вышла.

Хотела я сказать, что от замужества бегу и что неужто другого пути девке нет, да не стала. Ладимир уж очень просил все дело не загубить.

— А чего ж не пойти коли дар есть? — только и ответила. — Не всем замуж идти. Вот

теперь с вами до Трайты добраться и осталось.

Ладимир искоса посмотрел на Далибора, потом на меня и легонько тронул за локоть.

— Ехали мы к вам, — мгновенно поняла его, — И видели семью одну. Баба совсем обезумела. Говорит, дочку ее, девчонку молодую, увели. На вас, дурная, грешила. Мы с братом так им и ответили, мол, где ж то видано, чтоб княжьи люди девок крали.

Воины внимательно смотрели на меня. Лица их вдруг напряженными стали. Того и гляди прогонят.

— Говорила еще та баба, будто видела, как вы с ее дочкой у лавки любезничали, — знай, продолжаю, — Да разве ж после такого уводят? Нееет, говорю ей, не о том ты, не о том.

Тут Новак, самый молодой из витязей, оглянулся на соратников и громко спросил:

— Не та ли это девица, которой мы ленту купили?

— Была такая, — согласился Данко, его товарищ. — Так она с нами постояла и к какому-то молодцу, что мукой торговал, пошла.

— Какой молодец? — переспросил Ладимир.

— Ну, дюжий такой, в домотканой рубахе и чуб у него...

— Постой, Данко, — сделал знак рукой Далибор. — Ты зачем спрашиваешь, Ладимир?

Ведун тут же состроил важное лицо и серьезно ответил:

— Найти ее хочу. Помочь добрым людям нужно.

— Просили тебя?

— А хоть бы и не просили. Любой, у кого дар есть, помогать обязан.

Далибор сухо усмехнулся и, положив широкую ладонь на стол, поднялся.

— Тогда мы, княжьи люди, подавно обязаны. Кончай пировать, хлопцы. Идем девку искать.

— С вестями с южных границ мы ехали, обозы никакие не сопровождали, — объяснил Далибор. — Потому не знаем, откуда тот молодец, что девку вашу увел.

Румяна всхлипнула и сдавленно запричитала, но вслух кричать не решилась — княжьи люди ведь не простые попугачики. Их даже эта сварливая баба сторонится.

— Так что же делать мне, батюшка? — взмолилась она, схватив Далибора за руку.

Витязь сдвинул брови и оглянулся.

— Данко!

Кудрявый парень вышел вперед.

— Отвечай, где того мельника видел и каков он.

Данко почесал затылок, припоминая недавние события.

— Здоровый такой, повыше меня на голову будет. Волосы темные да чуб набок зачесан.

— Ну так мы половину деревни схватить можем! — возмутилась Румяна.

— Еще кобыла у него была рыжая, навроде тебя, чародейка.

Ладимир усмехнулся, я откинула за плечо косу и обиженно засопела. Ишь чего удумал — с кобылой меня сравнить!

— Хороша же память у княжьего витязя, — сказала ему. — Кобылу так запомнил, а девицу и не приметил.

Послышались смешки витязей. Я довольно выпрямилась и уперла руки в бока.

— Торговцев тут тьма-тьмушая. Особое что приметил?

Данко задумался.

— Грамота у него гачийская была, — встрял Новак. — Один покупатель спросил, откуда мука, а он ему грамотку под нос.

— Гачийская, говоришь? — нахмурился Далибор. — С чего так решил?

— Такие только у гачийцев и ходят. С желтой лентой на печати.

— Молодец, Новак. Купцы из Гачины всегда вместе на постой идут, стало быть, найдем быстро, — Далибор развернулся к витязям. — Хлопцы, всем по деревне разойтись. Ищите где купцы остановились. А после — сразу к нам, сами ничего не делайте.

— Так как же не делать? — взвизгнула Румяна. — А вдруг они Забаву мою уж увели? А вдруг уведут коли княжьих людей увидят?

— Тихо тебе, — отмахнулся воевода. — Чай не первый день на службе. Знаю, что делать.

— Так ведь...

— Спугнуть можем, — кратко проговорил Стоян.

Румяна уткнулась ему в плечо и тихо заплакала.

Я тихонько подошла к стоящему в стороне Осьмуше. Тот оглянулся, едва я шаг сделала.

— Слышишь стало быть?

Парень кивнул.

— А что ж племянницу свою не искал, раз чуткий такой? — тихо, чтоб никто не слышал, прошипела я.

— Да как-то... — замялся Осьмуша.

— Толку с тебя! «Как-то», — гнусаво передразнила я. — Взял бы и помог. Нюх-то небось звериный!

Взглянув на растерянное грустное лицо Осьмуши, подсвеченное вечерним костром, только рукой махнула и отошла обратно к Владимиру.

— Что думаешь? — негромко спросил он.

Осталось только пожать плечами и кивнуть в сторону Осьмуши:

— Думаю, он бы нам помог Забаву найти.

— Толку с него, — усмехнулся ведун. — Скорей уж, ребята Далибора помогут.

— Хлопцы?

— Они самые.

— Чудное слово.

— Гачийское. Видать воевода наш сам из тех краев.

О Гачине я слышала всего-то пару раз. Как-то к нам в Растопшу заезжали двое — отец и сын — назвались тамошними. Сказывали, что государство это с Белардой на Юго-Западе границы сводит, а живут там кровные братья белардов. Больше ничего и не знаю.

Под тихое подвывание Румяны, вздохи Стояна и нетерпеливое покручивание уса Далибора мы простояли совсем недолго. Хоть и томительно. Вскоре показался Мечеслав — плечистый русоволосый парень со шрамом на подбородке — видать в бою получил.

— Дядька, гачийцы на соседней улице остановились, у гончарных дел мастера Яра.

— Веди, — приказал Далибор и вся наша компания двинулась за Мечеславом.

Дом у Яра оказался не большим, но ладным. Во дворе горело сразу три костра, у которых собрались купцы со своими семьями.

Румяна хотела было кинуться искать дочь, но Далибор и ее, и Стояна удержал. Мол, ждите своего часа.

Я внимательно рассматривала незнакомый мне доселе народ. Гачийцы почти ничем от белардов не отличались. Одеты только были иначе. Бабы вместо свободных рубашек, поясками подвязанных и верхних сарафанов, носили свободные юбки формой колокола, а поверх кофточки с расшитыми рукавами да лентами яркими по краям. В волосах у них, сложными косами сплетенными, такие же шелковые ленты были.

Мужики все в домотканых рубахах с косым воротом, расшитым узорами красного и синего цветов. А вместо штанов простых — широкие шаровары, заправленные в невысокие сапожки. Самое диковинное для меня — так это пояса их. Широкие, с длинными концами узлов и кисточками на концах. Да яркие какие! Наши мужики бы ни за что такие не надели.

— Тихий вечер, люди добрые, — громко проговорил Далибор.

Гачийцы вежливо, но с недоверием закивали ему.

— Который из них? — спросил воевода у только что подоспевшего Данко.

Витязь быстро обежал глазами всех.

— Нету его. А вон те, — указал в сторону, — рядом были.

— Подойдите-ка ко мне, хлопцы, — жестом подозвал указанных Далибор.

Парни переглянулись и нехотя встали.

— На воре небось и шапка-то горит, — шепнула я.

— Злющая ты, Вельма, — отозвался Ладимир.

— Ой, а сам-то? Насквозь их видишь разве?

— Не вижу, — серьезно ответил ведун. — А их вины в том нет.

Я недоверчиво хмыкнула, складывая руки на груди.

— А говоришь — «не вижу».

— Не вижу, — повторил он. — Чую. Виновные пахнут по-особому.

— Чего? — протянула я.

Пес его знает, колдуна этого. Как скажет что-нибудь, так хоть с места не сходи. Не разберешь его, Ладимира этого!

— Ваш дружок девицу Забаву увел? — без лишних церемоний спросил Далибор. — Отвечайте правду.

Парни еще раз нерешительно переглянулись и не решались заговорить.

— Ну? — Далибор нахмурился да так, что мне самой не по себе стало.

— А ну-ка говорите, злыдни! — не выдержала Румяна.

— Не мы ее уводили, — начал один, рыжий, весь в конопушках. — Друг наш, Микола.

— И где ж он сейчас?

— Уехал с девицей к озеру.

— К озеру? — вскричала Румяна. — К озеру дочь мою повез? К какому озеру?

— Так это... — помялся рыжий. — Недалече здесь, за холмом...

— Как же их найти теперь, дядько? В темноте-то, — с сомнением произнес Деян.

— Я знаю, как найти!

Все обернулись на меня.

— Да, знаю, — повторила уверенно. — Вот он, — указала на Осьмушу. — Он поможет.

Парень испуганно повел глазами да хотел было кинуться бежать, но Ладимир удержал

его за плечи.

— Погодь улепетывать, — строго проговорил. — Лучше племянницу свою отыскать помощи.

— И как же он нам поможет, лисица? — чуть сощурился Далибор, разглядывая меня с высоты роста.

— Увидите, — хитро улыбнулась я. — Ну так что, едем?

Озеро, про которое гачиец говорил и впрямь недалече оказалось. Деревенька в ложбинке лежала будто на дне чаши, из холмов сложенной. А озерцо аккурат за одним из них притаилось.

Гладкое зеркало, лишь едва ветерком ночным тронутое, мы сразу увидели. Луна-девица в нем сияющим блюдом отражалась. А по бережкам ивняк порос, густой, нежно шепчущийся с чужаками, покой нарушающими.

— Ну, давай, показывай свои чудеса, девица, — без тени усмешки проговорил Далибор.

Я, ощущая в теле волнительную дрожь — а, вдруг, не выйдет — всмотрелась в ночь. Хоть глаз выколи — не видно и не слышно любовников этих.

— Осьмуша?

Перевертыш, неловко ерзая в седле, подъехал ко мне. Лошадь его едва выносила. Не зря видно говорят, что кони оборотней не терпят. Я ее добрых четверть часа уговаривала да гладила, чтоб та позволила парню в седло сесть.

— Помнишь, как сестра твоя пахнет?

Он кивнул.

— Учужешь?

— Постараюсь, — ответил Осьмуша и, прикрыв глаза, потянул носом воздух.

— С ушедшей играть надумала, Вельма? — шепнул Ладимир.

Я резко оглянулась и только смерила колдуна взглядом.

— Не лезла я в твои заклятия и ты в мои не лезь.

Ладимир присвистнул.

— Никак в силу входишь? — в каждом слове усмешка слышалась. — Смотри не заиграйся.

— Сила силой, а хитрость хитростью, — сощурилась в улыбке я и отвернулась.

За Осьмушей тем временем пристально наблюдали витязи. Далибор решительно нахмурил брови, а его широкая ладонь легла на рукоять меча. Надумай перевертыш чего дурное, воевода ему спуску не даст.

Румяну и Стояна Далибор решил не брать. Оно и правильно. Одна шум поднимет — только испортит все. А кроме мужа ее никто на месте не удержит.

Пока к озеру ехали, мне удалось кое-как объяснить воеводе, что к чему. Думала я, он сразу откажется, как про Осьмушу проведает. Далибор же не сказал ничего против, мол, чародейке виднее.

Осьмуша будто окаменел. Лицо его, бледным светом освещенное, застыло. Ноздри чуть вздымались, а веки подергивались как бывает, если сон дурной увидишь.

На миг страшно стало. Что, если сила луны-девицы переборет? Вдруг берега ладиминова не хватит и Осьмуша превращаться начнет? Тогда убьют его княжьи люди. Не пощадят мальчишку с темным даром. Ох, не довела бы до беды затея твоя, Вельма!

Осьмуша открыл глаза, и я едва-едва стон сдержала. По-звериному желтоглазый с черными, будто тьма, расширенными зрачками. После сморгнул и снова человеком стал.

— Ветер слабый, — пожаловался парень. — Дух едва-едва доносит.

— Ну ты же учуял ее?

Он кивнул и указал рукой вправо.

— Оттуда слышится.

Я вопросительно взглянула на Далибора. Воевода натянул поводья лошади и ответил:

— Едем тихонько. Ты, Вельма с товарищем своим впереди, а мы чуть поодаль.

— Постарайся яснее их учуять, — попросила Осьмушу и добавила, взглянув, как судорожно он вцепился в поводье своей лошади. — И с коня не упади. Давай, Мирка, ласточка, потерпи еще немного.

Кобыла шумно втянула воздух, пошевелила ушами, прислушиваясь к громкому пению цикад и, подчиняясь мне, зашагала по шелковой траве.

— Помоги мне, Вела-вещунья, — прошептала себе под нос.

Ладмир ехал рядом. Я изредка поглядывала на него. Так, чтоб не видел, а то еще смеяться надумает.

Да я бы и сама над собой смеялась. Ишь чего удумала — на колдуна смотреть. А только как вспомню лицо его, когда заклятье читал, как усмехался надо мной, да как в глазах огоньки от пламени играют — так и бегут мурашки по телу. Вот и теперь, в свете луны, ночью — глаз от него не оторвать.

Уймись, Вельма! Сказано, не думай!

Это ведь Арьяра друг, чьей женой стать могла.

Да и разве ж я кому признаюсь, что на Ладимира смотрю? Себе вон и то сказать боюсь, а ему и подавно... Уж как злилась на него, как ругалась, а все смотрю и зачем не знаю.

— Чую, — с робкой улыбкой проговорил Осьмуша, все мысли мои нарушая. — Чую их, Вельма! Там. Оттуда запах.

Он указал на густые заросли, над которыми могучая ива возвышалась.

Я сделала Ладимиру знак и остановилась дожидаться Далибора. Не дело это — наперед старших лезть.

— Осьмуша говорит, там они, воевода.

Далибор спешиться велел.

— Что ж мы без коней хлопца одного не схватим.

По его знаку витязи обошли указанное место, и пошли вперед с разных сторон. Нам велено было ждать на месте, чтоб под ногами у воинов не путались.

— Несправедливо это, — сложила руки на груди я. — Мы же вели их.

— А тебе, Вельма, чародейской, значит, славы мало? — над самым ухом проговорил Ладмир. — Воинскую еще решила приобрести.

— Верно она говорит, — вдруг осмелел Осьмуша, — Забава — племянница моя, а я тут стою.

— Вот и шли бы — храбрец и лисица.

— Знаешь, что, — я развернулась и прямо в лицо ему посмотрела.

В свете луны различила перемену на его лице. Брови взметнулись, губы чуть тронула улыбка. Так бы и залепила ему, как тогда Чернаве.

— Чего? — спокойно проговорил он.

На миг растерявшись, я мотнула головой.

— Тебе бы все над другими потешаться да на больные места указывать. Раз такой сильный да храбрый шел бы в дружину, а не с чародеями посохом махать.

Сказала и отвернулась. Не видела его лица, не слышала его слов. Да и не сказал он ничего.

Через миг послышался девичий визг, потом ругань — белардская вперемешку с гачийской. Заросли пошевелились и перед нами предстал Далибор, а следом Забава и ее любовник.

Девку Деян вел за локоть, а второго Данко и Новак вели с заломленными руками.

— Ишь ты, охальник, — гремел Далибор. — Девицу решил соблазнить!

— Да и не успел, — расхохотались его витязи. — Думал, не найдем.

Гачиец, за которым ушла Забава, оказался впрямь красавцем. Черные как смоль волосы, косая сажень в плечах, росту богатырского. А уж если еще и слов каких ей наговорил, так не диво, что пошла за ним.

— Вяжи его, хлопцы, — скомандовал Далибор.

— Что ж, не дал ты ему дело свое сделать? — засмеялся Ладимир.

— Дал бы да служба не велит, — развел руками воевода.

Осьмуша кинулся к Забаве. Та, прикрыв лицо, навзрыд плакала и ничего не могла сказать.

— Едем обратно, — скомандовал Далибор.

— Удалась твоя затея, лисица, — кто же еще это мог сказать?

— Не все ж тебе побеждать, Ладимир.

Ночь мы провели в корчме. Княжьи люди нам одну комнату уступили.

Как только легла, мне уж не до неприязни к Ладимиру было. Пусть его — лежит по соседству.

Мягкие объятия сна мигом обволокли и убаюкали. И снились мне до утра воды темные да крики птиц невиданных — чаек. Снилось, что восхожу по настилу деревянному на лодью, на носу которой змей огнедышащий. Тучи сгустились на небе, и ветер крепчает, треплет мою косу распущенную.

А я уж и не я вроде. Одета как-то не по-нашему, на плечах плащ серым мехом подбитый. На руке перстень с камнем, словно огонь горящим.

Хлещут волны во всю, бьются о высокие борта. Брызги соленые в лицо мне так и летят. И качает лодью так, что едва я вниз, в темную пучину не падаю.

Чьи-то руки сильные на пояс мне ложатся, удерживают. Обнимает он меня крепко-крепко. И так хорошо, так легко, так радостно.

Только я оглянуться решила, лицо его увидеть, да проснулась...

Ладимир уж сапоги натягивал.

— Ясного утра, Вельма, — чародейски улыбнулся. — Заспалась ты совсем. Далибор с

витязями уже внизу.

Я села на кровати, все еще находясь во власти странного сна, и рассеянно на него посмотрела.

— Ты иди к ним, я чуть позже...

— Смотри, не задерживайся, лисица.

Наскоро умывшись, переодевшись в чистую рубаху, что в мешке дорожном припасена была, я сплела по-новой косу и спустилась в корчму.

— Ясного утра, — поздоровалась с витязями.

Те дружно кивнули и продолжили завтрак.

— Ну что, девица, в путь готова? — спросил Деян.

— Готова, — улыбнулась в ответ.

Взгляд его что-то мне не понравился. Какой-то пытливый и будто ищущий.

— Не так что-то? — решила спросить.

— Да вот думаю о разговоре, что давеча услышал.

— А что за разговор? — спросил Далибор.

— А помнишь, воевода, мы с тобой село Растопшу проезжали?

У меня внутри так все и сжалось как тисками.

Растопша... стало быть...

Обратившись в слух, я внимала каждому слову Деяна.

— Подошел там ко мне мужик один. Говорил, дочь у него из дома сбежала, — говорил он. — Рыжая девица таких же лет. Просил помочь найти.

— Да что им, девкам этим, медом что ль намазано? — встрял Новак. — Куда ни глянь отовсюду бегут!

— И то верно. Чего им не сидится? — поддакнул Данко. — То вчерашняя, то эта растопшинская.

— И что ж та девка? — не обратил на них внимания Далибор.

— Да чего ж? Отец с братьями ее искали-искали, да так и не нашли. Думали поехать далее, а поедут ли.

Деян обернулся на меня и добавил:

— Вот Вёльму увидел и вспомнил. Только про ту девку сказали, мол, некрасивая была, а твоя сестра, — Ладимиру, — твоя сестра красавица как есть. Как только не боишься, что уведет кто?

Ведун взглянул на меня и мотнул головой:

— Да кто ж с ней совладеет? Я и то управы не нахожу. А так и впрямь красивая.

Я чуть улыбнулась, справляясь с предательской дрожью в теле. Слава тебе, Ларьян-батюшка! Уберег ты меня, не вернусь теперь в Растопшу.

Разве ж отец мой за некрасивой поедет? От слов его жестоких будто по сердцу оцарапало. Некрасивая, ненужная, нелюбимая.

И верно, что ушла. И жалеть не стоит.

Крепко привязав к седлу мешок, я только-только ногу в стремя поставила, как вдруг услышала голос знакомый.

— Вёльма! Вёльма, стой!

Оглянулась — Осьмуша бежит.

— Вельма, Владимир... — едва дыша после быстрого бега говорил парень: — И ты, воевода Далибор... и люди князьи... Не прогоните меня! Возьмите с собой в Трайту!

— Решил все ж помощи искать?

— Решил, Вельма, решил, — улыбнулся Осьмуша.

— И как тебя сестра от своей юбки отпустит? — не смолчал Владимир.

И что ж за человек только такой? Ни мига без насмешки не живет.

Осьмуша даже поник, голову опустил.

— Румяне не до меня — она Забавой занята. Отпустила и слова не сказала. Возьмете с собой?

И жалобно так, тоскливо на нас посмотрел.

— Дядька Далибор, — вступилась за перевертыша я. — Не прогони парня. Пусть с нами едет?

Воевода строго свел брови.

— А коль он чудить начнет?

— Оберег на мне, — Осьмуша тут же показал ему подарок Владимира. — Не стану я чудить.

— Не станет, — подтвердила я. — Мы с Владимиром уследим за ним. Правда, Владимир?

Прямо в глаза ему заглянула, ища поддержки. Он миг помедлил, потом чуть улыбнулся.

— Не дадим парню глупостей наделать. Да и луна на ущербе теперь.

— Не гони его, дядька Далибор! — снова взмолилась я.

Воевода усмехнулся и махнул рукой.

— Пусть идет, — сказал. — Твоя взяла, лисица.

Сказал, вскочил в седло и двинулся вместе с витязями своими.

Осьмуша схватил меня за руку и, густо краснея, затараторил:

— Спасибо тебе, Вельма! Век богов за тебя молить буду. Должник я твой.

— Будет, — засмеялась я, высвобождая руку. — Лошадь-то есть у тебя?

Осьмуша с радостной улыбкой замотал головой.

— Ну так ко мне садись, Мирка и двоих унесет.

Владимир только головой покачал.

— Чего это ты? — спросила.

— Не разберу я тебя, Вельма, — ответил. — То ли дурная ты, то ли богами одаренная. Никто против тебя выстоять не может.

Я натянула поводья, ожидая пока Осьмуша позади меня в седле устроится:

— Разве ты только.

Причмокнула губами и легонько толкнула Мирку в бок.

— Идем, ласточка, путь нам долгий впереди...

Глава третья

Не верьте, люди добрые, песням, что гусяры на ярмарках поют. Не слушайте их слов ложных — врут с три короба.

Жила я в Растопше, слушала сказания их и думала, что Трайта — город чудес и люди там всё чародеи да волшебники, а стены...стены белым сияют день и ночь, а во рвах, что укрепляют их, рыбы живут диковинные. Вранье все это — вот что скажу. Не выходит девица-луна, чтоб на Трайту нашу полюбоваться, из-за туч. Она на все и всех одинаково смотрит, боком своим серебряным, поворачиваясь.

С чего ж я так вдруг на гусяров и людские болтливые языки осерчала? Да с того, что к концу второй недели похода нашего с вершины пологого холма трайтовские стены увидела. Выехали мы со стоянки своей на рассвете, а как солнышко к зениту подошло, последний холм миновали. Пред нами равнина расстилалась зеленая да гладкая. Серебристые ленты рек ее трижды пересекали. Одна даже поперек города лечь посмела — Марвой ее прозвали. За что — не ведаю — но как окажусь в Доме Предсказаний, точно спрошу.

— К вечеру доберемся, — с просиявшим лицом проговорил Далибор, заслоня лицо ладонью.

— А если не успеем?

— Успеем, лисица. Домой ведь едем.

Я последовала его примеру и так же прикрыла глаза от прямых палящих лучей. Тюрбан, сооруженный из куска синей ткани, опять украшал мою голову. Помню, увидела я картинку с кочевниками в таких же и запомнила. После стащила у матери кусок ткани, что для платья сестре берегла, да решила такой же сделать. А что ж тут такого? У сестры этих нарядов вон сколько! А мне бы все равно пожалели.

Теперь мне легко удавалось скрываться от солнца, а синий цвет так шел к моей рыжей косе. Даже Ладмир, отбросив насмешки, признал это. Уж не знаю, как мне не покраснеть удалось.

Посмотрела я на Трайту. Большой город. Темный. Стены не сияют совсем — из темно-серого камня. Ров вокруг еще одной лентой блестит, подъемные мосты — чудеса рук зодчих — опущены, а по ним пестрым потоком люди тянутся.

— Считай прибыли, Вельма, — кивнул в сторону Трайты Ладмир. — Небось с непривычки дух перехватило?

— Вот еще, — фыркнула я. — Разве ж тут диво какое есть? Стоит город, стены ночи черней. От чего духу-то перехваченным быть?

— Ты подожди, пока приедем, — усмехнулся Деян. — Там-то уж чудеса начнутся. Я сам в Трайту мальчишкой попал — ох, сколько всего тогда увидел. А ты, парень, чего побледнел?

Осьмуше, которому в пути все же нашли лошадь, в лицо бросилась краска после такого вопроса. Он перевел на меня тревожные глаза и негромко проговорил:

— Боязно мне, Вёльма.

— Чего это?

— Боюсь, как бы чего не случилось.

Я тепло улыбнулась.

— Не один ты такой, Осьмуша. Не бойся. Сама в белый свет еду.

«Тебе-то хоть вернуться куда есть, а мне...» — вслух не сказала.

— Ну, будет языками чесать, — натянул поводья Далибор. — А то и к зиме не успеем.

Едем, хлопцы.

Мы с Ладимиром переглянулись и дружно двинулись вслед за княжьими людьми.

Птаха небесная небось уже заждалась, пока солнце закатится и она из гнезда выберется. Зернышки-звезды по одной стали высыпать на темнеющее небо, когда мы к воротам подъехали.

Тут уж мне без шуток страшно стало. Издали-то на город смотреть — что? Пятно темных стен да неровная линия крыш — горизонт. А вот поблизости...

Ох, не думала, что так велика она, Трайта наша. Ров сажени три будет, а стена — все шесть. Или мне с перепугу кажется?

Несмотря на вечерний час, люд густо толпился возле ворот и, пусть не такой большой как днем, но все ж широкой вереницей тянулся по опущенному мосту.

Вблизи стен ютился еще один город — неопрятные дома и хлипенькие хибарки бедняков. Огороженные легким забором, усадьбы, казались совсем жалкими. Кое-где виднелись подобия огородов, обозначенных ярко-зеленой ботвой.

Все мои радужные мечты о волшебном городе окончательно разбились, будто старый глиняный кувшин, когда я полной грудью вдохнула местный воздух. Зловонье нечистот, всегда сопровождающих человеческое жилье, сразу же ударило в нос. Здесь мой страх прошел и осталось удивление — неужто чудный город так воняет?

Копыта Мирки процокали по деревянному настилу моста. Лошадь с непривычки заволновалась. Не каждый ведь день надо рвом ходила. Чего доброго мост возьмет и провалится, а внизу глубина неизвестно какая. Ох, береги, Ларьян-батюшка. Тут не то, что кобыле, мне страшно стало.

Осьмуша был ни жив ни мертв. Побледнел, глаза долу опустил. От гомона, доносящего из раскрытых ворот города, ему по-настоящему страшно стало. А вот Ладимиру хоть бы хны. Сидит себе в седле, по сторона бойко смотрит. Сказано — был человек в Трайте уж. Не боится вовсе.

На въезде нас стражники — те же княжьи люди остановили. С Далибором вежливо поздоровались, спросили, как поездка удалась, пару слов о нас, спутниках, а потом и пропустили.

Здрав голову, я смотрела на изогнутую арку толстой крепостной стены, что надо мной возвышалась. Ох и глыбища же! Такая если свалится то пиши пропало. Вот теперь-то у меня дух и захватывает при виде такой махины.

Трайта встретила меня шумом, тучей запахов, криками и общей неразберихой. Огни костров и факелов освещали город и нещадно чадили. Прикрыв на миг глаза, я вдохнула здешний ядовитый воздух, а после, снова увидев все вокруг, будто окончательно поняла —

мой путь в чудо-город завершен. А что далее — не ведаю.

Чтоб там ни было, а Трайта все ж дивный город. Говорят про него разное, а в главном, не врут. Из камня выстроен целиком. Разве что у бедняков дома из дерева. Да только бедные все за стенами городскими ютятся.

Нашу Беларду издавна деревянной зовут. За то, что нет здесь, как в просвещенной Ельнии, замков богатых, крепостей каменных и городов неприступных. Только Трайта да Стропье, что у берегов моря стоит, по-западному построены.

Предание говорит, что как пришел Рагнар к власти, созвав всех белардов, так и решил город стольный строить. Созвал зодчих, а они ему все дерево да луб предлагали. Разогнар всех Рагнар, велел становить на воду лодью свою и послал надежного человека обратно в северный край. Приказал ему привезти оттуда лучшего строителя.

Прошло много лун, прежде, чем лодья вернулась. Рагнар уж забеспокоился — морской залив первым льдом подернулся, а с неба белые птахины перья полетели. Однако, успели до зимы и сошел на берег человек с именем чудным Гуди. Беларды как его увидели, сразу потешаться стали, мол, маленький он, щуплый, брови и ресницы белее снега, волосы что птахины перья, а глаза будто льдинки замерзшие. Знахари и вещуны тогда за обереги свои похватались, вспомнили, будто такие люди особым даром богов отмечены и знак особый на себе носят. Жрецы кинулись молиться да жертвы приносить, чтоб оберегли Беларду от беды боги великие. Рагнар только посмеялся над ними. Сказал, мол, чего ж вы одного белого человека испугались, а против целой орды кочевников подниматься — так не думали?

А Гуди все нипочем было. Как только выгрузили его сундук с какими-то свитками да диковинными приборами, так он уж ни на что внимания не обращал. Все сидел под коптящими лучинами, да рисовал что-то. Беларды, что служили ему, только дивились и посмеивались. Белком за глаза прозвали.

Иногда выходил он погулять, на людей чужестранных посмотреть. Язык наш быстро освоил. Любил Гуди белардов о жизни их расспрашивать, смотреть, как быт ведут, что делают, песни слушал, иные записывал. А после опять в свою комнату, заваленную пыльными свитками, возвращался. Целый год так сидел, а после пошел к Рагнару и все показал. Правитель внимательно выслушал его, подвел к окну и говорит: «Вот тебе место, а вот тебе мое дозволение. Коли выстроишь здесь город, с ног до головы золотом осыплю». Гуди засмеялся и сказал, что ему много не нужно — лишь бы голодать не пришлось да оплата труду равнялась.

Трудился Гуди считай десять лет. Город, что выстроил, Трайтой назван был. Рагнар въехал в главные ворота на белой лошади, осмотрел все и остался доволен. Призвал к себе Гуди и велел своим подручным его золотом осыпать. Зодчий нежданно отказался. Взял себе лишь небольшой мешочек с монетами и говорит: «Не вели казнить, конунг, да только не нужно мне богатство. Позволь лишь затею свою давнюю начать на твоей земле. Если на то будет твоя воля, на берегу северном выстрою я город с пристанью для лодей быстрых и драккаров. Давно уж снится он мне, давно покоя не дает». Рагнар было нахмурился, потом рукой махнул и рассмеялся — «строй, позволяю».

Гуди поклонился и к морю на север поехал. Работал он много лет, себя не жалел, а потом слег — заболел грудной болезнью. Сам Рагнар просил его поберечься, отказаться от

работы. Гуди только отвечал: «Город почти выстроен, конунг, дозвожь закончить. Не допустят боги, чтоб я на полпути умер». Как сказал, так и случилось. Через год Стропье стало вторым каменным городом Беларды, а Гуди, его создатель, умер спустя луну.

Эту сказку мне нищий слепой старик рассказал. Пришел он к нашему дому и еды попросил. Я его позвала, хоть мать и ругалась за такое, накормила, напоила, а старик, чтоб хоть отблагодарить, сказание мне новое открыл. Влетело мне тогда за такую выходку от родителей. «Что ж ты, дурная девка, кого попало в дом пускаешь, пока мы не видим?». А я все стерпела. Тогда еще знала, что мир больше Растопши нашей.

Стемнело уж совсем, когда мы с отрядом Далибора попрощались. Пожелал нам дядька удачи и намекнул, что коли увидимся еще раз, не забудет.

Витязи тронулись вперед по широкой улице, а трое — я, Владимир и Осьмуша — остались на месте.

— Куда теперь? — спросила у колдуна.

Он на переулок узкий указал.

— В той стороне дом моего дядьки, Велимира. Переночуем у него, а после в Дом Предсказаний пойдем.

— А меня он пустит? — засомневался Осьмуша.

— Пустит, чего ж нет? Велимир — настоящий чародей. Он и пострашнее тебя нечисть видывал.

Хотела я ему сказать, что не правильно это — человека нечистью честить. Не виноват же Осьмуша, что такая доля ему выпала, не сам же под клыки к перевертышу лез. Хотела и промолчала. Владимира ведь только затронь — еще и по мне пройдет. Спорить с ним сейчас совсем мочи нет. Устала я после долгой дороги, глаза уж слипаются. Лишний раз и заговаривать не хочу.

Уверенно глядя по сторонам, Владимир ехал впереди нас. Не впервой ему в Трайте бывать — все знает, ничего не боится. А как глаз горит! Будто вырвался он из душной клетки на волю.

Люди, встречавшиеся нам, расступались, пропуская всадников в тесном переулке. Я только подивилась — чего ж это им в такой час на улице надобно? У нас в Растопше как чуть стемнеет, так все по дворам и сидят, носа лишний раз не кажут. А здесь будто и жизнь, и время по-другому текут.

Дома вокруг были не то, чтоб богатые, да и не бедняцкие совсем. Двойные все как один. Будто одну избу на другую поставили. Никогда такого не видела — разве что в корчмах. Возле одного такого дома Владимир и остановился. Без стука открыл ворота и махнул нам, мол, входите.

Мы с Осьмушей переглянулись и последовали за колдуном, проходя под каменной аркой. Как будто ее прям из стены и вырезали! Взяли так нижнюю часть и отсекли — чудно!

Не по себе как-то стало, что к чужому человеку так входим будто воры какие.

Походя я заметила, что на столбе ворот, где факел висел, знак особый начертан. Вырезан по дереву и красной краской залит. Неграмотная, я хоть прочесть его не сумела да сразу поняла — руна это чародейская. Такие для охраны жилища своего используют.

— Владимир, постучался бы, — негромко сказала вслед колдуну.

Он обернулся, и я увидела улыбку.

— Без нужды.

Небольшой дворик оказался чистым и ухоженным, ярко освещенным парой костров. Прямо я увидела крыльцо, справа ворота вроде как для конюшни подходящие, а слева большие окна, прикрытые ставнями. И все в одном доме, подумать только! Разве так делают люди? Насмотришься же в этой Трайте!

Ладимир смело шагнул на крыльцо и стукнул в дверь. Мы с Осьмушей ждали в стороне, не смея подойти. Кто их знает, чародеев этих.

Не прошло и пяти минут, как дверь открылась. На пороге стоял высокий мужчина в длинной темной рубаше, подпоясанной ремешком.

— Тихий вечер, дядька Велимир.

Чародей едва заметно улыбнулся и обнял племянника:

— Скоро ты. Раньше осени и не ждал.

Дом чародея не чета родительскому. У нас-то как во всей Растопше, сени да две комнаты с горницей. А здесь и заплутать по незнанию можно. Коридор длинный да дверей много, лестницы с двух сторон наверх уходят. А крутые какие! Кажется, станешь на них, и голова враз закружится. У меня б точно закружилась.

Вот чего не пойму, так это зачем люди дома в несколько этажей строят. Разве ж можно человека от земли-матушки отрывать? Сила природная в ней сокрыта, нам передается, когда ступаем. Оттого и здоровье прибавляется, и жить легче. А так — коли оторвешься от нее, так и себя потерять недолго — нельзя человеку законы богов нарушать, не положено.

Велимир велел нам с дороги умыться да переодеться, а после привел в небольшую комнату, усадил за стол, а сам на хозяйском месте устроился. За его спиной ярко пылал очаг — слышала, камином его в Ельнии прозывают. Ох, чудеса! Это ж ведь надо колдовское(разве ж в чародейском доме другое заведется?) пламя в плен посадить, в тесный каменный короб. Хоть выход к небу для дыма оставили и то хорошо.

— Нравится тебе здесь, Вельма? — спросил Велимир.

— Нравится, — выдохнула я.

— Вельма у нас из глухой деревни, с юга. Первый раз в Трайте, вот и удивляется.

— Ничего, привыкнет, — миролюбиво ответил Велимир. — И я сюда так же пришел.

Осьмуша неловко поерзал рядом со мной — так перепугался, что ни на шаг не отходил.

— Не бойся, перевертыш, странников тут нет.

Парень вовсе побледнел и громко сглотнул. Ладимир только усмехнулся, глядя на нас, а я его словом недобрым про себя одарила.

— Ладно, будет, — будто понял его Велимир. — Давайте лучше о делах поговорим.

— Расскажи сначала, для чего вызвал, — кивнул Ладимир.

— А ты будто не рад? Или, посох получать раздумал?

— Не раздумал.

— Вот и ладно. Хельга!

Спустя минуту дверь отворилась и в комнату вошла женщина средних лет. Простое льняное платье, покрытые синим платком волосы и строгое спокойное лицо. Она не спросила ни слова — только чуть приподняла голову, словно ожидая ответа.

— Прошу тебя, Хельга, накорми моих гостей и устрой получше на ночь.

Женщина кивнула и быстро вышла.

— Северянка, — перехватив мой взгляд, проговорил Велимир. — Уже пять лет мне служит. Слова лишнего от нее не дождешься, зато не спорит и в срок все выполняет.

— Ясно, — только и проговорила я.

Чародей чуть улыбнулся и посмотрел на племянника.

— А вызвал я тебя вот зачем. Слышал же про гарнарское войско? Хан князю грамоту прислал с требованием дани.

— А разве Беларда должна гарнарцам платить? — вырвался у меня вопрос.

— Верно говоришь, Вельма. Не должна. Мы ведь за свой долг тридцать лет назад рассчитались. Хану не деньги нужны, ему земли нашу подавай, а дань — только повод развязать войну.

— Страшное дело — война... — негромко проговорил Осьмуша.

Ему ли не знать? Зарецкое княжество уж сколько лет междуусобицы раздирали на части.

— Страшное, — кивнул Велимир. — Для того князь Мстислав и приказал чародеев собирать. Гарнарцы поклоняются своим духам, а их шаманы совершают кровавые обряды, чтоб силу воинам придать. Чтобы победить их, одного людского оружия мало будет. Глава нашего совета, Ростих Многоликий, велел со всей Беларды созывать тех, кто дар имеет. Армия наша сильна, а чародеев настоящих немного.

— И что, теперь всем подряд посохи давать будете? — в голосе Ладимира мне послышалось какое-то пренебрежение, будто обида.

— Не твоя то забота, Ладимир, — спокойно и вместе с тем твердо ответил его дядька. — А норов свой лучше припрятать до поры до времени. Ростих предсказал, будто войны не миновать, оттого и торопит сильно. По Беларде уже второй месяц гонцы его идут — ищут способных людей. Многие сами к нам пришли. Только вот, — Велимир на миг опустил глаза. — Испытание не каждый смог пройти.

— Испытание? — невольно переспросила я.

— Испытание, Вельма. Дар еще доказать нужно. Ростих абы кого ни в Совет, ни в ученики не пускает, каждого испытывает. Впрочем, тебе, заклинательнице, проще будет.

— Почему же?

— У тебя свои наставники будут. Ростих с детьми ушедшей редко дела ведет.

— А мне как быть? — осмелился спросить Осьмуша.

— С тобой я сам разберусь, — улыбнулся Велимир. — Мало ли перевертышей видел!

Тем временем тихая и проворная Хельга быстро расставляла на столе блюда. Казалось, она даже не слышит того, о чем говорит Велимир. А, если и слышала, то виду не казала. У чародея служить — еще и не тому научишься.

— Спасибо, — тихо сказала я, когда передо мной появилась деревянная тарелка с чем-то вкусно пахнущим.

Хельга подняла на меня светло-голубые холодные глаза и чуть заметно кивнула. Закончив свою работу, она исчезла так же тихо и стремительно, как появилась.

Велимир взял со стола диковинный узкогорлый кувшин с птицами, искусно вырезанными на металлической поверхности. Подвинул свой кубок и налил туда вина — известного мне лишь по названию напитка.

— Ельнийское? — подмигнул ему Ладимир.

— Ельнийское. Из Тарса, с самых южных окраин. Купцы заезжие привезли в дар.

— Так уж и в дар?

Велимир отпил из кубка и поднял глаза к потолку:

— Не совсем.

Ладимир взял кувшин и наполнил свой кубок:

— Хочешь, диковинного напитка отведать, лисица? Небось в Растопше такого не пробовала.

Я не ответила — только молча подвинула к нему свой кубок.

— А ты, перевертыш?

— Не надо ему, — мрачно отрезала я, скосив глаза на Осьмушу. — Мал еще. А запьянеет? Что ж его, волоком в Дом Предсказаний тащить?

Парень сразу же покраснел и надулся. Даже отодвинулся от меня.

— Не слушай ее, Осьмуша, — засмеялся Ладимир.

— Ну вот сам потом рассол ему и подноси, — фыркнула я.

Велимир наблюдал за нами и посмеивался:

— Не даешь им спуску, а, Вельма?

— Так разве им волю дать можно? — не смутилась в ответ. Нисколько чародей меня не пугал.

— Вот правильно. Хоть ты их в узде и удержишь! Меня-то, видно, не послушают, — снова засмеялся. — Вижу, лисицей тебя мой племянничек кличет?

Я гордо выпрямилась и метнула в сторону Ладимира резкий взгляд.

— Кличет. Потешается надо мной.

— А ты, стало быть, не лисица? — прищурился молодой ведун.

Я только развела руками:

— А разве ж похожа? Может, хвост или морду острую у меня увидел? С самого Подлесья прозвище это ношу!

— Разве ж станут добрые люди врать? — бесхитростно спросил Ладимир.

— Да...

— Будет-будет, — махнул рукой Велимир.

Даже Осьмуша едва не рассмеялся, глядя на нас. А, может, вино ельнийское, что он пил, в голову ударило?

— Вижу, не сладить с тобой, Вельма, — Велимир. — Сразу видно, — он переглянулся с Ладимиром, — лисица огненная!

Все трое моих спутников разом рассмеялись, а я только густо покраснела и пожелала им скорейшей встречи со всей нечистью, которую только знаю.

— Ну, посмеялись и будет, — решительно поднялся с места Ладимир. — Идите спать. Завтра с восьмым ударом колокола к Дом Предсказаний пойдем.

До комнаты, где я спать должна, меня провожала Хельга. Молчаливая и строгая северянка без слов открыла передо мной дверь и впустила первой.

Я вошла, быстро осмотрелась и поблагодарила женщину.

Хельга снова промолчала и от свечи зажгла маленькую лучину на столе. Посмотрев на ее рукав, освещенный огнем, я заметила странные знаки, вышитые красными нитками.

— Если что-то будет нужно, зови, — ровно проговорила Хельга и собралась уходить.

— Погоди, — остановила я.

Северянка вопросительно выгнула брови.

— Что за знаки чудные на твоей одежде?

Хельга будто вздрогнула от неожиданного вопроса. В глазах мелькнул какой-то испуг и тут же погас, не желая показываться чужому взору.

— Это руны северного народа, — кратко ответила она. — Они берегут меня от злых сил.

— Можно посмотреть? — осторожно спросила я.

Северянка молча протянула руку.

Коснувшись ткани свободного рукава, я расправила его на ладони и, склонившись, стала внимательно разглядывать необычные знаки. Хельга терпеливо ждала.

— Это знаки твоих богов?

— Да.

— И они хранят тебя на чужой земле?

Хельга убрала руку и поправила рукав.

— Боги хранят везде, если твердо веришь в них, — в каждом слове женщины слышался иноземный выговор. — Тихой ночи.

Сказав это, она ушла.

Я опустилась на кровать, подивившись ее необычной мягкости.

Хельга с севера. Она родилась в далеких, засыпанных снегом, землях, на берегу студеных синих вод, прозываемых морем. Она покинула свой край и прошла полмира, чтобы остаться в Беларде. Возможно, Хельга видела множество чудес и слышала сотни иноземных песен.

Вскочила я ни свет ни заря. Усталость, что в дороге накопилась, и та не сумела от меня сны тревожные отогнать.

То ли Хельга-северянка меня словами своим растревожила, то ли мысли дурные в голову закрались, то ли волновалась я слишком. Да только снова снились мне воды моря соленого, крики чаек над волнами и драккар с огромным парусом. На полотне его белом герб какой-то был. Какой — не припомню уж. И я у самого носа стою и гляжу вдаль, в бескрайнюю синюю гладь, что встречается с небом у края света, куда путь лежит...

Проснулась я, отерла лоб рукой, отводя прилипшие волосы в сторону. Ох, обереги меня Вела-вещунья! Разве ж можно один и тот же сон дважды видеть?

Быстренько встала, прошлась по прохладному полу, шлепая босыми пятками, умылась из кувшина. За окном, выходящим на тесный дворик, еще было темно. Утро только-только началось и не успело коснуться Трайты.

В углу, на скамье, лежало аккуратно сложенное льняное платье. Вчера Велимир приказал Хельге найти что-нибудь для меня и объяснил, будто не пристало девке в штанах мужских в Дом Предсказаний идти. Ему-то, чародею Совета, наверное, видней.

Уж и не припомню, когда в последний раз платье надевала. Отец с матерью не шибко на меня тратились, как в перестарки затесалась. Мол, все равно никто замуж не возьмет — зачем же попусту монеты переводить? Вот и носила я то, что от отца и старших братьев осталось. Другого и не надо было — по лесам бегать да по хозяйству хлопотать. Если и бывали у нас гости, так им сестер моих, красавиц, все показывали, а меня за печью и на дворе прятали — чтоб не опозорила.

Ткань мягко легла в руки — послушная, чуть прохладная, с запахом какой-то травы. Рукава, ворот и подол чистые — ни наших, ни иноземных знаков не вышито.

Приложив платье к себе, я вздохнула.

Будто и не было Вёльмы из Растопши, не рождалась она никогда, не жила, не радовалась и не плакала. Не вышила ей мать обережных знаков на платье, да и самой вышить не дала. Будто стерли боги всю мою жизнь прежнюю и дали чистый льняной холст, мол, расшей, как тебе хочется и что выберешь, то и будет.

Не я этот обычай ввела, не мне его и отменять. Повелось так, что по узорам на одежде в Беларде испокон веков положение и жизнь женщины читали. Для каждого случая свои знаки вышивали — девка ли, замужняя ли, есть ли дети, какого рода и каких кровей, каким богам поклоняется.

А у меня теперь нету ничего — ни рода, ни семьи, ни оберегов, ни прошлого. Одна только вера осталась, её не отнимешь.

Хельга почти угадала — платье разве что совсем немного больше было. Пояском подвязала и ничего. Косу сегодня ту же обычно заплела, чтоб не растрепалась. Взглянуть бы на себя — жаль, чаши с водой нет.

Говорят, в Трайте обычай завели в стекла особые — зеркала смотреться. Будто видишь в них себя как живую. Только служители богов не слишком любят такие вещи. Говорят, опасны они для души человеческой.

«Тысяча огней будто тысяча звезд на небе. Тысячи глаза будто тысячи листьев на деревьях. Тысячи голосов будто пение птиц по утру. Тысячи путей в разные стороны ведут...» — так говорили сказители о Трайте.

Ох, зря столько сказок наслушалась! Может, не зря мать меня ругала, что к каждому певуну и сказочнику бегаю, да монеты кидаю. Наврали ведь с три короба.

Сами-то они хоть раз в Трайте бывали? Нету тут никаких дорожек, золотыми плитками мощеных. Грязь кругом, канавы с нечистотами, что со всего города в ров стекается. Улочки узкие, то тут то там нищие с протянутыми руками сидят. Благо, что верхом поехали, а то бы уделала я свой новенький наряд.

— Что, Вёльма, не таким тебе стольный город казался? — перехватил мой растерянный взгляд Владимир.

— Не таким, — ответила, разглядывая обшарпанные стены каменных домов. Не только вода, выходит, точит их, еще время.

— Ты не пугайся, — утешил колдун. — Это мы пока по окраине едем. Чудеса дальше начнутся.

— А есть они, чудеса эти? — фыркнула я.

— Кто верит, для того и есть.

— Сам-то веришь?

Он на миг будто призадумался, свел брови и тут же расправил.

— Верю да не во все. Верю, к примеру, что лисица дикая может в городе прижиться.

Я не ответила. Станется с него как же!

— Осьмуша, ты чего так побелел?

Парень пожал плечами.

— Боязно мне, Вёльма.

— Вот те раз! Опять ему боязно. Сколько можно-то трястись?

— А коли чародеи убьют меня?

Послышался смешок Велимир.

— Да кому ж ты нужен, убивать тебя, — махнула рукой я.

Ехать в седле в платье оказалось очень неудобно. И как только знатные ельнийские девки в своих боковых седлах ездят? Не понимаю. Меня в такое усадить не смогли, теперь вот в обычном трясуся.

Велимир ехал первым, держа в руке витой, расписанный рунами, цвета темного дерева посох. На вершине его красовался темно-синий самоцвет. Зачем он — не ведаю. Только Ладимир шепнул, будто у всех чародеев посохи разные — каждому по силе.

Сам он ни дать ни взять чародей — весь в черном, глаза так колдовским огнем и сверкают, только посоха и недостает. Ну да ему с тем заботы не будет, от него силой так и веет. А вот я... ладно, будет тебе переживать, Вёльма.

Дорога тем временем вывела нас из тесных переулков на широкую шумную улицу. Ох и людей же здесь тьма-тьмушая! У нас в Растопше и на ярмарку столько не собиралось. Все снуют туда-сюда, бегают, спешат. Всадники на лошадях то и дело проносятся. А на первых этажах домов то лавки, то мастерские.

Растерялась я от такого зрелища. Мирку чуть придержала да зажмурилась. Уж не снится ли мне? Открыла глаза — не снится, ох, не снится...

— Вёльма, не отставай, — оглянулся на меня Ладимир. — Потеряешься, не найдем ведь.

Я отогнала от себя все страхи и двинулась вперед, стараясь меньше смотреть по сторонам и больше в спины Велимиру и его племяннику.

Вскоре мы миновали изрядный кусок шумной улицы и оказались на небольшой круглой площади. Земля здесь была вымощена темным гладким камнем — чудо невиданное, а посередине стояла чаша с водой, из которой выпрыгивали три стальные рыбины, извергающие воду.

— Что ж за диво такое? — выдохнула я, едва не скатываясь с неудобного седла.

— Это подарок ельнийского посла, которого наши чародеи вылечили, — ответил Велимир. — Монет с него не взяли, так он решил заморским дивом отплатить.

— Фонтан это, Вёльма, — кратко подытожил Ладимир.

А я все с открытым ртом и смотрела. Ни дать ни взять деревенская дура!

— Насмотришься еще, лисица. Приехали уж так поторопимся.

Я оторвала глаза от чудного фонтана, и тут чуть было полностью не свалилась с лошади.

Прям перед нами висился огромный резной терем. Несколько рядом ступеней вели на высокое крыльцо, где у широких, с железными скобами, дверей, стояли двое стражников с бердышами. Одеты они были не как княжьи люди, в красное. Доспехи их, плащи, сапоги — все черное лишь с алыми вставками на плечах, рукавах и воротах.

— Дом Предсказаний, — чуть улыбнулся Велимир. Гляди, Вёльма.

Я подняла глаза на крышу, выложенную черепицей, на искусно вырезанные узоры и рунные надписи на самом верху. Окна в том тереме — из цветных стеклышек выложены да зарешечены. И бревна ровные да гладкие, одно к одному.

Вокруг терема не было ни домов, ни лавок, ни сараев. Только ровный высокий частокол всю площадь окружает. И нет никого вокруг — ни песенников, ни шумных прохожих, ни торговцев. Никого. Лишь покой и тишина. Будто и не в Трайте мы, а где-то в глуши полевой.

— За забором этим что? — спросила у Велимира.

Он хитро улыбнулся.

— Рано тебе еще знать. Вот пройдешь испытание — после и увидишь.

— И города не слышно в этом кругу, — растерянно смотрела я по сторонам.

— Забыла что ли, где находишься? — усмехнулся Ладимир. — Чары кругом тут, Вёльма.

— С тобой забудешь, как же! — я одарила его ехидным взглядом.

— У вас, лисиц, память короткая...

— Будет, — урезонил Велимир. — После будете спорить. Спешивайтесь скорее и идем.

Я неловко соскользнула с седла, ступила на камень и хлопнула Мирку по загривку.

— А с лошадьми как быть?

— Не денутся никуда, — буркнул Вёлимир.

В ответ на недоумевающий взгляд кобылы я только плечами пожала. Мол, сама ничего не знаю.

Осьмуша стал белее мела. Испуганно озирался по сторонам, дрожал и чуть ли не плакал, как мне казалось. Остановился за моим плечом и никуда не отходил даже на шаг. Напугался, бедный, а еще перевертыш! Сказывали, оборотни смелые да бесстрашные, а этот... Чур с ним!

— Я иду первый, а вы за мной, — скомандовал Велимир. — И чтоб ни слова без разрешения.

Он крепко сжал в руке посох и, опираясь на него, быстро двинулся к Дому Предсказаний. На крыльце стражники не преграждали ему путь — только склонили головы и открыли тяжелые двери.

Полумрак поглотил меня, стоило лишь шагнуть за порог. Сладковатый дымок вился от лучин, висящих с обеих сторон коридора. Бревенчатые стены будто поблескивали, отражая загадочный синеватый свет. Каждый звук казался громом в непроницаемой тишине.

Велимир уверенно шел вперед. Его посох звучно ударялся о пол. Разве ж может так отзыватьсЯ дерево? Я опустила глаза и сдавленно охнула. Под ногами гладкая, отражающая свет поверхность, будто слюдяная. Только темная с редкими белыми прожилками.

— Вёльма! — шикнул на меня Ладимир.

Я недовольно скрестила руки на груди и даже не ответила ему.

Что ж он? Думает, раз сам тут бывал, то и мне все не в диковинку будет?

Осьмуша шел позади и шумно дышал. Боится парень до дрожи, видать.

Впереди забрезжил свет намного ярче того, что освещал коридор. Выглянув из-за широкой спины Велимира, я увидела, что в тупике, у стены стоит стол, а за ним сидит седой старик с длинной бородой. Перед ним огромная книга, где он лениво водит белым пером. А рядом над столом висит огонек.

Без лучины, свечи и факела. Просто в воздухе. И ярко так пылает будто дневной свет.

— Светлого дня, уважаемый Лесьяр, — молвил Велимир.

Старик медленно оторвал глаза от своей книги.

— И тебе, колдун, и тебе.

Перо все еще скрипело, без ведома хозяина уклонившись от положенной строки.

— Как труды твои? — не обращая внимания на недовольный взгляд Лесьяра, продолжил Велимир.

Старик хитро усмехнулся и сощурился.

— Тебе ли не знать, что вчера новую песнь начал?

— И о чем же та песнь?

Лесьяр оторвался пером от книги и ткнул им в мою сторону, потом в ладимирову, после и до Осьмуши добрался.

— Об огне, что издали пришел, холоде, который уж бывал тут и страхе, что излечить надобно. Сам привел их — чего ж спросил?

Велимир отчего-то довольно улыбнулся:

— Обрадовал ты меня, Лесьяр, обрадовал.

— Коли так — мне, старику, добро.

— Еще больше порадуешь, если скажешь, где Ростих.

Лесьяр возвел глаза к потолку и резко взмахнул своим пером.

— Где ж ему быть-то? В Зале Совета сидит. Туда напрямиком и иди.

— Укажешь ли путь?

Старик потряс бородой.

— Эх, надоели вы мне! Всем то путь укажи, то страницу прочти, а то и грядущее назови... Уйду на покой! Как есть — уйду!

Бросил он перо на стол, хлопнул в ладоши, махнул широким рукавом вправо и в стене, в коридоре без дверей и окон, вход появился.

— Мир тебе, Хранитель, — улыбнулся Велимир.

У самой двери я оглянулась и увидела, что Лесьяр снова за книгу свою взялся. Потом вдруг поднял глаза — черные-черные.

Стоило закрыть дверь, как она исчезла будто и не было. Вместо этого темно-синяя, расписанная золотыми узорами, стена.

Оглянулась я вокруг и подивилась. Терем-то не и велик был, а зал под стать платам княжеским. Весь синий с золотом, расписан вещими птицами и диковинными цветами. В противоположном конце стол стоит темного дерева, над ним огни горят. Точь-в-точь как у Лесьяра.

А во главе того стола, на высоком стуле сидит сам Ростих. Ближе подошла я и разглядела его. Лет средних, темноволосый с проседью, глаз карий да цепкий, на руках перстни. Рядом посох стоит, а в нем алый самоцвет пылает.

— Рад тебе, Велимир, — спокойно произнес он, — поглаживая коротко стриженную бородку. — Вижу, ты с гостинцами?

Смерил нас взглядом будто ледяной водой из ушата окатил.

Велимир чуть склонил голову.

— Представить хочу моего племянник и тех, что с ним прибыли.

Ростих лишь мельком глянул на Ладимира.

— Его знаю. А эти, — он помедлил, — огонь и страх, как и предсказывал Лесьяр. За парнем будто два образа вижу, а девка...

— Дозволь мне... — хотел ответить Велимир, но Ростих одним жестом его оборвал и указал на меня пальцем.

— Кто ты, дитя ушедшей?

Я нерешительно вышла из-за спины Велимира и остановилась, касаясь рукой гладкой поверхности стола.

— Заклинательница, а звать меня Вельмой.

Ростих с интересом всмотрелся и чуть подался вперед.

— Теперь вижу силу твою. Зачем пришла? Учиться надумала или любопытно стало?

— Какое ж любопытство? — удивилась я. — Разве ж с такими вещами играют?

Чародейкой хочу стать, дар свой обрести.

Сказала и краской залилась. Назад отступила.

Ростих даже не усмехнулся.

— Ну коли испытание пройдешь, так и решим. А ты, парень, — указал на Осьмушу. —

Что перевертышу здесь надобно?

— От дара избавиться хочу. Не буду ушедшей служить.

Ростих только головой покачал.

— Думаешь, темный дар такое горе? Избавить мы тебя всегда успеем, а вот научить — на то годы нужны.

Глава Совета склонил голову вниз, будто задумался, а потом резко вскинул:

— Не стану я волка в тебе губить. Хочешь, оставайся и проходи испытание, а нет — иди, пока странника не встретишь.

Осьмуша вмиг побледнел и растерянно заозирался.

— Как же так? — проговорил негромко. — Не могу я уйти...

— Не можешь, так не уходи. В нашем Доме и тебе место найдется, двуликий. Раз уж связываться с одним отродьем ушедшей, — взгляд в мою сторону, — так там и до второго недалеко.

Ростих махнул рукой и стало ясно, что разговор завершен.

— А как же мне быть? — выступил вперед Ладимир. — Детям ушедшей ты назвал испытание, а что мне?

Глава Совета чуть приподнял брови.

— Сила в тебе есть, давно знаю. Потому и не приказываю. Раз хочешь, придешь. Не хочешь — не неволю.

Взглянула я еще раз на Ростиха Многоликого и будто не по себе мне стало. Не зналась раньше с чародеями, не слушала речей их, не видела чудес и Дома Предсказаний. Теперь вот будто зря пришла.

Князь он что ли? Индюк надутый да и только. Такие вон у тетки моей в Растопше стаями ходят. И Ростих этот — индюк вылитый. Разве что перьев не хватает.

Разве ж можно себя так вести с людьми чужими? Мы к нему, значит, на поклон, а он нос воротит. Ох, не ладно это! Как боги такого только до власти и допустили?

Шла я так, голову опустив, в думы свои укрывшись. А как глаза от пола оторвала — в стену и уперлась. Вещая дева-птица ослабилась в жадном прищуре будто завидев добычу. Как живая, а сама золотым вылита. Или вправду жива? Нет, кажется...

— Велимир, как выйдем-то? — голос мой дрогнул, и всем ясно стало, что испугалась.

— Выйдем, лисица, выйдем, — ответил вместо дядьки своего Ладимир и как ненароком обнял меня за плечо.

Я лишь покосилась недоверчиво.

Велимир тем временем к самой стене подошел, ладонью цветка золотого коснулся, шепнул что-то. Сверкнул в посохе робкий огонек, а в воздухе будто дымка вокруг него повисла. Скрипнул засов, которого не было здесь никогда, и, рассеявшись туманом синим, стена расступилась.

— Чур меня... — прошептал Осьмуша за моей спиной.

У самой меня ноги чуть подкосились да Ладимир упасть не дал.

Вышли мы в коридор к Лесьяру. Чудно! Вроде ж с другой стороны шли, а все подле него

оказались.

— Ну что, писать мне далее? — поднял голову старик.

— Пиши-пиши, — едко ответил Ладимир. — Ты про нас еще много напишешь.

Глаза Лесьяра снова потемнели и будто стали незрячими.

— О холоде ночном отдельная песнь станет.

Ладимир чуть заметно улыбнулся.

— Да только одна, — оборвал улыбку Лесьяр.

Глаза молодого колдуна вмиг стали неподвижными, как застыли. Может, старик что страшное сказал? Да только я ж не знаю, не пойму.

— Идемте, — приказал Велимир.

Племянник неохотно послушался его. Казалось, несказанное так и застыло на губах его.

— А кто такой Лесьяр? — крепко держа за поводье Мирку, я шла рядом с Велимиром. Осьмуша плелся позади, а Ладимир ни слова не проронил как вышли из Дома Предсказаний.

— Лесьяр — вещун. Уже много лет как его Хранителем поставили.

— А что за книга у него такая? — не унималась я.

— Хранитель должен летопись вести. Все, что видит, знает, помнит.

— Он записывает собственные предсказания?

Велимир кивнул.

— Ему хватит лишь взгляда, чтоб навечно знать о человеке. Потому он никогда и не покидает Дома Предсказаний.

Опустила глаза на настил из досок, по которому мы шли.

— Жаль его, — проговорила.

— Отчего же жаль? — не на шутку удивился Велимир.

— С ума можно сойти ежели про каждого встречного знать.

— Не за что его жалеть, — донесся голос Ладимир. Я оглянулась. — Великий дар — великая ответственность.

— Что же тут великого? Это мучение — света белого не видеть.

Я остановилась и подождала, пока колдун поравняется со мной.

— Это большая удача, Вельма. Владеть такой силой, значит, иметь власть.

— Власть, которая тебя же губит? — повысила голос я.

Ладимир остановился, долгим взглядом посмотрел на меня.

— Власть видеть дальше, чем остальные, — тихо проговорил он. — Власть знать.

— Зачем?

Он усмехнулся:

— Тебе разве понять? Ты вон и себя-то не знаешь...

Я только открыла рот, чтоб ответить да не успела. Чья-то ловкая рука сорвала с моего пояса кошелек.

Я вскрикнула, резко обернулась. Мальчишка-оборванец, расталкивая толпу, бежал прочь.

— Стой, паршивец!

Со всех ног я бросилась за ним.

Народу было немерено. Я, как могла, бежала вслед за мальчишкой-вором. Его светлая

макушка мелькала меж пестрых нарядов горожан.

— Етить твою налево! — заорал мужик в красной рубаше, из рук которого я выбила корзину. — Ах ты ж, темное отродье! Да чтоб тебе...

Что бы мне, я уже не слышала.

— Караул! Убивают!

Баба в желтом сарафане схватилась за сердце и повалилась на свою товарку. Я оттолкнула ту с дороги и за моей спиной заголосили уже обе.

— Стой, упырь тебя за ногу! — кричала я.

— Вельма! Вельма, остановись! — голос Ладимира звучал откуда-то издали.

Я не слушала.

— Простился я с своей зазнобой... Ах ты, злыдня поганая!

Лихо поскользнувшись на тарелке, куда уличный гуслир собирал свой заработок, я едва не свалилась с ног. Монеты раскатились в стороны. двое нищих сцепились меж собой, стараясь собрать как можно больше.

Тем временем мальчишка свернул в грязный темный переулок.

Догнать его два счета не составило бы мне труда, коль не платье. И как только бабы ходят в них? Ни побежать, ни прыгнуть. Так и мешается под ногами.

Босой воришка подскочил, ойкнул, поранив ногу об острый камень. Я прибавила ходу и вмиг оказалась возле него. Но гаденыш успел ускользнуть.

Костеря на все лады его родню до седьмого колена, я рванулась вперед. Мальцу было наплевать на рану и бежал он чуть не ли резвее прежнего.

Впереди забрезжил свет и выход же из переулка. На меня стала наваливаться усталость. В груди жгло от быстрого бега, а ноги каким только чудом и несли.

— Стой! Стой, не трону! — прокричала я.

Малец оглянулся, нагло зыркнул, показал мне кукиш и был таков.

— Упырь тебя за ногу! — рыкнула я в ответ.

Попробовала бежать быстрее, да тут ноги меня и подвели. С воплем я повалилась на размокшую от сточных вод доску, а мальчишка исчез в следующем переулке.

Оторвав глаза от земли, я пронзительно закричала и закрыла голову руками. Ларьян-батюшка, не губи!

Вороной жеребец взвился на дыбы. Подковы его грозно сверкали прямо надо мной.

Миг показался вечностью...

Чей-то голос выкрикивал незнакомое слово, заставляя коня подчиниться. Кто-то подхватил меня и поднял на ноги, оттащил в сторону.

Наконец конь опустил ся и, сердито потряхивая гривой, шагнул назад. Склонил голову, будто прося у меня прощения, захрапел.

— Тебе что ль свет не мил, сукина дочь? — закричал седой стражник в красном плаще княжьей дружины. — Откуда взялась только, немочь окаянная!

— Не сердись, отец, упала она, — мирно проговорил Ладимир, чьи руки все еще лежали на моих плечах.

— Нашла, где падать. Взять ее!

Не успела и слова молвить, как двое дюжих дружинников схватили меня под руки и оттеснили Ладимира.

Хотела что-то сказать, да от испуга и голос пропал. Стою и дрожу как осиновый лист.

— Посидит в темнице, одумается, — рявкнул дружинник.

— Отпусти девку, воевода Бурислав, — с легким поклоном произнес Велимир. Уж не знаю, гнался ли он за мной по улицам, или следом верхом ехал, да только уж больно чинно вышел, на посох свой опираясь.

— Мир тебе, чародей. Да только девка на пути скельдианского посольства встала. Уж не темный ли замысел?

Сказано — страх дело последнее. Коли встанет перед тобой, так уж ничто ему не помеха. Он и глаза застит, и слух закрывает, и ум будто крадет. Испугалась я и не увидела, кто на том коне вороном сидит.

Первым он ехал, рядом с Буриславом и дружинниками того. Следом еще четверо — все скельдианы, от самого северного моря прибыли. Одеты не по-нашему, чудно. Кольчуги на них сверкающие, поверх плащи, мехом отороченные. Волосы светлые, будто серебром отливают. У иных в косу сплетены.

Не отводя взгляд, он на меня смотрел. Без усмешки, без жалости, как и не видел. Глаза его серые будто небо осенью, а волосы будто пепел с серебром. И не было на лице ни зла, ни обиды — ничего. Даже брови не свел. Вроде и не из-за меня он чуть с коня не свалился.

— Да какое там, — с улыбкой ответил Велимир. — Племянница моя. Впервые в городе оказалась. Испугалась девка, вот и угодила под копыта. Разве она знает, где скельдиана конь, а где наш, белардский.

Бурислав с недоверием посмотрел на меня.

— А не врешь ли?

Велимир крепче сжал свой посох, по вершине которого быстрая искра пробежала.

— Что ж, воевода, слову княжеского чародея не поверишь?

Бурислав нерешительно взглянул на тех, что меня крепко держали. А после повернулся к молодому парнишке. Тот по другую руку от сероглазого скельдиана держался.

Парнишка проговорил что-то на незнакомом языке. Скельдиан на миг оторвал от меня взгляд и резко бросил ответ.

— Посланец велит отпустить ее, — передал Буриславу толмач.

Воевода сделал знак дружинникам и меня отпустили.

— Бери свою племянницу, чародей, да больше не пускай одну гулять.

— Свет тебе, Бурислав, — едва заметно кивнул Велимир.

Я же все никак не могла глаз от скельдиана отвести. Вот он — настоящий северный воин. Прибыл он от края земли и видел столько чудес, сколько мне за всю жизнь не узнать. И сам он чудо особое и будто прикована я к нему, двинуться не могу.

— Вёльма, идем, — Ладимир оттащил меня в сторону, освобождая посланцу путь.

Тот глянул, как я нехотя повинуюсь и в лице его что-то дрогнуло. Твердой рукой сжав поводье коня, скельдиан позволил тому сделать пару шагов, снова придержал, равняясь с нами.

Взглянул на меня еще раз и проговорил:

— Сольвейг.

И след его простыл...

«Не учась и лаптя не сплетешь»

народная мудрость

— Так кто это был-то?

В тишине и покое велимирова дома ко мне быстро вернулись и дар речи, и прежнее любопытство.

— Посланец Скельдиании со свитой, — Владимир сидел напротив и медленно потягивал вино из кубка. — Разве не разглядела, Вельма?

— Сам бы попробовал разглядеть, когда над тобой конь на дыбы встает! Так ведь и к ушедшей отправиться недолго.

— То-то смотрю, ты к родне своей торопилась, — не удержался от усмешки колдун. — Прямо пятки сверкали.

Я насупилась и хмуро проговорила:

— Последние деньги у меня украли, потому и торопилась.

— Много было денег? — задумчиво спросил Велимир.

— Семь серебряшек, — мрачно отозвалась я. — Больше нет ни медяка.

— Не печалься, деньги тебе не понадобятся. В Доме Предсказаний у наставников своих все получишь.

— А кто они, наставники эти?

— Завтра увидишь, — Велимир поставил кубок на стол и поднялся. — Спать пойду, намаялся с вами. Сами-то до петухов не сидите.

Чародей поднялся и вышел, негромко прикрыв за собой дверь. У очага осталась я да Владимир. Осьмуша давно спал, натерпевшись страху за день.

— Ох, нейметя же тебе, лисица, — улыбнулся Владимир. — Второй день в Трайте, а такое учинила.

Отпив сладкого вина, я лишь укоризненно на него посмотрела:

— А чего тебе не так? Взял бы да и отдал меня стражникам. Авось одумалась бы и больше ничего б не учиняла.

— Хотел я, хотел, — развел руками колдун. — Да только жаль. Вдруг бы не вернули?

— И жалел бы?

— Так где ж мне потом такую найти?

От взгляда его меня будто жаром обдало. Точь-в-точь как скельдианский посланец смотрит. Только тот с холодом, с чужим северным небом в глазах. А Владимир будто родной. Протяни руку, дотронься и тепло станет.

Чуя, что снова его чарам поддаюсь, встала я.

— И мне спать пора.

— Останься что ли? — в голосе будто мольба звучала.

— Незачем.

Хельга разгладила простынь, поправила подушку, а потом взяла мое сегодняшнее платье и разочарованно на него посмотрела.

— Постирать возьму. Завтра новое принесу с утра.

— Спасибо, Хельга, — робко вырвалось у меня.

Северянка с удивлением подняла глаза.

— Мне оно очень пригодилось, — продолжила я и покраснела.

— Я рада. Тихой ночи.

— Хельга, стой?

Северянка развернулась.

— Что-то еще, Вэльма?

Я неловко переступила с ноги на ногу, готовясь задать вопрос.

— Вчера ты говорила мне о северных богах. Они для всех тамошних народов одни?

Лицо женщины немного смягчилось, как случалось всегда, стоило лишь спросить о ее родине.

— На севере не так много народов, как здесь. Люди там видят долгую ночь и небесное сияние. Это боги посылают их, чтобы утешить своих детей. За то, что жизнь там трудна и опасна. Разве можем мы верить в разных богов, если видим одно и то же?

Как просто и как ладно она сказала! Будто все сомнения разом разрешила.

— И из какого же ты народа? — опять спросила я.

— Из скельдиан, потомков великого бога-воина Арста. Почему ты снова спрашиваешь меня о севере?

— Меня влечет этот край, хоть я ничего о нем и не знаю, — честно ответила я.

Хельга едва ли заметно улыбнулась.

— Если богам будет угодно, ты увидишь север. Мне пора.

— Погоди еще немного.

Хельга на этот раз удивленно вскинула брови.

— Сегодня я слышала чужеземное слово. Скельдианское.

Северянка выжидающе кивнула.

— «Сольвейг», — стараясь ничего не спутать, повторила я. — Что оно значит?

— Сольвейг — солнечный свет, — ответила Хельга и с поклоном ушла.

Оставшись одна, я подошла к окну и выглянула во двор, освещенный всполохами факельного огня.

Скельдиан назвал меня солнечным лучом — «сольвейг». Так странно... В Беларде все лисицей кличут, а чужеземец назвал солнцем.

Ну и дела, Вэльма! По-белардски еще и читать не умеешь, а уже скельдианское слово узнала. И это за два дня в Трайте. Скорей бы еще синяки прошли, что сегодня, падая, набила.

Сказано — лучи дня нового темноту старого рассеивают. Сколько бы ни было печалей и горестей вчера, сегодня они уж не властны. Утро падает белым пером с птахиного крыла, рассыпается серебристыми каплями росы и все бывшее губит. Что вчера было уж не так ярко, а что сегодня еще неизвестно.

Встала я с утра — Хельга разбудила. Принесла мне платье новое. Опять без единого вышитого знака. Помогла косу заплести и будто походя заметила, что никогда не понимала белардского обычая женщине косы носить. Я промолчала и решила после спросить ее про северянок, что им положено.

А потом Велимир в Дом Предсказаний меня отвел.

— А Ладимир и Осьмуша как же? — спросила было я, не видя своих спутников.

— О них не тревожься, Вэльма. Теперь дорожки у вас разные, — ответил чародей и больше слова не сказал.

Шумная Трайта уже не такой чужой мне показалась. Знакомые переулки, звуки, запахи.

Сказано, второй раз по одной дороге еду. Мне и раньше случалось путь быстро запоминать. В лесу-то, среди природы, оно и легче казалось. Там ведь каждое дерево, каждый кусток — все разные. Для человека знающего там всегда проще будет. В городе же куда ни глянь — будто каменные глыбы высятся и одна ну другую похожи. Как народ здесь все знает, диву даюсь.

Увидела я снова терем резной да диво, фонтаном названное. Боязно стало. Не знаю ведь, что за наставник меня ждет, каким он будет, что про меня скажет. Может статься, погонит взашей, мол, не нужна ты тут, девка дурная.

Велимир не спешивался.

— Пора мне, Вельма.

— А я как же? — растерянно руками развела.

— Стой и жди.

Оглянуться я не успела, как он исчез. Вроде вот, только что рядом стоял, а потом — глядь! — и нет!

Густая тишина, нависшая надо мной, показалась зловещей. Чую, стоит на миг замешкаться и потянутся ко мне черные злые тени, ухватят и утянут за Изнанку...

Ох, чур тебя, Вельма! Такое подумаешь, что хоть свинье на голову надевай.

— Мяу... — тихо и жалобно протянул кошачий голос.

Я быстро оглянулась.

На бортике фонтана сидел крупный упитанный полосатый кот. Хитрющие зеленые глаза в упор смотрели на меня.

Откуда только взялся, усатый? Не было ведь мигом раньше.

Кот мяукнул еще раз и прищурился. Махнул мне хвостом, будто подзывая к себе.

— Ну что ты, дружок? Сам потерялся или меня искал?

Кот довольно заурчал, когда почесала ему шею, потеря мордой о мою ладонь и спрыгнул на землю.

— Куда ты?

Кот мурлыкнул и, размахивая пушистым хвостом, вольготно зашагал к Дому Предсказаний.

— Мя? — прозвучало удивленно и вопросительно.

Кот оглянулся и недовольно на меня взглянул.

— Мне за тобой идти, дружок?

— Уууу... — проурчал кот.

Я последовала за пушистым проводником.

Кот остановился возле первой ступени, ведущей на крыльцо, убедился, что я иду следом, и нырнул куда-то вниз.

— Стой! — бросилась я следом.

— Мяв! — донеслось из-под крыльца.

Я отодвинула широкую доску и увидела спокойно сидящего кота. Зеленые глаза жутковато поблескивали в темноте.

— Ждешь меня?

— Ууу.

— Разве ж можно под крыльцо Дома Предсказаний лезть?

Кот встал, недовольно встряхнулся и лениво зашагал куда-то в темноту.

Я огляделась по сторонам — никого. Эх, была не была! Прости, Вела-вещунья, что

нарушаю заветы твои и вот так вот в дом твоих детей лезу.

Проем, получившийся на месте отодвинутой доски, оказался достаточным, чтобы я в него пролезла. Стоило только оказаться под крыльцом, как доска стала на место крепко-накрепко.

— Ну дела... — прошептала я.

Захотела было выпрямиться, но ударилась головой и снова присела.

— Уууу, — глаза кота посверкивали из темноты.

— Ну что, завел меня, злыдень? Давай, куда дальше?

Мой проводник моргнул и развернулся куда-то в темноту.

— Ох, ты ж, — прошептала и двинулась вслед за котом.

Тот прошел вперед, а я, пригибаясь, едва не свалилась кубарем. Ровный пол заканчивался ступенями, которые кот благополучно увидел.

— Предупредил бы хоть! — посетовала ему.

— Мя, — невинно ответил он.

Толстая нить паутины, свисающая сверху, защекотала нос. Я оглушительно чихнула. Проводник неодобрительно покосился на меня.

Надо же! Коты и те тебе указывают, Вельма!

Наощупь, опираясь руками на стены, я прошла по узкому коридору. Впереди горел тусклый свет лучины.

— Куда мы идем?

Кот не ответил. Лишь деловито махнул хвостом.

Куда мы вышли, непонятно. Тень, подкрадывающаяся со всех сторон, скрывала истинные размеры комнаты. Смотрела я по сторонам и гадала — то ли зал передо мной, то ли тесный куток. Только лучинка малая, свисавшая с потолка, и освещала крохотное пространство.

— Ишь ты, куда завел, — погрозила я пальцем коту, ласково трущемуся у ног. — Дальше-то что?

Плут поднял на меня нахальные зеленые глазища, невнятно муркнул, а после вбежал в освещенный круг и пропал.

Я вскрикнула и замерла, прижав руки к груди. Что будет-то теперь? Поймают меня чародеи, так не сдобровать. Как есть прогонят.

Огляделась по сторонам — куда идти не ведая. Сказано, не верь кошкам! Они лестью лживой, да мягкостью притворной так и норовят заманить да обвести вокруг пальца. Того и гляди, обставят в два счета. Хитры кошки да не те, что о четырех ногах. Те, что меня сюда заманили, хитрее станут.

Обошла я освещенный лучиной круг, мысленно прося у богов да предков помощи, а после на пол села. Отчего-то не страшно было совсем. Подожду — авось чего и сбудется.

Недолго длилось ожидание мое.

Послышалось легкое жужжание. Будто веретено.

Оглянулась — а за спиной пряха сидит. Строгое, еще молодое лицо, раньше времени поседевшие волосы, сплетенные в тугую косу. На плечах серый платок в тон платья, расшитого рунными знаками.

— Чего сидишь? — скомандовала она. — Давай, помогай мне.

Я встала и легонько поклонилась.

— Скажи чего делать, матушка, сразу помогу.

— Какая я тебе магушка? — крикнула она. — Не хватало еще родниться с тобой! Или, думаешь, я так стара, что в матери гожусь?

От ее взгляда да голоса я прямо оробела на миг. После собралась, выпрямилась, подбородок вздернула.

— Прости, девица, не признала. Свет тут слаб, не разглядеть.

Женщина недовольно кивнула.

— Садись, прясть будем.

Стыдно сказать, но я, девка на выданье, прясть отроду не умела. Не приучена была к рукоделию. Сколько мать со мной не билась, так и не смогла обучить. «Руки у тебя из зада растут, Велька», — бывало говорила в сердцах. А я что, виновата разве? Не дали боги таких умений. И по сей день разве что рубашку заштопать могу.

— Так на чем же прясть? Веретено-то одно и то у тебя, — попыталась выкрутиться я.

Женщина махнула рукой.

— Будет тебе веретено. Садись!

Вмиг передо мной второе веретено очутилось. Ох, влипла же ты, Вельма!

Медленно опустилась на скамью и несмело коснулась рукою кудели. Знатная из нее пряжа бы вышла коли б умела мастерица была.

— Чего прясть-то?

Женщина сердито на меня взглянула.

— Чего-чего, судьбу твою спрядем. Потом посмотрим, какова выйдет.

Я отбросила веретено в сторону.

— Не мое то дело — судьбы прясть.

— Не хочешь судьбу, так пряжу хоть сделай. Или опять не твое?

Я уперла руки в бока.

— Не для того я сюда пришла да по подземельям ползала будто крыса какая, чтоб пряжу тянуть. Разве ж чародеям прях не хватает?

Женщина бросила веретено и поглядела на меня в упор. Тут я заметила, что глаза ее так же черны, как у Лесьяра. Сказывал Велимир, такими они делаются, если чародей волшебство творит.

— И кто ж ты будешь, коль не пряха? — насмешливо спросила она.

— Заклинательница я. Учиться пришла, а меня к веретену сажают.

Женщина громко рассмеялась, хлопнула в ладоши. Веретено, лучина, темнота вмиг исчезли. Очутились мы в светлой комнате, обставленной темного дерева мебелью, с окошками, выложенными цветными стеклами.

— Ну, знать, наша будешь, — уже ласковее проговорила чародейка. — Меня Варварой звать. А ты вроде Вельма?

Я кивнула.

— Ох, знатно же я тебя поводила, — певуче проговорила Варвара. — Василёк вон помог малость.

Позади нее, на лавке у стены, сидел тот самый кот. Довольно облизываясь, он глядел на меня бесстыжими глазищами и жмурился.

— Ах ты, шерсти клок! — вырвалось у меня.

— Ну, будет, — урезонила Варвара. — Василёк у нас помощник верный. Коль подружитесь не раз тебе службу сослужит.

Взглянула на меня и добавила:

— А ты молодец, не оробела. Другая б на твоём месте в слезы да крик кинулась.

— Чего попусту реветь? Слезами горю не поможешь.

— И то верно, Вёльма, и то верно. Ладно, пора тебя с другими познакомить.

Она обернулась лицом в пустую комнату и, приложив руки ко рту, прокричала.

— Эй, други, будет вам прятаться! Всеслав, Тишка!

И тут — я чуть было не вскрикнула — явились предо мной двое. Один старик совсем, а второй едва ли мой ровесник.

Старший строгий такой, суровый. Светлое корзно на плечах мехом оторочено, а на рукавах рубахи красная вышивка обережными знаками. Борода у него густая да брови кустистые. А глаза, глаза ясные и светлые — мудрость в них так и светится.

— Кого ты привела нам, Варвара? — спросил он, нахмурившись. — Неужто настоящую заклинательницу нашла?

— А ты глянь внимательней, Всеслав. Тебе-то верней судить.

— Чего глядеть-то? — звонко хохотнул Тишка. — На лбу ведь написано, что со зверьем говорит. Да и сама лиса лисой, вот и признают ее.

Яркий шутовской наряд паренька и огромные конопушки, как ни странно, были ему к лицу. Будто и нельзя его другим представить.

Одним прыжком он оказался возле меня и широко улыбнулся.

— Лисица-лисица, скажи, где гуляла? — пропел он. — Про что ты слыхала, чего ты видала?

Стал медленно обходить вокруг меня и бормотать по нос:

— Кого чаровала, кого обнимала?

Дорожкой ли гладкой иль лесом багряным?

Тропинкой гулящей, дождем или туманом?

Лисица-лисица, кого ты видала?

Глаза чьи забыла, а чьи вспоминала?

Кто душой простой обозвал ненароком,

А кто королевной и солнца дорогой?

На последнем слове я резко подняла лицо и взглянула ему в глаза. Тишка широко улыбнулся, рассмеялся и кубарем укатился под ноги Всеславу.

— Не обижайся на Тишку, Вёльма, — примирительно проговорил старик. — Он у нас парень безобидный. Зла никому нарочно не сделает. А что людей насквозь видит, так то правда. Князь его очень любит, позволяет к нам ходить, когда вздумается.

Я покосилась на шута, который сидел, широко расставив ноги, и улыбался в ответ.

— Не держу зла, — сказал ему.

Тишка захлопал в ладоши.

— Мы с лисицей будем дружить. Да, лисица?

— Да, — ответила я.

— Тишка многому лисицу научит. Читать и писать, и как князя нашего за морем зовут.

Я невольно покраснела, оттого, что не умею читать. Шуту удалось так просто это разгадать.

— Будет тебе, плут, — шикнула на него Варвара. — Идем лучше чаю выпьем. А Всеслав с нашей гостье поговорит.

— Чай-чай-чай... С пряником заморским чай! — запел шут, вприпрыжку следуя за чародейкой.

Остались мы с Всеславом одни. Села я на лавку по другую сторону стола от него.

— Вижу, в диковинку тебе все? — спросил он, прочитав на моем лице.

— Еще в какую диковинку.

— А ты мне еще диковиннее, девица. Сколько лет я прожил, ни одного заклинателя твоей силы не видал.

— Варвара разве не такова?

— Варвара помощница моя, — ответил Всеслав. — Стар я уж, сам не справляюсь. Дар ведь вечен, а тело смертно. Вот Варварушка и выполняет, что скажу.

— А Тишка кто же?

— Тишка князя любимец да и наш тоже. Он только с виду таков, а на самом деле умнее любого станет. Увидит человека и сразу скажет про него. Нравится ему с нами — со мной и Варварой.

Я взглянула на его белый витой посох. Темно-зеленый самоцвет в наверху слабо сверкнул.

— Нравится? — подмигнул Всеслав.

Я сглотнула.

— Очень...

— Коли испытание пройдешь да силу докажешь, учиться у меня станешь. Как умру, тебе его передам.

— Да что же... — начала было я. Негоже вот так ушедшую звать.

— Не перебивай, — властно произнес Всеслав. — Стар я уж. Силу передать кому-то должен. Варвара и Тишка не годятся. Не ему же, — он кивнул в сторону спящего кота. Тот приоткрыл один глаз. — А в тебе дар есть, ты принять сможешь.

— Неужто лишь я? — растерянно проговорила.

— Об том рано вести речь. После испытания только в Дом Предсказаний войдешь. А пока Тишка тебя грамоте поучит. Угадал, паршивец, что неграмотная.

Я снова покраснела как вареный рак.

— Будет. Учись скрывать такие вещи, — строго заметил Всеслав. — Чародейка собой владеть обязана. Я и сам читать не умел, пока на это место не уселся.

— А что же будет, если испытание не пройду?

— Если не пройдешь, то посох получить уж никогда не сможешь. Разве что помощницей при мне останешься. Как Варвара. Она-то свое не прошла.

— Как же это? — взволновалась я.

— А вот так. Сил не хватило. Оттого и седая раньше срока. Заклинательницей стать хотела да не смогла. Дар слабым оказался. Твой сильнее — я вижу.

— И как же это видно?

— После научишься, — махнул рукой Всеслав.

Он чинно поднялся со своего стула, оперся на посох и тяжело вздохнул. Так делают старики, которым тяжело ходить.

— Пора мне идти. А ты Варвару с Тишкой дождись.

И вышел.

Я осталась наедине с Васильком — наглым перекормленным котом. Тот открыл глаза, медленно потянулся, расправляя когти, прыгнул на пол и направился ко мне.

— Ну что, дружок? — спросила у него. — Завел ты меня.

Кот зажмурился и лапой дотянулся до моего колена, показывая, что хочет на руки.

— Иди уж, — улыбнулась я, хлопнув себя по бедрам. — От тебя не отвяжешься.
Василёк муркнул и свернулся огромным пушистым комком на коленях.

Тишка весело гикнул и запрыгнул на стул, на котором совсем недавно восседал Всеслав.
— Лисица-лисица, зачем солнце светит?

Я на миг растерялась.

— Почему же мне знать? Светит, знать, нужно.

Шут покотился со смеху.

— Варвара, гляди-ка, она этой присказки не знает.

— Так она и не шут, — ответила седая чародейка. — Будет тебе куражиться. Учил бы лучше девку.

— А что ж как учить, так я? — возмутился шут, важно складывая руки на груди. — Как работать, так Тишка то, Тишка это?

— Ой ли? Работничек! Станется с тебя, как же? — протянула Варвара. — Занимайся уж делом, а я по своим пойду.

— Куда ты? — быстро обернулась я. Остаться наедине со странным безумным шутком было боязно.

— Всеславу помогать. К нему люди часто приходят, он без меня никак. Слушайся Тишку, он хоть и шут да грамотен.

Сказала и ушла.

Остались мы с Тишкой. Шут сидел напротив, раскачиваясь взад-вперед, по-дурацки улыбаясь.

— Ну так что, лисица? Знаешь, зачем солнце светит?

— Меня Вельмой зовут.

Он кивнул.

— Знаешь, Вельма, зачем солнце светит?

— А ты мне расскажи.

Шут важно надулся, а потом выдал:

— Да чтоб мужику не повадно красть было, — и расхохотался.

Я, совершенно пораженная, так и застыла с открытым ртом.

Тишка вдруг перестал хохотать и сделал строгое лицо. Положил руки на стол — точь-в-точь как Всеслав и спокойно проговорил.

— Ну, что ж, Вельма, будет веселиться. Раз читать не умеешь — научу.

— С чего ж ты решил, что не умею?

— Так понятно же! Девка ты темная, неграмотная, из глухих окраин пришла. Разве тамошние учатся?

— А тебя ж кто научил? Сам-то откуда?

Тишка возвел глаза к потолку.

— Я из края поднебесного, где цветут алые цветы, бегут молочные реки и веют сладко-пряные ветра. Птаха чудная пером золотым покрытая принесла меня на крыльях своих князю служить.

— Шут, — хмыкнула я.

— И не спорю! — хохотнул Тишка.

Он полез куда-то под стол, открыл ящик и достал перья и бумагу:

— Буквы-то хоть раз видала за жизнь свою?

— Видала, — обиделась я. — Не совсем темная ж.

— А руны знаешь?

— Не знаю.

Шут схватился за голову и стал качаться из стороны в сторону:

— Ой, горе мне, окаянному! За что ж такое личечко послали боги? Неграмотное, на лисицу похожее, да еще и норовистое.

Потом вдруг выпрямился и взялся за перо:

— Сейчас знаки писать буду — их буквами называют, потом тебе показывать. Бери стул, ко мне садись. Повторять после будешь.

Я нехотя встала и перешла к шуту. Тот шумно подвинулся и, гордо взглянув на меня, принялся выводить на плотном желтоватом листе неведомые мне символы.

Уж не знаю, сколько времени минуло да только голова у меня стала будто чумная. Знаки и черточки перед глазами сливались, мысли путались.

Тишка знай себе потешался и присказки свои вспоминал. А я-то разве ж виновата? Не знала век грамоты и лучше б не узнала вовсе! Вон она сложная-то какая. И что это людям не сиделось спокойно, зачем они читать и писать придумали? Будто бы сами ничего запомнить не могли.

Это ж надо ведь целых три с лишком десятка букв выдумать, да еще звуки к ним всякие подобрать. А как мудрено они пишутся! Глядишь — крючок простой. Кажись возьми да и напиши его. Ан нет.

Перо так и норовит в руках извернуться. Выпасть да чернилами лист испоганить. А чернила — та еще пакость. Темные, тягучие. Если уж выпачкаешься, то не ототрешь ни за что. Сдается мне, вся я в них испупалась, да еще и сверху облилась.

Одолели мы с Тишкой десяток букв, а после шут откинулся на спинку стула, прикрыл лицо руками и заголосил:

— Ох, горе мне, горе! За что ж с тобой, темной девкой, так мучиться? Наказал меня Всеслав так наказал!

— Чего ж тебе горе? — отозвалась я, рьяно пытаюсь оттереть с ладони чернильное пятно. — Сам вон все знаешь, а мне учить и учить! Будто в темный лес попала...

Шут только отмахнулся:

— А я-то гляжу на тебя и вовсе заблудиться могу. Даже перо в руках не удержишь! Сказано — из зада растут они у тебя.

— На себя-то посмотри, грамотей! — взвилась я. — Нацепил колпак и мудрецом себя мнишь? Думаешь, будто один такой умный!

— Разве ж есть еще кто умней? — горестно вскинул руки Тишка.

— А хоть бы и я!

— Да ты и грамоту не знаешь.

— А я возьму и обучусь.

— Обучись вначале! — хохотнул он.

— Спорим? — я протянула ему руку.

— На что тебе спорить-то? На хвост лисий?

— А тебе на колпак с бубенцами?

Тишка задумчиво почесал голову. Колпак в этот миг лежал на столе рядом с ним.

— Не стану на колпак спорить. Что другое проси?

Я задумалась. Что же взять с шута безумного? Денег у него нет, самоцветов и камней тоже. Шапка да наряд его шутовской мне и подавно не сгодятся. Что же можно взять у того, кто везде ходит да все знает?

— Тишка, а ты про Скельдианию знаешь?

— Чего ж не знать? — присвистнул шут. — И богов их знаю, и язык их знаю, и как князя их зовут, и как они под парусами ходят.

Я протянула ему руку.

— Спорим? Ежели я через неделю читать начну, ты мне про скельдианов расскажешь.

— А, ежели, нет? — прищурился он.

— Ежели нет... Так я тебе спляшу и в том, что дура деревенская признаюсь?

— Идет, — пожал мою ладонь Тишка. — Готовься плясать, Вёлька!

— Былины лучше заморские вспоминай, скоморох!

Вернулась я домой. Не к себе — своего ведь нет дома — а к Велимиру. Поужинала в одиночку, парой слов с Хельгой перекинулась да и села у окна.

Выходило оно на глухой тесный переулок. Зловонные канавки сточных вод, настил из уже прогнивших досок, шумные прохожие и изредка всадники.

Смурной город — Трайта. Ни деревца, ни травинки. Только камень, дерево и грязь. Будто и нету на свете природы, ярких красок и радости никакой. Даже небо и то чужим кажется.

Сегодня, как из Дома Предсказаний шла, взглянула вверх и орла увидела. Парил где-то в вышине, взирал вниз, где город видать темным грязным пятном видится. Да только не тот это орёл, не мой попутчик. Тот в пути затерялся, а у этого и клекот незнакомый.

Сумерки вечерние уж сгущались, темным тенями ползли по комнате, а я все свечу не зажигала. Не хотелось. Грустно и тяжело мне вдруг сделалось. Сижу в чужом доме, уставшая, забытая всеми. Вокруг ни одного лица родного, город чужой.

Что же будет после? Что со мною станется? Ох, помоги Ларьян-батюшка, не оставь меня без твоего взора.

Я вздрогнула и резко обернулась.

В дверь постучали, а после она открылась.

— Вёльма, ты чего это впотьмах сидишь? — узнала я голос Ладимира.

— Света не хочется.

Он тихо усмехнулся.

— Идем с нами что ль посидишь?

— А вы когда вернулись?

— Да вот только и вернулись. Пойдем, дружка своего, Осьмушу, успокоишь. А то дрожит как лист осиновый.

Осьмуша... Ох, дурная же ты девка, Вёльма! На свою долю жаловаться стала и про других начисто забыла. Кому-то ведь похлеще тебя перепало!

— Идем, конечно, — вскочила и мигом у дверей оказалась. — Ох, ты ж...

— Тише ты, — удержал за руку Ладимир. — Зашиблась?

Я потерла ударенную щиколотку. И надо же было на стул в спешке да потемках налететь.

— Глупость, — ответила.

— Ой ли? — колдун улыбался. — Опасно тебя в темноте оставлять одну. Убьешься ненароком.

— Удержал на ногах и на том спасибо.

Ладимир не отпускал моей руки.

— Не боишься больше упасть?

— Я и раньше не шибко боялась.

Выпрямилась, шаг к нему сделала и замерла.

Тихо так. Лишь шаги да приглушенные голоса внизу — Велимир с Хельгой говорят. Темнота уж полностью все скрыла, одни лишь смутные очертания видны.

Ладимир ладонь мою отпустил, а потом обнял за плечи легонько. Сердце вдруг глухо забилося и будто упало куда-то. Совсем не так, как тогда, как Арьяр целовал. Не было ни дрожи, ни мурашек. А вот мир вокруг словно исчез. Будто ждала чего-то давно, искала, а оно и нашлось. И не нужно больше ничего, кроме этого.

Склонился он ко мне так, что сияние глаз в темноте разглядела, а прядь волос, что на лоб упала, чуть кожу защекотала. Только теперь я уж бежать и не думала.

— Ну что, идем что ли? — спросил тихо.

Я вмиг опомнилась и Ладимира оттолкнула.

— Идем! — отбросила косу за плечо. — А то сам стоишь и меня не пускаешь.

Он не ответил, но сдается мне, едва сдержался от усмешки своей поганой.

Ох ты ж... Слов было столько, что и подобрать не могла. Как я только не честила Ладимира треклятого.

Честить-то честила, а сама вновь и вновь думала, как обнял и как близко был. И думать-то теперь до самого утра, а после и до следующего буду.

Осьмуша и впрямь сам не свой был. Уж сколько я слышала о перевертышах, о силе их и бесстрашии, а на деле оказалось — не смелее зайца. Чуть что сразу в тоску-печаль.

— Что стряслось с тобой? — спросила у него. Села рядом да по голове погладила.

Осьмуша шмыгнул носом, плотнее запахнулся в плащ. У огня сидит, а самого будто от холода трясет.

— Велено мне было в Дом Предсказаний явиться. Ростих Многоликий наставника определил.

— Кого же?

— Чужестранца. Зораном его зовут. Посох его черным камнем увенчан.

Осьмуша умолк.

— И что же? Что дальше? — поторопила я.

— Зоран ушедшей служит, — добавил Ладимир, стоящий в дверях. — Сам из Зарецкого княжества родом.

— Разве же Ростих с детьми ушедшей знается?

— Всего один ее служитель в Доме Предсказаний и есть, Вельма. Зоран — он ведь и сам перевертыш.

Обереги меня, Ларьян-батюшка! Защити светлой дланью своей!

Стало быть чародеи Дома Предсказаний разную волшебку творят. Секреты Велы-вещуньи, наговоры Мирады-травницы, боевые заклятия Лария-воина, старшего сына Ларьян-батюшки, да много-много еще всего знают. Слугу ушедшей, темного жреца той, чье имя мало

кто назвать отважится, привечают. Знать, творит он там обряды свои, ей поклоняется.

— Осьмуша, ты чего умолк? Дальше-то что? — я дернула парня за руку. Тот нехотя отвернулся от пылающего очага — дрожь в теле его все не унималась.

— Зоран обещал, учить меня будет. Только трудна эта наука — волка и человека в себе соединить. Он меня... обратиться заставил. Пошептал слова чужеземные и как изломало всего, мир померк, багряным окрасился... Волком я был, Вельма...

Осьмуша опустил грустные глаза.

Я оглянулась на Ладимира. Тот спокойно перелистывал страницы какой-то книги, что у дядьки своего взял.

— Разве ж можно такое допускать? — не выдержала и спросила. — Чародеи ему помочь обещали, а теперь мучают.

Колдун перевернул страницу и, не поднимая глаз, проговорил:

— Помощь иной раз с болью приходит.

— С болью? Отдали парня черному жрецу и, выходит, все?

— Уймись, лисица. Ты говоришь о том, чего не ведаешь.

Я еще раз посмотрела на Осьмушу — ох и жалко же его! Вся радость от встречи с наставниками пропала.

— Чего же меня тогда жрецу ушедшей не отдали? Ладимир?

Он наконец поднял на меня глаза:

— Ты, Вельма, заклинатель. Дар от Всеслава перенять должна. Расходятся ваши пути с Осьмушей. Он сын ее, а ты будто падчерица.

Птаха уж облетала небо, рассыпая по нему перья-облака. Луна-девица стыдливо прятала бок, лишь наполовину выглянув из своей горницы.

Не спалось мне. Думы все мешались. Обо всем и будто бы ни о чем. Сказала бы, может, да слов не нашлось. Не было — вмиг рассеялись.

Прикрыть мне глаза и увидеть берег чужеземный. Драккары могучие и воинов храбрых. Где же ты, сон мой прекрасный? Нет его.

Я встала и подошла к окну. Распахнула, впуская прохладный ночной воздух. Тот шустрым гостем забрался в комнату, зашипел кошку, полез за шиворот.

Шорох в углу почудился — обернулась.

— Уууу...

Невесомым прыжком на кровати оказался полосатый кот.

— Василек? Как вошел-то?

Он прищурил глаза, чуть наклонил набок голову и мотнул пушистым хвостом. И тут я вдруг поняла, что не кот это вовсе — призрак его бестелесный.

— Что делаешь тут, дружок?

Кот зевнул и громко замурлыкал.

Не страшно мне совсем стало. Не будет от кота беды. А как явился — завтра у Варвары узнаю.

Закрыла я окно и вернулась в кровать. Василек в ногах свернулся — тепло от него будто от настоящего.

— Тихой ночи тебе, — шепнула, прежде, чем глаза закрыть.

И не снилось сегодня ничего...

Наутро я наскоро собралась и быстренько в Дом Предсказаний пешком отправилась. Ни слова никому не сказала.

Разве ж коты призрачными приходиться должны? Они ведь твари, богами созданные. Им тело дано живое. Слышала я, что мертвые к живым приходят — так то люди. А чтоб звери... Да и жив Василек, серый разбойник, живее всех будет. Как же вышло-то так?

— Рано ты сегодня, — проговорила Варвара, стоя спиной к двери.

Я быстренько огляделась — дрыхнет котяра на лавке.

— И ночью пришла, коль можно бы.

Женщина повернулась. На ее лице играла лукавая улыбка.

— Что, напугал тебя Василёк наш?

Я так и остолбенела.

— Так ты знаешь?

— Помощник он мой, разве ж не скажет. Да ты пройди, сядь, а вот вон как побледнела.

Того и гляди свалишься.

Я села за стол и с опаской покосилась на кота.

— Заклинаешь ты его что ли?

— Куда мне. А вот Всеслав может. Кот ведь у нас не простой, Вёльма. Он вчера не просто так приходил. Утешить тебя хотел, увидел думы тяжкие.

— Что звери людям помогают, знаю. А вот чтоб бестелесными приходили, — только и развела руками.

Варвара тихо улыбнулась.

— Всеслава сегодня не будет. Тишки тоже. У князя пир в честь послов скельдианских, им быть положено. Стало быть со мной день скоротаешь коль непротив.

— Что ты! Куда же против-то?

— И ладно. Чаем травяным тебя напою да угощу пирогом. Всеслав до них большой любитель.

Я согласно кивнула. После всех переживаний и тревожного сна не мешает подкрепиться.

Василек проснулся, вытянулся и поглядел на меня. Помнит, подлец, кого ночью испугал!

Варвара быстро накрыла на стол и села напротив.

— Как в Трайте живется? — спросила.

— Не знаю уж. Не разобрала еще. А ты сама откуда?

Женщина улыбнулась.

— Издалёка. Дальше твоего мой дом. У самых гор, что от Южного моря Беларду скрывают.

Промолчала я. Не слышала о месте таком, не ведала.

— Пешая шла?

Варвара заливисто просмеялась.

— Ноги бы стерла. Верхом само собой.

— Давно ты Всеславу помощница?

— Семнадцатая зима минула, — в голосе ее будто грусть мне почудилась.

— И не надоело?

— Судьба моя. Разве ж надоест?

Я откусила от пирога. Не зря старик-заклинатель так любит их. На диво он удался.

— А в чужих края бывать доводилось, а, Варвара?

Чародейка улыбнулась.

— Довелось и не раз. Всеслав князю служит, а я при нем. Князь за границу, заклинатель с ним да и я, помощница.

— И где были?

— В Зарецком княжестве, в Гачине, Рхасии, Герклате, Ельнии.

— И в самой Ельнии? — не выдержала я.

— Случилось.

— А в Скельдиании? Северное море ты видела?

Варвара покачала головой.

— Не довелось. Да и что там смотреть-то? Холод, ледяные горы, воды темные да небесный свет? В тот суровый край не каждый ехать отважится. Послы скельдиан сами к нам едут с грамотами от конунгов своих.

— И теперь приехали?

Варвара кивнула:

— Ты уж им попасться пути успела. Чего ж спрашиваешь?

И вправду? Чего ж я?

— Ну, поели и будет, — решительно проговорила Варвара. — Уберем и делом займемся. Тишка тебя читать учил?

— Учил. Да только не шибко вышло.

— Ну, может, со мной шибче пойдет, — усмехнулась чародейка. — Золотых гор этот плут еще не обещал?

— Горы не обещал. Откуда ж они у скомороха?

— Тишка тот еще гусь. Боги его даром наградили. К словам его прислушайся. Коль скажет что, запомни.

С самого утра я в Дом Предсказаний уходила. Лишь с Хельгой словом редким обмолвлюсь. Ни Велимира, ни племянника его (чтоб его упырь за ногу ухватил!), ни Осьмуши бедного не видела.

Лишь однажды, когда Варвара меня послала Лесьяру записку передать, я с ведуном столкнулась.

— Куда спешишь, Вельма? — лукаво улыбнулся он.

— К Хранителю иду.

— Совсем запропала ты что-то.

— Твоя правда, Ладимир. А ты... — хотела сказать да как в глаза ему посмотрела все напрочь и позабыла.

— К испытанию готовлюсь.

— Скоро ли?

— Скоро, Вельма.

— Идти мне нужно...

— Погоди.

Ладимир взял мою ладонь и легонько сжал.

— Всеслав с Варварой тебя в девятом часу вроде отпускают?

— Откуда... — не договорила я.

— Вместе пойдем.

И ушел.

А я, как была, так и стоять осталась. Ни за что теперь без Ладимира домой не пойду!

Тишка-плут вольготно развалился на месте Всеслава, закинув ноги в ярких красно-зеленых с загнутыми носами черевичках. Выглядел он так будто и не слышал моего голоса. Знай себе сидит, да колокольчики на своем колпаке теребит. Их звон уж в ушах у меня стоит. Вот не выдержу, вскочу да выхвачу шапку треклятую у него из рук.

— И вста-ла о-на, в-з-мах-ну-ла рука-ва-ми а-лыми, и в-з-вилась птицей ог-не-н-ной, — читала я, водя пальцем по шершавому листу старой книги. — Фуух... Может, довольно, Тиша? А то уж пятый лист приканчиваем...

Шут только рукой махнул, встряхивая колпак. Колокольчики препротивно звякнули.

— И то правда, рыжая лиса. От твоего голоса у меня уж голова трещит.

— Ой ли? То не от меня, а от шапки твоей трещит.

Тишка хлопнул глазами.

— Ох, зла ты, лиса рыжая. Рыжая да бесстыжая. Ни стыда, ни совести, ни на грош покорности, — вздохнул шут.

Резко скинул со стола ноги, сел в кресле прямо будто наездник благородный в седле.

— Довольно уж мучиться мне с тобою. Читать научил и будет.

— А пишу-то я еще плохо.

— Варвара пусть учит. Что я вам, толмач какой? Без меня вон князь и дня обойтись не может.

Тишка важно надулся и упер руки в бока.

Я взглянула на его чуб, торчащий из-под колпака, и едва сдержала усмешку:

— Что ж это, князь сам что ли не управится?

Шут гордо задрал голову:

— Без меня князю никуда!

От благоговения перед самим собой Тишка даже прикрыл глаза, а потом открыл один и зашипел на меня. Прямо как змей настоящий!

— А ну иди отсюда, Велька-лисица! Ступай, хватит меня мучить!

Я поднялась и, упершись руками в стол, склонилась к Тишке:

— А вот не уйду никуда!

— Ииии? — подался назад шут.

— Не уйду, — повторила ему. — Пока слово свое не сдержишь.

— Какое такое слово?

Тишка с ногами влез в кресло и сел на спинку, чтобы быть еще дальше от меня.

— Не помню ничего.

— Как это «не помню»? А на что со мной спорил да руку мне жал? А?

— Не ведаю я, — строго отозвался шут. — Коль не хочешь уходить, так сам уйду.

Он соскочил с кресла и хотел было прошмыгнуть к двери да я ему путь преградила.

— Куда это ты, голубчик мой, собрался?

Тишка скорчил рожу и присел на согнутых коленях, закрывая голову руками.

— Спасите-помогите, люди добрые! Напасть великая пришла, погубить хочет! Лисицы бешеные проходу не дают! Чур меня, чур! Спасите-помогите! — заголосил шут.

— Тихо ты, — шикнула я, не на шутку пугаясь. — Чего орешь-то? Тишка!

Он отвел руки от лица:

— Скажи, чего хочешь, тогда перестану. Ой, люди добрые, люди честные...

Ах ты ж скоморох поганый, рожа твоя бесстыжая! Чуть что балаган устраивает! Да чтоб тебя коза рогатая забодала, окаянного!

— Спасите-помогите, — продолжал вопить Тишка.

— Замолчи ты! Про Скельдианию рассказать мне обещал!

— Спа-а... Когда обещал? — смешливые глаза шута вперились в меня.

— А как я читать за неделю научусь, так и обещал. Я читать научилась. А сколько прошло? Две недели прошло, Тишка! Две!

Для пущей убедительности я помахала у него перед носом ладонью с двумя оттопыренными пальцами.

— Так ты ж по складам только, — спохватился шут.

— А сам говорил — беглость потом приходит, — не растерялась я.

Тишка поднялся, понуро опустил голову, снял с головы колпак и побрел обратно к столу. Колокольчики грустно звенели.

— Эх, твоя взяла... — вздохнул он. — Только все враз не скажу.

— Так враз и не надобно. Кусками-то интересней.

Я уселась напротив него и положила голову на руки, ожидая рассказа. Тишка с минуту поерзал на стуле и негромко заговорил:

— Лежит Скельдиания на самом северном краю мира нашего. Часть ее на суше лежит, а часть по морю холодному раскидана. Живет там народ гордый. Ростом высоки, волосом светлы, а глаза их будто море иль небо. Воины из них славные выходят. Садятся на лодьи и драккары быстрые и мчатся по волнам темным. Да только живут они промыслом нечестным — земли чужие захватывают и дань с них большую берут. А после назад плывут с добычей богатой и кладут ее к ногам своего конунга.

— Кого? — переспросила я, приподнимая голову.

— Конунга, — повторил Тишка. — Так князя их зовут.

— А ты его видел?

— Конунга не видел, а вот посла его видел. Вельма, не перебивай... Вот уж забыл, о чем и речь вел, — Тишка тряхнул вихрастой головой, после стукнул себя по лбу и продолжил: — Сидит конунг на высоком троне. Сказывали мудрецы, что костяной он. Меч у конунга — всем клинкам клинок. Серебром сверкает. Сказывали, всем, кто на трон сядет его дают. Один и тот же уж сколько веков.

Сказывал князь, море их льдом не покрывается. Будто воды какие теплые в глубинах текут. Оттого скельдиане круглый год на своих драккарах моря бороздят. Лодьи для них — первое дело. Ежели живут они долго на берегу, так тоска на них находит. Не живут северные воины мирно, как мы, беларды. Им бы все меч булатный, топор боевой да доспех попрочней. И море.

А как рассердится оно, как прогневается, так и потопить могучий драккар может. Тогда уж...

— А за что море гневается? — опять спросила я.

— То богов воля, — развел руками Тишка. — За них отвечать не смею, Вельма. У северного народа боги другие, нам неведомые. Не знаю я, за что они наказать могут. Не ведаю.

Говорили на пиру воины, что застал их гнев богов в пути. Драккар устоял, не затонул. Только поломался сильно. Оттого посол и не в срок приехал. Едва до Стропья они доплыли. А после уж конными до Трайты ехали.

Я тут же вспомнила скельдиана, что Сольвейг меня назвал. Вспомнила глаза его, волос пепла серого да знаки чужеземные на одеже. Увижу ли снова? Узнаю ли что о крае его? Смогу ли спросить?

— А надолго ли к нам скельдиане, Тишка?

Шут в раздумье сморщил лоб:

— Теперь почитай до следующей осени. Конунг северный желает, чтоб его люди всегда в Беларде были. Хочет знать, что творится. Да и сказывали, каган гарнарский нам угрожает. Конунгу ведь он тоже враг. Между ними лишь Беларда и стоит. Слышь, Вельма, а чего это тебе так вступило про Скельдианию слушать?

Я тихонько улыбнулась.

— Снится она мне, Тишка. Часто снится.

Шут мигом переменялся в лице и стал серьёзным.

— Прямо так и снится? Одним и тем же сном?

Я кивнула.

— И драккар могучий вижу, и воинов северных, и море темное. Знак еще чей-то. Да только вспомнить его не могу никак.

Шут почесал затылок.

— Не простой это сон, лисица. Ох, какой непростой.

— Что ж он значит-то?

— Что значит? — Тишка задумался. — Сама после поймешь.

— И ты не скажешь?

Он замотал головой:

— Не скажу и думать про то не стану. Не след мне в чародейские сны лезть. Не след, Вельма!

Он подхватил со стола колпак.

— Ну, все, Вельма, будет на сегодня сказок. Пора мне и тебе пора.

— Как так? — возмутилась я. Только-только говорить начал ведь!

— Будет-будет. После расскажу. А то чего доброго тебе еще сниться начну, — Тишка хохотнул и перевернулся колесом. — Тихой ночи, лисица, да славных снов, да добрых попутчиков...

Сказал и выкатился из комнаты.

Откуда только догадался, подлец? Не зря Варвара говорила будто дар у него. Не мог ведь видеть нас с Ладимиром.

Я поднялась и поглядела в окно. Темно уж. Колокол скоро уж девять пробьет.

Сердце глухо ударилось в груди, а по телу дрожь густая прошла. Пора мне. Ждет меня Ладимир. Ждет, хороший мой.

У двери как из ниоткуда Василек появился. Взмахнул пушистым хвостом, будто с укором каким на меня взглянул и сел прямо на дороге.

— Чего это ты, дружок? — склонилась к нему. — Пропусти уж.

— У-у-у, — утробно зарычал кот.

Во взгляде его мне что-то не понравилась. От Василька, любимца Варвары, так и веяло страхом и настороженностью. Будто хотел что-то сказать, как предупредить.

— Ну чего ж ты, серенький?

Кот потянулся к моей ладони, ткнулся в нее влажным носом.

— Идти мне нужно, Васька, сойди-ка с дороги.

Кот отпрянул и прищурился.

— Мяу-у-у-у, — угрожающе протянул.

— Ну ладно, будет!

Надоело ждать, и я просто отодвинула кота ногой.

Василёк зашипел и отпрыгнул.

— Мя! — недовольно фыркнул в мою сторону и отвернулся, взметнувшись серым вихрем, прыгнул на стол и исчез.

В пустой горнице мне миг не по себе стало. Поспешно задув лучину, что у двери висела, я быстро вышла. Оберегите меня, молодые боги...

О том, что дело уж к осени идет, холодок вечерний напоминал, пока несмело касаясь кожи да ранний закат. Летом ведь, бывало, до самого позднего вечера светло, а теперь уж раньше темнеет. Птахе не терпится соскочить с гнезда, оттого она светило-солнышко и торопит.

Тучки уж не летние по небу бегут. Раньше бывало они все белые да пушистые будто пенка на парном молоке. Сейчас же серые тягучие и тяжелые — будто свинцом налитые. Ветер меняется и несет прохладу от северного моря. Деревца зеленые, детки земли-матери, готовятся к тому, как наряд свой скинуть. Без сожаления забывая о нем, желтеть начинают. Скоро уж облетать станут и покроют все вокруг золотым ковром.

Я бесшумно ступила на крыльцо, освещенное факелами. Вода в фонтане тихонько журчала, а в ряби ее зеркала отражалась девица-луна, уж большую часть своего широкого бока показывая. Тучка серая пятном ее прикрыла да только девица-луна не уступала. Серебро ведь свинцом не заменишь.

Потоптавшись с минуту на месте, я стала небыстро спускаться. И чего это кот меня не пускал? Чего на пути вдруг встал? Кто их, кошек востроглазых-то, разберет?

Иду вроде неспешно, тихонько. А сердечко так и бьется, так и норовит из груди выскочить. Аж дух перехватывает...

Огляделась я — нет никого.

Неужто снова подшутил надо мной колдун? Решил покуражиться опять? Ох, не сдобровать ему тогда, не ждать моей милости.

Нет Ладимира.

И поделом тебе, дура деревенская. Знала ведь, знала, к кому идешь, да все чего-то верила. Этот-то соврет недорого возьмет, обманет и не оглянется. Нельзя таким верить, не след.

Снова я огляделась. Плюнула да и быстро пошла прочь со двора.

Проходя через арку, вскрикнула да в сторону метнулась. Фигура чья-то из темноты появилась и мне навстречу.

— Постой, Вельма...

— Ах ты, окаянный, едва душа в пятки не ушла!

Я схватилась за сердце и остановилась.

— Чего пугать-то так?

— А надобно ли чтоб видели? — проговорил Ладимир.

В тусклом свете я лишь черты его лица различала. По голосу слышала, что улыбается. И глаза видать светятся колдовским огнем.

— Сильно напугалась?

— Пройдет скоро.

Сердце опять забилося — только теперь уж не от испуга.

— Идем что ли?

Я лишь головой мотнула.

Стоило лишь руку от груди отнять, как Ладимир ее взял, сжал легонько, и понятно стало, что уж не отпустит.

— Идем, — лишь тихо ответила ему.

Враз мурашки пробежались и где-то внутри так сладко заныло будто сжалось все. Видно правду говорят — сразу почувствуешь, сразу все узнаешь.

Шли мы медленно. Темными улицами трайтовскими лишь кое-где факелами освещенными. Куда шли — не ведала. Обычно я-то другим путем хожу, а тут все на него, на Ладимира понадеялась. Раньше бы, может, испугалась, не пошла, сотню разов подумала. Теперь вот шагаю за ним как на привязи и все равно мне, что будет.

Верю ему. Каждую секундочку верю. Каждый миг. Каждому слову...

— И не скажешь ничего? — догадался он.

— Твоего слова жду.

Я улыбнулась.

— А я думал, кричать станешь, упырем меня честить. Мол, завел неизвестно куда, — Ладимир ни на миг не переставал прежним быть.

— Так сама ведь иду, никто не тянет.

Вспомнила я Арьяра да свидание наше единственное в лесу.

Тогда он за мной шел, на любое слово согласиен отвечал, любую глупость мою выполнить был готов, все терпел, а я еще и покрикивала. Вела его за собой, только ухмылялась и радости особой не было. Думала — лишь бы не тронул да чего лишнего не сказал.

Ладимир не таков. Ему попробуй слово поперек скажи, попробуй только заикнуться. Да разве ж я решусь? Иду как миленькая, заговорить не смею. И пусть... Да хоть на край света!

Ох, пропадешь ты, Вельма. Ох, пропадешь...

— Тебя разве потянешь? Сама не захочешь, с места ведь не сдвинешь.

Я обернулась на него.

— Выходит, сама захотела, — не спрашивал, ответил сам. За меня.

— Знаешь ведь...

— Всегда знал.

И до чего же он изворотливый да нахальный. Каждое слово так говорит будто никого в этом мире важней его нет. Все-то он знает, все-то он может, все-то ему позволено.

И взяла бы я да и высказала ему все это. Еще бы и пару оплеух отвесила, авось лучше поймет. Как же он злил меня, просто мочи нет, как из себя выводил!

Только то раньше было. Теперь уж все милым и родным кажется. Все в нем любо мне.

— Не спросишь, куда идем?

— И так знаю — домой к Велимиру. Только окольными путями.

Тучки на небе разошлись. Луна-девица без стеснения глядела на мирно спящий город и грустно вздыхала о том, что ей в одиночку приходится коротать свой нескончаемый век. Видела она людей, видела нас с Владимиром. И, наверное, тосковала. А, может, была заодно и только подпевала той музыке, что внутри у меня звучит.

— Стало быть и окольными путями со мной идти готова?

— А что ж? Я с тобой вон половину белардских земель прошла, Владимир. Разве теперь темного переулка испугаюсь?

Колокола на башнях тяжело сдвинулись с осей и стали гулко перекликаться, возвещая о новом ночном часе. По дощатому настилу дороги процокали конские копыта ночных стражей.

— Все не пойму я тебя, Вельма, — заговорил Владимир. — Вроде ясно все, а понять не могу.

— «То ли дурная, то ли богами одаренная»? — вспомнила в ответ его же слова.

— И то так. Да только... Не встречал я таких как ты ни разу.

— Так много ли в Подлесье сидючи встретишь?

— В Подлесье немного, а вот в Трайте да других городах.

— И много где же бывал?

— Много, Вельма, много. И ты побываешь, только срок придет.

Я остановилась, усмехнулась и на него посмотрела.

Глаза-то у Владимира и впрямь колдовские — в ночи и то горят. Иль мне так мерещится под волшбу девицы-луны? И сам он неземной будто, из миров иных, куда лишь птицы вещие пути знают.

— Разве что с собой возьмешь, как сам соберешься.

— А поедешь?

Ветерок ночной нежно коснулся нас. Прядь волос на ладимиров лоб упала, а я ее рукой осторожно отвела в сторону.

— Ты только скажи теперь — вмиг соберусь.

Колдун улыбнулся. Руки его мне на пояс легли, а сама я привстала на цыпочки и поцеловала его. Первая.

И вот тогда уж мир по-настоящему переменился. Говорят, лунная волшба людей пьянит. Да не правда то. Я и без нее будто опьянела. Вот как оно случается, значит. Крыльев нет, а лететь можешь...

В третий день седмицы не бывало на месте Всеслава. Спускался он вниз, на чародейский совет, Ростихом возглавляемый. Застать его я и не думала, а тут вдруг пришла и заклинатель на месте.

— Здрава будь, девица, — улыбнулся по-доброму. — Сияешь будто серебряный кубок.

— И тебе ясного утра, Всеслав, — ответила. — Сияю оттого, что радостно мне.

Варвара лишь искоса на меня глянула, ни слова не сказала. Заметила я лишь — вышивает что-то красными нитями.

— Присядь-ка, Велька, ко мне, — поманил рукой Всеслав.

Я повиновалась.

Чародей вздохнул, внимательно на меня глянул.

— Тишка сказал, что читать-писать ты научилась. Что к чему у нас уж разобралась.

Знать нужно тебе испытание назначить.

Слова так и замерли на языке. Будто обмерла я в тот миг — боязно стало.

— На шестой день нынешней седмицы Ростих велел испытать тебя.

— Да как же так? Всеслав... я ж не умею ничего.

— Умей ты — зачем бы проверять? — усмехнулся чародей. — От тебя-то и нужно, чтоб сама поведала, на что способна.

— И что ж будет? Как меня испытывать станут? — собственный голос дрогнул.

— Силу проверить надобно твою. А как — то лишь в день назначенный узнаешь. Учить тебя не буду, пока не докажешь, что достойна посох мой взять.

Я опустила глаза.

— Если белой бусины не упустишь, моей ученицей станешь. А коли темную возьмешь — к Зорану отправишься.

— Не пойду я к Зорану. Темный жрец он, — выпалила в ответ.

Всеслав улыбнулся.

— Не пойдешь, так не пойдешь. Да не трясись так. Я вон тоже на твоём месте был. Правда, сколько уж минуло, не помню.

Взглянула я на старика. Разве ж можно его молодым да неумелым как я помыслить? А ведь когда-то и он так же испытания боялся. Возможно ли?

— Сдается мне, пройдешь ты все, — добавил он, поднимаясь. — Сила в тебе есть.

Варвара вон тебе поможет подготовиться, а мне идти надобно.

Я вскочила и поклонилась ему вслед.

Варвара наконец бросила свое шитье и встала. Подошла ко мне со спины.

— Стой ровно, не дернись, — велела.

Приложила к плечам что-то.

— Угадала, значит.

— Что ты делаешь, Варварушка?

— Платье тебе расшиваю. Хватит уже в чистом полотне ходить. Первые знаки я нашью, остальные сама.

Вроде и говорила она без зла. Только все равно мне что-то другое в словах чудилось.

— А Василёк где? — я огляделась в поисках кота.

— Гулять убежал. Обиду он на тебя затаил.

— За что обиду? — спросила, а сама вспомнила, как вчера вечером ногой его оттолкнула.

— Думаешь, он простой кот? — напустилась на меня Варвара ни с того ни с сего. — Думаешь, что просто так на дороге сел? Предупреждал он тебя, глупая! Раз не послушала, на себя пеняй. И дальше предсказаний от него не жди.

— А ты за что на меня так въелась?

Варвара только рукой махнула.

— Не послушала кота, считай, со мной поспорила.

Она сунула мне в руки только расшитое платье и указала на узкую боковую дверь.

— Иди, примеряй. Я уж после подправлю.

— Спасибо, — тихо ответила ей.

В тесной комнатухе было светло. Полки на стенах, заваленные тканями, будто в лавке да вещицами диковинными, незнакомыми. Зачем только чародеям столько?

Пахло тут слежавшейся пылью, а частички ее в лучах солнечных кружились над полом.

Прошла я вперед...

Закричала, платье из рук полетело. Сама лицо закрыла и как остолбенела вмиг.

Сколько простояла не помню. Минута вечностью показалась. Отняла я медленно руки от лица и шумно выдохнула. Со стены на меня смотрела невысокая рыжая девка с косой на плече и в чистом, без узоров, светлом платье.

Шагнула я ближе, руку протянула и тронула холодноватую и чистую будто родниковая вода гладь. Так вот оно какое — заморское чудо — зеркало. Не сразу и поняла, что сама в нем отражаюсь.

Провела рукой по нему — ровное, гладкое, как неживое. Невольно лица своего коснулась. Лишь отражение это, а я, настоящая, здесь стою, двинуться не смею.

Как первая оторопь прошла, быстро с себя все скинула, собралась обнову померить. Да остановилась. Впервые в жизни ведь себя вижу.

Несмело подняла глаза и не зажмурилась.

Та девка, что из зеркала смотрела, вроде и не мной была. А коснусь я лба — и она коснется. Откину косу за плечо — и она откинёт.

И с чего все говорили, что некрасивая? Волосы разве что хвалили.

Выдернув из косы ленту, я смотрела, как длинные тяжелые пряди медного цвета свободно падают чуть не до коленей.

Лицо мое, чуть загоревшее на солнце, совсем не уродливым оказалось. Водная рябь его всегда кривила, а вот зеркало... И глаза у меня светлые, зелени чистой полны. И кожа без веснушек, гладкая, не то, что у иных.

Сложением я разве что не вышла, оттого видать никому не нравилась.

Да ведь глупости же люди говорили! Разве ж толстые бока красоты придают? Смотрела я на свое отражение и понимала, что зря столько лет страшилась и пряталась. Зря соседок да родню слушала. И кожа у меня светлая молочная, и талия узкая, и ноги ровные — не то, что у сестрицы замужней.

Увидела, да и сама себе понравилась. Пусть теперь бабы наши хоть что говорят, не дам больше голову заморочить. Не уродина. Не хуже других.

Одев платье, что Варвара приготовила, вовсе разулыбалась сама себе. Знала чародейка, что подобрать. Век я такого не носила. Теперь же снять не заставят.

Ох, дура ты, Вельма, что сама от себя отказывалась, что пряталась за отцовскими рубахами. Другим все верила. А люди — они ведь мало хорошего присоветуют.

— Ну чего так долго-то? — заглянула Варвара. Потом усмехнулась. — Не налюбуеться никак?

Я только кивнула и перед зеркалом повернулась.

— Не каждый же день мне на себя глядеть давали.

Чародейка только головой покачала.

— Теперь гляди сколько влезет. А темно станет — лучину принесем.

Я перекинула волосы на плечо. Скельдианский посол назвал меня «сольвейг» разве что за их цвет. Свои все лисицей кличут опять же за них. Ну и пусть! Лиса — зверь красивый и соседок не слушает.

В доме Велимира все будто умерло — тихо так стало, не видать никого. Хельга разве что бесшумной тенью пройдет и скроется за какой-нибудь из дверей. Была у нее еще помощница — Здебора — тихая угрюмая девка моих лет. Ту я всего пару раз и видела. Здебора все на кухне управлялась, а после домой шла, вниз, к городским воротам. Двое других слуг — конюх и ночной сторож — вовсе со мной не говорили. Лишь кланялись и здоровались, опустив глаза.

Позже я поняла, что к чародеям всегда с почтением относятся. У меня хоть и не было еще посоха, а все за колдунью принимали. Ладимира побаивались, а уж от Осьмуши и вовсе чуть ли не разбегались. Дитя ушедшей, мол, перевертыш.

Его — то совсем не видно было. Сказывала Хельга, что уж вторую ночь парень в Доме Предсказаний ночует. Хотела я найти его, пошла как-то по темным коридорам, где сама ушедшая заблудится. Да и наткнулась на Лесьяра. Хранитель строго брови свел, путь мне посохом преградил да погрозил пальцем:

— В чужие дела не суйся, не то добра не наживешь, — сказал и исчез.

Я только охнула, видя, как он в темноте растворяется.

Ох, чур меня!

Всеслав до дня испытания появляться не велел. Сказал, мол, готовься, сил набирайся. Я и послушала.

Слонялась по каменному дому, не знала, куда себя деть. Потом оделась в новое платье, косу переплела и решила пойти по Трайте погулять. Может, увижу чего нового, думы тяжкие прочь уйдут.

Улицы все шумными были да яркими. Залюбовалась я на торговые ряды и не заметила, как до площади с деревянным помостом дошла.

Князь наш белардский скор на суд и расправу. Как найдется лиходей, так враз его старейшины приговорят. Доски помоста вон от крови побурели — видно много головушек буйных слетело под топором палача.

Отвернулась я от него и нос невольно зажала. Будто смрадом повеяло.

Нехорошее тут место, злое. Кажется, прислушайся и вопли предсмертные услышишь. Духи ведь они не все пристанище находят. Иные только и знают, что на место смерти своей возвращаются.

На другом конце площади высился другой помост — яркий, цветной. Там скоморохи переезжие давали представление. Пели, смеялись, играли на гусях и флейте.

Я подошла ближе.

— Трепещи, враг лютый, смерть твоя пришла! — кричал паренек с фальшивой бородой и в тряпичном доспехе, размахивая деревянным мечом. В коленях у него была зажата палка с конской головой. — Отпусти княжну и я пощажу тебя!

Напротив скомороха стоял еще один — в костюме красного трехглавого змея. Он крепко обнимал за пояс хорошенькую девку в синем платье и с венком на голове.

— Убей его!

— Убей гадину!

— Поделом охальнику!

— Голыми руками его! — кричали зрители, размахивая руками, толкаясь и стараясь лучше увидеть происходящее.

Змей все не отпускал девицу, и богатырь кинулся в бой. Не успел он нанести удар, как

гадина трехглавая дохнула огнем. Народ ахнул и невольно припал к земле.

Скоморох пустил огненные столбы еще трижды — люд попритих, увидев колдовское пламя. Две бабы с воплями упали без чувств. Дети малые расплакались. Часть зрителей от греха подальше стала расходиться.

Скоморохи почуяли неладное, и, побоявшись потерять заработок, богатырь быстренько убил гадину трехглавую, чем вызвал всеобщую радость.

Я кинула мелкую монетку в шапку мальчишке, проходящему по толпе, и двинулась дальше. Смотреть больше было не на что.

Старую сказку о Зимушке-княжне и трехглавом змее я услышала еще в детстве. Дед Талимир, наш сказитель, не раз рассказывал ее у костра.

«Стоял на берегу реки Марвы славный град Тиреж. Правил благородной крови князь Мстиша и была у него красавица дочь Зимушка.

Жили люди мирно, ничего не боялись. Да вдруг случилось в Тиреже-граде лихо — налетел змей трехглавый из заморских краев. Стал он людей сжирать да посевы жечь.

Собрались чародеи, решили известить гадину. Только не вышло у них — ничего окаянный не боялся. Тогда принесли дары ему княжеские и попросили уйти, оставить честный люд в покое.

Змей только посмеялся над ними, всеми тремя пастями оскалившись. Велел он княжеские дары вернуть, а взамен попросил княжну молодую ему в жены отдать. Обещал взять ее да убраться восвояси — за Огненные горы.

Передали князю Мстише слова змея и тот опечалился. Не было у него никого, кроме Зимушки-красавицы. Не было краше девки во всем Тиреже, не было искусней мастерицы. А уж как запоет Зимушка, так само солнышко из-за тучек выходит ее послушать.

Думал князь, думал, а делать нечего. Надо ему народ свой вызволять. Велел он дружинникам верным княжну к змею отвезти.

Уж как плакала девица, как о пощаде просила. Да только народ не позволил ее вернуть. Князю и тому против люда не пойти было. Усадили Зимушку-княжну в сани и повезли из города.

А как до ворот доехали, так и преградил им там путь витязь. Плащ его белый за спиной развивается, снег на темные кудри ложится, а доспех на солнце блестит.

«Не дам я вам княжну гадине трехглавой отдать, — молвил он. — Коль отдашь мне ее в жены, князь, так убью змея».

Мстише призадумался, почесал бороду, потом глянул на дочь, на слёзы ее горькие и ответил:

«Твоя воля. Коли убьешь змея, твоей княжна станет».

Змей тот, что на Тиреж напал, хитер был. Решили люди обмануть его, заманить в ловушку. Оставили княжну привязанной к старому дубу на опушке леса. Стояла она долго, до самой темноты, на ветру, на снегу. Уж заоченела вся, а змей все не показывался.

Но стоило лишь птахе подняться на крыло, мелькнула громадная тень. Опустился змей перед княжной. Та сразу чувств от страха лишилась. Разорвали когти острые веревки будто нитки шелковые. Схватил змей девицу и уж улетать собрался. Да не успел.

Явился пред ним витязь, и схлестнулись они в битве не на жизнь, а на смерть. Бились долго и яростно. Щит богатыря от огня колдовского оплавился. Княжна все подле змея была, с места сойти не смела.

Исхитрился богатырь и ударил змея в самое сердце. Взвыл тот, расправил было крылья,

а после рассыпался пеплом серым и ветер его развеял, и следа не осталось.

Подхватил витязь княжну на руки.

«Спас я тебя от змея лютого. Моя ты теперь, Зимушка».

Улыбнулась княжна.

«Имя хоть назови, суженый мой».

«Властимиром звать меня».

Набежали тут дружинники княжеские, проводили их в город. А на следующей седмице сыграли шумную веселую свадьбу. Весь Тиреж мед пил за праздничными столами.

Только вот в разгар веселья мелькнула фигура незнакомая. Прошла сквозь толпу женщина с закрытым лицом, в одеждах темных, легких, будто по ветру развевающихся. Подошла к молодым, кивнула легонько и ушла. Никто не видел, куда. Исчезла, будто в воздухе растворилась. Глаза ее только запомнили — белые будто ледяные. Сказывали чародеи, то сама ушедшая была. Решила поглядеть, кто змея могучего погубил.

А Властимир с Зимой прожили много лет счастливо и потомки их до сих пор по земле белардской ходят.»

Пока я сказку вспоминала, не заметила, как и до берега Марвы дошла. Дед Талимир ладно умел ее рассказать — тихо так, спокойно, будто колыбельную.

Улыбнулась я. Любовь и добро всегда верх берут — уж в это верю.

Воды Марвы текли широким мутным потоком. Грязь и зловонье, стекающие со всего города, оказывались тут. Течение быстро уносило их, ненадолго очищая реку.

Рыбаки гомонили вокруг своих утлых лодчонок. Бабы, через раз смеющиеся, перекрикивались с ними, стоя на узком мосточке. Перед ними лежало грязное белье. Как только умудряются стирать в грязной воде? Ума не приложу. У нас-то в Растопше вода была чистая, родниковая.

Вдали виднелись маковки княжеского терема, а у него стояли лодьи со спущенным парусом. Не скельдианские то лодьи. На ихних вон паруса с драконами, воронами да волками лютыми. А на наших солнышко ясное всегда — красное на желтом.

— Эй, девица?

Я оглянулась.

— Не меня ль потеряла, огнёвая?

Мужик средних лет, в рубахе с закатанными рукавами, уперся в бока и с прищуром на меня глядел.

— Не тебя, работничек, не тебя, — откликнулась я.

— Жаль, чего ж? — засмеялся он, оглаживая короткую бородку. — А что ж тут делаешь? Никак на Марву полюбоваться пришла?

— Да не на что у вас тут любоваться, уважаемый. Одна грязь да вонь.

Он усмехнулся.

— А отчего ж чародейка тогда забрела в наши края?

— С чего взял? Посоха-то нет у меня.

— Посоха нет, а вот узор особый — то есть.

Он кивнул на меня.

Я быстро поднесла к лицу рукав и увидела, что среди обережных символов, Варвара вышила еще и руны.

— Откуда древний язык знаешь?

Мужик подошел ближе и поклонился мне.

— Ратко меня звать. Отец мой чародеем был в княжестве Зарецком.

Я поклонилась в ответ.

— Вельмой зови.

Ратко приветливо кивнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Идем что ли, поговорим? Дело к тебе есть. Помощь нужна.

— Куда ж идем? — опасливо оглянулась я.

— В хату мою. На берегу живем с женой.

Минуту я подумала. Боязно вот так вот с чужим человеком куда попало идти. Да только сам он имя назвал и помощи спросил. Нельзя просящего отвергать, не любят этого боги.

— Идем, Ратко, — согласилась я.

Дом у Ратко оказался темный и тесный. От печи, топившейся по-черному, кругом были копоть и запах дыма.

Жена его, молодая изможденная женщина, предложила мне угощение. А детей, двоих мальчиков, они выпроводили гулять.

— Тяжело вам тут видать? — спросила я, оглядевшись.

— Не жалуемся, — ответила Смиляна. — Ратко летом рыбу ловит, а зимой плотницки подрабатывает. На жизнь хватает.

Я слушала ее и не верила. Разве ж можно заработать на жену и двоих деток ловлей рыбы в Марве? В бедности они живут. Вон и на обед у них одна лишь рыба, брюква да свекла.

Много мне нищих доводилось видеть. Разными они были — кто стар, кто болен, у кого все отобрали, а кого и родные в белый свет пустили. Были те, кто сам все промотал да в побирушки заделался. Видела я и тех, кто ходил работу искал, на любую соглашался — хоть за медяк, хоть за миску похлебки. Разные были люди, разные им судьбы выпали.

Дед Талимир, помнится, наказывал мне сторого-настрого: «Сердце, оно живое, оно все услышит и узнает, все скажет, только слушай. Коли говорит, что не по своей воле человек нужду терпит, помоги. А коль скажет, мол, врет он, можешь и мимо пройти, раз уж сама сумы не боишься».

Смотрела я на Ратко и супругу его, Смилян, казалось мне, не рады они такой жизни, не сами ее выбрали. Не след бы мне в чужие дела соваться да мимо пройти не смогу.

— Летом все легче нам, — говорила Смиляна. Приглядевшись получше, я заметила, что в тяжести она. — Да осень скоро грядет. Тогда уж и не знаю, как быть. Чем печь топить будем, не ведаю.

На глазах ее, под которыми круги усталости пролегли, слезы навернулись. Смиляна смахнула их краем передника и села рядом с мужем. Тот хмуро смотрел перед собой.

— Чем же я вам помочь могу? — спросила.

— Обмолвился я, что чародеем мой отец был. В княжестве Зарецком. Небедно мы жили — и дом, и слуги, и кони свои, и почет, и слава. Князю Янкару Кшескому служили. Сел он на трон вперед брата своего, пока тот в Гачине воевал. А как вернулся, место уступать-то и не захотел.

Я хоть и девкой темной была, а все ж знала, что в Зарецком завсегда усобицы ши. Князья тамошние — четверо братьев все не могли землю поделить. Все больше и больше хапнуть им хотелось. А хапать-то и нечего. Зарецкого ведь и на треть Беларды не хватит.

— Бежал Янкар в Феранию, как дружину его разбили. А отец мой в руки к брату его.

Здорану, попал. Мать моя, его помощница, бежать успела. Мы с детьми и Смиляной тогда уж в Беларду ехали — предупредили нас, мол, уходить нужно. Велел Здоран отцу тайны князя Янкара выдать, а тот смолчал. Не тронул его Здоран, за то спасибо. Хитрее поступил. Своих чародеев позвал и велел им заклятие на его детей навести. На нас со Смиляной. С тех пор нет нам житья, нигде места найти не можем. Ребятишки хворают, а третий...

Смиляна негромко всхлипнула.

— ...с темным даром родиться может. Того больше всего боимся. И не знаем, у кого помощи просить. Денег у нас нет, отдать взамен нечего.

— Так чего ж в Дом Предсказаний не пошли? — развела руками я.

— Пошли бы... — вздохнула Смиляна. — Да только знать бы, к кому да как. Чужеземцы мы, зарецкие.

Ратко сидел мрачный, не поднимал глаз.

— Не любят ваши колдуны зарецких, — ответил. — Кто же станет со словом ушедшей спорить?

— Стало быть, ее слуга на тебя заклятие навел?

— А кто же? Отец мой молодым богам служил, а Здорана приспешники... Сама понимаешь.

— Сможешь нам помощь, девица? — на глазах Смиляны сверкнули слезы. — Уж не знаем, что и делать.

Я миг подумала.

Вижу, несчастны они, помощь нужна, а сделать сама ничего не сумею. Разве ж мне, непосвященной-необученной заклятие ушедшей снимать? Да сила моя другая.

— Обещать не буду, Смиляна, — молвила им в ответ. — Но все сделаю, чтоб другие откликнулись.

— Спасибо на добром слове, — чуть склонил голову Ратко. — Только сама чего не берешься?

— В учениках я еще хожу да и... не мне с ушедшей спорить. Сама ее силой связана.

Смиляна так и отшатнулась:

— Никак темная жрица?

— Заклинательница я. Сама не помогу, но того, кто может, уговорить постараюсь.

Когда я домой вернулась, уже повечерело. Трайта окунулась в свет коптящих факелов и снова стала тем городом, что меня пленила.

В очаге ярко горел огонь, разведенный Хельгой. Сама она была единственной гостьей. Сидела на месте Велимира у самого пламени и бегло вышивала чужеземный узор на белой ткани. На меня лишь взглянула и снова к работе вернулась.

— Нет никого, Хельга?

Скельдианка отрицательно мотнула головой.

— Велимир в Дом Предсказаний ушел, а племянник его и не возвращался. Говорил, испытание ему назначили.

— Как так? — всплеснула руками я. — И мне ни слова?

Хельга сделала вид будто не поняла ничего. Только взглянула искоса — в глазах северянки огонек сверкнул — и ровным голосом ответила:

— Он лишь Велимиру и сказал, а я посуду убирала да слышала.

Обхватив себя руками будто холодно мне стало, дрожу, села рядом с ней у огня.

Светлый боги, дайте ему сил, спасите от злых чар.

Матушка — Ладьяра, помогаешь ты тем, кто любит, тем, кто помнит, кто ждет и очаг каждый вечер разводит, чтоб другому тепло было. Помоги, Ладьяра, моему хорошему, дай сил все вынести.

Самой мне уж не страшно было. Испытание скоро, а не боюсь. Только бы с Ладимиром все ладно сложилось.

— Есть не станешь? — спросила Хельга.

Не укрылось от нее, как я в лице переменилась. Да только та прислуга хороша, что на дела хозяев глаза вовремя закрывает.

— Нет, не хочется, — ответила. — А Осьмуша где?

Она невольно скривила губы.

— Оборотень снова ушел. Сказал, чародей Зоран его в ученики взял.

— Вижу, не по нраву он тебе?

Скельдианка отложила шитье и на меня взглянула:

— В моей стране таких как он серебряным клинком в сердце привечают, а после сжигают да пепел по ветру развеивают. Детям ночи не след среди людей жить. А вы его в дом взяли...

Хельга, всегда спокойная, брезгливо сморщилась и чуть-чуть не плюнула.

— А, если не виновен он в беде своей?

— И что с того? — не смягчилась она. — Он гибель людям несет, зло одно. Старейшины моей родины скорый суд таким чинят.

Взглянула я на северянку и боязно стало.

«Страшны не гнев да ненависть, страшно равнодушие», — как-то сказала мать. Помню, в тот день сосед жену свою до смерти чуть не забил на глазах всего села. Лишь мои отец с братом за бабу и заступились, остальные молча глядели.

— Старейшины, может, смеют суд да расправу чинить, а тебе не следует, — ответила я.

Хельга жестко усмехнулась.

— А и я и не спешу. Не мое то дело. Как и не твое, Вельма. Рано нам судьбы вершить.

— Тихой ночи, Хельга, — сказала я и бесшумной тень выскользнула в коридор.

Прошла по темноте, наощупь все углы и повороты угадывая, к себе в комнату отправилась. Открыла окно и поглядела в звездное небо.

А и много же зерен сегодня предстоит птахе склевать!

В воздухе витал густой дымный запах, заглушавший даже постоянную городскую вонь. Откуда-то лилась музыка, слышались крики, а в соседнем дворе тоскливо выла собака.

— Светлые боги, оберегите Ладимира, оберегите любимого моего, — прошептала я, глядя на небо.

Уж не знаю, ответили или нет да только звездочка одна от полотна небесного оторвалась, вниз полетела. Добрый знак.

Страшное дело, если маешься, а помочь не можешь.

Измученная тяжкими думами, я едва-едва забылась тревожным сном перед рассветом. То ли в яви, то ли уж в дремоте почудилось мне будто призрачный кот прыгнул на кровать и ласково промурлыкал.

Почудилось. Сказала же Варвара — не станет Василёк помогать.

Проснулась я с болью в каждой косточке. Спала, плотно сжавшись. Колени у самого

подбородка были. Охая, поднялась, разогнулась как древняя старуха, пошла одеваться.

Спустилась вниз да и застала там Велимира.

— Под утро мы только пришли, — ответил тот, когда спросила его. — Ладимиру вчера испытание было.

— Знаю уж. Прошел ли?

— Прошел, — кивнул чародей. — Ростих непростую штуку для него затеял.

— Слава вам, светлые боги, — прошептала я, глубоко выдыхая и улыбку сдержать не смогла.

— Никак боялась за него? — прищурился Велимир.

— Да как не бояться-то? Мало ли что случиться может. И не сказал же не слова! Молчком все!

— Видно оттого и не сказал. Знал, что тревожиться станешь. Тебе, Вельма, самой скоро та же доля выпадет.

Я не ответила на его слова, только спросила, можно ли Ладимира увидеть.

— Отдыхает он. Много сил истратил — лежит будто в лихорадке. Хельга отвар целебный делала.

— Хоть одним глазком бы увидеть, — не унималась я.

Велимир усмехнулся:

— Иди уж. Да только...

Я остановилась, выжидая его слов.

— О многом не мечтай. Сама знаешь, нет вам общей дороги. Дальше — твоя воля.

Не говоря ни слова, выскочила из комнаты и побежала наверх, к Ладимиру. И пусть нет общей дороги, пусть.

Люди одно говорят да разве ж сердце слушает?

На маленьком столике рядом с кроватью стояла кружка еще дымящегося ароматного отвара. Пряный травной дух окутал всю комнату и приятно щекотал нос.

Я тихонько вошла и присела на край кровати. Осторожно, чтоб ничем не потревожить спящего Ладимира. Выглядел он бледным и измученным. Казалось, постарел на несколько годков. Под глазами залегли темные круги, что бывают, если долго не спать.

Бедный мой, измучили его совсем чародеи. Решили видать всю силу увидеть. Да только я знаю, что много той у Ладимира — не мог он сплеховать и ни с чем уйти.

Внимательно я пригляделась и обрадовалась. Все боялась, что поседеть может как Варвара. А зачем молодому мужику седины? Рано еще их носить. Арьяр сказывал будто Ладимир всего на шесть годков меня старше — куда уж ему серебро-то примерять?

Посидела я, посмотрела на него, к дыханию прислушалась — ровное. Хоть век бы так и провела. Только бы знать, что все хорошо, все с ним спокойно.

Поправила одеяло и собралась уходить. Не удержалась только и пальцем по его щеке провела. Сама себе улыбнулась.

Много раз слышала как бабы замужние про своих мужиков говорили. Редко когда любимым звали, разве что жалели все. Теперь знаю, что как полюбишь сразу жалеть начнешь, захочешь ото всех бед его оградить и все для него сделать.

Встала с кровати и только-только отвернулась, как вдруг голос услышала.

— Поцеловала бы хоть, а то сразу бежать...

— Так ты не спишь?

Ладимир открыл глаза и чуть улыбнулся. Так как обычно, по-прежнему.

— Думал все, догадаешься иль нет?

Голос его стал хриплым от усталости.

— И что тебе все в забаву смеяться надо мной? — беззлобно проговорила я, возвращаясь к нему. — А как испытание, так ни слова не сказал.

— Тебе скажи — шум поднимешь да ночью не уснешь.

— Да и так не спала.

— Неужто волновалась? — глаза Ладимира, хоть и уставшие, светились по-прежнему.

— Дурень ты, — с сердцем прошептала я и склонилась к нему.

На губах Ладимира еще остался терпкий привкус трав, а целовал он меня все так же жарко. Обнял, к себе прижал.

— Останься со мной еще, — прошептал.

— Отдыхать тебе нужно да и если Велимир увидит?

— Велимир уж не младенец — все понимает. А ты все ж не уходи, хоть пока усну останься.

— Так и быть, раз просишь, — согласилась и крепче обняла Ладимира.

— Ох, лисица ты моя, — прошептал и поцеловал в макушку.

К вечеру Ладимир проснулся, в себя пришел. Про испытание, что выпало ему от Ростиха Многоликого, не ответил — потом, мол, расскажу как-нибудь.

Допытываться не стала, только взяла да и разом рассказала про Ратко и его заклятие.

— Опять ты, лисица, решила в чужие судьбы играть? — только усмехнулся Ладимир.

— Какие уж игры? Тут бы человеку хорошему помочь.

— Вёльма, ты будто вчера на свет народилась. Ну вот почему знаешь, что хороший он? Что, если обмануть тебя решился?

— Колдун ты, Ладимир, а дичь такую говоришь, — улыбнулась я в ответ. — Не знаешь разве, что я также как ты человека вижу? Дар-то он и у меня есть.

— Колдун я в Подлесье был. В Трайте пока посох не получу, не смею ворожить, — в голосе слышалась обида.

Ростих Многоликий сам решил Ладимира учеником взять. Увидел, что сила в том настоящая и решился. Да только посох давать в руки не стал. Пусть, мол, ведун попривыкнет, кое-чему подучится. Не с руки в совет чародейский чужака пускать.

— Так что ты делать теперь будешь?

Я пожала плечами и взяла Ладимира за руку.

— Помочь Ратко и его семье хочу. Думала вот, ты мне поможешь? Сможешь ведь заклятие снять, а?

Колдун замотал головой и засмеялся:

— Уж знал, что ты всегда найдешь, куда влезть, но что ты еще и меня за собою утянешь...

— А ты как думал? Раз уж связался со мной, так теперь...

Он не дал договорить. Резко к себе притянул и поцеловал.

— С тобой свяжешься — ввек не забудешь, — проговорил после.

Снова ко мне потянулся да только я пальцем его губ коснулась.

— А не забудешь ли?

Ладимир серьезно, без тени улыбки, ответил:

— Не забыть мне уж тебя, лисица. И через сотню зим помнить буду...

Сказал и будто мурашки пробежали по коже. И верю ведь.

Не знала я, что бывает так. Смотрю на него, и сердце быстрее бьется, обнимает — словно таю. Не думаю ни о чем — не важно, какая судьба меня ждет. Главное, чтоб он со мной был.

Люблю и не нужно большего.

— Так что, поможешь мне? — спросила, отодвигаясь назад.

Ладимир только головой покачал:

— Хитрый зверь — лисица. Добьешься ведь чего хочешь, да?

— Добьюсь. Добьюсь ведь, Ладимир?

— Сладу с тобой нет. Ладно уж, поглядим...

Глава четвертая

Весть благую голубица белая на крыле своем несет, а дурное всегда пером вороньим как ночь черным пишется.

Явился у трайтовских ворот гость незванный. Шапка на нем черная, мехом светлым оторочена, доспех его не нашинский. Я таких сроду не видала. На поясе сабля кривая, за спиной лук да колчан со стрелами.

Лицом-то он и вовсе басурманин. Кожа смуглая, глаза черные будто с прищуром, бороды нет — только усы тонко выстриженные.

Въехал он в город, дружинников княжеских не побоялся. Показал им какую-то грамоту, печатью треугольной скрепленную. Отступили от него стражники, выпустили. Только недобро покосились на мешок, что у седла привязан.

Гость напрямик к княжьим теремам, не левый берег Марвы отправился. За ним четверо конных князя. Нельзя такого голубчика одного пускать в город.

И где проезжал он, всюду разговор умолкал, песни обрывались, гомон утихал. Будто вымирало все там, где копыто коня его ступит. Гость лишь недобро поглядывал вокруг, шепча неизвестные слова да поглаживая костяной свой перстень. Все, кто видел его, дела свои бросали и следом шли. Собралась целая толпа трайтовцев у княжеских теремов.

— Что ж творится это, Варвара? — спросила я у чародейки, когда копыта темного скакуна мимо тканевой лавки процокали.

Женщина оглянулась, мигом все бросила и на улицу вышла. Я за ней.

— Светлые боги, оберегите, — прошептала Варвара. — Беда к нам пришла, Вёлька Идем следом за ней.

Мы направились следом за иноземным гостем. Лавочник, что минута назад нитки нам продать собирался, даже торговлю свою не успел прикрыть. Со всем людом пошел. Не до того ему стало.

— Кто ж это такой будет? — спросила я, разглядывая, как гость мирно покачивается в седле, как ветерок шевелит меховую оторочку шапки.

— Воин кагана Ихмета, посланник Гарнарского каганата. Уж полсотни лет их не бывало на нашей земле.

Услышала я слова эти и вмиг похолодела. Не забыть белардам той кровавой войны, когда гарнарцы весь юг дотла сожгли. Иные города до сих пор отстроиться не могут. Старики, кто видел все собственными глазами, богов молят, чтоб не повторилось такое. Недобрый то знак, что посланник к самой столице прибыл.

Где же Ладимир теперь?

Я оглядела толпу, привстав на носочки. Вдруг среди люда и увижу его. С утра он в Дом Предсказаний ушел, а я к Варваре, чтоб та узоры обережные вышивать научила. Поворчала на меня чародейка, мол, сидеть бы тебе дома да готовиться к испытанию. Но все ж согласилась и повела в лавку за тканью и нитками.

Народ весь хмурый, смурной. Ни слова, ни улыбки. Все будто затихли.

Старик-нищий, сидевший у стены дома, завидев гарнарца, подхватил свои лохмотья и

заковывлял прочь, призывая Ларьяна на помощь. Воин с саблей только бросил на него взгляд — злоба и презрение в нем были. Мы ведь с Варварой почти рядом с ним шли — все видели.

— И обвешан чем-то будто девица в зельев день, — кивнула я в сторону гарнарца.

На шее и запястьях воина все какие-то амулеты красовались.

— То не простые цацки, — ответила Варвара. — Обереги его кровавых духов.

Слыхала я про веру их чужеземную. Шаманы гарнарские все темной стороне кланяются.

Жертвы приносят, кровью алтари окропляют. В нави ходить могут и с мертвыми говорить, отведав особый напиток. У тьмы силу берут, а та им только помогает.

Дошли мы наконец до княжеского терема, где сам Мстислав сидит на высоком троне. Гарнарец соскочил с коня, огляделся, после мешок свой от седла отвязал и вольно, без доклада и спроса, в княжескую залу направился. Шел так будто знал все, будто каждый день тут бывал.

Люд простой было за ним кинулся да стражники с бердышами путь преградили. Один прямо у нас на пути вырос, когда проскользнуть хотели украдкой в терем.

— Куда прете, бабьё? — сердито прикрикнул. — Назад, шальные!

— Глаза разуй, фетюк, — грубо ответила Варвара, — Иль не видишь, кто пред тобой? Простую бабу с чародейкой не различишь?

Она отодвинула ткань корзно и показала стражнику знак Дома Предсказаний. Тот мигом переменялся в лице и отступил назад.

— Прости, уважаемая, ошибся я.

— То-то же. Помощница это моя, — Варвара на меня указала. — Ее тоже пусти.

Стражник снова встал на пути народа, угрожая бердышем. Только людям все равно было. Они зашумели, двинулись вперед, выкрикивая ругательства в князевых дружинников. Те постепенно отступали, видя, что от народа никуда не деться. Люд будто растерял страх, завидев гарнарца.

В широкой зале терема собралось много народу. Княжье вече, знатные горожане, чародеи, зажиточные купцы и воеводы. Мы с Варварой протиснулись вперед и стали по левую сторону среди купеческого люда.

Я высунулась вперед и осмотрелась в надежде увидеть своего Ладимира. Может, ему тоже удалось сюда пройти? Вон Ростих за князем стоит, по правую руку. Рядом с ним воевода Далибор, Всеслав. А по левую руку скельдианский посол сидит. Важный такой, в светлых одеждах и черном плаще, со знаком дракона на груди.

Я невольно шагнула вперед, чтоб лучше рассмотреть его. Волосы — пепел с серебром — на плечах мягкими волнами лежат. Лицо все также спокойно. На миг взгляды наши будто встретились. Почудилось мне, что прямо на меня взглянул и что-то сказал.

«Сольвейг...»

Да нет, показалось, это он советнику своему говорит. А то на гарнарца кивает и горячо о чем-то рассказывает.

Наконец князь Мстислав поднял правую руку и по знаку его гомон в зале утих.

Мстислав был уже немолод. Брови на суровом лице сведены, а на правой щеке глубокий шрам, полученный в битве. Одет князь в красное корзно поверх белых одежд. Поверх седых волос на нем был широкий золотой обруч, покрытый знаками обережными — символ власти княжеской.

— Досточтимое вече, храбрые мои дружинники, уважаемые купцы, мудрые чародеи и весь честный люд, что явились сюда, — громким голосом молвил князь. — Сегодня к нам

прибыл особый гость — посланник Гарнарского каганата. Он принес вести от кагана Ихмета, войско которого уж четвертый день стоит у наших южных границ.

По залу протянулся гул.

— Беру вас всех в свидетели каждого его слова, — продолжил князь. — Пусть все вы услышите те вести, которые он принес. И пусть каждый из вас расскажет о них другим.

Гарнарец стоял, скрывая презрительную улыбку. От него так и веяло злостью. Казалось мне, он радуется будто в последний раз.

— Что поведаешь нам, гость? — наконец спросил его князь.

Гарнарец не поклонился, как полагалось. Не встал на колени, не принес даров. Лишь развернул грамоту, сломав печать, и стал читать по-белардски со страшным выговором. Приходилось вслушиваться, чтобы понять его.

— Мой повелитель, великий каган Ихмет Солнцеликий, властелин неба и земли, повелитель Красных степей, правитель Гарнарского каганата и трех земель Дорийской долины, передает князю Беларды Мстиславу Светлояровичу весть о том, что истекает срок, отпущенный ему. Великий каган не станет ждать дольше и, если через седмицу, князь Мстислав Светлоярович не согласится встать на колени и получить ясак — плату, войско моего повелителя войдет на земли Беларды и сожжет все на своем пути до самого стольного града Трайты.

Гарнарец поднял голову и посмотрел на князя, ожидая его реакции. Мстислав был спокоен.

— В доказательство своих намерений великий каган Ихмет шлет князю Мстиславу Светлояровичу дар — голову его родича — воеводы Вышеслава Братиславича.

Гарнарец свернул грамоту, потянул тесемку мешка и перевернул его. В зале кто-то вскрикнул, а после повисла тишина. Отрубленная голова, вывалившаяся из мешка, покатила по полу и остановилась почти у ног князя Мстислава.

Я впервые видела такое. В искаженном мукой и уже попорченном тлением, лице, трудно было узнать когда-то великого человека, двоюродного брата Мстислава. Человеческая плоть не стоит ничего, как только ее покидает душа.

Невольно сжав кулак, я сдержала возглас. Гарнарец молчал, выжидая слов князя. Скельдианский посол что-то проговорил Мстиславу, а тот даже не повел бровью. Сидел он, вытянувшись стрелой, гордо смотрел на то, что осталось от его родича, и молчал.

— Мои боги велят привечать гостей, — наконец нарушил он тишину. — Если входит человек в твой дом, велено не трогать его, а велено принять, накормить и напоить. Посла же и вовсе следует ласково принять и выслушать. За то, что принес ты мне вести, благодарю. А за то, что принес голову моего брата, — князь на миг прервал речь, — за то, что принес голову моего брата, приговариваю тебя к смерти. Как радушный хозяин, окажу гостю почтение и дарую легкую смерть.

Гарнарец только улыбнулся будто не ему приговор вынесли.

— Мой повелитель просил привезти ему ответ от князя Мстислава.

— Уважим его, — молвил Мстислав. — Письмо сегодня же напишу и отправлю с самым быстрым соколом. Стража!

Дружинники сразу же схватили гарнарца под руки, разоружили его.

— Казнить сейчас же. На площади, — велел князь.

— Ты заплатишь за мою смерть своей кровью, — прошипел гарнарец. — Проклинаю тебя! Духами своего рода проклинаю!

Почудилось мне будто темное облако сгустилось вокруг Мстислава да вмиг и исчезло.

Увели гарнарца, а князь все вслед ему смотрел. Потом обернулся к Ростиху, а тот лишь кивнул легонько.

Народ в зале зашевелился. Кто-то ринулся прочь, чтобы казнь увидеть, а кто-то старался поближе пройти, чтобы слова Мстислава услышать.

Но князь ничего более не сказал. Поднялся и ушел в боковую дверь. Вече, чародеи, воеводы и скельдиане последовали за ним.

Я привстала на цыпочки, чтоб еще разок северянина увидеть да не смогла. Какой-то дюжий купчина все собою загородил.

— Идем, Вельма, нечего тут, — потянула за руку Варвара.

Люд столпился на площади, где высился темный помост. Темным он был оттого, что злая сила вокруг скопилась. Того и гляди раздавит, к земле прижмет, навалится и головы поднять не даст.

Я оглянулась на Варвару. Та стояла и будто ничего не замечала — не видела и не чуяла.

Как вывели стражники гарнарца, я вовсе глаза зажмурила и невольно уши руками зажала. Отчаянные крики донеслись до меня со всех сторон. Просьбы о спасении, злой смех, вопли боли, проклятия вслед виновным. Смешались они с криками людей.

— Убить его, супостата треклятого!

— Смерть басурманину!

— На кол злыдня!

— Шкуру с него содрать! — завизжала толстая баба в красном сарафане.

— Голову его собакам!

— К ушедшей его! — сотрясал клюкой старик.

Я стояла, чуя, что голова вот-вот расколется на мелкие части. В ушах звенело, глаза слезились будто от едкого дыма, а по телу такая дрожь бежала, что и передать нельзя.

— Вельма? Вельма!

Варвара взяла меня за плечи и потрянула.

— Чего это ты?

— Не могу, Варварушка, — прошептала я, стирая с лица слезы. — Все они будто зовут, все кричат, не могу не слышать...

Чародейка только покачала головой.

— Всем тяжело вначале, когда дар просыпается. После уж привыкнешь, замечать перестанешь.

— Разве можно?

— Можно?

— Научи, Варвара.

Она неодобрительно на меня посмотрела.

— Рано еще. Да и не я должна... Ты, Вельма, только скажи им, что не станешь слушать, не станешь отвечать. Только к живым прислушивайся, о духах не думай. Они не умолкнут, а тебе мешать перестанут. Сможешь?

Я часто закивала.

Духи... Знала я сказки о них. Говорили старики, что кругом те. Куда ни глянь, в какое

место не приди — везде духи. Видят и слышат их лишь те, кому дар особый положен. Остальные лишь верить могут.

Не замечают люди оборотной стороны. А она у всего есть. У монеты золотой, что гербом княжеским отмечена. У платья расшитого — выверни на изнанку, и узоры уж не те. У луны-девицы, что второй свой лик от земли-матери прячет. У терема узорного — войдешь, а внутри пусто. А у яви нашей — навь.

Звучали все еще в моей голове крики их. Кто-то даже по имени звал. Окружили меня, невидимые, того и гляди за руку кто дернет. Да только не смогут.

— Не слушаю я вас. Отойдите. Не слушаю. Не слышу..., - зашептала я. — Помоги мне Вела-вещунья. Протяни свою длань, не оставь.

Толчая среди люда сделалась невыносимой. Все так и стремились увидеть, как супостата поганого убьют. Князь ему легкую смерть обещал да народ недоволен остался.

В толпе нескольких сбили с ног. Бабы визжали, ругались на мужиков, мол, те за них не заступаются. Нищий в оборванной рубахе вскочил на телегу и, указывая пальцем в небо, стал выкрикивать что-то о гневе богов и близкой беде. Двое молодцов — стражников поспешили снять того и увести, не доводить народ до греха. В такой час лучше промолчать бы юродивому.

— Всех! Всех вас ушедшая обнимет! — кричала нищий, когда его тащили прочь.

— Ох, батюшки, ох, сгубили все... — причитала молодая баба с короткой, кажется, недавно обрезанной косой.

Вдруг стало тихо. Прозвучали краткие слова приговора.

Я подняла глаза, стараясь не слышать духов.

Гарнарец безумно улыбался. Лицо его будто судорогой исказилось. Только в глазах так и плескался бешеный страх. «Как зверь загнанный», — подумалось мне на миг. Показалось, задержишься чуть палач и закричит он, завоюет, упадет на колени и станет плакать.

Смерти все боятся. Воины, что мечтают в битве сгинуть. Старцы, что по домам сидят. Князья, купцы, чародеи — все страшатся мига, когда врата в навь им откроются. Не знают ведь, что за ними ждет.

Гарнарский воин опустил на колени, последний раз поднял глаза к небу и что-то прошептал. Своим богам видать помолился. А после легла его голова на плаху, сверкнула сталь острой секиры, высоко занесенной палачом, в луче солнца, вынырнувшего из облаков.

Раздался никому не слышный крик. Не духов, те умолки. Гарнарец, чья душа, сейчас металась, неслышно вскрикнул — лишь мы с Варварой и слышали.

В тот миг, как секира опустила, струей брызнула кровь. Алая и густая. У всех людей такая кровь. Тяжелые капли упали на доски помоста, отчего те побагровели больше обычного.

Над толпой пронесся гул. Часть люда сразу же стала расходиться.

— Пошли, Вельма, — обняла за плечи Варвара. — Будет тебе на сегодня мучиться.

Я послушно зашагала. Лишь на миг оглянулась.

Голову гарнарца подняли, насадили на копьё и оставили на площади. Пусть видит народ, что нет пощады нашим врагам.

— Крепко наш Мстислав задумался, — молвил Всеслав, чуть пригубив варвариного травяного отвара. — Теперь уж не миновать войны. Ихмет последний рассудок потерял, выше богов себя возомнил.

— Разве ж может человек такое удумать?

— Может, Вельма, еще как, — кивнул заклинатель. — Ихмет ведь наследник Ихрима Стоглавого. Того самого, что дворец в Гарнаре отстроил.

— Больше отца своего хочет? — спросила, пробуя тот же напиток. Варвара говорила, что успокоит он и дрожь унять поможет.

Всеслав, снова кивнул.

— Никак и это знаешь, лиса?

— Знаю. Мне калека перехожий рассказал, в Растопше еще. Встретила я его, как из лесу с ягодами шла. Он сидел не пне у дороги, рядом палка его стояла — хромым был. Попросил угостить да до деревни довести. Взамен сказку обещал. Ну я ему лукошко-то и подставила. А как до Растопши дошли, ягод-то и не нашлось. Ох, шибко тогда мать ругалась.

Всеслав улыбнулся.

— За весть расплатилась, Вельма.

Ихрим Стоглавый первым каганом был. До него ханы лишь Красными степями правили, далече не совались. А Ихрим войско великое собрал и войной пошел. Думал весь свет себе заграбастать. Да только не успел — в навь отправился.

А Ихмет, сынок его, чтоб ему пусто было, возомнил себя выше богов темных и светлых. Единственным он у Ихрима оказался и тот его с младенчества к поклонению приучил. Вырос Ихмет, стал каганом, на место отца сел, и задумал дело его продолжить.

Говорили люди будто что его хранит. В боях был — стрелы мимо летят, мечи не касаются. Хвори какие нападали — ему хоть бы что. Ни человек, ни зверь — никто достать кагана не может. Как панцирем невидимым покрыт и огражден от всех бед и несчастий. Чародеи говорят, темное колдовство Ихмету помогает. Оттого и силен он как никто прежде.

— А ты бывал в Гарнаре, уважаемый? — спросила у наставника.

— Какое? — засмеялся Всеслав, шумно отхлебывая ароматного отвара. — Зачем мне туда? Гарнарцы издавна врагами нашими были. Воевать с ними воевал, а чтоб на поганые их земли идти — не бывать тому. Знаешь, почему Красные степи так назвали?

Я только помотала головой.

— Велики они и бескрайни. Жесткой колючкой и ковылем покрыты. Едешь-едешь, а края нет. Солнце выжгло все — ни травинки зеленой за много дней не увидишь. Лишь кое-где пастбища найти можно. Рядом с ними и строили гарнарцы свои города. Из светлого камня, с широкими куполами и цветными узорами. Земля у них и то не такая, как наша — не черная, а бурая. Не растет на ней ничего.

— Ну вот. А говоришь — не был там, — хитро сощурилась я. Всеслав он вроде простой-простой, а все ж хитрит, правды от него не дожидаться.

— Так я и не был, лисица. Мне птахи перелетные рассказали?

— Как рассказали? — от удивления даже рот открыла.

— А вот этому я тебя потом научу. Зверье оно само поговорит с тобой, все скажет, только понимать следует.

— Трудно это?

— Тебе легко будет. Давай-ка ты, Вельма, иди домой. Поздний час уж. К послезавтра готовиться пора.

Батюшки мои! А я уж и забыла-то!

С гарнарцами треклятыми о собственной участи не думала. Встала, поклонилась Всеславу и ушла.

Кот Василек лениво приоткрыл зеленый глаз, увидел меня и снова уснул. С той поры, как я его не послушала, не подходил больше. Хотела погладить — убежал. Крепко обиделся. Да что ж поделать?

Алым полотном разлился закат над городом. Сегодня птаха в червленной реке искупается. Старожилы в Растопше сказывали будто недобрый то знак — зарево красное.

Ой и куда уж теперь до добрых-то знамений? Орда гарнарская у границ стоит. Ведет ее сын самого Стоглавого.

Стоглавым кагана оттого прозвали, что выстроил он в стольном граде своем — Сарай-Эрге — дворец о ста башнях. На каждой над куполом шпиль возвел острый. Высятся они над всем городом, напоминают людям о гневе кагана Ихрима. Сказал он как-то: «Дворец мой о ста башнях, каждая башня врагу принадлежит. Сто голов я срубил — пусть знает тот, кто встанет на моем пути, что и сто первая появится».

Вспомнила я эту сказку и вздохнула. Много люд врет да тут правду говорит.

По широкой улице, прозванной Аршинной, прошагал десяток дружинников в полном доспехе. Народ, что на улицах был, только расступились и молча вслед поглядели. Страх и уныние будто упали на Трайту.

Отчего-то я Арьяра вспомнила. Не стал он с нами идти в столицу, в Подлесье остался. Ладимир предрекал, мол, все равно в армию возьмут. В младшую дружину либо в войско заберут. По мне так, Арьяр и в лепшую годится. Воин он что надо.

«Люба ты мне, Вёльма, — проговорил Арьяр, глядя мне прямо в глаза. — Сразу приглянулась. Оставайся в Подлесье и моей назовешься.»

Слова его вспомнились. Ох, тяжело мне от одной только мысли. Обидела ведь мужика, да и как обидела, как задела.

Теперь вот друга его люблю. Да так люблю, что на край земли пойти готова. Со своей тропы сверну, на ладимирову стану. Нет силы, способной разлучить нас теперь. Нет такой силы.

За раздумьями своими не заметила, как до дома велимирова дошла. Свет, тускло льющийся из окон, заставил вздрогнуть от радости. Значит, дома все. Значит, все с ними ладно.

Хельга уж почти закончила на стол накрывать, как я вошла.

— Запаздываешь, Вёльма, — невесело проговорил Велимир.

— У Всеслава сидела, — пожала плечами в ответ.

Взглянула на Ладимира. Тот был хмур и лишь глазами мне сделал знак, что все с ним хорошо.

Осьмуша, еще больше осунувшийся, бледный сидел рядом по левую руку от Велимира.

— Ты что ж так долго не объявлялся? — напустилась на него я, стоило только присесть. Даже за руку парня дернула. — Места себе не находила, а от него ни слуху ни духу.

— Гляди-ка, Осьмуша, — проговорил Ладимир. — Вёльма тебе в сыновья принять решила.

Я только хмыкнула. Ну и язва же он, хоть и любимый мне.

Перевертыш виновато опустил голову.

— Прости, Вёльма. Знал, что тебе сказать стоит. Мог зайти к заклинателям, а не стал. Зоран меня совсем загонял.

— Ушедшая бы его обняла, — отозвалась я. — Чтоб ему пусто стало!

— Не ругай его, — вдруг встал на защиту темного жреца Осьмуша.

От неожиданности я квасом поперхнулась.

— Будто уши мне водой залило... Осьмуша, чего это ты?

— А того, — смело продолжил парень. — Все его темным зовут и зняться не хотят. А Зоран — чародей посильней многих станет, хоть и ей служит. Сам я его клял, теперь вижу, правду говорит. О тебе спрашивал, Вельма. Говорил, давно заклинателей молодых не встречал.

— И я давно темных жрецов не видела. Да и еще бы столько...

— Будет тебе его честить, — встрял Велимир. — Сказано нам не лезть в его дела, вот и не следует. Разве уж сама в ученицы пойдешь?

— Чур меня, — отозвалась я и вернулась к еде.

По глазам Ладимира видела, что дом Ратко совсем неказистым показался. Привыкли ведуны к достатку, чего уж. Оно-то и я привыкла, раз на то пошло.

Осьмуша тихо стоял за моей спиной. Вот плут! Услышал наш с Ладимиром разговор и следом увязался. Мол, возьмите с собой, не то Велимиру все скажу. Пришлось брать, чего ж. Колдовать ведь пока никому из нас не позволено, раз в учениках ходим.

— Что скажешь? — спросил Ратко.

На лице его были страх и ожидание.

Ладимир на миг будто скривился, вокруг себя оглянулся.

— Нехорошо мне у вас. Как от густого дыма задыхаюсь. Права была Вельма, — кивнул в мою сторону, — заклятие темное на тебе.

Я и сама сразу заметила в доме Ратко что-то нехорошее, только гнала от себя все, как Варвара подсказала. Неопытна еще все подмечать. Думала дым и копоть дышать мешают, оказалось, то заклятие давит.

— Сможешь помочь, добрый человек? — тихо спросила Смиляна, стоя позади мужа.

Одной рукой женщина обнимала дочь, а вторую положила на живот.

Ратко, не мигая, смотрел на Ладимира, ожидая ответа. Тот медлил.

— Поможешь ведь? — не выдержала я.

Ведун оглянулся. Затем еще миг выждал.

— Мой народ всегда умел такие заклятия снимать. Помогу коли просишь.

— Темень-то какая на дворе, — озираясь, проговорил Осьмуша. — Куда идем, Вельма? Где мы искать эту омелу будем?

— Найдем уж где-нибудь, — отмахнулась я.

Много ли радости в ночных шатаниях по берегу Марвы. От грязной, мутной воды тянуло сыростью. Туман, нависший кругом, только видеть мешал. А уж про холод не говорю. Осень так и дышит лету-красавице в спину. Еще немного и уж придется доставать из сундуков теплые плащи и стеганые куртки.

— И зачем она только понадобилась ему? — ворчал перевертыш, зябко ежась.

— Омела от злых духов бережет или не знала?

— Знал, — отозвался Осьмуша. — Среди ночи-то зачем?

И вправду, зачем?

— А затем, что отослать нас Ладимир хотел, чтоб секреты его колдовские не вызнали.

Сказала и самой будто горечью отозвалось. У каждого чародея тайны есть, тропки, по которым в навь ходят, заговоры, что говорить нельзя вслух и другому передавать. Обидно только, что и рядом постоять не дал. Что я ему, чужая что ли? Или, девка дурная, по соседям болтать пойду?

Трайта светилась сотнями огней. Но, спускаясь к берегам Марвы, город становился все темнее. В домах бедняков рано ложились спать или не зажигали лучин, стараясь сэкономить.

Осьмуша остановился и потянул носом, как настоящий волк.

— Где-то мясо жарят, — проговорил, прислушался и добавил: — Свадьба у кого-то...

— Лучше б ты омелу поискал, — с укоризной молвила в ответ. — Толку от мяса?

— Так с утра ни маковой росинки во рту.

— И не будет, если омелу не найдем. Тебе бы все пожрать!

Перевертыш деловито отвернулся, всмотрелся в туман, повисший над рекой, и принялся.

— Чуешь что?

Осьмуша помотал головой.

— И не вижу.

— Эка! — хмыкнула ему. — А я-то решила, у волков глаз зорче.

— Туман и волкам глаз застит.

Идти дальше не имело смысла. Хоть всю Марву до крепостной стены пройди — не зги не видать. Ратко наскоро сказал, что омела выросла в роще на правом берегу, и что идти туда недалеко. Только вот бредем-бредем, а не видать ее, окаянной.

Не зная, что сделать дальше, я уперла руки в бока, привстала на цыпочки и вгляделась вдаль. Туда, где на другом берегу виднелись маковки боярских теремов, подсвеченные луной-девицей и всполохами огней. Диво как хороши они — днем бы поглядеть.

— Вельма... — вдруг тревожно оглянулся Осьмуша.

— Чего?

Он прислушался.

— Чую...

— Чего чуешь-то?

— Меня!

Мы вмиг оба подскочили да вскрикнули. Осьмуша спрятался за моей спиной, а я неловко попятилась.

Треснула ветка, зашелестела листва, и вмиг предстал пред нами Тишка.

— Не ждали, звери темные? — хохотнул шут и радостно подпрыгнул.

— Ах ты, поганец! Да чтоб тебя упырь за ногу! Да чтоб век сна спокойного тебе не было! Ух, напугал, окаянный. Фетюк! — в сердцах закричала я.

Шут схватился за живот и громко хохотал. Дурацкой шапки с колокольчиками на нем не было, а наряд в ночи казался темным.

— Да чтоб тебя девки не любили! Так! — из-за моего плеча добавил Осьмуша.

Шут вмиг стал серьезным, выпрямился и погрозил тому пальцем.

— Лишнее городишь, двуликий, — потом снова разулыбался. — Что это вы ночами бродите по рощам прибрежным, а, лисица? Али не знаешь, сколь лихого люда тут промышляет?

— Хуже тебя уж не найдется. Сам-то чего забыл здесь?

Шут потянулся и сладко зевнул.

— А я к Прону в кабак ходил, медовухи сладкой отведать. Засиделся и, думаю, не пойти ли по бережку, хмель согнать? Тут, гляжу, вы.

— Ладно сказываешь, — пропела я, — Да только как же ты князя оставил?

— Иииии, лисица! Не знаешь ли, что не до меня Мстиславу нашему?

Вот дуреха я! Как сразу не додумалась? Разве ж будет добрый князь на проделки дурака любоваться, если чужестранец на пороге встал?

— Твоя воля, иди куда шел, — махнула рукой.

— Ээээ, нет, — шут одним прыжком оказался рядом и обнял нас с Осьмушей. — Вы не спите и мне не след. Чего ж по ночам ошиваетесь? Никак миловаться надумали? А?

— Пчела тебя за язык, охальник! — я ловко освободилась от шутовских объятий. — Не твое то дело, зачем мы здесь ходим.

— И то так. Не твое, — вторил Осьмуша.

— Гляди-ка, — Тишка так широко развел руки, что прогнулся в спине и чуть не упал. — Волки с лисицами неужто заодно?

— На ногах держаться научись, а после спрашивай, — огрызнулся Осьмуша.

Ни дать ни взять настоящим волком становится. «А был ведь щенком слепым», — подумалось мне.

— Ты вот что, Тишка, — вкрадчиво проговорила, — Ступай своей дорогой, а что нас видел, никому.

Шут надулся.

— Темные делишки затеваете, а мне молчать. Ну уж нет! Пойду и все Ростиху скажу! Вот!

Мы с Осьмушей переглянулись.

И откуда только этот дурак цветастый взялся? Да чтоб его... Даже слов подходящих не подберешь.

— Тогда нам помогать будешь, — решительно произнесла я.

— В чем? — с готовностью спросил шут. — Колдовать заставите?

— Какое колдовство! — вспыхнула я. — Не велено нам колдовать, забыл? Омелу вот найти хотели, другу хорошему помочь, оберег в дом его принести.

— А ночью чего?

— Так ведь ночью собирать ее и велено. Не слышал, что ль?

Тишка внимательно осмотрел нас. Лунные лучи аккуратно на лицо падали и я все его хитрющие ухмылки видела

— Видел давеча я куст на старой березе. Шагах в двадцати тут. Идемте что ль?

Верить дуракам — пропащее дело, а уж идти за дураками и вовсе последнее. Два десятка шагов чуть не в добрую версту превратились. Шли мы, шли, спотыкались, Осьмуша руку оцарапал шиповником.

— Долго нас еще водить станешь, Тишка? — прошипела я, споткнувшись в сотый раз.

Шут невинно пожал плечами.

— Как найду омелу, сразу покажу.

— Ты же говорил, недалеко она.

— Так то я тогда говорил, позабыл уж.

— Злыдень цветастый, — прошептала я и пошла дальше, поминутно вспоминая то Ладимира с его секретами, то Тишку с шутовскими замашками, а то и просто все, что на пути попадется.

Долго ли коротко брели мы вперед, минуя темные фигуры деревьев, лачуги, хлипкие лодчонки, вытащенные на берег, один раз нам под ноги бросилась мелкая собачонка, тотчас отбежавшая, стоило Осьмуше лишь взглянуть на нее.

Наконец Тишка остановился, раскинул руки в стороны и радостно закричал:

— Не верит мне лисица, ох, не верит!

— Чего орешь? — шикнула на него.

Шут замотал головой.

— Голову подыми, — недовольно пробормотал он.

Я последовала его совету.

Белый неровный ствол, местами кора была содрана, а редкие пятнышки светлячков кружились над землей и поднимались все выше и выше. Туда, где среди ветвей с мелкими зелеными листочками, из расколотого надвое грозой древесного тела, росли упругие нежно зеленые побеги с белыми цветами.

— Омела... — невольно прошептала я.

— Омела-омела, — Тишка толкнул меня в плечо. — Могла и поблагодарить, лисица-синица.

— В ножки тебе что ль склониться?

— А склонишься?

— Ты бы и рад. Вот сорвешь мне ветки омелы, склонюсь так и быть.

Тишка тут же отошел назад, замахал руками.

— И не проси, лисица, нельзя мне, боюсь я, ой, как боюсь. Вот как боюсь...

В темноте шут споткнулся и повалился на спину, заболтал ноги и руками.

— Ох, люди добрые, губят душегубы проклятые!

Осьмуша прыснул в кулак.

— И что нам с ним делать? — спросил у меня.

Я только пожала плечами.

— За омелой тебе лезть придется.

— Легко, — улыбнулся перевертыш.

Шут тем временем резво вскочил на ноги, подпрыгнул, дрыгнув ногами.

— Думали Тишку с ног сбить, а не собьете, — весело пропел. Потом вдруг громко и протяжно вздохнул: — Батюшки, да что ж творится? Разве ж волки по деревьям лазать могут?

— Тиша, миленький, помолчи немного, — ласково проговорила шуту.

Тот расплылся в улыбке, а потом так же точно ответил:

— Волку помочь надобно! Осьмуша, я на помощь!

— Боги светлые, помогите мне, — осталось лишь прошептать сокрушенно, глядя как Тишка лезет по березе вслед за перевертышем.

— Несет же тебя нелегкая, — недовольно протянул Осьмуша, сидя на ветке, уже с омелой в руках.

— Дай помогу, волчок, — Тишка протянул руку.

— Не лезь ты под руку!

— Дай омелу!

— погоди, я сам!

— Да дай же мне ветки...

В темноте я не разглядела, что творится на дереве.

Вспугнутые светлячки разлетелись в стороны сияющим облаком, а после послышалась ругань и омела, белым дождем полетела прямо на меня.

— Тьфу на вас! Одна только морока. Лучше б уж сама пошла, — бормотала я, отчихиваясь от пылицы и собирая с земли цветы колдовской омелы.

В небе все смеялась девица-луна, готовясь уступить место другому светилу.

Не сомкнуть было глаз в эту ночь.

Лишь смежила веки ненадолго, и такое привиделось, что вспомнить страшно.

Будто стояла я на берегу холодного северного моря. Позади меня белые горы были, снегом и льдом покрытые. Ветер холодный в спину бил, сквозь легкую едва ощутимую ткань рубашки, обжигал тело. Волосы мои трепал, до колтунов спутал — не расчесать теперь.

Глянула на воду — нет там людей быстрых с драккарами могучими. Нет воинов с булатными мечами. Никого нет. Только волны высокие и небо тяжелое серое на горизонте.

Чудно было, что во сне моем я запахи и звуки все-все слышала. Будто на яву, а не привиделось.

Помню, потом кто-то за плечо меня тронул. Оглянулась...

Стояла женщина. Молодая, вся в черном, лицо закрыто, а глаза... глаза светлые-светлые будто белые, ледяные. Ветер одежды ее треплет, развеивает их как туманом.

Ни слова она не сказала мне, не подмигнула, не улыбнулась. Только протянула подарок — ожерелье. Бусины в нем все больше черные, лишь несколько белых. И как руку протянула, чтобы взять подарок, так и рассыпалось оно. Раскатились бусины в разные стороны, потерялись в камешках серых прибрежных.

Хотела я было их поднять да не успела, поздно спохватилась. Споткнулась босыми ступнями, упала на колени, а как подняла голову, женщина уже далеко была. Кивнула мне легонько и исчезла.

Проснулась я в слезах. На лбу была испарина.

Этой ночью — ночью, что перед испытанием в Доме Предсказаний — сама ушедшая ко мне приходила во сне. В нави явилась взглянуть на меня и выбор предложить.

Черное или белое...

Тихие шаги Хельги застали меня врасплох. Вошла северянка и в дверях остановилась.

— Не спишь? — спросила. — Пора собираться, Вельма. Встань, умойся. Бледна ты слишком. Дурное снилось?

Вспомнила я взгляд ее, ушедшей. Глаза белесые, лицо, скрытое покрывалом легким — вроде и видишь, а разобрать черты не можешь.

— Много что снилось мне, — лишь ответила.

Рассвет только-только за окном занимался. Белыми перьями-облаками ложился на небесную гладь.

Поднялась я и только шаг ступила по прохладному полу, как поняла, нет прежнего, не

будет уж...

Пора идти. Меня ждут.

Дом Велимира я покинула тихо, без слов напутственных и прощаний. Даже Ладимир не вышел — сама не велела ему.

Кажется, что не вернусь прежней обратно. А уж если с ним поговорю, так и забудет ту Вёльму, которую в Подлесье повстречал. Лучше уж после, ежели с победой вернусь...

Трайта в предутренний час — место тихое безлюдное. Разве что стражники проезжают да нищие дремлют у стен.

Проходя мимо одного старика, привалившегося к стене в лохмотьях, я остановилась. Монета звякнула, ударившись о деревянную миску. Нищий не проснулся.

Мысленно я повторяла одно и то же — взывала к духам предков, просила богов дать мне сил. В какой-то миг померещилось будто тень скользнула за спиной.

Быстро оглянувшись, никого не увидела. Только словно легкая черная ткань мелькнула и скрылась за поворотом.

Видно ждет меня ушедшая, желает новую служительницу занять.

— Ох, помоги, Ларьян-батюшка, светлый заступник, — прошептала я, ускорив шаг.

Остановившись у врат Дома Предсказаний, я взглянула на обережный узор, вышитый мною же на рукавах. Кривовато вышло оттого, что не умею, не доводилось еще. Говорят, знаки правильные и от огня, и от воды, и от глаза черного хранят. Помогли бы сегодня.

Страшно мне...

Солнце уж несмелыми лучами коснулось земли. Делать нечего, идти пора.

Только шаг сделала, как возник призрачный кот у ног.

— Василёк! — только и воскликнула.

Кот муркнул, взглянул на меня и исчез.

Добрый то знак. Значит, не бросает.

На пороге, у самых дверей терема, Варвара появилась.

— Запаздываешь, Вёльма, — строго проговорила. — Готово уж все, а ты бродишь где-то. Готова ли?

Хотела ей ответить да вдруг голос пропал.

— Все одно — идем.

Взяла меня за руку и повела в Дом.

Лесьяр-Хранитель сидел на прежнем месте своем, над книгой. Не спит он что ли никогда? Не ест? Не уходит? Сколько тут бывала, все его видела.

— Светлого утра, уважаемый Лесьяр.

Он поднял голову и хитро сощурился.

— Огонь, что издали пришел уж здесь, — молвил. — Близко-то как прошла, того и гляди обожжешь.

Я, как обычно, не поняла его слов и только понимающе улыбнулась.

— Новую песнь сегодня начну, — продолжил Лесьяр. — А ты уж смотри сама какой та будет — ласковой иль злой. Иди-иди, чего стоишь? Мое перо быстро ворочается, а ты едва ноги тащишь.

— Напугал девку совсем! Будет! — урезонила Варвара.

— Молчи уж, в пепел твои сны превратились, — грубо оборвал Лесьяр.

Варвара пропустила мимо ушей, но по глазам стало ясно, что не по нраву ей такие речи.

— Куда ведешь меня? — спросила, когда Хранителя миновали.

— В комнату особую, с чарами наведенными. Как войдешь, Вёльма, так и начнется испытание твое.

Я остановилась, крепко вцепившись в ее руку.

— А что ждет меня?

— Не знаю, Вёлька, не знаю, — ответила чародейка. — Сегодня ты первый раз по другой стороне пройдешь. По той, что от обычных людей сокрыта. А что увидишь — только твое. Рассказывать или нет — тоже твое. Все что увидишь — настоящее да только не совсем. Взаправду все, но не телесное. Да что говорить — сама узнаешь?

— Здесь? — я кивком указала на дверь. Узкую, деревянную с железными скобами.

— Здесь, — ответила Варвара. — Готова?

— Минуту дай...

Сердце колотилось бешено. Едва не выпрыгнет из груди.

Ох, светлые боги, Ларьян-батюшка, Вела-вещунья, Славша-странник, Ладьяра, духи предков моих, ох, страшно мне. Ох, помогите!

— Нельзя медлить, иди.

Я на миг прикрыла глаза.

— Помни, что увидишь — лишь твое, нет его в яви.

— Спасибо тебе, Варвара.

Она не ответила, только толкнула сильной рукой дверь. Та со скрипом медленно отворилась, и я шагнула во мрак. Мягкий будто перина и ласковый словно омут. Поглотил он меня вмиг и исчезло все.

«Что увидишь — лишь твое, нет его в яви...».

Недолго мрак надо мною царил. Прикрыла на миг глаза, а потом гляжу — стою я в лесу березовом. Солнышко ярко светит, птички радостно поют, травка под ногами мягкая, шелковая.

Прошла я вперед, прислушалась — пусто, нет никого.

Странно это... надо бы разрешение у лесного хозяина спросить. Негоже в чужом доме без разрешения разгуливать.

Вытащила ленту из косы — алую, в тон узорам, на рукавах вышитым, повязала на тонкую березовую ветку. Подарочек будет от меня, больше ведь дать нечего. Дальше прошла, присела на траву, на небо чистое взглянула.

А и не чистое оно уже — тучи грозные ползут, солнышко заслоняют. Вмиг темно стало. Молонья быстрая небо на куски разорвала, и пролился дождь густой пеленой.

Спряталась я под веткой еловой. Промокшая, дрожащая, стою, к стволу теплому прижимаюсь.

«Что увидишь — лишь твое, нет его в яви...» Нет ли?

— Доченька! Помоги, родимая! — позвал кто-то.

Не глядя на дождь, вышла из-под елки. Смотрю — стоит на поляне старушка с вязанкой хвороста.

— Звала меня, бабушка?

— Звала, дочка, звала, — прошамкала та беззубым ртом. — Помоги уж, рыженькая, до

хаты моей донести.

— Так а где хата твоя?

— Недалече, за лесом.

Подняла я вязанку. Ох и тяжеленная же та оказалась!

«...нет его в яви», — подумала. Нет, значит, без груза иду.

Подумала и мигом легко стало.

Нет хвороста, и бабки этой нет, и леса нет, и избушки...

А вот и она стоит. Я так и охнула.

— Тут живешь ли, бабушка?

— Тут, красавица, тут.

Старуха-то непростая, с клюкой, в лохмотьях, а глаза так и горят темным огнем. Изба ее вроде как простая да только уж больно высока — будто на ногах стоит. На курьих.

Решили что ль чародеи пошутить? Сказку старую предо мной показать? Это что ж выходит, бабка в печи меня изжарит что ли?

— Ну, помогла тебе и будет, — решительно сказала я. — Бывай, старуха.

Только уйти собралась, как она вслед:

— Стой, бедовая, дай хоть за работу заплачу?

— Не нужно мне платы твоей. Считай за так помогла.

— Нет уж, — строго ответила старуха. — Бери вот. Бери-бери, косу хоть причешешь, а то глядеть страшно!

Вот и новости!

Баба-Яга меня некрасивой назвала!

— Спасибо, бабка, — взяла из ее рук костяной гребень. — Избу-то зерном подкорми, а то вон какая тощая стала.

— Твоя правда, детка, твоя. Да больно переборчивая она нынче — простое зерно не ест, все пшеничное подавай.

Оглянулась я по сторонам. Лес, поле, трава после дождя мокрая.

— Скажи, бабка, куда идти мне дальше?

— А это, дочка, смотря чего ищешь?

— Испытание ищу.

— Испытание? — ее глаза округлились в насмешливом удивлении. — А какое? Легкое иль тяжелое?

Я только руками развела.

— Разве ж легко дается победа?

— И то верно. Иди вон по той тропке, что в чашу петляет. Не ошибешься. И вот что, гребень-то не бросай, пригодится.

Поблагодари я ее и пошла.

Что ж еще чародеи треклятые задумали? С Бабой-Ягой меня свести — свели. Может, дальше змей трехглавый будет? Или застава с богатырями могучими? Неужто Соловья-Разбойника усмирять придется?

Посмеялась тихонько и пошла.

Иду-иду неспеша, косу чешу гребнем новым, все по сторонкам смотрю — вдруг что выскочит страшное.

А как голову подняла — небо темное, вороны летают в нем. Каркают громко да перья черные изредка роняют. Дурные то вести — раз на вороновом крыле несутся.

Лес все темнее становится. Чаша непролазная, тропка узкая, уж все платье изорвала колючками, волосы то и дело за ветки цепляются. Отстригу косу — как есть отстригу!

«... в яви нет его».

И вправду, нет. Где ж там жуть такую найдешь? Только в сказаниях старых и услышишь.

Наконец вышла я на поляну круглую. Буреломом она со всех сторон завалена, от мира как огорожена. Стоишь и кажется будто кто смотрит на тебя, наблюдает.

Простояла немного — тишь кругом. Вороны и те наверху умолкли.

Страшно стало. Сжимая гребень в руке, а сама знай богам молитвы возношу. Чую, неспроста сюда меня завели. Ох, неспроста.

«... в яви нет его».

Треск веток послышался, потом рык раздался. Вороны испуганные с веток слетели и в разные стороны.

Одним прыжком из-за бурелома зверь предо мной очутился. Сердечко так и забилося в висках. А душа — та вовсе в пятки ушла. Никогда я зверей не боялась, всегда могла встретить и невредимой уйти. Тут, чую, не выйдет. Не простой зверь этот.

Кто он — назвать не смею. Ростом с крупного волка сойдет. Черный весь. Лапы мощные с когтями стальными. Морда тупая собачья, уши обвислые, шерсть густая длинная. Глаза красные, гнева полны. А зубы — тут уж вовсе сознания лишиться можно — клыки белые длинные. Из пасть слюна капает.

— Нет в яви его, нет в яви его, — зашептала я.

Куда уж нет — вон стоит и сожрет меня заживо, не подавится — тварь темная.

Минуто он вглядывался в меня, лапой землю скреб. Приценивается, не иначе.

Я стояла, двинуться боясь. Что ж делать-то? Заклинателю усмирять его положено. Знала бы как, усмирила б давно.

Бежать нужно, подсказало что-то.

Шаг назад сделала.

Зверь рыкнул и на меня.

Светлые боги, как только увернуться успела, в сторону отскочить да гребень в холку ему воткнуть.

Вроде и взвыл зверь, а только гребень тот ему, что волю дробинка. Встряхнулся, откидывая мое единственное оружие, и снова на меня бросился.

Не успела я опомниться, как на земле лежала, могучими лапами придавленная. От боли все кровавым показалось, когда зубы впились в плечо.

Вцепилась в шею зверю, не давая себя укусить сильнее, постаралась оттолкнуть. Только он силен оказался — куда мне.

Из последних сил толкнула, вскрикнула, чую, что проигрываю. Тут только и заметила тонкую золотую ниточку, что от сердца его тянулась. Вроде была она, а вроде и нет.

Схватила и потянула.

Зверь вмиг застыл, отпустил меня, назад отошел и поклонился, припадая на передние лапы.

Я, не веря своим глазам, не отпускала волшебной нити. Та в руке моей светилась.

— В моей ты власти теперь, — сказала зверю. — Иди следом и охраняй меня.

Откинула нить в сторону и пошла прочь. Зверь за мной.

Тронула плечо — нет ран, крови на одежде и той нет.

Шли мы долго. Потом на берегу очутились. Точь-в-точь как мне ночью привиделось.

Только уж не было там никого.

Остановилась я у самой кромки воды. Разулась. Набежавшая волна вмиг босые ступни холодом обожгла. Зверь протяжно заскулил.

— Стой на месте, — приказала ему.

Сама набрала рукой воды и плеснула в лицо.

Холодно стало. Да так, что закричала я, назад отпрянула и упала...

Потом меня жаром обдало. Таким будто в кипятке купалась.

— Тише, Вельма, тише, — проговорила Варвара, кладя на лоб что-то холодное. —

Слышишь меня?

Я медленно открыла глаза. Всеслав, Тишка и Варвара надо мной склонились.

— Живая! — радостно взвизгнул шут и захлопал в ладоши.

— Почему я...

Не закончила свой вопрос, стала оглядываться по сторонам. Лежу на скамье в комнате, что Всеславу отведена в Доме Предсказаний. Василёк у ног мурлычет.

— Ты прошла испытание, лисица, — негромко, даже ласково проговорил Всеслав. — Лесьяр уж новую песнь пишет. Твою.

— А где же...зверь?

— Не было зверя никакого. Тебе привиделось, — успокоила Варвара.

— Ух, напугали же тебя чародеи, — заплясал вокруг Тишка. Он хватался за голову, подпрыгивал, изображая то самое чудище. — Сама не своя ты была. я прискакал, думал, уж не увижу живой. А ты и не поседела даже.

— Заводил тебя Ростих, это верно, — кивнул Всеслав. — Хотел я его уговорить да не вышло. Сказал детям ушедшей дольше по ту сторону ходить полагается. Так-то.

— Ты отдохни, не вставай, — сказала Варвара, прикладывая ко лбу новую повязку. — Пусть жар сойдет не то заболеешь.

— А Тишка тебе песню споет! — радостно воскликнул шут.

— Сядь ты, окаянный! — рявкнул на него Всеслав. — В глазах от тебя рябит уж. Забегался.

— Ну и ладно, — насупился дурак. Сел прямо на пол, где стоял, сложил руки на груди и голову опустил.

Я, преодолевая слабость во всем теле, улыбнулась:

— Значит, берешь меня в ученицы? — голос казался чужим.

— Куда уж от тебя денешься? — засмеялся Всеслав. — Ты только на ноги встань.

Хельга, привыкшая в доме Велимира чародеев видеть, ничуть не удивилась, когда меня едва живую привели. Помогла лечь и одеялом укрыла.

Я же будто и не чуяла ничего — до того худо было. И озноб бил, и дрожала вся и голова болела. Как только подушки коснулась, так и провалилась в сон сразу же. Не видела ни морей, ни лодей, ни женщин в черном, ни зверей жутких. Ничего не видела.

А как глаза открыла — так легко стало, так мирно, спокойно, будто заново родилась. Не болело ничего, не тревожило.

За окном уж вечер следующего дня был. Хельга, сидевшая все время около меня, сказала, что почти сутки я проспала. А Велимир строго приказал ей рядом быть. Сказала

еще, что Ладимир трижды входил, спрашивал обо мне.

Волнуется, переживает, хороший мой.

Осьмуша тоже места себе не находил — все ошивался поблизости. Волчье сердце и то волнуется.

— А сейчас где все они?

Северянка кивнула в сторону окна.

— Велимир ушел на чародейский совет, оборотня, слава богам, унесло куда-то злым ветром, а молодой колдун вон, во дворе.

Она сидела перед яркой лучиной и вышивала свои узоры.

— Небрежно ты о гостях своего хозяина говоришь, — не сдержалась я.

— Как считаю, так и говорю, — не смутилась Хельга. — Про оборотня знаешь, а про колдуна — черноту в нем вижу.

— Сама что ль чародейка? — обидно мне за Ладимира стало. Какая ж в нем чернота-то?

— Не чародейка, куда мне, — в голосе звучала усмешка, а лицо было прежним. — Руны говорят.

Я села на кровати, чтобы лучше видеть северянку. Та поняла мой интерес и продолжила:

— В Скельдиании принято к рунам за помощью обращаться. Они — дар богов наших, язык, на котором с ними говорим. Если сомнение нашло или ответ нужен — руновязь необходимую сделай и боги ответят, дадут свою волю.

— Разве ж просто молиться им нельзя?

— Можно. Отчего ж нет? Только слово — это ветер, а знак начертанный — на годы, если не на века.

Задумалась я.

С детских лет учили, мол, взгляни на небо, попроси богов о помощи, они и услышат. Сказывали, боги везде, кругом, всегда с нами, всегда слушают. А северяне вон особый язык, чтоб с ними говорить, придумали. Чудно!

— И руны тебе про черноту в Ладимире сказали?

Северянка быстро взглянула на меня.

— Вижу, не отстанешь. А руны говорят, что непростой он человек. Как сосуд зеркальный — видишь одно, а отражение чужое. Берегись его, Вельма.

Ох и глупости же Хельга эта говорит! Сказано, не слушай басурман всяких!

— Вижу, тебя в ученицы к чародею приняли, — неожиданно продолжила северянка. — Если захочешь, потом обучу тебя рунам.

Я удивилась.

— Тебе это зачем?

— В Беларде вашей мало кто знает их, а тебе, раз Севером бредишь, ладно будет. Если спать не хочешь больше, давай помогу вымыться и собраться?

Она поднялась и быстро сложила свое шитье.

— Хельга, — спросила я. — Почему ты в Беларду ушла?

Скельдианка вдруг погрузнела — на лице исчезло привычное равнодушие.

— Так норны решили, — ответила она.

Хотела я спросить, кто такие эти норны и почему судьбу ее решили, но промолчала.

Осень совсем близко подошла. Дыхание ее прохладное, с запахами жухлой листвы, дождевых капель, ягод спелых и первого робкого инея на ветках, уже коснулось земли. Вечер уж прежним не будет — тепло не обнимет и не коснется плеч мягкими лапами.

Из-за ворот доносился гомон людей. Трайта не спала никогда. Глухой ночью и то услышишь шаги загулявшего прохожего или торопливое ворчание торговца, прикрывающего лавку. А уж о песнях и смехе молчу.

Алое марево заката только-только исчезло. Наступило то самое время, когда и не темно, и не светло уж. Глазу приятно, а день на исходе.

Я вышла на крыльцо, кутаясь в свою истертую старую куртку, глубоко вдохнула и улыбнулась. После пережитого благодарна была богам, что жива и невредима стою здесь.

Ладимир на другом конце двора, в рубахе с расстегнутым воротом, склонился к колчану, лежащему у ног. После выпрямился, натянул тугую тетиву лука, миг целился и выпустил стрелу в мишень — мешок, набитый соломой — стоящую у ворот.

— Что это ты на ночь глядя стрелять надумал? — проговорила я, подкрадываясь тихонько. — Никак к встрече с недругом готовишься? Иль потешиться решил?

Подошла к нему, обняла за плечи и крепко прижалась.

— Недруги нынче такие, что со спины подходят и стрела не спасет.

— Неужто и я врагом назовусь? — прошептала ему.

Ладимир отбросил лук, быстро развернулся, подхватил меня и поднял над землей.

— Пусти, бедовый! — вскрикнула я.

— Теперь не пущу, — тихо проговорил он. — Раз уж невредимой ко мне вернулась, никуда не денешься.

Я коснулась его колючей щеки, — не носил Ладимир бороды отчего-то — волос, чуть влажных от тумана вечернего, крепко обняла за шею и лбом ко лбу прижалась.

Люблю, и пусть боги меня судят.

— Лисица ты моя, — прошептал он, прежде чем поцеловать.

— На землю-то опусти, — после сказала.

— А ежели не опушу?

— А не опустишь... — прищурилась и покачала головой. — Неужто шутить с лисицей надумал?

— С таким зверем шутки плохи, — Ладимир поставил меня обратно.

— Так чего ж решил стрелять под вечер?

— Старое вспомнить решил. Чародеи посохами, а не сталью воюют. В Подлесье с ранних лет стрелять научили, на охоту каждую седмицу ходил, а здесь... Только на посылках у чародеев.

— Ничего, — ответила, поправляя ворот его рубахи, — Скоро сам в совет войдешь, других учить станешь.

— Рано еще о том мечтать.

— Рано-рано, а оглянуться не успеешь, — улыбнулась я. — Глядишь и самого Ростиха со временем сменишь.

— Твоими бы молитвами, Вельма.

— Уж посмотрим.

Я оглянулась на мишень. Стрелы выпущенные аккуратно посередине были.

— Метко ты стреляешь, — подмигнула Ладимиру.

Он только руками развел.

— Как обучили. Жаль, арбалет в Подлесье оставил.

Быстро склонившись, я подобрала лук. Внимательно взглянула, провела пальцем по тетиве. Вспомнила, как отец братьев стрелять учил, как об оружии рассказывал. Помню, подглядывала за ними тогда, сидя за поленницей. Слова отцовские внимательно слушала, запоминала. Гляжу теперь на лук и понимаю, что не простой он — составной, из дорогого дерева сделан, такой за медяк не купишь и из ветки сломанной не сделаешь. У мастера умелого загодя заказывать надо. И стрелы добротные — наконечники железные острогами.

— А меня стрелять никто не учил. Говорили, мол, девка, зачем.

Ладимир накрыл ладонь своей.

— Так давай я научу. Чего смеешься? Не велика наука. Лишь бы сила в руках была.

— Какая уж сила, Ладимир? — засмеялась в ответ. — На меня глянь. Если уж колдовская.

— Давай, лисица, бери лук, становись.

— Да ладно тебе!

— Давай-давай.

Он вложил в мои руки лук. Сам стал сзади — будто обнял — показывая, как держать.

— Вот здесь плотнее возьми, держи крепче. Стрелу держи.

Упругое оперение коснулось моих пальцев. Пестрое будто не наше. Где он только стрелу такую нашел?

Осторожно, стараясь ничего не испортить, я натянула тетиву. Ладимир поддерживал меня за локоть.

— Тише, Вельма, замри, прицелься да не тни время...

Я смотрела на мишень.

Мир сузился до натянутой тетивы и легкого поскрипывания дерева. Стук собственного сердца казался громом.

— Еще немного, — прошептал Ладимир, — сильнее.

Я чуть отпустила тетиву, а потом резко натянула. Пальцы разжались, мелко задрожала нить тетивы.

Миг, всего один выдох и два удара сердца...

Стрела бесшумно вонзилась в мешок. Я открыла глаза.

— Не так просты лисицы, — Ладимир даже присвистнул. — Гляди-ка, попала.

Выпущенная мной стрела торчала из края мишени.

— Чур меня, — невольно проговорила. — Неужто попала?

— Своим глазам не веришь, так хоть моим поверь, — усмехнулся любимый.

— Дай, еще попробую.

— Эк тебя разобрало.

Я схватила новую стрелу из колчана и уже сама, пусть и неумело натянула тетиву. Ладимир снова был рядом, каждое движение мое направлял. Теперь мне уж не только свое сердце, еще и его слышалось.

Новый выстрел и я промахнулась. Опустила лук и растерянно взглянула на Ладимира.

— Выходит, ничего не получается у меня.

— А ты думала, сразу валькирией станешь?

— Кем?

— Один скельдиан сказывал мне, что в стране его верят будто павших воинов девы-воительницы в ихнюю навь относят на руках.

— Валь-ки-ри-и, — по складам повторила я. — Ладно звучит. И чего раньше не говорил, что со скельдианами знаешься?

— Разве ж я знаюсь? Так, по пути как-то встретились.

Он обнял меня за плечи и поцеловал.

— Будет тебе болтать, бери еще стрелу.

Я снова схватилась за лук, но тут же остановилась.

— Про скельдиана расскажешь?

— Зачем тебе? — удивился Ладимир.

— Расскажешь? — я только улыбнулась.

— После расскажу, — ответил колдун.

Его рука снова легла на мою, а губы зашептали на ухо. Я прикрыла глаза на миг и натянула тугую тетиву.

И не было в мире больше никого... И не нужно никого было.

«Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить» - славянская пословица

Стоило мне только войти, как Тишка, плут эдакий, колесом перевернулся и обнимать кинулся.

— Ай, лисица, рыжая-бесстыжая! И не берет тебя ни волшба, ни хворь!

— Ой, пусти, окаянный! — закричала я.

Откуда только силища такая, меня на руки подхватить-то?

— Цветет ли омела нынче? — вдруг спросил шут, подмигивая озорно.

— Чего ж не цвести? — ответила, будто вопрос без второго дна. — Буйным цветом трава колдовская.

— Тишка, поганец, уйди от нее, — скомандовала Варвара.

— Ой, люди добрые, убивают меня бедного-несчастливого.

Дурак схватился за голову, упал на пол и ползком отправился под лавку.

— Злыдня — Варвара! — пропищал оттуда.

— А ну-ка...

— Ууух! — погрозил ей сжатым кулаком.

— Как ты, Вёлка? Жива ли, здорова?

— Жива, вишь, — развела руками только.

— Ну и ладно, — улыбнулась Варвара. — Мы с Всеславом думали, нескоро объявишься.

— Так где ж он сам?

— А где ж ему быть-то?

Я оглянулась. Заклинатель сидел на своем привычном месте, с посохом в руке. А ведь только что, миг назад, не было его там. Видать опять глаза мне отводил.

— Доброго дня, уважаемый, — чуть склонилась я.

Всеслав только кивнул с улыбкой.

— Знать, готова принять знак Дома Предсказаний?

Принять знак — медальон, точь-в-точь такой, как Варвара носит — не значит, посох

принять и в совет войти. Значит лишь, что навеки ты себя связываешь с Домом, что не сможешь уже отказаться. Не давая клятвы, путь служения выберешь.

Думала я уж не раз об этом. Пока без знака, всегда вернуться могу, в яви жить, не ходить на Изнанку больше, свободной остаться. Тогда и замуж выйти смогу, и уйти хоть в самую Скельдианию.

Думать-то думала да только коли уйду, не видеть мне Ладимира больше. А разве ж смогу теперь без него? Нет уж. Приму знак, ученицей Всеслава стану. Пусть и не стать мне женой Ладимиру, так хоть рядом буду, до самой смерти.

— Готова, Всеслав, — ответила. — Хоть сейчас приму и носить стану.

Заклинатель улыбнулся.

— Хорошо ли подумала?

— Боги за меня решили. Все равно теперь нет пути другого.

— Варвара!

Женщина подняла и исчезла в чулане.

Тишка, услышав ее шаги, зажмурился, после открыл один глаз и высунулся из-под лавки.

— Ушла? — спросил громким шепотом.

— Вернется, Тиша, вернется.

— Ох, горе мне, — простонал шут и полез обратно.

Вскоре Варвара и впрямь вернулась. На ладони ее лежал медальон на прочной серебряной цепи. Небольшой круг, узорами расписанный, а посреди его вещая птица, чьи перья огнем горят. Бессмертна и незрима. Сказывают, много раз она в пепел рассыпается, жизнь проживая снова и снова, а после вновь вспархивает огненными крылами и дарит людям свет и исцеление. Много было охотников за диковинным созданием, да только мало кто хотя бы увидеть мог. Не знают даже чародеи, есть ли Жар-птица на свете. Верят только и в старых сказках читают, как однажды Вельма-Огнёвица с чудной птахой встретила и дар от той получила в награду.

Знак Варвара мне подала. К<н<и<г<о<л<ю<б.н<е<т

— Сама надевай, раз решила.

Всеслав выжидающе молчал. Тишка, забыв про обиду на Варвару, высунулся из-под лавки и, открыв рот, затаил дыхание. Василек, огромный полосатый котяра, сидел на лавке и хитро шурился зеленющими глазами.

Я неловкими, ставшими будто не моими, пальцами, отбросила косу, надела медальон и застегнула. Тяжесть его приятно надавила на грудь, а после совсем исчезла. Птица коротко вспыхнула и погасла.

— Добрый знак, — отозвался на это Всеслав, — принимает тебя хозяйкою.

— Лисица — вещая птица, — пропел шут, вылезая и отряхиваясь. — Ох и пыльно же тут! Убиралась бы хоть, Варвара!

Я не могла отвести глаз от дивной птицы на медальоне.

— Теперь ты наша, Велька, — шут схватил меня за плечи и обнял.

— Да ты сам не наш, Тишка, — бросила ему Варвара.

— Как не ваш? — изумился тот. — Я сам вещей! Что вижу, то и вещаю. Вот тебе вещаю, что за веник взяться нужно — всю грязь собрал, как к князю теперь идти?

— Больно ты нужен нынче князю-то. У него и без дураков хлопот полон рот.

Я осторожно опустила медальон на ткань платья и присела поближе к Всеславу.

— Правду ли говорят, что война началась? Нищий на улице сегодня на небо показывал и кричал, что боги гневаются на нас. Сюда как шла два отряда старшей дружины видела. Доспехи на них сверкали, что солнце, а знамя красное было. Правда ли, Всеслав?

Старик печально покачал головой.

— Правда то, Вёльма. Гарнарцы на наши земли ступили. Гонец вчера явился, передал, что Осеред и Ломоть-град сожгли.

— Так как же... — вырвалось у меня.

— Князя нашего воевода, Далибор, там уж с войском, басурман бьет. Да только... мало на то надёжи. Мстислав велел по всей Беларде воинов брать. Отвсюду, хоть из лесной деревни. Еще велел людям в крепости уходить.

Я сразу вспомнила дядьку Далибора. Того, что Осьмушину племянницу выручать помогал. Сейчас он с гарнарцами бьется, да помогут ему боги и пусть сам Ларьян своим копьем хранит.

Еще подумала о родне, что в Растопше осталась. Деревня наша у самого тракта, ничем не прикрытая стоит. Может, не допустят боги, чтоб гарнарцы поганые до юго-западных земель дошли. Ох, оберегите их, светлые.

— Ихмет совсем ополоумел нынче, — продолжал Всеслав. — Сказывали мне, завелся у него какой-то не то темный колдун, не то вещун. Будто глядит он в воду и видит все, что сбудется. Предсказал тот человек Ихмету победу его над Белардой. Вот и идет каган, ни света ни тьмы не видит.

— А что вещуны говорят? Что ждет нас?

Заклинатель пожал плечами.

— Молчат пока, не говорят.

— Даже тебе, одному из совета?

— Не все так просто, Вёльма. Вот ты не один день в Доме Предсказаний. Много ли чародеев видела?

Я помотала головой:

— Лесьяра разве да вас.

— То-то и оно. Совет общие дела решает только как собирается. А все прочее каждый сам. Все мы разную волшеббу творим, вот и не лезем друг к другу. Ясно тебе?

— Куда уж яснее, Всеслав.

Не согласилась я с ним, хоть и промолчала. Раз уж вместе собрались сильнейшие чародеи со всей Беларды, так пусть и немного их, обязаны сообща быть. А то ведь мало ли кто и что за дверьми тяжелыми творит. Чудно здесь все, что ни говори!

— Варвара, будет тебе с Тишкой собачиться, — проговорил Всеслав. — Дайка мне лучше отвару горячего испить. Зябну я что-то ближе к осени.

Он плотнее укутал ноги одеялом и поправил на плечах теплое корзно, отороченное мехом.

— Стар я, Вёльма, ох, как стар. Успесть бы тебе посох передать.

— Успеешь, Всеслав. Ты еще и с басурманами повоевать успеешь.

Он засмеялся.

— Молода ты еще, лисица. Ушедшая уж который год за моей спиной стоит, все торопит, к себе принять хочет. Иной раз и позовет во сне.

— А какая она, ушедшая? Как в сказке о Зимушке и Властимире?

— Похожа да не совсем. В сказке она с лицом закрытым явилась, а я ее другой видел. А

ты чего спрашиваешь-то? — будто угадал заклинатель.

— Сама ее видела перед испытанием. На берегу моря она ко мне пришла, ожерелье рассыпала на части, а после ушла и кивнула чуть. Как спросить что хотела.

Всеслав, кряхтя, повернулся в своем кресле и почесал бороду.

— Выбор она тебе дает. И время, чтоб его сделать. Твоя воля, какую бусину взять. Только вот... коли и белую оставишь, не освободиться тебе до конца. Весь век ушедшая рядом стоять будет, а как состаришься, и вовсе на плечо руку положит. Такая уж участь наша, чародейская. Напроказила твоя прабабка, теперь вот расплачивайся.

Сказано ведь — не выбирают родню. Повезло же от крови темной жрицы родиться! Одно лишь не пойму, отчего ж я? В моем роду столько народу было и есть. Братьев и сестер у меня достаточно. Чего ж ушедшей я понадобилась? Чем приглянулась?

— Не старайся понять волю богов, Вельма, — снова прочел Всеслав мои помыслы. — Никто не понимает ее. Раз выбрала она тебя, значит, не зря. Ларьян-батюшка и сам, зная, решил, что выдержишь и отдал. Над долей горевать не след, прими и смирайся.

— Согласна я да только... — запнулась даже. — Отчего ж мне одной только такое выпало?

— Не печалься, тебя боги любят. Вспомни о родне. Говорила ж про сестру. Сидит она у печи и света белого не видит, а пред тобой весь мир лежит — знай себе не упusti ничего.

Слова его сразу кольнули где-то внутри, вспомнился дед Ждан.

«С даром твоим весь мир пред тобою да только ты прислужница» — говорил. Прав был. Прислужница я.

Вспомнила и медальона с вещей птицей коснулась. Теперь уж навеки прислужница.

— Ладно, будет нам печалиться, — веселее заговорил Всеслав. — Раз наша ты теперь, учиться волшебству будешь. А завтра с утра со мной к просителям пойдешь.

— Как к просителям? — встрепелась я. — Разве можно меня, неумею, к народу пускать?

— А чего нет? Думаешь, чародеи всегда по теремам сидят и заклятья против супостатов плетут? Наша служба навроде дружины городской. И врагов бей, и охраняй, и людские дела решать успевай. Так что в седьмом часу чтоб здесь была, Вельма, привыкай. Как посох в руки возьмешь, так и покоя тебе не видать.

— Приду, куда денусь.

— Вот и ладно. А теперь давай-ка я тебе про нити золотые расскажу.

— Что ж вы меня ей на поругание-то даете? — жаловался Тишка, елозя на стуле, стоящем посреди комнаты. — Она ж из меня жабу сделает.

— Будто ты квакать меньше станешь, — усмехнулась Варвара, расшивая очередной узор.

— Ох, ты злыдня колдовская, — погрозил ей кулаком шут. — Ишь, ведьма какая выискалась.

— А не замолкнешь, так я еще Вельме помогу тебя жабой сделать, — отозвалась женщина.

— Тише вам! — прикрикнул Всеслав. — Не Дом Предсказаний, а базарный день развели! Ладно этот дурак, а ты-то чего, Варвара? Чай не девка ведь несмышленная!

— Ой ли? — засмеялась та. — Сам говорил, будто до старости далеко мне.

— С бабой спорить — ума не иметь, — отмахнулся заклинатель. — Вельма, что видишь?

— Да что ж тут увидишь? — всплеснула руками я. — Этот вертится юлой, не посидит мирно.

— И что ж? Встретишь ты бешеного пса на улице — разве тот мирно стоять станет?

Я внимательней присмотрелась к Тишке, бормочущему какие-то ругательства в наш адрес. Сидит он, а вокруг будто чуть синеватое облако. Взмахнет шут рукой — оно в сторону подается, махнет другой — следом.

— Нить хоть видишь?

Я вгляделась внимательней. У самого сердца Тишки начиналась она и едва видна была. Вроде и есть, но не ухватишься да и не разглядишь по-человечески.

— Тонка очень и как ненастоящая.

— Ладно! — воскликнул Всеслав. — Поняла теперь?

— Поняла, — кивнула в ответ, продолжая рассматривать шута.

Всеслав поднялся и, опираясь на посох, подошел.

— Я эту нить такой же вижу. У зверей она яркая да длинная, а у людей едва различима. Над животными мы потому и властны, что можем за нее ухватиться и приказать, что следует. А чтобы человеком управлять, другая волшба нужна. Нить сперва разглядеть надобно, а уж потом хвататься за нее.

— Оттого и играют чародеи людьми, как куклами, за ниточку дергают? — не удержалась я от вопроса.

Помнится, в Растопше, одна девка решила заезжего купца приворожить. Пошла к одной старухе, а та ей древний рецепт дала. Купец после у ног девкиных валялся, каждое слово слушал, все желания исполнял. Узнала видать, как за нитку дергать. После, правда, купец узнал все — соседка разболтала. Взял да и бросил девку. И мало того, что бросил, так еще и стражникам сдал. Те, не будь глупы, забрали и горе-колдунью и старуху, что рецепт дала. Пусть, мол, в темнице посидят, одумаются. А купец к жене вернулся и долго потом волосы выдернутые отращивал.

— Запрещено нашим законом за нитку эту дергать, — ответил Всеслав. — Темную волшбу нельзя над человеком творить. А кто и решается подчинять, так расплатится дорого после. Боги не люди — видят больше нашего.

— Раз уж увидела она, позволь встать? — протянул Тишка тоненьким голоском.

— Неужто Вельмы боишься?

— А чего ж не бояться? — шут даже пригнулся. — Силы в ней лихой много. Чуть не подумает и раздавит, рукой махнув.

Я невольно заулыбалась от такой похвалы. Дурак вещей, а все ж видит!

— Тут ты прав, Тиша. Ладно уж, ступай.

— Охоохонюшки! — шут вскочил со стула и кувыркнулся. — Омела — дивный цвет, омела дурманит...

Пропел и укатился кубарем прочь.

— А что это он про омелу все твердит? — нахмурился Всеслав.

— Почему мне знать? — лишь развела руками в ответ.

Какая такая омела? Ни слова про омелу не знаю!

Есть в году день, который в Беларде Истоминым зовется. Отмечают его второго дня ревуна-месяца. Сказывают, в день тот вся нечисть, что по земле гуляла, в воду возвращается и нельзя более купаться ни в реках, ни в озерах. А кто и решится, так поплатится — то хворь какую получит, а то и вовсе утопнет.

Повелось с давних пор, что в день этот народ белардский с водой до следующего лета прощается и благодарит за тепло прошедшее. На берегах рек и озер праздники устраивают, через костер прыгают, хороводы водят, пиво хмельное пьют. Весь день и всю ночь гуляют — не велят работать заветы предков.

Вся Трайта многоголосая, казалось, на берега Марвы высыпала. Да и не просто погулять, а помощи и прощения у воды испросить. Знают люди, что война на южных границах идет. Далече пока, да ведь кто поручится, что басурмане до стен стольного града не дойдут? А вода — она всегда заступница. Без нее жизни не будет — ни траве не расти, ни дереву не подняться, ни человеку жажду утолить.

В былые времена вода споры разрешала, выбирала, кто виновен, а кто нет. Нынче обычай этот запрещен князем — пусть, мол, суд решает людской, а не сила природная. Хотя и сказывают, в глухих краях, тех, что у гор притаились, на востоке, до сих пор правого водой иль огнем выбирают.

Не видела я, как раньше Истомин день справляют да сейчас вижу, что нет прежнего веселья в людях. Смеются, пляшут, а в глазах печаль.

Девка одна, моложе меня будет, подошла к самой воде, разулась, подол платья придержала и по колено в Марву вошла. Сняла с косы своей красную ленту, к ней монету серебряную добавила и в реку бросила. Монета та плюхнулась громко и утонула, а лента поплыла прочь из города, по течению быстрой Марвы.

— За что подношение богам отравила, сестрица? — спросила, дождавшись, пока девка на берег выйдет.

— Милый мой с дружиной уехал на юг, — ответила та, быстро обувая озябшие ноги. — Хочу, чтоб невредимым вернулся.

— Вернется, если молиться за него станешь.

— Каждый день на святилище хожу, — ответила она, грустно опуская глаза. Ладная девка — белокурая, голубоглазая, невысокая и стройная. Повезло жениху ее. — Да ты никак чародейка будешь? — спросила, заметив медальон на груди.

— Не чародейка еще, ученица только.

— Может, скажешь, вернется ли мой любимый?

Я только помотала головой.

— К вещунам иди, они расскажут. А мне предсказывать не дано.

— Жалко, — улыбнулась девушка. — Пойду я. Счастливого праздника тебе.

— И тебе, — ответила.

На обоих берегах поставили столы. Костры разоженные все выше и выше вздымались — гудели, пожирая сужие поленья.

Народ толпами высыпал, ожидая князя Мстислава. Уж стемнело совсем, а все не было его никак. Люд не спешил расходиться. Поглядеть на то, как вождь их выйдет и воде подношение сделает, всем хотелось.

Я укуталась плотнее в простую шерстяную шаль. Пока мне и такая согдится. Дом Предсказаний каждому чародею жалованье платил. Ученикам и тем немного полагалось.

Устала уж я налебницей в доме Велимира жить — часть монет сразу Хельге отдала, а часть себе припрятала.

— Выйдет ли князь? Может, зря стоим? — спросила я, оглянувшись на Ладимира. Тот за спиной моей стоял.

— Мстислав покажется. Не бросит же свой народ в такой час.

— Князья завсегда народ бросают, — вставил Осьмуша. — В Зарецком вон что ни князь, так все сбежать норовил. Перессорит города меж собой и наутек в Феранию или Ельнию. Кто их найдет там — да никто! А народу сожженные дома отстраивать!

— Сравнил тоже, — хмыкнул Ладимир. — Зарецкие ваши — шелупонь одна. Мстиславу и в подметки не годятся.

— Ну вот и поглядим, каковы ваши белардские князья, — самодовольно заявил перевертыш.

Издали заметила я Всеслава и Варвару. Они на другом берегу Трайты стояли, на деревянной пристани, среди приближенных князя. Тишка-плут там же был. Кувыркался, что-то выкрикивал и смешил бояр. У ног Варвары сидел Василёк — кот. Мирно, не дергаясь, поглядывая кругом умными глазами. Велимир тоже с чародеями своими был, а нас, учеников, не допустили. Вот и стояли мы на другом берегу, с простым людом.

— С кем это ты у воды говорила? — спросил Ладимир, склонившись ко мне.

— С девкой одной. Она любимого с войны ждет.

— Всегда ты найдешь, с кем словом обмолвиться.

— Разве ж плохо, ежели с любым стговорить могу?

— Так я ничего. Ладно это, Вёльма, ладно, — положил мне руки на плечи. — Не замерзла?

— А с тобой мне всегда тепло, — ответила.

Осьмуша покосился на нас, но слова не сказал. Не нравится ему Ладимир, того он зубы и точит.

Вдруг народ притих — на пристани князь показался. Высокий, статный, в золотом обруче и красном плаще поверх черного платья. Не след князю ярко рядиться, когда народ в беде.

Остановился Мстислав, с боярами, дружинниками и чародеями поздоровался, потом дальше прошел, народу слово сказал и поклонился. Люд довольно зашептался и все, как один, склонились князю в ответ.

Мальчик-прислужник поднес князю ковш. Мстислав взял его и поднял на вытянутых руках.

— Прими, мать-река, благодарность за теплоту и заботу. Защити и сбереги детей своих, дай сил одолеть лютого врага, — проговорил.

Опустился на одно колено и вылил в Марву белую жидкость — молоко. После князь снял с пояса кошель и несколько золотых монет бросил. Еще взял нож и кусок алой ткани от плаща отрезал.

Потом поднялся, еще раз поклонился.

— Мир вам, люди добрые.

И ушел.

Больше Мстислава в тот вечер на берегу не видели.

— А это кто такая? — спросила я, увидев, как среди приближенных князя, следующих его примеру, появилась белокурая девушка в темно-синем корзно, с закрытым лицом.

— Княжна Сияна, наверное, младшая дочь Мстислава.

— Не знала, что у него еще и дочь есть, — только пожалала плечами я.

— Она редко появляется на людях. Ельнийскому королевичу в жены обещана. Ну что, Вельма, посмотрелись, пойдём гулять что ли?

— Пойдем, — улыбнулась я и взяла Ладимира под руку.

Плевать мне, что люди скажут.

Колдовской огонь разгорался все сильнее. Манил к себе, чаровал, без оков в плен брал.

Смотрела я на него и будто тонула в сиянии бесконечном. То ли волшебба лунная вновь сказала, то ли хмель в крови бродил, а будто горела сама.

Музыка рекой лилась, переплетаясь в ленту грез, вилась все выше и к самым небесам уносила. Ноги в пляс так и просились — невозможно на месте усидеть. Осьмуша и тот поддался ночной волшеббе. Ишь, как лихо выплясывает с какой-то пышной девкой на пару. Совсем осмелел наш перевертыш.

Неподалеку парни костер разводили. Все выше его пламя поднималось, новых и новых пленников завлекая. Искры улетали в черное небо, покрытое зернами звезд. Как бы птаха нынче не испугалась да не опалила крылья, пролетая над здешней землей!

Средь толпы вдруг почудилось, что вижу я Варвару. Не одну, а мужиком каким-то — лица не разглядела. Чародейка будто улыбнулась мне быстро и скрылась опять в бесконечном хороводе людей.

Жалейка и гусли наперебой хвастались своим умением веселить людей. Где-то дальше били в барабаны, слышались песни. Я сразу вспомнила, как однажды побывала на дне Купалы. Было мне тогда пятнадцать лет. Помню, даже веноч сделала — как все девки, надеялась, что к счастью приведет он — пошла следом, а он, окаянный, взял да и утонул. С тех пор я и поняла, что трудно будет счастье отыскать. Оно ведь как веноч тот — то в руках держать, то хоть под воду нырни не достанешь.

— Идем, с нами! — какая-то девка схватила меня за руку и втянула в хоровод.

— Иди-иди, — засмеялся Ладимир, а сам на месте остался.

Я следом подхватила дюжего парня, что после Пересветом назвался. Он еще кого-то и вскоре хоровод превратился в длинную цепь. Танцевали мы вокруг костра, зажженного прямо на берегу Марвы, на белом песке. Радостные крики, голоса, смех, огни, плеск воды, гул огня — все слилось в одно. И усталости не было, и спать не хотелось.

Хоровод закончился и ручейком стал, а после начали через костер прыгать.

— Нет-нет, не могу я, — уговаривала своих новых приятелей — Пересвета, Мала и Любаву. — Боязно очень!

— Давай, Вельма! На меня погляди, не боюсь ведь! — уговаривала Любава.

— Огонь огня не боится! На косу-то свою погляди, — смеялся Пересвет.

— Да ну вас в баню, не отверчусь ведь, — махнула рукой я.

— Вот это дело!

— Не бойся, за нами иди!

Никогда я через костер не прыгала. Отец с матерью не пускали, мол, сиди Велька, куда тебе неумелой. Так нет тут их да и разве допустят боги, чтоб случилось чего в такой день.

Разулась я, ступила на прохладный песок. Глаза на миг прикрыла, улыбнулся и побежала. Разогнала, прыгнула, и будто крылья выросли. И костер небольшим показался, и не страшно совсем. Только жаром будто обдало.

— Ну вот и не страшно ведь!

— Ты огнёвая, тебя не опалит!

— Молодец, лиса рыжая! — послашались крики вокруг.

Один за другим парни и девки через огонь прыгали. Не боялся никто и никому огонь вреда ни причинял.

Мальчишка один, правда, неловко плюхнулся на песок, но потом поднялся и громко расхохотался. Все тут же подхватили и с ним смеяться стали.

А после, как огонь перегорел, гуслеры заиграли, песни зазвучали грустные, напевные.

— «Заклятье» спой! — крикнула немолодая полная баба в яркой кике, бросая три монеты босоногой девчужке, что пела рядом с гуслером, стариком с окладистой бородой.

— Какое тебе «заклятье»? — загоготал хмельной мужик в красной рубахе. — Саван пора подбирать, а все туда же!

— Упырь тебя за ногу, злыдень горластый! Я помоложе тебя стану. А будешь мед бочонками хлебать, так самому саван нужен станет!

На этот раз смех подхватили все вокруг и мужик только развел руками:

— Уела, дурная баба.

— Пой, давай!

— Пой!

На разложенный на земле платок посыпались монетки. Гуслер и девочка переглянулись.

— Давай, внученька, пой, — кивнул старик.

Девчужка оправила на себе сарафан, выпрямилась и тоненьким, по-детски нежным голоском затянула совсем недетскую песню:

Чародейка-луна освещает мой путь.

Я бреду вновь одна, не боюсь я свернуть.

Ночь висит над рекой, опускает туман.

Пахнет горькой травой, напускает дурман.

Я стою на траве и прохладна роса.

Слышу где-то вдали гомонят голоса.

Я пойду напрямик, срежу долю пути.

Мой избранник уж там, мимо мне не пройти.

Околдую тебя, очарую, родной,

И не выстоишь ты, будешь ты только мой.

Одним взглядом своим я тебя покорю,

Будешь верен мне ты, скажешь слово "люблю".

Будешь только моим — не отдам никому,

Будешь верить ты мне, как себе самому.

Знай же, чары мои посильней колдовства,

Будешь только со мной — вот и хватит. Слова...

Ночь прядет свою нить, я смотрю на тебя,
Знаю, ждал ты меня. Ждал, тоскуя, любя.

Ох, люблю же я песни такие, чтоб за душу брали! И слез сдержать не могу, как услышу!
— Ладно поешь, девонька, — баба, просившая о песне, сидела, вытирая глаза. —

Возьми еще монетку.

Не слушала я раньше этой песни, а теперь уж навсегда запомню.

Холодок ночной уж по плечам моим крался и стало зябко. Шаль у Ладимира осталась.

Не до нее было в хороводе-то.

— Нельзя тебе, лисица, песен слушать, — я обернулась на знакомый голос. — Чуть что сразу мокроту разводишь.

— Опять смеяться станешь? — чуть не обиделась в ответ.

— Куда уж! Вам, девкам, за песни и слова не скажи, сразу проклянете.

Ладимир набросил мне на плечи шаль.

— За полночь уже, Вельма. Идем домой?

— Идем. Нагулялась я давно.

— Еще бы. Так отплясывала, что и не уследил. Едва нашел тебя.

— А Осьмуша где? — тут же оглянулась по сторонам.

— Домой твой перевертыш ненаглядный отправился. Напился меда и спать захотел.

Шли мы узкой тропкой через рощицу, что по берегу Марвы росла. Ночная волшба и впрямь каждого коснулась. Меж стволов деревьев то и дело тени быстрые проносились да смех девичий слышался. Видать не одна мать завтра дочку ругать станет.

— Как плясать пошла, так и про меня забыла, а Осьмушу вон помнишь.

Я остановилась и, уперши руки в бока, взглянула на Ладимира. Костров вокруг столько было, что и здесь, в роще, видеть можно.

— Ох и язва же ты. Никак ревнуешь?

— А как тебя не ревновать? Чуть что, сразу парней хватаешь и в пляс.

Ладимир обнял меня за талию и привлек к себе.

— За тобой, лисица, глаз да глаз нужен.

— А за тобой ли не нужен? Девицы так и вьются. То в косу вцепится какая, а то и лицо располосовать грозитя.

Ладимир громко рассмеялся.

— До сих пор что ли вспоминаешь?

— А как тут забыть? Чернава вон сказывала, что жениться на ней хотел.

Ладимир склонился ко мне. Близко-близко.

— Глупости то все. Забудь, что прежде было, не думай...

И поцеловал — горячо, крепко.

Прав он. Зачем былое вспоминать? Зачем кручиниться? Будто знала тогда, для чего с Чернавой дерусь. Победила ведь, мой он, а не ее.

По-иному будь — мужней женой стала б давно и не узнала, какая любовь на свете есть.

Шаль на землю полетела — найду ли в темноте?

Уж не ведаю, что нашло на меня — будто морок какой. Не слышала и не видела ничего. Обнимала Ладимира крепко, целовала, стук сердца слышала, тепло рук ощущала — и нет

всего мира, только мы.

Очнулась лишь только как поняла, что ладонь его по голой ноге скользит, а сама я на траве, влажной от росы ночной лежу.

Не перепугалась, нет. Просто... выходит. Разве ж по-людски это? В лесу ночном, на земле голой. Да что я ему, девка подзаборная?

— Тише, Ладимир, тише... Что ж ты делаешь-то?

Оттолкнула его легонько.

Он как в себя пришел — глаза затуманились, дыхание горячее тяжелое. Держит меня, не отпускает.

— Ты чего, Вельма? Больно сделал что ли?

Я, не отвечая, освободилась от кольца его рук, встала, одернула на себе платье, отряхнулась, шаль с земли подобрала.

— Идем домой, — и пошла по тропинке.

Ладимир следом бросился, остановил меня.

— Вельма, стой! Случилось что?

— Не хочу я так, Ладимир. Что ж ты меня с гулящей девкой равняешь? Где встретил, там и твоей стала?

Пошла дальше молча. Ладимир следом.

Люблю я его, чего ж поделаешь теперь. На все готова, чтоб рядом быть, не задумываюсь ни о чем.

Не в том ведь дело, что о чести девичьей пекусь. Да и на кой мне она теперь? Сама путь выбрала. Знаю, что ни женой, ни матерью не буду. Только и могу радоваться тайным встречам, пока не видит никто.

Шли мы дальше молча. Ладимир все за руку держал, не отпускал ни на миг. А я уже успокоилась, думать стала будто повела себя как девка дурная, капризная. Могла бы и по-другому сказать.

Дом Велимира казался пустым. Сам чародей до самого утра прийти не обещался — на княжеский пир позвали. А где пир, там и совет. Хельга спала давно. Вчера говорила, что ни за что не выйдет из дому — боги ее не позволяют чужой праздник гулять. Осьмуша только, бедолага, уснул на лавке в коридоре — напился уж очень.

Я вошла первой, Ладимир дверь закрыл следом. Тихо прошла наверх, к комнате, где живу.

— Вельма, стой, — за руку меня удержал.

Я обернулась.

— Не держи зла, лисица, — проговорил Ладимир негромко. — Люблю я тебя. Когда рядом, покоя мне нет.

— И я тебя люблю, Ладимир.

— Вельма, — посмотрел он на меня, и снова исчезло все. — Останешься со мной?

Я улыбнулась и прикрыла глаза.

— Останусь, знаешь ведь, — как выдохнула.

В эту ночь Ладимир мою косу расплетал и платье, узорами расшитое, от его руки на пол упало.

Не думала я ни о чем больше. Имя его шептала только иногда, а пальцы в темных волосах тонули снова и снова. Чудилось будто сердца наши как одно бьются, и сама себе не верила.

Руки его ласковые крепко меня обнимали, не отпускали ни на миг. Губы целовали сладко-сладко. И чувствовала я, что одно мы теперь, не разорвать никому. До смерти помнить буду эту ночь. Целый век, что отпущен богами.

— Лисица ты моя, — прошептал Ладимир после, когда волосы мои с плеч в сторону откидывал. Они падали на постель рыжим водопадом. — Будто огонь...

Я только улыбнулась, обняла его крепче и на груди уснула.

Одни лишь боги мне судьи.

Тихонько, на цыпочках, я вышла в коридор. Час ранний — никто не должен меня заметить.

Светлые боги, как же я обманулась!

Прямо за дверью стояла Хельга. Северянка выглядела так будто и не ложилась с самого вечера — аккуратно убранные волосы, разглаженное платье, на лице — спокойное равнодушие. Не перестаю дивиться, как она только умудряется такой безупречной быть.

— Тихое утро, Вельма, — лишь сказала Хельга и прошла дальше, по своим делам.

— Тихое утро... — вымолвила я в ответ.

Не пошла, побежала к себе, заперлась. Надобно теперь в порядок себя привести да к Всеславу идти.

Как уходила я, Ладимир еще спал. Тихонько собралась, чтоб его не тревожить.

Вспомнив вчерашний вечер, невольно улыбнулась, и видать краской залилась — так жаром-то и обдало. Ох, натворила ты дел, лисица рыжая! Натворила и рада-радешенька, и не жалеешь ни о чем.

За окошком заря утренняя алым цветком распускалась, а я в зеркальце небольшое смотрела. Выпросила его у Варвары. Зачем ей целых три-то? пусть одно и мне будет.

Хельга... и чего ей не спится, окаянной? Неужто в Скульдиании положено ни свет ни заря подниматься и по домам бродить? Ясно теперь, чего она так на меня смотрела — и думать нечего, почему это девка с утра лохматой-растрепанной, кое-как одетой да со следами поцелуев на шее выходит.

Не такая баба Хельга, чтоб болтать налево-направо, не скажет никому. А Велимир и без того обо всем знает да тоже сор из избы не понесет. Ладимир хвастаться не станет, а я и подавно. Потому так будет — наше это дело, мое и его. Наша любовь, нам и ответ держать. А коли нужно будет за себя сказать, так я и отвечу перед богами.

Расчесалась, а косу собирать не спешила. Как упадут волосы свободными на плечи, так будто и краше стану. Ладимир вон как долго любовался как струятся мои рыжие пряди в его руках. «Будто огонь», — говорил вчера.

Меня-то боги одним огнем наградили, а его другим. Глаза так колдовским пламенем и горят, и мир весь в них отражается. Как взгляну — кажется, оторвусь от земли и взлечу будто птаха небесная, и руки крыльями станут — прямо под ясный небосвод отправлюсь. А все ведь на земле стоять продолжаю.

Вот она любовь — силища какая! Врут люди, что злая, не верьте. То конец ее злым иной раз обернется да не у всех. А любовь, ежели только из сердца самого, та к звездам поднимает и душа с ней летит, а не по земле шагает, на посох опираясь.

Всеслав нынче хмурый был. Не улыбался, не шутил. Сидел только и старую летопись читал. С ним и Варвара с Тишкой притихли. То они все собачатся меж собой, а сегодня примолкли.

— Что смурной такой, Всеслав? — решила спросить.

— Не всем же сиять медным грошем, как ты, лисица.

— А чего ж не сиять, коли повод найдется? — не смутилась я.

— А то-то и оно, что нет повода ладного.

— Случилось что?

— Давно уж случилось, Вёльма, давно. Гарнарцы треклятые поедом жрут, скельдианы надумали вон в войну ввязаться, нам помочь, а тут еще и ельницей, чтоб им пропасть на месте, в гости заявиться решились.

— Ельницей? — я едва сдержалась, чтоб свой восторг не выказать. Уж сколько я слышала про этот народ чудной, сколько сказок знаю мне б вот хоть одним глазком на ельница настоящего глянуть. Только Всеславу об этом ни намека. — Чего им понадобилось?

— Того ж, что и скельдианам, Беларде помочь.

— Разве ж плохо?

— Плохо-то неплохо, а не время сейчас князю почести гостям воздавать да красные дорожки разворачивать. Ельнийский королевич вознамерился на Сияне Мстиславовне жениться, как только Ихмета разобьем. Вот и решил он и доблестью воинской покрасоваться, и девицу просватать.

— Так вроде ж просватана, — не разобрала я.

— Мстислав наш и ельнийский король, имена у них — сама ушедшая заплутает, еще год назад об том говаривали. Теперь вроде и срок пришел. Да есть еще проблема одна. Сияна как и вся Беларда молодым богам поклоняется, а ельниец требует, чтоб девица его веру приняла.

— И князь согласен?

— Куда денется! Законы такие, а чтоб Беларду отстоять, Мстислав еще не на то решится.

Я только открыла рот и развела руками:

— Разве ж возможно такое? От богов, от веры своей отказаться! Грех ведь страшный, не будет покоя после.

Всеслав поглядел на меня и чуть улыбнулся — одними только глазами.

— Молода ты еще, Вёльма, видишь лишь то, о чем говорят. Боги — они едины для всего света. Это уж люди зовут их разными именами.

— Так если ж едины, чего Сияне в ельническую веру не перейти? — спросила, все еще не соглашаясь с Всеславом. Как же так, что едины? Выходит, ельницы в тех же богов верят? Нет уж. Наша вера правильная, а их нет.

— Сияна из княжеского рода. Простому-то от заветов предков отступить нельзя, а ей и подавно. К тому ж, представь себя на месте княжны — везут в чужой край, замуж выходить велят, а слова-то и не спросят.

— Жаль ее за это, — согласилась я. На своей шкуре испытала, что такое, когда принуждают за немилого идти. А Сияна та же девка только крови высокой. — Так а чем же тебе это аукнулось, Всеслав?

— Я, Вёльма, не только чародей, но и в советниках князя хожу. Мстислав велел

ельницей почетный прием готовить и заодно про веру их узнать. А я в Ельнии так давно был, что и не помню толком.

Я придвинулась ближе к старику и заглянула в книгу.

— Так давай вместе готовиться? Не все ж в Ельнии бывали, кому-то и интересно будет.

Война с гарнарцами треклятыми за сотни верст от Трайты шла, а все же весточки печальные то и дело долетали. Воевода Далибор писал, что трудно ему рать вражескую сдерживать. Без волшбы кочевники силой великой владеют, а уж как шаманы их в бубны начнут бить, да кровь свою с зельями в котлах смешивать, так и вовсе тяжело нам против них стоять.

— Станут ли чародеи в войну вступать? — спросила я как-то у Всеслава, когда тот велел его грамоты разобрать. — Чего ж князь наш так медлит?

— Погоди, Вельма, не торопись. Князь не дурак, а Ростих, советчик ему, так тот и подавно. Чародеи наши посильнее гарнарских будут. Особенно те, кто боевому искусству обучен. Сам же Ростих таков. Да и ученик его, — заклинатель подмигнул мне, — Ладимир твой разлюбезный. Сильный он колдун, не чета нам с тобой. И знает много — ведун же.

Я зарделась и опустила глаза.

— Скажешь тоже, — проговорила. — Разве Ладимир тебя сильнее?

— Теперь нет, а вот подучится да посох получит, так почитай равными станем. Должна же знать, на что твой полюбозник способен.

— Будет тебе, Всеслав, — совсем смутилась я.

Заклинатель рассмеялся.

— Ладно уж, не буду. И осуждать не стану — не мое право, богов.

— Откуда знаешь только? — лишь заикнулась я осторожно.

— А чего ж тут не знать, Вёлька? Стоит ему рядом встать, цветешь будто омега после грозы. И на Истомин день вас видел вдвоем. Ладно, хватит болтать, лисица! Давай-ка письма от послов на стол, а прошения отложи пока, после прочту.

Ни дня не проходило, чтоб Всеслав не научил меня чему-нибудь. Говорил, мол, стар он, медлить нельзя, того и гляди ушедшая за руку возьмет и к себе поманит. Я меж тем быстро схватывала и каждое слово ловила.

Одна лишь печаль на сердце легла. Уж седмица прошла, как я решил письмо в Растопшу отправить. Родным написала, что в Трайте живу и чтоб собирались и уходили они в Ножов-град, за крепостными стенами хорониться. Ответа так и не дождалась — видать обиду на меня затаили. Пусть и злятся, но слово послушают и живы будут.

Вчера после заката к Ладимиру сокол прилетел с письмом. Прочел он его и задумался крепко.

— Что стряслось? — спросила я, коснувшись его плеча рукой.

Ладимир обернулся.

— Арьяр пишет. В Подлесье люди Мстислава пришли. Больше половины мужиков забрали. Его самого в младшую дружину приняли. А как уходили, дед Ждан за ворота вышел и смерть им предрек.

Я невольно всплеснула руками и за сердце схватилась:

— Да как же это? Неужто так и сказал?

Арьяр...

Вспомнила его и страшно стало. Птица почитай несколько дней летела. Поди уж в южный земли он с войском ушел. Быть может, в этот миг с гарнарцами бьется. Оберегите его, светлые боги! Дай ему сил, Ларьян-батюшка, огради копьем своим острым от вражеской руки.

— Боишься за него? — спросил Ладимир.

— За тебя больше боюсь, — сказала и обняла его за плечи.

С Истомина дня уж две седмицы минуло и не было ночи, чтоб с Ладимиром не провела. Кругом все будто договорились — если и осуждали меня, то только изредка, взглядом. А я только того и ждала — не было в то время счастливей никого и не могло быть.

Ладимир день ото дня будто менялся. О том, чему Ростих его учил, не рассказывал да только чувствовала я, что прежнего, того, который из Подлесья выезжал нет больше. Силой новой от него веяло, незнакомой. Прав был Всеслав, время дай и Ладимир посильней самого Ростиха делается.

Варвара по обыкновению сидела над каким-то узором. Она каждый раз занималась рукоделием, как только выпадала свободная минутка.

— И есть тебе охота каждый раз шить? — спросила я, видя, как чародейка вновь села за привычное бабье дело, лишённое всякой тайны и волшбы. — И так уж все наряды свои расшила — любая мастерица позавидует.

Варвара только улыбнулась. Сегодня ее коса была сплетена по-феранийски. Седые прядки выступали вперед, и оттого лицо казалось еще моложе на их фоне. Ловкие пальцы крепко держали иглу, и та бойко плясала на ткани под их властью.

— Так и пусть завидуют, — уголки рта приподнялись в легкой улыбке. — Мне их зависть с такими знаками не страшна. Ведь если верный узор вышить, судьбу свою изменить можно.

— А ты знаешь, какой он, верный-то?

— Не знаю, вот и ищу свой. Когда-нибудь да и найду.

— Неужто ты судьбой своей недовольна?

Варвара бегло взглянула на меня.

— Отчего же? Довольна. Я, может, не для себя и стараюсь.

— И долго ты узор ищешь нужный?

— А сколько нужно, столько искать и буду. Хоть до смерти.

— Меня научишь этой премудрости? Я толком ни одного узора не знаю.

— Научу, — улыбнулась Варвара. — Как время придет.

Хотела я спросить, когда оно придет, как вдруг Тишка с размаху дверь распахнул и вбежал.

— Едут! Едут! Там... — указывал куда-то в коридор. — Они! Едут! На драконе!

Я вскочила, оторвавшись от бумаги, которую Всеслав велел мне переписать трижды, да так и замерла с пером в руке.

— Кто едет-то? Чего орешь? Скажи уж по-человечьи, шальной! — с укоризной произнесла Варвара.

Тишка только помотал головой, бросился в угол, где на полке стоял кувшин с водой. Схватил его и быстро осушил, громко сглатывая.

Мы с чародейкой переглянулись и стали ждать, пока шут утолит жажду. Тишка, похоже,

торопился и половину пролил на свой цветастый костюм. Бубенчики на шапке мелко звенели.

— Фуххх... — наконец выдохнул он, взглянул на нас и засмеялся: — Чего сидите? Там такое, а они сидят!

— Да что «такое» — то? — не выдержала я. — Говори уж, не то жабой сделаю!

Шут всерьез верил, что эта волшебба мне по силам и частенько жаловался будто Вельма-лисица угрожает ему скорой расправой. Врал, конечно, паршивец.

— Говори, окаянный, — приказала Варвара, вставая.

Тишка попятился.

— Варвара — краса, седая коса... Ох, злющая же ты! — потом сложил руки на груди и важно на нас взглянул. — Я вам вести принес, а гонца бить запрещено.

— Какие вести? Не томи уж!

Даже Василек, дремавший в корзине с Варвариными нитками, проснулся, потянулся и, подняв пушистый хвост, вопросительно смотрел на шута умными глазами.

— Скельдиане! — наконец разродился вестью Тишка. — Корабль ихний, с драконом на парусе, по Марве к княжеской пристани плывет!

— Скельдиане! — вскрикнула я и, бросив перо на грамоту, бросилась прочь.

— Вельма! — крикнула вслед Варвара. — Вельма! А ну стой! Ох, лисица бедовая! А ну подожди!

Куда там!

Сколько помню себя, все грезила драккар скельдианский увидеть. Уж и во сне они мне виделись, и от картин в книгах глаз не могла отвести. А теперь вот — сам приплыл, в Трайту, по Марве...

Разве ж я упусти такое! Да пусть хоть Всеслав меня навечно бумаги переписывать посадит! Увижу корабль! Хотя что, а увижу!

Улицы Трайты заполнились людом. Все шли к реке, чтобы увидет настоящее диво — разве ж каждый день по Марве настоящий драккар плывет?

Я, толкаясь и выслушивая ругательства, рвалась вперед. Бежала, не глядя под ноги. Скорей бы, скорей. Тишка с Варварой бежали следом, костеря меня на все лады. Только Василёк, верный кот, ставший вдруг наполовину призрачным, бежал впереди.

Наконец я достигла берега. Людей было столько, что и не увидеть ничего. Подобрал подол платья, стала спускаться вниз, к самой воде. Там и людей поменьше, и видно лучше — никто не хочет в холодную осеннюю реку вступать.

— А будет ли?

— Будет. Хавронья сказывала, из ее окна парус видно было.

— И где ж они, скельяни энти? — кряхтел древний старик, расталкивая люд клюкой. — Поглядеть бы на старости...

— Говорят, мужики у них на аршин выше наших. А еще косу носят и рога на шлемах, — шептала девка в ярких лентах своей подруге.

— Да где ж они?

— Обманули нас что ль? Окаянные...

Я вышла к самой воде, даже дыхание затаила, тревожно глядя на темную стену, закрывшую собой излучину реки. Боги, да где же они?

Народ вдруг притих, заслышав барабанный бой и плеск воды под веслами. А после все дружно вздохнули, завидев, как в город по грязной Марве-реке вплывает могучий драккар, а

путь ему расчищает дракон, сжигающий своим дыханием все преграды.

От восторга я невольно вскрикнула и подпрыгнула на месте.

— Вёльма! Скорее! К пристани бежим! — позвала Варвара.

Я сорвалась следом за ней и Тишкой. Василёк бежал с нами.

У пристани народу собралось немерено. Мы с трудом протискивались сквозь толпу. Вначале люди ругались, грозились расправой, а после, увидев чародейские знаки, пропускали. Стражники, что преграждали простолюдинам дорогу, нас так же пропустили.

— Чего же Всеслав нас с собою не позвал? — спросила я, видя заклинателя среди княжеских советников.

— Скельдиан на три дня позже ждали. Вишь переполох какой в городе — не думали, что раньше придут.

Я оглянулась на корабль, неспешно плывущий по глубоким водам Марвы-реки.

— В Горячий залив идет, — добавил Варвара. — В него Марва впадает на северном краю Беларды.

— Почему ж Горячим зовется?

— Не замерзает зимой.

Корабль был все ближе и я, широко раскрыв глаза, глядела, стараясь каждую черточку запомнить. На носу драккара стоял мужчина в черном плаще. Светлые волосы его были сплетены в косы, а на голове красовался серебряный обруч. В руках северянин держал белый щит — знак мира. Двое других, помощников его видать, поспешно убрали драконью голову, чтоб та не обидела добрых духов здешних земель.

Князь Мстислав и скельдианский посланник стояли у самого края пристани, ожидая драккар.

Всеслав, стоящий чуть в стороне от остальных, увидел нас с Варварой и Тишкой и махнул рукой, мол, подойдите.

— Чего пришли? Не сиделось в тереме? — сердито спросил чародей.

— Прости уж нас, Всеслав, — ответила Варвара. — Все этот лиходей цветастый. Вбежал, кричать-звать начал, страху навел.

Всеслав еще больше нахмурил брови.

— Уж не поверю, что ты, Варвара, сама с места сорвалась и сюда побежала. Неужто кораблей никогда не видела?

Тут я не смогла смолчать:

— Это моя вина, Всеслав. Как сказал Тишка о скельдианах, не выдержала. А Варвара меня бросать не стала и следом пошла.

Заклинатель помолчал миг, а после кивнул:

— Ладно, так и быть. Оставайся со мной. А ты, Варвара, обратно иди. Нечего здесь всем нам ошиваться. Тишка, бегом к княжьим людям, чего стоишь?

Шут засмеялся, гикнул, покатился колесом, и след его простыл.

Всеслав опять поглядел на меня.

— Не видела скельдиан раньше?

Я помотала головой.

— Если нас станут посланникам представлять, веди себя тише воды ниже травы, а то

знаю я таких лисиц.

— Как скажешь, сделаю, — тут же согласилась. — Скажи только, кто прибыл к нам?

— На драккаре этом Ульвар Трехпалый плывет — скельдианский сэконунг — правитель без земель. Каждый год в Трайту заходит, как с промысла идет.

С промысла... слыхала я о таком промысле. Видать немало Ульвар со своими молодцами нагребил — вон как богато одет.

— А Трехпалым его за что зовут?

— Оттого, что на левой руке два пальца отрубили. В битве при Риванхилле. Уж почитай с десятков лет назад.

Риванхилл — крепость на ельнийском острове Ширланд. В летописях Лесьяра сказано, что скельдиане двенадцать лет назад с Ельнией войну развязали. Из-за чего уж не помню, да только окончили миром, договор подписали и разошлись восвояси. С тех пор, правда, ни один ельнийский посол на северную землю не ступал, а лодьи скельдиан и вовсе мимо островов с зелеными холмами проходили. Только и виделись сыны двух народов в Беларде, ежели князь Мстислав послов созывал.

— Зачем же Ульвару в Трайту заходить? — задумалась я, вспомнив карту наших земель. — Круг ведь делает. Мог бы по Влатре напрямиком в Скельдианию плыть, к самому Эстхейму.

Всеслав улыбнулся.

— Скоро ты учишься, Вёлма! Ульвар не потому в Трайту плывет, чтоб остановку сделать. Князю Мстиславу поклониться и брата повидать.

— Брата? — я удивленно взглянула на скельдиана, стоящего на пристани.

— Ульвар Трехпалый — старший брат Сигурда, посланца конунга Скельдиании Рагнвальда Могучего.

— Вот оно как, — только и произнесла я, глядя на сероглазого скельдиана. Того самого, что солнцем меня назвал. В мыслях имя повторила, которое лишь сейчас узнала.

Драккар замедлил ход, причаливая к пристани. Среди моряков началась возня, поднялись крики. Незнакомые скельдианские слова резали слух — грубее нежели наши, белардские, протяжные, клокочущие. Их язык, которого я ни словечка не знала, нельзя сравнить с песней или сказанием. Что не скажут чужеземцы — все военной командой звучит.

Чтоб лучше увидеть, я вышла вперед и даже привстала на носочки от волнения. Поежилась, подумав, что зря не захватила шали.

Наконец Ульвар сошел на пристань. Тут я увидела на его груди знак — точь-в-точь как у посланца.

— Символ их рода — волк?

Всеслав кивнул.

— Верно угадала. Ульвар и Сигурд из знатной семьи, с конунгом в родстве.

— А у конунга знак драконий?

Заклинатель кивнул и улыбнулся. Рад был, что за короткое время я столько поняла и усвоила.

Ульвар поклонился князю, что-то проговорил. Слов я не услышала — ветер унес прочь. Мстислав ответил, кивнул и пожал руку чужеземцу. После сэконунг обратился к брату, обнял его, громко поприветствовал. Сделав рукой знак своим людям, велел принести князю дары.

Двое дюжих северян вынесли с драккара сундук. Я чуть ли не подпрыгнула, чтоб

увидеть, какое диво привез сэконунг, но Всеслав остановил:

— Ишь, чего удумала — не в людской толпе стоишь.

Я покорно отступила назад, так и не увидев скельдианского подарка.

Князь заглянул в сундук и, видимо, ему дары понравились. Я же сгорала от любопытства, наблюдая за ним.

— Что же скельдиан мог князю подарить? — спросила у Всеслава.

— Мало ли... Что угодно мог из похода привезти.

Ульвар, Сигурд и Мстислав о чем-то негромко переговаривались. Даже сильный ветер не доносил до меня их слов. Князь будто бы помрачнел, слушая скельдиана.

После сделал знак, чтоб охраняли драккар, и пригласил сэконунга со всей командой в свой терем.

— Как же они говорят без толмача? — сообразила я, заметив, что мальчишки, знающего северный язык, рядом нет.

— Ульвар Трехпалый немного знает белардский, а что не поймет, так ему Сигурд передаст.

— Разве Сигурд знает наш язык?

Помнится в нашу встречу скельдиан и слова не сказал на белардском.

— Да Сигурд не хуже нас с тобой на белардском болтает, — усмехнулся Всеслав. — Разве что с северным произношением...

— Вот те раз, — только и проговорила я.

Князь и его спутники поравнялись с нами. Я поспешила склонить голову, несмотря на огромное желание получше разглядеть скельдиан.

Мстислав объявил, что в честь гостей устраивает пир и пригласил всех своих приближенных.

Я осмелилась поднять глаза. Ульвар Трехпалый, чье лицо не разглядела вначале, похож с братом разве что серыми как осеннее небо глазами да той, чуть грубоватой, резко очерченной красотой, присущей лишь скельдианам. Взглянешь на одного из их рода и сразу поймешь — не наш, северянин. Будто на лбу у каждого рунный знак тамошних земель написан.

Годами сэконунг и вовсе едва ли не вдвое старше Сигурда. Волосы его — тот же пепел с серебром — сединой подернулись. По лицу морщинки залегли да и глаза не молоды — будто три сотни лет человек прожил, много горестей и лишений принял.

Сигурд теперь не таким высоким мне показался — на полговы ниже брата. Один он — диво дивное, а уж вместе... Ох, непристало мне, простой девке на гостей князевых так пялиться! А оторваться не могу. Будь моя воля — подошла бы и о Скельдиании расспросила.

Видимо, очень уж упорно я на северян глядела. Сигурд взял да и обернулся на меня. Уголки губ чуть приподнялись в едва заметной улыбке. Вспомнил меня, значит.

Думала хоть словечко скажет да ошиблась. Следом за князем вместе с братом так и ушли.

— Всеслав, возьми меня с собой на пир?

Заклинатель удивился.

— Ты ведь не из князевых людей, куда уж?

— Я ученица твоя, Всеслав, — не собиралась отступить ни за что. — Уж больно охота на скельдиан поглядеть. Возьми, а? Я тихо-тихо посижу, послушаю, что говорить будут. Ни словечка не услышишь. Всеслав!

Старик вначале строго сдвинул брови, а после рассмеялся.

— Будет плакаться, лисица. Идем уж, ладно. Сядешь со мной рядом. Только чтоб ни звука.

— Молчать буду, что рыба подо льдом. Чтоб мне век сна спокойного не было!

— Да тебе и так не будет — вон места себе не найдешь, будто волки серые по следам бегут!

Князь с северянами шли впереди всех, сопровождаемые дружинниками в сверкающих латах. Следом за ними следовали люди Ульвара — скипрейд, как назвал их Всеслав на северном языке. А уж после советники князя, воеводы, бояре да мы, чародеи. Женщин среди них раз-два и обчелся, потому на меня частенько удивленно оборачивались. Правда, знак Дома Предсказаний делал свое дело — с чародейки и спрос другой. Если волшебной владеешь, так и до пола твоего дела нет.

Терем княжеский мне еще снаружи чудом казался, а уж как внутрь вошла. Светлые боги, это ж надо такую красоту возвести! Дом Предсказаний и тот меркнет.

Мстислав во главе зала сидел, на невысоком помосте, за отдельным столом. По правую руку от него Ульвар Трехпалый и Сигурд-посланник. По левую — воевода Всеволод, молодой могучий мужик, черноволосый с коротко стриженной бородкой. С тех пор как война с гарнарцами началась Мстислав Всеволода в советники взял. Сказывали люди, боги этому воеводе благоволят. Едва он, сын знатного боярина, в старшую дружину пришел, как снискал воинскую славу силой и смекалкой своей. Дальше, за Всеволодом, Ростих сидел. Я думала с Ладимиром придет — поискала своего любимого глазами да так и не нашла.

Мы с Всеславом по левую сторону от княжеского стола сидели. Напротив северян, что рядом по правую сели.

Я о большем и мечтать не могла — смотрела, слушала, иногда улыбалась, если кто из них мне подмигивал. Казалось мне, после долгого пути водой северяне должны уставшими, измученными быть. Сколько раз слышала рассказы о загадочной хвори, что людей в морях постигает. Только вот скельдиане будто и не плыли несколько месяцев по волнам, не боролись со штормами, не терпели голод и жажду. Как с печи за стол пересели! Веселились, смеялись, что-то напевали на северном языке. Смотрела и только дивилась.

— Лисица — синица! Лисица — девица! По морю гуляла, кого там видала? — подскочил Тишка и дернул меня за косу.

— Ах ты ж... — оглянулась я.

Это плут уже успел нацепить другой цветастый наряд, новую шапку с бубенцами да вдобавок еще и обмотался волчьей шкурой на манер плаща. Видать решил скельдианом прикинуться — те плащи без меха не носили.

— И как тебя князь только гостям показать решился?

— А чего? — развел руками дурак. — Вон тебя Всеслав показал, а я чем хуже? И-и-и! Э-э-эх!

Тишка одним прыжком перемахнул через стол, напугав толстого купца. Тот вздрогнул и перелил кубок вина прямо себе на колени.

Шут тем временем оказался меж двух длинных столов, сделал невообразимый кувырок и в струну вытянулся перед князем. Я глядела на него и все дивилась, откуда в таком худющем парне столько силы.

— Гостям твоим, княже, поклон низкий! — с улыбкой выкрикнул шут, а после согнулся

прямо пополам, едва ли собственных ног лбом не коснулся. — Дозволь загадку славным мужам скельдианским задать?

— Ну задай, — кивнул Мстислав.

Ульвар насмешливо глядел на дурака, не выпуская из руки чашу с вином. Ни дать ни взять князь. Сэконунги земель и богатства не имели, морем жили. А так — сиди Трехпалый на троне не было б краше правителя!

Тишка самодовольно надулся, упер руки в бока, на носки приподнялся:

— В дальних странах вы бывали, по морям седым плывали, а ответ на слово дурня и до сей поры не знали! Вот скажите мне, северяне, что живет только миг, ранит острее меча, смеется громче смеха, а бьет что плеть со свистом?

Скельдиане из скипрейда Ульвара не поняли ни слова, но дружно гоготали, глядя на ужимки шута. Сам Трехпалый задумчиво почесал подбородок, Сигурд чуть заметно усмехнулся, сказав что-то своему помощнику, а Мстислав только покачал головой.

— Ответа не знаешь? — спросила я.

— А кто его знает? Тишка каждый раз новую загадку выдумывает, а старую забывает.

— Ну неужто прошедшие сто морей не знают? — сощурился шут. — Что живет только миг, ранит острее меча, смеется громче смеха, а бьет — так плеть со свистом?

Он пронзительно свистнул и трое карликов, взявшихся неизвестно откуда, бросились к нему. Я едва не вскрикнула, увидев их.

— Где ж князь таких раздобыл? Никак с ярмарок?

Вспомнила я, как карлики — люди, которых боги отчего-то такими создали — со скоморохами колесили да люд развлекали.

— Сами они к нему пришли, а Мстислав не прогнал. В его теремах еще не то найдется. Иль не знаешь, что забава такая у всех князей — что ни чудней по свету собирать?

Задорно заиграла жалейка. Тишка бросился в пляс с карликами. Северяне, глядя как он прыгает и кувыркается, покатывались со смеху. Когда музыка прекратилась, шут упал, делая вид, будто устал. Отдышавшись, поднялся и повторил загадку.

— Ветер, — произнес Ульвар с сильным акцентом.

Шут захохотал, повалился на спину и стал дрыгать ногами.

— Не угадал, северный волк! — выкрикнул, резко вскакивая на ноги. — У нас в Беларде вон даже лисицы знают!

Меня будто обожгло.

Вмиг захотелось провалиться сквозь землю да так глубоко, чтоб и не нашел никто!

Вот злыдень! Фетюк! Окаянный! Да чтоб ему сотню упырей в дом! Да чтоб шапку его шутовскую собаки разорвали! Да чтоб ему сто лет...

— А ну-ка, лиса-лисица, рыжая синица, скажи, что живет только миг, ранит острее меча, смеется громче смеха и бьет — так плеть со свистом?

Тишка нахально улыбался, упираясь в край стола напротив.

Я густо-густо покраснела, понимая, что все глядят на меня.

— Ну, Вельма, чего молчишь? — тихонько толкнул в бок Всеслав.

— Так что? — сощурился шут.

— С-слово, — голос мой дрогнул.

Тишка расхохотался, отчего бубенцы на шапке дружно зазвенели.

— Наши лисицы северных волков перегнали!

Сказал и укатился прочь колесом.

Ульвар благосклонно кивнул, прислушившись к Мстиславу. Всеволод поднял кубок и подмигнул мне.

Сигурд, не отводя от меня глаз, что-то спросил у своего помощника. Тот быстро ответил и кивнул.

Снова заиграла жалейка и о дурацкой шутке Тишки все позабыли. Вообще не понимаю, что смешного в нем находят. Дурень и проделки его такие же!

Все позабыли да не все. Сам шут подскочил ко мне сзади, опять дернул за косу и на ухо пропел:

— Волчьи ягоды — отравы, а лисьи — и подавно!

Сказал и выхватил у меня из рук яблоко, которое я едва-едва с блюда взяла.

— Да чтоб тебя, шалопая! — вырвалось у меня.

Сказала б еще много чего да только плут этот вмиг в другом конце зала оказался.

Люди добрые, да что за напасть-то такая? Вот привязался ко мне!

Краска снова прилила к лицу, как увидела я, что Тишка подошел к Сигурду и положил перед ним мое яблоко. Положил и сказал что-то, расхохотался и убежал.

Скельдиан взял подношение и долгим взглядом посмотрел на меня. Не холодно, как в прошлый раз, а с улыбкой. Поднял кубок и кивнул. Я, растерявшись, поспешно ответила тем же.

Вот Тишка, вот дурак ушлый! Ох, попадись ты мне, ох, попадись! И косточек не оставлю!

До окончания пира шут, слава богам, обо мне не вспомнил. Скакал перед захмелевшими северянами, их развлекал. Однажды так разошелся, что схватился за меч одного из скельдиан, но тот так грозно на него зарычал, что Тишка ойкнул и попятился, а я ехидно усмехнулась.

— Пора и честь знать, — сказал наконец Всеслав.

Мы с ним поклонились князю и ушли. Мстислав едва удостоил меня взглядом. Оно и верно — кто ж я такая, чтоб сам князь мне что говорил. Всеславу вот и улыбнулся, и доброго пути пожелал.

Как вышли из терема, путь нам двое скельдиан преградили. Третий, в котором я помощника конунгова посланника узнала, вперед вышел. Поклонился мне и протянул маленький кожаный мешочек.

— Ярл Сигурд, сын Олафа Черного Волка, велел передать тебе этот подарок и низкий поклон.

От неожиданности я растерялась, приняла дар и, едва переведя дыхание, спросила:

— Отчего вдруг подарок?

— Ярла Сигурда порадовал твой ответ на загадку княжеского дурака, — проговорил скельдиан. — Примешь его дар?

— Передай своему ярлу мою благодарность и скажи, что я принимаю его с радостью.

Северянин еще раз поклонился и быстро ушел.

Под любопытным взглядом Всеслава я открыла мешочек. На ладони оказался маленький серебряный медальон с незнакомой скельдианской руной.

— Добрый знак, бережный, — одобрительно проговорил Всеслав.

Я сжала в кулаке подарок и улыбнулась.

— Что ж это значит? — спросила я Всеслава, пока обратно шли. — Отчего Ульвар

раньше в Трайту зашел? Уж не гарнарцы ли...

Зябко поведя плечами, я внимательно поглядела на старика.

— Замерзла?

Кивнула в ответ.

— Ничего, придем скоро, отогреешься. Да и самому мне не по нраву, что скельдиане так скоро пришли. Северяне не любители свои порядки нарушать. Раз уж пришли, знать, чего случилось. Сдается мне, ельницей тут замешаны.

— Ельницей? Так они ж со скельдианами вроде...

— То-то и оно, — склонил голову Всеслав. — Боюсь, как бы ельницы с Мстиславом не рассорились из-за скельдиан. Ульвар не дурак, знает, что будет ежели его драккар бок о бок с ельническим пойдет.

— По Марве?

— Ельницы по морям в этот раз не пойдут — по рекам — Влатре, Дарине и Марве под конец.

— Какие они, ельницы эти?

— Что, на скельдиан насмотрелась, теперь новых подавай? — усмехнулся Всеслав.

— Отчего ж нет?

— Ну, придут, вместе встречать пойдём.

Вернулись мы в Дом Предсказаний, а там Варвара — встревоженная, на месте усидеть не может, вышивку свою бросила и одно у окна нас высматривала.

— Стряслось что? — нахмурился Всеслав. — Ты будто птица испугнутая.

— Гость у нас, — проговорила чародейка. — Издалече пришел. С Лесьяром теперь беседует.

Взглянула только на Всеслава и тот будто понял сразу.

— Ростиха нынче нет, сюда его зови, пусть мне все скажет.

Варвара сразу бросилась повеление исполнять.

— А ты, Вёлма, дай мне отвару горячего испить. И гостя приготовь чем попотчевать. Да и сама укутайся — вон нос красный какой.

Не успела я исполнить работу эту, как дверь распахнулась и на пороге Варвара появилась, а следом...

Так и я ахнула, стоя с кувшином в руках.

Странник... Уж сколько лет их не видала.

Высокий, уже немолодой, лицо суровое обветренное, волосы короткие седые, бороды вовсе нет. Одежда на нем черная, запыленная, кое-где вытерлась да порвалась, а за поясом меч, чьи ножны сплошь чародейскими знаками покрыты.

— Тихого вечера, отец, — поприветствовал странник Всеслава, лишь чуть склонивши голову. — Дозволишь отдохнуть в твоём чертоге?

— Входи, будь как в доме родном, мы странникам всегда рады. Как звать тебя прикажешь?

— Мраком зовите.

— Темное имя, — отозвалась Варвара. — Не сулит добрых вестей.

— С добрыми бы и не явился, — молвил, чуть обернувшись на нее странник.

— Согрейся с дороги, — я поставила вначале перед ним, а после и Всеславу кружку варваринного отвара, который едва ли не любую хворь исцеляет.

— Покрепче бы чего, — ответил странник. — Варевом вашим не согреешься слишком.

— Другого не держим, — процедила я.

Ишь какой! В гости его позвали, угощаем, приютили, а он и носом крутит — все не то да не так. Неужто все странники такие?

Кот Василёк спрыгнул с узкой лежанки и неспешно подошел к гостю. Понюхал полы его одежд, внимательно осмотрел, обошел трижды, а после мяукнул — вроде одобрил — и вернулся на прежнее место.

— Признал тебя зверь наш, Мрак.

— А меня редкий зверь не признает, — сощурился странник. — Зверь не человек, он чувствует кого своим принимать. Тебе, заклинателю, ли не знать?

Всеслав пропустил мимо ушей и слова, и тон гостя.

— Нечасто у нас странники бывают, — начал он. — Что привело тебя в Дом Предсказаний?

Мрак медленно оглянулся на Варвару, что стояла у окна, сложив руки на груди и поглядывая в вечерние сумерки.

— Вон чародейка твоя верно сказала — не сулит мой приход добрых вестей. С темными и пришел.

Варвара подняла глаза и тут же опустила. Задели странника ее слова да и сам он — палец в рот не клади.

— Издалека я прибыл, — продолжил Мрак, — с юга...

Все мы — я, Всеслав, Варвара молчали, ожидая его следующих слов.

— У Ломоть-града был, когда гарнарец его дотла сжег. Сам бился, видел какую погань каган на нашу землю приволок. Теперь вас предупредить хочу. Шаманы гарнарские — не чародеи наши, едва сил хватит.

— Так кто ж они? — вырвалось у меня.

— Нелюди, — ответил Мрак. — Наполовину в Изнанке ходят. Обряд у них есть — такой, что силу прибавляет немереную. Одним знаком руки такой шаман десяток человек уложить может. Гарнарцы по чародею в отряд берут — оттого и войско их сильное.

— Как же с ними совладать? Разве нет у нас силы, чтоб против шаманов поставить? Светлые боги поди не дремлют, у них своя защита имеется, — холодно проговорила Варвара.

— Тебе-то уж точно не совладать, помощница, — усмехнулся Мрак. — А вот Всеславу да Ростиху можно. Сила большая нужна. Да не надуманная, а природная, с даром обретенная. Вон как у девки, — на меня кивнул. — Встретился мне парнишка один, из Кахрета родом, с предгорья, на его руке пятно черное было. Он сказал, то шаман гарнарский его проклял. Через три дня не стало кахретца, ушедшая забрала.

— Что ж заклятие не снял?

— Не смог, — уверенно заявил Мрак. — Такой волшбы даже мне видеть не случалось. И узор незнакомый, и плетение чужое, а уж нити...

— Что с нитями? — спросила я. Моя волшба ведь на нитях и держится.

— Крепкие они очень. Разорвать трудно. Будто веревки свитые.

— Сильны шаманы Ихмета, — Всеслав задумчиво почесал бороду. — Их-то видел?

— Видел, — кивнул Мрак. — С одним даже побиться успел. Ох и могуч оказался, погань черная. Мы с товарищем только вдвоем его и одолели.

Странник в очередной раз отпил из кружки пряный, терпкий напиток.

— Ладное зелье сварила, чародейка...

— На здоровье, ведун, — нехотя ответила Варвара.

Он едко усмехнулся и тем сразу Ладимира моего напомнил.

— Еще что видел? Рассказывай, — напомнил Всеслав.

— Много видел, очень много, — задумчиво проговорил Мрак. — Видел, как шаман одним взмахом посоха десятков людей убил. Видел, как на Изнанку вмиг прошел. Еще видел, как из этой самой Изнанки теней выпускал.

Я вмиг похолодела да так и застыла с открытым от ужаса ртом.

— Испугалась, рыжая? — тут же спросил странник.

— Да кто угодно испугается. Разве ж можно призраков в явь пускать?

— Еще как можно. Да не просто призраков, а темных, тех, что злым духам служат. На моих глазах шаман пятерых на деревню напустил — вмиг ни души не оставили. Кто от страха помер, кого сожрали, а из кого и жизнь выпили. И людей-то там было — бабы, старики да дети...

Я опустила на лавку — ноги подкосились. Перед глазами будто воспоминания поплыли — крики о помощи, детский плач, горящие дома, отчаянные мольбы к светлым богам, что не спасли от страшной гибели. И тени — темные, полуживые, что ветер скорые и легкие как облако. Их рев, зловещий смех, рычание над ухом и свист, когда меч проходит сквозь полувидимое тело.

Всеслав сидел, прикрыв лицо ладонью. Я — опустив глаза на пол. Только Варвара непонимающе развела руками.

— Вот что я видел, други, — негромко произнес странник. — Вот, что с юга к вам идет. Шаманы Ихмета властны над явью и над Изнанкой. Не знаем мы точно, где граница их власти лежит.

— Найти ее тяжело будет да и не успеем, — со взходом ответил Всеслав. — Ладно, Мрак, ты устал с дороги, отдохнуть должен. Иди, а после мы потолкуем еще с Ростихом. Варвара, устрой гостя.

— Благодарствую, отец, — странник поднялся на ноги.

— Идем за мной, — проговорила чародейка.

Мрак холодно поглядел ей вслед и вышел.

Стоило двери за ними закрыться, как я к Всеславу бросилась.

— Да как же так... Разъясни, что ж я увидела? Морок он будто навел...

— Не бойся, Вельма, не морок это. Мрак нам часть своей памяти отдал. Позже и ты научишься. Любой, у кого дар есть, видеть может.

Заклинатель грустно улыбнулся и погладил меня по голове. Добро так, ладно, по-отечески. От родного отца вжизнь бы ласки не дождалась.

— Устали мы все, Вельма. Ступай домой, вечер уж.

Спорить с Всеславом никогда не решалась. Говорит, значит, прав. Слово его — закон для меня. Да и незачем спорить. Заклинателю мудрости не занимать, попусту не болтает, что делает — знает всегда. Не было обиды, когда не все говорит. Пусть и с Мраком беседу поведут без меня, слова не скажу. Куда мне, необученной?

— Тихой тебе ночи, Всеслав, — поднявшись, проговорила я. — Не думай дурного.

— И тебе тихой ночи, девонька, и тебе...

Дрожащий огонек лучины бросал на стены причудливые тени, танцующие под неслышную человеку музыку. С улицы, через плотно закрытые окна, доносились привычные звуки. Вон процокали копыта одинокого заплутавшего всадника. Прошли, чеканя шаг,

караульные. Подгулявшие мужики, шатаясь, прошли по узкому переулку от ближайшей корчмы за углом. Их пьяные голоса далеко разнеслись по спящим улицам. Откуда-то донесся лай встревоженной собаки.

Тоненькая полоска лунного серебра светилась меж темных ставней. Я улыбнулась, заметив ее.

Волосы его — пепел с серебром...

И вправду — ни у кого из белардцев не видела таких волос. Хоть и славился мой народ белокуростью. Косы у наших девок все больше пшеничные, теплые, как солнышко их согрело. А скельдиане — как есть холод. Северные ветры навеки в их облике запечатаны — сталь и морская вода в крови свое берут. Коли увидишь раз истинного скельдиана вжизнь ни с кем не спутаешь.

— Ты чего не спишь? — тихо прошептал Владимир, приподнимаясь на локте.

Я ласково провела рукой по его лбу, отводя в стороны растрепавшиеся пряди.

— Не спится чего-то...

Он поцеловал меня в плечо, а после сгреб в охапку и прижал к себе.

— Ох, лисица ты, лисица, рассвет ведь скоро.

— погоди, не скоро еще, — прошептала, удобней устраиваясь на его груди. — Лунедевиде еще не все песни пропели.

Владимир взял в ладонь скельдианский медальон, что с моей шеи упал.

— Не сняла еще? Не боишься чужие знаки носить? — в голосе слышалось недовольство.

— Всеслав сказал, руна силы. Хельга выбор одобрила, мол, знал посланник, что дарить.

— И чего тебе втемяшилось со скельдианами дружбу водить? Не всем посланники северян подарки дарят.

— Да ты никак ревнуешь? — я приподнялась и заглянула ему в глаза. — Отвечай!

Владимир на миг отвел взгляд.

— Вздумай мне какая королева заморская подарки дарить, так ты первая б ей косы повыдирала.

— Владимир... — я даже засмеялась. — Ох, ты ж какой... Это ж и заговорить ни с кем нельзя?

— С Всеславом, Осьмушей и шутком этим говори, сколько влезет, а с другими, чтоб и не думала! — он шутливо погрозил мне пальцем. — Коль увижу с кем, так...

— И что ж? В жабу неужто скельдиана превратишь?

— Превращу и не гляну, что посол чужеземный. Будет северным волкам лисиц наших уводить!

— Да кто ж меня уведет-то? — прошептала тихонько. — Сама не пойду...

Договорила и поцеловала его. Владимир отстранился на миг и ловко цепочку с шеи моей снял.

— Так-то лучше будет, — и отложил в сторону.

Горестной песней, плачем похоронным звучали над землей белардской черные вести с юга. Орда гарнарская все глубже заходила. Наши, хоть и медленно, да все ж отступали. Мстислав всю армию поднял, всех мужиков по городам и селам собрал. Мальчишки безусые

и те в войско шли.

Трайта наша не столицей, а военным лагерем стала. Повсюду без устали работали кузни — ковались новые мечи, точились секиры, копья тесались из стройных деревьев. Повсюду дружинники и простые вои встречались. По княжьему приказу у торговцев собирали товар — продовольствие для армии.

В толпе все больше женщин с покрытыми черным головами появилось. Вдовы, матери, дочери — все к капищу шли, вознести молитву Ларьяну, чтоб тот принял их погибших и дал покой и отдых.

Прекратились песни и гуляния, что завсегда на площадях городских разворачивались. Скоморохи поутихли и попрятались. Вместо них на улицах сотни предсказателей лживых и вещунов вышло. Брали они бесстыдно монеты за то, что говорили родственникам воинов. Смело ввали в глаза матерям, женам, отцам, дедам и детям. Улещивали сладкими словами и знай деньги тянули. В Доме Предсказаний быстро про то прознали и князю сообщили. Чтоб смуту в народе дальше не сеяли, Мстислав велел каждого, кто начнет в городе лиходействовать и знающим притворяться, ловить и в темницу чтоб не повадно было.

Ростих и вовсе народу объявил, что кроме его самого и его чародеев никто не смеет предсказывать и другую волшбу творить. Жрецам молодых богов и тем лишь малое было позволено — обряды в точности с древними порядками проводить, а волшбы не касаться. Не их то дело.

Я все ждала вестей из родного дома, из Растопши. С каждым днем больше и больше тревожилась, что молчат они. Молчат и не отвечают. Дошли ли гарнарцы треклятые до тех мест — не ведаю, а как представляю, что старый мой дом, что еще прадед Первак строил, спалило поганое пламя шаманов ихметстких, так холод по коже бежит.

Молю богов о том, чтоб успели они за стенами Ножова-Града укрыться да чтоб отвел Ларьян стрелы гарнарцев поганых от родни.

Осьмуша все так же у Зорана учился. Темный жрец поведал ему, как дар ушедшей усмирить и подчинить себе. С той поры перевертыш переменялся. Не стало более пугливого паренька, что просил дозволения за нами в Трайту идти, другой явился ему на смену. Посвежел Осьмуша, будто выпрямился, глаза новым огнем заиграли. Сказал мне как — то Всеслав, что это оттого, что природу свою принял. Не сразу научится собой владеть — годы нужны — а все ж легче ему стало.

Ладимир у Ростиха так и учился. В один день радостный пришел, сказал, мол, посох скоро примет. Я только порадовалась за любимого. Уж кому как не ему чародеем быть! Самой-то учиться и учиться еще премудростям заклинательским.

Оказалось ведь не просто животное усмирить, потянув за золотую нить. Не в этом искусство наше заключено. Языки зверей понимать нужно, сквозь них в Изнанку проходить, уметь читать прошлое, заговоры целебные знать еще нужно, в Яви и Нави ходить... Столько всего, что и неупомнишь. Оттого и спешил Всеслав с обучением моим. Лишний раз напоминал, что рука ушедшей не первый день на его плече холодной ношей лежит. Того и гляди явится строптивая баба и уведет чародея в навь, не отпустит. Да кроме волшбы еще многому меня учил — языкам, истории, книги древние читать велел.

«Тебе, Вельма, тяжкую ношу предстоит на плечи взять. На мое ведь место сядешь, с князем говорить станешь. Должна ты много знать, много уметь.»

Ясно я понимала, что только после смерти его и получу посох.

Улицы Трайты непривычно тихими были — не в пример былым дням приморилась наша столица петь да гулять. Уж не звучали разухабистые песни скоморохов, не звенели гусли, не плакала надрывно жалейка.

Несмотря на утренний час, не было бойкой торговли на площади. Всего три ряда заняли купцы. Покупатели, которых хоть и много было, все ж невесело бродили, только поглядывая на товар.

Я шла, с опаской поглядывая по сторонам. Солнце, скрытое тучами, взошло три часа назад и сулило безопасную дорогу. В последние дни люд побаивался свободно разгуливать по городу. Даже удвоенная охрана и постоянные объезды стражниками улиц, не помогали.

Война принесла в спокойную Трайту страх. А страх породил панику и толкнул многих в ее пучину. То и дело приносили вести о грабежах и нападениях. Вчера вон и вовсе Хельга рассказала об убитой девице — дочери зажиточного купца. Мол, нашли ее в переулке, недалеко от нашего дома, раздетую, всю избитую. Кто совершил такое — концов не найти. Ясное дело, что бедняки, взявшиеся грабить богачей.

— Гнев! Гнев богов сошел на нас! — кричал исхудавший нищий, издали кажущийся стариком. В своих лохмотьях, он выглядел таким жалким и несчастным.

Указывая пальцем на небо, он стремился что-то показать бредущим понурым людям. В Трайте его хорошо знали и звали Прошенькой. Каждый день он садился на одной из торговых площадей и просил милостыню.

— Гнев их спалит нас дотла! Всех сожжет! Всех! Берегитесь, смертные!

Я приостановилась возле нищего и, быстро наклонившись, бросила монету в его деревянную миску. Сколько мне не рассказывали о нищенских бандах, где милостыню отбирают и делят после на всю общину, все равно подавала тем, кого было особенно жаль. Прошеньку не трогал никто. Таких людей как он называли детьми богов и жалели. Говорили, будто он лишился ума и оттого всегда говорил правду, видел грядущее. В тяжелое время к нему прислушивались внимательней — люди искали спасение от высших сил везде, даже в словах обезумевшего нищего.

— Да простят тебе боги, темная дочь, — сипло прошептал Прошенька, жадно схватив мое подаяние. — Да помилуют тебя!

Я отшатнулась, споткнувшись о камень и пошла быстрее.

Свернула в переулок, желая сократить путь и не слышать больше криков безумного. Отчего-то слова его напугали меня.

— Подай мне, девица, подай на хлеб! — вцепилась в руку тощая беззубая старуха с растрепанными редкими волосами. — Подай монетку!

— Нет у меня денег! — я оттолкнула ее. — Уйди с дороги!

Старуха громко закричала и вцепилась в медальон — знак Дома Предсказаний.

— Чародейка! Ведьма! — завопила она во все горло.

Я пыталась освободиться от ее цепких сухих рук, намертво схватившихся за мой медальон.

— Вы! Вы! Живете как князья, а мы голодаем!

— Пусти меня, злыдня! — я оттолкнула ее и старуха ударилась о каменную стену дома.

Собралась было бежать, как вдруг дорогу преградил здоровый мужик, вышедший неизвестно откуда. Толстый живот с трудом прикрывала засаленная рваная рубаха. Разило от него грязью и застарелым потом.

— Дому Предсказаний следует делиться с людьми, — строго проговорил он. — Доставай кошель по-хорошему, а не то...

Я оглянулась и похолодела.

Меня окружили чуть ли не два десятка нищих разных возрастов. Мужики, бабы со злыми горящими глазами, грязные дети, усмехающиеся вместе со взрослыми. Старики и старухи, шепчущие проклятия.

— Отдавай свой кошель, ведьма! — крикнула растрепанная молодая девка в одной только рубахе, босая. — Не то оборву косы твои рыжие!

— А эту цацку мне давай! — прежняя старуха сорвала с шеи знак Дом.

— Верни, старая карга! — хотела кинуться я.

— Обожди, чародейка, — чьи-то руки схватили меня за плечи. — Ребята, а ну!

Четверо кинулись ко мне. Сорвали с плеч плащ, с пояса кошель с несколькими монетами. Та самая девка примерялась к платью с вышитыми узорами.

— Хорошая ткань, — пропела она. — И стоит видать как купеческий дом!

— Уйди, шлэнда! — я изловчилась и ударила паршивку ногой в лицо. Девка с криком упала, а как поднялась, так по лицу ее бежала кровь от разбитого носа.

— А ну-ка держите ее! — крикнула она и, мигом поднявшись, ударила меня в живот.

Я задохнулась от боли и бессильно обвисла в руках толстяка. Миг померк и стал будто красным. Во рту появился привкус крови от прикушенного языка.

— Смотрите-ка, чародейка, а будто и смертная! — засмеялась моя противница.

Она схватила меня за косу.

— Как есть ведьма!

— Будет тебе, Льянка, ладная девка, пригодится еще, — хохотнул другой мужик, снимая с меня башмаки.

— Дружина! — прокричал кто-то.

Нищие мигом стали разбегаться кто куда.

Льянка, тварь поганая, ударила меня по лицу. После крепкие руки разжались, и я упала на землю.

Всадники спешили и быстро ринулись ко мне. Пятеро пеших, в доспехах с княжьем знаком, рванулись следом за нищими.

Один поднял меня и бросил на плечи свой плащ.

— Жива ли? — спросил.

— Жива, — прошептала в ответ разитыми губами.

Страх сильнее, чем боль. Сроду меня не бил никто так. Льянка пару раз приложила да толстяк тот еще добавил. Тело так и ноет.

— Что ж тебя в проулок этот понесло, Вельма?

— Откуда имя знаешь? — сумела удивиться я.

— У князя на пиру видел, — ответил стражник, помогая подняться. — Ученица Всеслава ты. Лица их хоть видела?

— Я быстро кивнула.

— Ну и ладно. Остафий, — обратился он к своему товарищу, — Я девку отведу в Дом Предсказаний да допрошу, и ты после туда приходи.

Тот согласился.

— Как звать-то тебя? — спросила я, чуть придя в себя. — А то мое имя знаешь, а я твоего нет.

— Некрасом зови, — ответил стражник.

Я сидела, закутавшись в теплую варварину шаль. От тряски зуб на зуб не попадал — вот что значит перепугаться до смерти.

Василек теплым комком прижался к боку и громко мурчал, успокаивая меня. Варвара хлопотала, делая мне лекарство. Всеслав, разозленный случившимся, схватил посох и ушел куда-то.

Некрас, что спас меня от разбойников, ушел вместе с товарищем своим, Остафием. Тот пришел позже, сказал, мол, нескольких поймали и бросили в темницу, еще раз расспросил меня.

— В рубашке родилась, — подмигнул Некрас и ушел.

Про случившееся вмиг прознал весь Дом Предсказаний.

Ладимир и Осьмуша примчались стоило мне вернуться. Первый укорил меня за то, что без него пошла, обнял, пообещал теперь ни на шаг не отходить, а второй обещал страшные проклятия всем, кто смел Вёльму тронуть.

Строго-настрого наказав мне без него и шагу не ступать, Ладимир ушел к Ростиху. Осьмуша посидел еще немного и тоже ушел. Остались только я, Варвара да Тишка.

Шут не носился, не шутил, сидел спокойно на полу у моих ног и напевал под нос грустную песенку.

— Вот, испей, дрожь уймется, — подала кружку Варвара. — Давай помогу, не то расплещешь. Ох, светлые боги, вжизнь такого не было, чтоб чародеев били!

Шут широко улыбнулся и положил голову на мои колени.

— Давай я тебе сказку расскажу?

Поднял голову и сел, развернувшись ко мне лицом.

— Уйди, дурень, ей не до твои сказок!

— Злющая ты баба, Варька! — скривился шут. — Я ж как лучше хочу.

— Знаю я, как ты лучше делаешь! Шел бы уж к князю!

— И что ж это? — шут упер руки в бока. — Я уйду, а лисица горевать станет.

— Есть кому ее утешить!

Тишка фыркнул.

— Он ей сказку не расскажет.

Варвара только махнула рукой.

— Говори уж, окаянный!

Тишка важно надулся, напуская на себя умный вид. Я даже усмехнулась, завидев такое. Шут еще больше заважничал:

— Дед мой, старик беспамятный, которому надвое бабка сказала будто проживет он три сотни лет, сказ такой вел. Жила на краю села девка — ладная такая была, пригожая, всякий кто увидит, любовался только. Бедная та девка была — ни гроша за душой, ни платья в сундуке. Босая ходила, зарабатывала тем, что поденную работу у купца тамошнего выполняла.

Многие проезжие, кто видел ее, заглядывались на нее, на свидания в сумерках звали. Девка только смеялась, но ни к кому не ходила. Замуж многие звали ее — и кузнец Прон, и пастух Сёмка, и пахарь Неждан, да и сын того ж купца, Стоян. Той бы, дуре, согласиться да пойти. Оно и понятно — живет на отшибе, с матерью старой. Вышла бы замуж и будет ладно. Так нет же, все она отказывалась. Говорила, мол, судьбу свою ждать буду, не

объедешь и на коне ее, родимую. Ну а как звали ту девку, дед мой запомнил.

Здесь шут поерзал, сел удобнее и продолжил:

— В общем, год ждала, другой ждала, женихи уж на других женились, детей завели. В деревне все над девкой смеялись, мол, упустила счастье свое. А она им: «мое счастье посчастливей вашего будет, только на порог еще даже не ступало». Опять смеялись над ней. Прошел еще год, девке уж два десятка лет минуло. Селяне уж и думать о ней забыли — мол, умрет старой одинокой в нищете.

Зимой холодной, пока выюга пела за окном свою песню, постучался в дверь крайне хаты гость — больной весь, замерзший, с дороги сбившийся. А в хате той как раз девка наша с мамкой своей жила. Приняли они гостя, обогрели. Тот на другой день взял и слег в горячке. И пока хворал он, выюга ни на день не утихала. И как выдюжал ничуть не утихала, и как на ноги встал. Старики в селе говорили, не было сто лет такой лютой зимы.

Совсем ожил гость, по хозяйству помогать стал, отблагодарил хозяйку за заботу, а как уезжал, пообещал девке-красавице, мол, вернусь за тобой. И уехал.

Ждала она до лета, после до осени, до весны — не было гостя ее. В деревне все больше потешались над ней, а девка, знай смеялась. «Вам моего счастья не понять. Ждать его буду и пока не дождусь, с места не двинусь, не постарею, чтоб красавицей счастье встретить, не захвораю, чтоб здоровой быть, не умру случайной смертью, потому как на роду счастливой быть написано.»

В голос смеяться стали над ней, а меж тем примечали, что не хворала она, годы не властны над красотой были, сколько не случалось бед, ни в одной не страдала. Решили люди, что темным колдовством девка балуется, ведьмой прозвали.

Умолкли только когда через три года вернулся гость ее незванный. «Вернулся я к тебе, — сказал, — уж прости, что долго шел, так ведь князь на службу призвал, в земли далекие». Собралась девка и уехала, мать старую забрала. Люд только дивился, мол, вот как выходит иной раз.

Шут поглядел в потолок и добавил:

— А все оттого, что как веришь в счастье, так оно и приходит. Сильно веришь — большое счастье, слабо — стороной и малое обойдет. Ну как, понравилась сказка?

— Хорошая сказка, — кивнула я.

— Все бы тебе сказки говорить, — пожурела его Варвара. — Лучше б...

Не закончила. Дверь отворилась.

— Вот что, Вёльма, собирайся и домой пошли, натерпелась уж сегодня, — решительно проговорил Ладимир, сядясь рядом со мной. — Будет тебе одной по улицам ходить.

Осторожно коснулся моего лица, рагядывая здоровенный синяк.

— Ясну бы сюда, — проговорил. — Она бы вмиг вылечила.

— Я и сама ее вылечу, — резко ответила Варвара. — А домой тебе и впрямь пора, Вёльма. Сейчас только снадобье с собой дам.

Василек открыл зеленый глаз, и с интересом взглянул на Ладимира.

— Сторож твой? — усмехнулся мой любимый.

— Навроде того — не даст в обиду.

Тишка прищурился и быстро поднялся. Поклонился.

— К князю пойду! — громко сообщил нам. Потом склонился к Ладимиру и добавил: — Холод ночной да огонь, смотри, сбереги лисицу!

Сказал и ушел.

— Вот так приятель у тебя, — вслед ему посмотрел ведун.

— Тот еще подлец, — ответила я.

Ладимир обнял меня и к себе прижал.

— Не отпущу тебя больше никуда, ни на минуту не отпущу.

Обняла я его, глаза закрыла, а по лицу слезы. Страшно, как же страшно мне теперь — за себя, за Ладимира, за близких, за друзей своих. Беда вон как близко ходит, как возьмет за плечо, так и не увернешься, не вырвешься из лап ее цепких.

Близился тот день, когда ельнийский королевич прибудет в Трайту, чтоб на Сияне Мстиславовне жениться. Прибыть он должен с малым сопровождением, без шума, а Всеславу прием скромный, но достойный оказать положено.

Верно Мстислав решил — Ельния Беларде хорошей помощницей станет. Гарнарская орда сильна и все сильнее становится. А у ельнийцев и армия крепкая, и чародеи сильные, и друзья-соседи надежные.

Саму Сияну я так и не видела. Всеслав, с детских лет знающий княжну, говорил будто очень она красива. Оттого видать так и назвали. А уж какова та по нраву, молчал. Да и не спрашивала я — мне-то что? Будто дружить собралась!

Наконец пришла весть с быстрым соколом о том, что через два дня придут ельничцы в столицу. Всеслав тут же забегал, засуетился, князю доложил, мне готовиться к встрече велел — мол, чародеям полагается на приеме присутствовать.

«И тебя, Вельма, возьму, только смотри ж не вычуди чего!».

Надела я лучшее платье, с вышивкой, что сама сделала, заплела косу, новый знак Дома Предсказаний надела. Всеслав на потерю мою рукой махнул и велел новый медальон дать — мол, разбойники своё получают, а ты не горюй. Погляделась в зеркало — та же рыжая девка, что и прежде. А после надела новое синее корзно с тонкой меховой оторочкой — Варвара подсказала купить, мол, будет тебе как деревенская оборванка бегать, чародейка ведь теперь. Хотела обидеться на такие слова да не стала — разве ж на правду обижаются?

Собрались мы в княжьем тереме, в зале, где Мстислав всегда послов встречал. Сам князь сидел на троне, с ним рядом советники, воеводы, чародеи. Ростих, Велимир по левую сторону, а следом Всеслав. Даже Зоран, темный жрец ушедшей пришел. Вернее, позволили. Обычно ведь нигде его не увидишь.

Я мельком переглянулась с Ладимиром — они с Ростихом были ближе всех к князю — и улыбнулась. Красив сегодня мой милый, как никогда в глазах его колдовской огонь горит.

Невольно коснулась я перстня серебряного на руке. Его подарок.

«Будет тебе скельдианские руны на себе носить», — сказал.

На перстне высечен знак Ладыяры, самой младшей дочери Ларьяна-батюшки, той, что всем любящим помогает, хранит от бед и благословляет своей рукой.

Ладимир легонько кивнул мне в ответ.

Двери запахнулись, и в зале появился княжий глашатай.

— Сын Его Величества, короля славной Ельнии, Гарольда Четвертого из дома Уэстландеров, принц Дориан Уэстландер, законный наследник Ельний, герцог Хамптоншира и Нейтона, верховный владетель острова Ширланд, — громко объявил он.

Я увидела, как вмиг изменились лица скельдиан. Не по нраву было послам Рагнвальда

Могучего, что пред ними их давние недруги предстанут. Да делать нечего — раз приехали в Трайту, терпите. Как говорил мой дед, назвались груздями — полезайте в кузов.

Ельничцы явились скоро.

Впереди шел сам принц — высок, крепкого сложения, в простом, но добротном доспехе, сделанном на западный манер. С мечом за поясом, в темно-зеленом плаще и непокрытой головой. Бороды, как большинство ельничцев, он не носил. Темные волосы были коротко пострижены. Лицом принц Дориан — не красавец. Грубоватые черты — широкие скулы, прямой подбородок, темные внимательные глаза, сведенные брови. А уж сколько лет ему так и не признаешь вовсе.

Не дойдя до трона Мстислава с десятков шагов, принц остановился, преклонил колена. Его люди последовали своему повелителю.

Я, лишь немного успевшая изучить ельничский, понимала через слово, но Всеслав шепотом подсказывал.

— Приветствую великого князя, правителя богатой и прекрасной земли, прозванной Белардой, — четко проговорил принц. — Я пришел к вам с миром, чтобы осуществить наш давний уговор и помочь вашей светлости в войне с гарнарским ханом Ихметом.

Ельничский язык приятней скельдианского. Звучит плавно и бегло, нет в нем клокочущих звуком и рычащих слов. Понравился он мне сразу.

— Поднимитесь, Ваше Высочество, — я едва не охнула, когда князь на чистом ельничском заговорил. — Не следует сыну короля на коленях стоять.

Дориан поднялся.

— Я рад видеть вас здесь, — продолжил Мстислав. — Путь, что вы проделали, был долог и полон опасностей. В Трайте под моим кровом вы найдете отдых и безопасность.

— Благодарю вас, — ровно, без чувств, проговорил принц Дориан. — Прошу, примите дары с моей родины.

По его сигналу двое слуг в чудных ельничских одеждах внесли маленький сундучок, поставили перед князем и открыли.

Я ахнула вместе со всеми, увидев драгоценные камни, чья россыпь искрилась радугой в косых солнечных лучах.

— Земля, на которой я вырос, славится своей щедростью, — не без гордости проговорил Дориан. — Ее долей я делюсь с вами, великий князь.

— Благодарю вас за щедрый дар, Ваше Высочество, — склонил голову Всеслав. — В вашу честь сегодня вечером будет дан пир, а пока вам следует отдохнуть с дороги, а после мы поговорим наедине о наших делах.

— Мне приятна ваша забота, великий князь. Я и мои люди устали после долгого путешествия, и мы будем рады обрести отдых. Но вначале смею просить вас исполнить мою просьбу.

— Я выполню ее, — согласился Мстислав.

— Я бы хотел увидеть мою невесту, княжну Сияну, о красоте которой ходит столько легенд.

— Еще бы! — хмыкнул мне на ухо подошедший незаметно Осьмуша, которого Зоран взял с собой. — Проехал сотни верст из-за бабы, устал как собака, кучу самоцветов привез. Надо ж увидеть, зачем столько мучился?

— А толку-то, — шепнула я в ответ. — Жениться все равно придется — государственно дело как-никак.

— Слава богам, я не королевич, — довольно выдохнул перевертыш.

— Вот именно, слава им за это, — ответила ему.

И куда только тот запуганный парень делся? Видать волчья половина наконец в силу вошла и Осьмуша как есть переменялся.

Мстислав велел позвать Сияну. Та вышла через минуту.

Не лгал Всеслав — вряд ли девка краше сыщется. Высокая, с ладно скроенной фигурой — всего в ней в меру. С густой тепло-пшеничной косой на плече. В светло-голубом платье, алом корзно на плечах и золотым обручем на голове. А лицом так и вовсе прекрасна княжна. Все в ней ладно, все красиво.

Сошла Сияна со ступеней, на которых отцовский трон стоит, склонила голову перед принцем ельнийским.

— Привествую вас, Ваше Высочество. Легкой ли была дорога ваша? — спросила.

— Гляди-ка, — снова заговорил Осьмуша. — Эк его разобрало. Видать не видел краше девок.

И то верно. Принц все хмурым был, а увидел Сияну и враз поменялся. Оно и понятно, не зря ехал, будет у него жена-красавица.

Преклонив колено, Дориан поцеловал руку Сияны. Та на миг растерялась, что по глазам видно стало — не было в Беларде такого обычая — да виду не показала, не покраснела даже.

— Много слышал я легенд о вашей красоте, княжна Сияна, — проговорил Дориан, поднявшись. — Но не одна из них не передаст той правды, что открылась моим глазам. Я был во многих землях, но не встречал женщины красивее.

— Благодарю, Ваше Высочество, — опустила глаза Сияна. — Слаще меда ваши слова.

Сказала, поклонилась и тихо ушла.

Принц и Мстислав еще обменялись парой принятых у них вежливых фраз, а после ельниец со своей свитой, ушел.

— Теперь вечером на пиру следует быть, — сказал Всеслав. — Смотри, не запаздывай.

— А ты куда?

— Мне с Ростихом переговорить нужно.

— Домой что ли идем? — спросил Осьмуша.

— Идем. Ладимир только где?

Я поискала любимого глазами — он стоял в сторонке и о чем-то переговаривался с Ростихом. После, когда тот отослал его, подошел к нам.

— Идем домой? — спросила я.

— Тебя провожу, а после вернусь — Ростих велел.

Мы пошли прочь из зала.

— Что о ельнийцах скажешь? — спросил Ладимир. — Или ты по-прежнему скельдиан больше любишь?

— Не скажу ничего пока, — отмахнулась я. — Вот на пиру на них погляжу, каковы, тогда и отвечу. Принц разве что смурной показался, а как Сияну увидел, как будто переменялся.

Ладимир легонько улыбнулся.

— Красивая она девка. Ее увидев, любой переменится.

От таких слов мне беспокойно стало. Неужто с княжной сравнил?

На пиру княжеском ельницей куда веселее были. Видать договорились с князем обо всем, порешили добром, и не грех нынче отпраздновать.

С собой принц Дориан ельничского певца привез. Чудным словом «менестрель» назвал. Наши гусли так все седые да в годах, а этот молодой совсем, видно и бороды не брил еще. И в руках его не гусли, а лютня — не наших земель инструмент. Как проведет пальцем по струнам, так будто мурашки по коже — до того ж красиво и ладно звучит. Пел он на своем языке, так что мало я поняла. После уж передали, что песня о любви была.

Вот и думай — народы разные, а поют про одно.

Сияна сидела подле Мстислава, в роскошном красном платье, в обруче с височными кольцами, украшенными самоцветами и золотом. Изредка улыбалась, отвечала на вопросы, глаза опуская — все, как и положено невесте.

— Что же о свадьбе решили? — спросила я у Всеслава, поглядывая на княжну.

— Состоится она в срок, — ответил заклинатель. — Принц желает, чтоб церемония в Ельнии прошла. А до этого княжна Сияна должна подготовиться ельничскую веру принять, все обряды нужные пройти да Мстислав войну с гарнарцами закончить.

— И что же, Дориан ждать станет?

— Очень ему Сияна понравилась — хоть сейчас бы женился. Да только что позволено простому мужику, то королевичу запрещено. Княжна все ж королевой станет, потому все чин по чину должно быть. Сказано — принять веру, пройти все обряды и изучить ихние правила, значит, так и будет. Не обойти этого.

Глядела я раньше на Сияну и отчего-то жалела. Не дело если девку замуж не по своей воли выдают. А теперь гляжу и думаю, что повезло ей.

Жила себе столько лет, горя не знала, все на блюде золотом получала. Ну и что коль без любви замуж пойдет? Зато чужую страну увидит, королевой будет, на троне рядом с мужем своим сидеть. И дети ее королевичами да королевнами станут. Как ни крути, а все же лучше, чем простой деревенской девке замуж за соседа идти, ни дня ни ночи в работе не видеть, за оравой детей следить, одной все хозяйство на себе тянуть. А после состариться раньше времени и умереть на пятом десятке да и то, если повезет и боги сил дадут и здоровья.

Да и куда лучше чародейки! Нам-то век долгий положен, а прожить его без мужа, без детей, в одиночестве нужно. Не думала я об этом раньше, а теперь вдруг грустно стало. Не надену ведь лент свадебных, не свяжет мою руку жрец с рукой мужа и не срежет никто косу в знак того, что не девица уж. И детей я своих никогда не увижу, не будет у меня сына, как две капли воды похожего на Ладимира.

Подумала про то и Арьяра вспомнила. Отказалась от той судьбы — нечего теперь плакать. Снявши голову, по волосам не плачут.

Сохраните его, светлые боги, в бою, от лютой смерти, ран тяжелых и боли. Дайте ему сил все пережить и домой вернуться.

Тишка-плут развлекал ельничских гостей. Кувыркался перед ними, пел частушки, байки травил. Я б и не удивилась, если б не на чистом ельничском говорил. Шут-шутлом, а ведь языки знает. Откуда только?

Как из-под земли передо мной вырос скельдиан — тот самый помощник ярла Сигурда. Склонил голову и молвил:

— Мой ярл желает говорить с тобой.

У меня ноги чуть не подкосились.

— Со мной говорить? — только и вырвалось вслух.

Скельдиан кивнул.

Я вопросительно поглядела на Всеслава. Заклинатель глазами велел соглашаться.

— Идем за мной, — проговорил скельдиан.

Скельдиане сидели поодаль от княжьего стола. Мстислав позволил это, ни слова не сказав. Зная о давней неприязни двух народов.

Увидев меня, северяне с интересом обернулись. Кто-то заулыбался, говоря что-то на своем языке, кто-то недовольно сощурился. Ульвар Трехпалый усмехнулся и головой покачал, а брат его, Сигурд, поднялся и вышел навстречу. Его помощник отошел в сторону.

— Рад видеть, что носишь мой подарок, — взгляд скельдиана упал на медальон, который я все же надела на пир, вопреки запрету Ладимира. — Хотел узнать, по нраву ли пришелся?

Едва на ногах я стояла, впервые с ним говоря, так близко видя. А голос северянина и вовсе чудно звучал, со скельдианским-то выговором.

— Подарок твой всегда носить стану, — ответила. — И благодарю за него.

— И одной благодарности хватит, — едва заметно улыбнулся Сигурд. — Говорили мне, ты о Скельдиании расспрашивала?

Вот Тишка, плут окаянный! Ну, задам же я тебе! Ох, берегись, поганец!

— Правду говорят, расспрашивала. Край ваш далекий, неведомый мне. На севере никогда прежде бывать не случалось, оттого и узнать хотела.

Сигурд внимательно поглядел на меня, будто что-то высмотреть надумал.

— Второй год я в Трайте от имени своего конунга, — проговорил наконец. — И все никак не пойму, отчего вы, беларды, так край свой не любите. Кого не спроси, каждый о чужих странах узнать хочет, а чего доброго и уехать вовсе.

— Всем знать хочется, как другие народы живут, — только и нашлась я.

Сигурд чуть улыбнулся.

— Везде одинаково, только люди и боги другие.

Как подумаю, с кем говорю сейчас, в глазах темнеет. Надо ж ведь — я, девка деревенская, дочь торговца из глухого места — а рядом с ярлом скельдианского конунга стою. Отчего только, никак в толк не возьму.

— Одинаково-то одинаково, да только в селах и городах по-разному. На юге и вовсе война, а Трайта все неприступная стоит.

— Верно говоришь, — согласился Сигурд, — как и полагает ученице достойного человека.

Я на миг опустила глаза, чувствуя, что еще немного и зальюсь краской.

— А в Трайте теперь своя война, — продолжил он. — Сама ведь узнала.

— Ярлу Сигурду многое известно обо мне.

— Равно как и обо всех, сидящих в этом зале, — жестко проговорил скельдиан. — Я запомнил, как ты бросилась под копыта моего коня. Не думал, что увижу в княжеском тереме.

Вмиг все померкло.

Ох, дурища же я! Решила будто он как с равной говорит. А он, великий ярл, всего лишь удивился, простолоудинку на княжеском пиру, увидев. Ни чародейский знак, ни звание ученицы всеславовой, ничего тут не поможет.

— Пути богов неведомы, — только и ответила.

— Моя вера говорит, что люди подчиняются судьбе, а судьбы воле норн.

— Я не знаю веры северян.

— В Беларде мало кто знает, — отвечал Сигурд. — Как и мы о твоих богах.

Он едва заметно кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Я поклонилась, как того требовал обычай, и ушла.

Когда обернулась, ощутив будто обожгло, увидела непонимающий взгляд Ладимира. Колдун был по другую сторону. Ярл Сигурд, посланец скельдианского конунга, мирно беседовал с другими северянами. Ему уж не до меня.

Слегка улыбнувшись Ладимиру, я тут же сняла скельдианский медальон. Сигурд оказался прав — мы слишком не любим то, что есть.

Глава пятая

Сколько зерен — звезд на небе, столько и людей под небом, говорят старые люди. Да только ни одного зерна в эту ночь не досталось птахе. Все тучами затянуло. Девица-луна и та схоронилась, лишь изредка, под порывом холодного ветра, показываясь людям.

Видать много воинов на поле бранном полегло в ушедшем дне. Боги сжалились и не стали открывать людям скорбящим опустевшее небо, будто дырками покрытое, пустое, без света любимых, тех, что нынче в объятиях ушедшей.

Кутаясь в теплую шаль я не спешила закрывать окно — отчего-то все глядела и глядела на небо. А оно не отвечало ни единым всполохом одинокой звезды.

Время уж перевалило далеко за полночь.

Не спалось мне. После пира княжеского, в честь посланником ельнейских, не спалось.

Сны о морях холодных, бездонных, драккарах могучих и ветрах северных, отступили, не тревожили. Спокойно бы уснуть — да только не могу. Грустно отчего-то, сердце тоской защемило и нет, нет мне покоя.

Медальон возьму скельдианский, погляжу на него и снова прячу. Будто теплом серебро греет, так и зовет снова игрушку колдовскую примерить.

Погляжу и прячу обратно — не хочу Ладимира тревожить.

Он смурной стал, все чаще задерживается у Ростиха — своего наставника.

А сегодня...

Птица ночная из-под самой крыши вспорхнула, мягким крылом рассекая воздух ночной прозрачный. Ох...за сердце я невольно схватилась.

А сегодня и вовсе не пришел мой любимый. Уж колокол на городской башне второй час пробил, а нету его.

— Вельма....

Я обернулась.

Дверь почти не скрипела, а может я того не слышала.

— Чего не спишь, шальная? — спросил Осьмуша, почесывая затылок и широко зевая.

— А ты чего? Никак волчьи сны мешают?

Он махнул рукой.

— Прошли уж волчьи сны. Две луны как не трогают.

— А босиком чего стоишь? Пол ведь студеный! — я пыталась найти еще повод прогнать его.

— Пустое...Ко мне ведь болезни не липнут, — опять отмахнулся перевертыш. — Так чего не спишь?

Я поглядела на небо.

Снова.

— Как думаешь, звезд и людей поровну?

Осьмуша бесшумно подошел — я только тепло его и ощутила. Руку мне на плечо положил.

— Об этом тоскуешь? Умер кто?

Я головой помотала.

— Я твою тоску во сне учуял, — продолжил Осьмуша. — Она по-особому пахнет, уж научился различать.

Пожав плечами, я взглянула на перевертыша. Глаза того в ночи уж человеческими впредь не будут — все волчий огонь забрал.

— Тяжко мне отчего-то, — проговорила. — Будто камень на плечах лежит, сбросить не могу. Предчувствую что-то, а что...знать бы.

— Не печалься. Пойди к Лесьяру, может, он ответит.

Я тихо улыбнулась.

Осьмуша на небо поглядел.

— Зоран говорил, детям ушедшей звезды черные положены.

— Почем ему знать, — резко ответила я. — Самому-то небось уже и место в ее холодном подземелье готово.

Осьмуша отпрянул.

— Зря ты так, Вёльма. Она мать наша, хоть и не признаем. Она нам силу дала.

— А разве ж мы просили? Не будь силы, все по-иному б могло быть...

— Боги мудрее, не спорь с ними.

Откуда только столько ума у него взялось? Еще недавно ведь боялся слово сказать, а теперь — гляди-ка, разговорился!

Прав он, коль рассудить. Чем я без силы буду? Так, тенью одной, простой девкой, забредшей от дома. Да и он...

— Тоскливо мне, Осьмуша, оттого и говорю. Да ты спать иди, я уж сама.

— Не могу. Тоска твоя не дает. Привкус ее горький на языке.

— Странное дело, — пожалала плечами я. — Отчего ты чуешь ее так?

— Зоран сказывал, сестра ты моя хоть и не по крови. Сама ушедшая завещала нам друг друга слышать лучше людей.

Я усмехнулась.

— Иди спать, Осьмуша. Днем поговорим. А тоска...я ее заговором и одолень-травой отгоню.

— Смотри, Вёльма, — шутливо погрозил пальцем перевертыш. — Пока в доме одном, не укроешься...

И ушел.

Ветер из тучи густой клочок вырвал и на месте его звезды показались. Немного их — видать правду говорят.

Только лишь луна боком коснулась разрыва — укрыл ее ветер.

— Светлые боги, — зашептала я, — смилуйтесь над нами, дайте прощение, пощади слуг своих грешных. Пусть не прольется кровь на земле нашей...

Шептала и знала, что не услышат меня они. В эту ночь и саму покинули. Грешна я, прогневала.

— Ладьяра, светлая дочь, сбереги Ладимира и верни его мне. Ларьян-батюшка, сохрани братьев моих, что на войну ушли. Славша-странник, сестрам и матери помощи. Ларий, Арьяру сил дай...

Всех вспомнила, за всех помолилась. Только ее, ее одной имя не назвала. Той, чья сила во мне и отчего я на этом месте стою.

Не стану ей поклоняться, не хочу!

Закрыла окно и спать легла. И упал на меня сон, тягучий как те тучи на небе, тяжкий и беспросветный. И не было мне покоя, и во сне не пришел.

Утром пробудилась я позже обычного. Голова трещала, горло пересохло, во всем теле слабость — будто захворала.

Так нет же — здоровая.

Собралась, вложив одолень и травы вместе со знаком огненным двойным в кошель поясной — пусть от дурного оберегают.

Хельга уже внизу со стола убирала.

— Припозднилась ты нынче, Вёльма, — проговорила северянка, меня заведя. — Не захворала ли? Дурно выглядишь.

— Не знаю, Хельга. Вроде здорова, а отчего-то худо мне.

— Дам я тебе отвару своего, из скельдианских северных трав, легче будет. Обожди немного.

Только она выйти хотела, как я остановила за локоть:

— Скажи только, Ладимир не пришел?

Северянка поджала губы и в глазах ее невольно злорадное что-то почудилось:

— Не было колдуна твоего. От прошлой зари не было.

И ушла.

А у меня как сердце упало.

Где ж он, светлые боги? Не случилось ли чего?

— А, вот и огонь пожаловал, — хрипло молвил Лесьяр, чуть приподняв глаза от книги. — Нечасто, ох, нечасто вижу я тебя, а зря... Песнь ведь писать надобно, а об ком и не знаю.

— Разве ж обо мне можно что путное написать? — невесело усмехнулась в ответ.

Лесьяр закричал и поднялся со своего места. Сделал несколько шагов ко мне. Одетый во все белое, седой, с темными от волшбы глазами.

— Не знаешь, так и молчи, не тебе решать...

Его пальцы цепко схватились за мой локоть, и я невольно вздрогнула и отпрянула.

— Печаль на твоём сердце верная, — проговорил старик, глядя будто сквозь меня. — Не ошибается оно, правду говорит. Слушай его почаще.

Сказал и отошел обратно.

— Так зачем пожаловала? — снова взялся за перо.

— Мне с Ростихом поговорить нужно, — нерешительно произнесла в ответ.

Лесьяр хмыкнул в бороду.

— На Ростиха нынче спрос большой. Все чего-то с ним поговорить хотят.

— Такпустишь?

— А чего не пустить? Иди!

Махнул рукой и на стене, прямо поверх каменной вековой кладки, проступила дверь.

— Мир тебе, Лесьяр, — проговорила я и вошла.

Ростих сидел на своем месте, как и прежде. В руке его перо и писал он како-то грамоту.

Я медленно прошла ближе. Вещие птицы, что на стенах застыли, зорко следили за каждым шагом, будто посмеивались и в глазах их искорки сверкали.

— Надобно будет сказать Лесьяру, чтоб не открывал дверей кому ни попадя, — проговорил он, поглядев на меня. — Зачем пришла?

— Если дозволишь, вопрос задам.

— Позволю, — кратко ответил Ростих.

В каждом слове слышалось его пренебрежение. Казалось, только и ждет, пока я скажу и уйду.

— Где Ладимир? — решительно спросила.

Чародей медленно поднял лицо и поглядел на меня.

— А ты кто такая будешь, чтоб о таких вещах узнавать?

На миг растерялась, даже шаг невольный назад сделала.

— Кто ты Ладимиру, да и кто ты здесь, чтоб в чужие дела лезть?

— Я кто? — ярость и обида нахлынули волной. — Любовница я ему. А тебе — ученица Всеслава, заклинательница. Что в Доме Предсказаний творится — мое дело, как и твое. Ростих Многоликий.

Чародей глядел на меня с насмешкой. Не по нраву слова такие пришлись.

— Ступай, Вельма, — ответил. — А Ладимир вернется, когда на то приказ ему будет.

— Приказ? Слово твое?

— Мое. И больше ко мне подходить не смей. Не по пути нам с детьми ушедшей.

Сказал и к своим бумагам вернулся. Будто исчезла я.

Шагнула я в сторону и ветром холодным вмиг обдало.

Ростих отдалился и исчез вовсе.

Оглянулась я на шум крыльев. То птицы вещие сорвались со стен, роняя перья черные и белые. Полетели прямо на меня, смеялись голосами звонкими.

Пригнулась я, рукой лицо прикрыла. На видно ничего — лишь крылья, перья да лица девичьи — красоты неземной — да косы расплетенные. Окружили меня как обняли.

И все смеются, все отпускать не хотят...

— Прочь, прочь уйдите, — закричала я.

А как глаза открыла — на полу у Лесьярова стола сижу.

— Что? Не вышел разговор? — усмехнулся старик. — Прогнали тебя птахи...

Ошалело оглядываясь по сторонам, я встала. Платье на себе оправила, а из косы перо вытащила.

— А ты думала, они неживые? — продолжал Лесьяр. — Уж сколько лет они там, покой Ростиха хранят. В сказаниях написано, улетят с места насиженного, как только рухнет Дом Предсказаний. Да только не верю я в то.

— Ты вещун, Лесьяр, тебе видней будет.

Сказала и поспешила уйти побыстрей. Вслед какие-то слова донеслись да только не разобрала.

Едва-едва не дошла до Всеславовой комнаты.

Позади шагами тихими кошачьими шел гость. Незванный-нежеланный. Ощутила я его будто прикоснулся кто рукой прохладной.

Обернулась.

— Тихое утро, сестра моя, — поклонился он, приложив руку к груди.

— Тихое утро. Только не сестра я тебе, — склонилась в ответ.

Зоран, темный жрец ушедшей, легонько улыбнулся.

— Не признаешь ни ее, ни меня, а мы тебя давно признали.

— Оттого и ходишь по пятам?

Чародей с посохом, на котором самоцвет черный, а на шее ее знак древний.

— Непросто тебе, Вельма, затем и пришел. Коли совсем худо станет, приходи. И я, и Осьмуша, и она ждать будем.

Вспомнился мне сон, что перед испытанием явился. И глаза ее ледяные, и одежды черные, что по ветру выются, и берег одинокий, ветрами межмирья скрытый от яви...

— Не приду я, Зоран, не жди. Решила уже.

— Решения людские меняются волей богов. А печаль твоя долгой будет.

— Ах ты, змей...

— Не я, — покачал он головой.

— Тогда откуда узнал?

— Откуда? Она мне указала, в огне.

— В темном огне, — добавила я.

— В ее огне. Зря, Вельма, ты от природы своей бежишь, зря. Осьмуша принял и смирился, а ты страдать будешь.

Я замотала головой и пошла прочь. Не стану слушать его, не буду, не поверю в увещевания ложные.

Варвару я застала за странным занятием — чародейка носилась по комнате, выполняя указания Всеслава, разыскивала снадобья, книги, свитки. Тишка в этот миг сидел на стуле посередине и тыкал пальцем то туда, то сюда.

Всеслав же, занимая привычное место хозяина, приказывал Варваре, что найти. Завидев меня в дверях, он поманил рукой.

— Тихого утра, Всеслав, — пробормотала я. — Что стряслось здесь?

— Собираемся мы, Вельма, в путь-дорогу нам пора.

— Какую дорогу?

— Лисица-синица, поедет далеко, на конях ретивых, за дома порогом, — запел Тишка, покачиваясь из стороны в сторону. Бубенцы на его шутовской цветастой шапке тихонько позвякивали и пели о чем-то далеком. — Вслед за кочевниками лютыми поскачем, схватимся за мечи, и...

— Что ты говоришь, Тишенька? Всеслав? Варвара?

Я оглянулась как-то беспомощно.

Казалось вот-вот и провалюсь куда-то. Печаль пришедшая с Изнанки, что сном зовется, растерянностью обернулась. Глядишь и нет ее, а как схватится за плечи, как обнимет, так и сил нет избавиться.

Птицы вещие видать морок какой навели. Куда ни пойду, какой шаг не сделаю — все рушится, все чужое.

— Тебе бы тоже поторопиться, — сказала Варвара. — Немного времени уже. А ну убери руки, плут! — прикрикнула на Тишку, когда тот к цветной склянке руки потянул.

— Так куда ж поторопиться?

Вздыхнул Всеслав.

— Ростих велел на битву собираться. Не одолеть Мстиславу гарнарцев без нас.

— И что же? Все едем?

— Я и ты едем.

— И я! Гарнарца поганого рубить стану! — вызвался Тишка.

— Сиди уж, голова твоя дурная, — хмыкнула Варвара. — И без таких найдется забота...

— Злыдня — Варька! — насупился шут.

— Молчи уж!

— И как скоро едем, Всеслав?

— О том не знаю — как Ростих велит.

— Как Ростих велит... — повторила я тихо.

Где же Ладимир и что с ним?

Сохраните его боги, коли на пути к полю бранному...

На просторном дворе Дома Предсказаний, куда пускали меня нечасто, боясь, что узнать могу лишнего, стояла высокая клеть. Жил в ней сокольничий Чеслав. Хмурый, с постоянно сведенными к переносице бровями, заросшей спутанной бородицей, и в старых, сотни раз залатанных, вещах из грубой небеленой ткани.

Показывался в Доме Чеслав редко, лишь когда звали особо. Слов не говорил, грамоты не знал. Лишь хмыкал изредка, кивал, когда спрашивали и мотал головой, коли что не по нему приходилось.

Я его лишь два раза и видела. Однажды как с Всеславом ходили письмо с соколом посылать, второй — как сама родным в Растопшу писала.

Сегодня снова к сокольничему пошла с грамотой в руке. Осторожно постучала в дверь, боясь, как бы Чеслав не осерчал на незваную гостью, пришедшую в поздний час.

Грузные шаги, слышались из-за двери клетки и, спустя полминуту, на пороге показался хозяин. Прищурившись, он пригляделся ко мне в неровном свете факела.

— Тихого вечера, Чеслав, — проговорила, — можно ли послание отправить?

Сокольничий недовольно крякнул и махнул рукой, входи, мол.

— Ты уж прости, что так поздно, — продолжила я, переступая порог, — Родным своим хочу написать. Вести тревожные пришли, не могу смолчать. Сам ведь видишь, что твориться в Трайте.

Нарочно я это сказала. Вряд ли Чеслав за ворота выходил. В городе так и вовсе не появлялся. Разве что от чародеев и слышал о войне.

— Позволишь ли одну из твоих птиц взять?

Сокольничий метнул на меня недовольный взгляд и направил в глубь клетки. Я осталась ждать, сжимая в руке тоненькую трубочку — послание.

Недовольный клекот разбуженной птицы отозвался в моей голове яркой вспышкой. Молодой сокол, еще слишком резвый и дерзкий, не усмиранный до конца, разозлился. Сокольничий, этот человек, насквозь пропахший птичьим духом, не нравился ему. Он заставлял подчиняться, запирали в клетке, закрывал глаза.

С каких времен в Беларде послания стали передавать соколами — не ведаю. Знаю только, что птица эта — гордая и непримиримая. Заклинатели много лет бились, чтоб заставить их подчиняться приказам да задания выполнять. И ведь не каждый сокол в почтари годился. Иной лишь для охоты. Только вот в последние годы разлюбили наши бояре с птицами охотиться. Забава эта отчего-то пресной им показалась.

Чеслав вышел ко мне с соколом на руке. Когти птицы накрепко впились в кожаную

рукавицу. Клюв приоткрыт.

Сокольниковый сделал знак, и я подошла к нему.

Коснулась еще мягкого оперения птицы. Сокол на миг будто отпрянул, ощутив касание чужого духа, а после прислушался и затих.

Я делала все, как Всеслав учил. Осторожно коснулась золотой нити, что от самого сердца соколиного вилась. Со своей ее на мгновение сплела, а уж после, заговорила:

— Ну что ж ты, дружок? Испугался разве? Не бойся, зла тебе не сделаю. И прости, если потревожила. Дело у меня есть, попросить хочу грамоту родным моим отнести. Да только не в город, не в село, а...

Сознание птицы, все еще затуманенное злостью, было открыто. Недолгие однообразные воспоминания, что могли сопровождать лишь рожденного в неволе, промелькнули передо мной враз. Сокол оказался слишком молодым — не разменявшим и полного года, не видевшим зимы.

— Не нашлось ли другого? — спросила у Чеслава, боясь, что птица может и несправится.

Тот не ответил — даже кивком головы меня не удостоил. Мол, какого вынес, того и бери.

Поглядев на лицо его, я, грешным делом решила будто к лучшему, что молчит. Простите меня, боги — нельзя о людях так. Чеслав ведь не по своей воле молчун, не оттого, что слово ему поперек горла встает. А оттого, что в младости своей к лиходеям в лапы попал, а те язык и отрезали. С тех пор у нас служит, за птицами ходит. Соколы и без слов понимают Чеслава, заботу чувствуют. Да и дух его за прошедшие годы будто и не человеческий стал, все одно с птицами сравнялся. Если уж учить птиц, так то заклинателей дело, а ему лишь бы кормил да лечил.

Сокол встрепенулся, когда я за золотую нить дернула. Образы моих братьев ему отдала и велела, чтоб искал. Где искать — тоже показала. Если права я и на месте они, так буду спокойна. Если ж нет — себя только винить.

— Довольно, — проговорила, завершив. — Отправлять можно.

Чеслав снова ничем не выдал свой ответ. Сокол — птица дня. Тяжело ему в ночи будет, разве что чары мои помогут.

Не любил меня сокольниковый, по глазам видела, не любил. Ладно уж чародеи носы воротили, но прислужники-то... Те за ними следовали. Имя ушедшей не произносили, а от детей ее и вовсе, как от чумы открещивались.

Вышли мы во двор. Чеслав глаза птице открыл.

Сокол взмахнул крыльями, на меня поглядел умными глазами, и голову чуть склонил. Я же ему на когтистую лапу письмецо привязала аккуратно, чтоб не мешалось.

— Лети, дружок, — прошептала, выпуская золотую нить из ладони.

Сокол раскрыл крылья и взметнулся стрелой в вышину темнеющего неба. Пестрым росчерком промелькнул и скрылся за маковками терема. Как и не было его.

— Спасибо, Чеслав, — поблагодарила мужика.

Тот только рукой махнул и ушел.

Думы тяжкие окутали меня, пока домой шла, пока по двору велимирову ходила, пока на звезды-зернышки глядела, как порог переступила. А уж как в горницу вошла, так разом и схлынули потоком бурным.

У очага пылающего колдовским алым пламенем сидел Велимир и племянником.

Беседовали о чем-то негромко. Так, будто желали, чтоб и не слышал никто кроме.

— Ладимир... — вырвалось у меня.

Сердце враз подскочило будто заяц вспугнутый. Забилося радостно.

Вернулся, слава молодым богам! Зря я речей темных наслушалась, зря поверила. Вернулся он. Ко мне вернулся.

Он обернулся. Лицо прежнее, на губах легкая улыбка, прядь волос на лоб спадает, разве что усталый вид. Превжний Ладимир, превжний.

Остановилась я и шагу сделать не могу. Превжний-то превжний, а вот глаза чужие. Холодные, колючие, как будто другой кто на меня глядит.

— Тихого вечера, Вельма, — ответил.

— Тихого вечера... — повторила эхом.

Не так здесь что-то. Духом чую, не так.

— Я уж думала, когда же вернешься. Хоть бы сказал, предупредил, что уйдешь.

Велимир смотрел на меня осуждающе.

— Ни стыда ни совести, вижу у тебя не осталось, — вслух сказал. — Меня б что ль постыдилась.

— А чего стыдиться, раз все знаешь?

Чародей усмехнулся.

— А я еще думал будто дети ушедшей как мы будут.

— Не нужно, дядька, — Ладимир остановил его жестом. — Не говори ей таких слов.

— В моем доме и молчать прикажешь, племянничек? Привел девку беспутную и еще речи ее бесстыдные терпеть. Надо бы и честь знать, вот что скажу.

Он поднялся и, не сводя с меня глаз, подошел ближе.

— В ночь гостя гнать — дурное дело, а вот с утра и проводить не грех. Долго ты жила у меня, Вельма, долго я глаза на все закрывал. Пора и честь знать.

Сказал и вышел прочь.

Я, как оглушенная, стояла посреди горницы. Шевельнуться не могла.

Ладимир, чего же ты молчишь? Отчего за меня не вступишься? Не скажешь, что нужна я тебе и что непустишь меня прочь из дома этого?

Любимый мой сидел, упрямо глядя на огонь, не шевелясь. Чужим, незнакомым превже, взглядом.

Я сорвалась с места, подбежала к нему, коленями на пол упала. Обхватила ладонями его лицо. Пальцами по колючей щеке провела, прядь темную со лба убрала.

— Ладимир, скажи мне хоть ты, что творится?

Медленно его взгляд коснулся меня. В них плясал огонь, танцевал незнакомый доселе танец. Страшный и завораживающий. Не тем уж был огонь, который когда-то меня зачаровал.

Теперь от огня этого на моей коже будто ожоги горели. Да не те ожоги горячие, а как ото льда. Как бывало зимой, в мороз лютый, железа коснешься или зачоченеешь на ветру, или упадешь в холодный снег.

Ладонь Ладимира легла на мое запястье и чуть слышно сжала его.

— Превжнее все, Вельма, превжнее. Зря ты переполошилась так.

И голос его чужой. Успокаивает, а слова безликие, неласковые, неживые.

— Как же превжнее, если Велимир меня прочь гонит?

Любимый опустил взгляд долу, отвел мои ладони, поднялся.

— Не мне ему мешать. Делай, как велит...

Ни слова я больше не сказала. Так и глядела ему вслед, так и сидела на полу у очага, не двигаясь.

— Уходи, Вельма, — тихо добавил, обернувшись. — Себя спасай, родная моя.

Оглушающая тишина упала на мои плечи, лишила сил. Время замерло, покотившись хрустальным шаром по краю пропасти, где, кажется, и я сейчас стою. Холодный ветер вдруг подул в спину, обернувшись огненным жаром. И не изменить ничего, не исправить...

Поднялась я после, уж когда не знаю. Только Хельга, вошедшая в поздний час, помогла мне встать, поглядела в растерянные глаза и проговорила:

— Так норны велели, не нам судить их слово.

Часы ночные, те, что не заметишь порой, во сне пребывая, тянулись вечностью. Казалось конца и краю не будет той темной пелене, что не землю легла.

Подойдя к окну, я вглядывалась в небо, усеянное яркими звездами — вестницами холода. Попадись мне сейчас птаха, повыщипала бы все перья ей. Чтоб не летала над миром, чтоб не насылала ночь темную, чтоб не было ее, дочери ушедшей, чтоб...

Даже заплакать я не могла.

Выдворили меня, выгнали. Как бродягу подзаборного, как псину безродную, как игрушку сломанную.

За что? Не знаю, не ведаю...

Слез нет, горя нет. Только будто камень на моих плечах и тяжесть его вот-вот раздавит, а я держусь отчего-то, не падаю, жива до сих пор.

За что со мной Ладимир так?

Вспомнила я, как он вышел и как обернулся, какие слова сказал.

Вздыхнула. Поднялась с места и быстро пожитки свои в прежний заплечный мешок собрала. Как пришла нищей, так и уйду.

Медальон скельдианский на шею надела, крепко сжала в ладони и помощи попросила. У богов. А вот у каких — своих или северных — есть ли разница? Имена у них только и разные.

Чуть светать стало, вышла тихо из дома, сошла с высокого крыльца, обернулась — темнота и тишина окутали жилище Велимира.

Всхлипнула горько. Дыхание мое паром на морозном воздухе стало. Слезу одинокую утерла рукавом и прочь пошла.

Куда? Не все ли равно?

Шла я по улицам и будто кто следом. Оглянусь вот и увижу ее — глаза нечеловечьи, одежды черные, лицо скрытое и кожу блее кости.

Не зря Зоран меня звал — знал все наперед темный жрец. Да только не пойду, все одно не пойду. Не поклонюсь ей.

— Обереги меня, Ларьян-батюшка, спаси и сил дай. Избавь от наваждения, от дочери твоей — отступницы... — все шептала.

Варварин дом я лишь однажды и видела. Жила чародейка на краю верхнего города, у самой границы, за которой начинались бедняцкие лачуги. Скромное жилище для всех

закрыто было. Меня саму Варвара и то неохотно пустила.

— Кого в ранний час принесло? — послышался голос хозяйки. Сонный и сердитый.

— Открой, Варварушка. Я это... Вёльма, — дрогнула уж на последнем слове.

Послышался скрип засова.

Варвара, наспех одетая, простоволосая, отчего седины видней стали, а сама женщина старше показалась, с тревогой на меня поглядела.

— Вёльма? Да как же... Что стряслось?

Я улыбнулась, сглотив поздно набежавшие слезы.

— На постой к себе возьмешь девку беспутную? — отчего-то улыбнулась.

— Входи, — она торопливо завела меня внутрь и закрылась.

Приятное тепло и запахи дома поглотили меня.

Здесь было уютно по-настоящему. Пусть тесно, пусть ни доли роскоши, но все же тепло.

Тепло так, как не согреет очаг или печь. Тепло душе.

Боги, как же долго я мерзла...

Варвара заварила мне какой-то успокоительной травы, укутала плечи шалью. Сама села напротив и терпеливо слушала.

На лице ее ясном вдруг тень пролегла. В глазах колдовских появилась тревога.

— Что делать мне, Варварушка, ума не приложу...

— Вот что я тебе скажу, Вёльма. Отступишь. Не след тебе в дела Ростиха мешаться. Отойди от Ладимира, не тронь больше, забудь.

— Ты знаешь что-то?

Чародейка покачала головой.

— Знала бы, так сказала. Да и не дело мне — болтать. А ты все же отойди в сторону. Если вихрь темный поднимется, так всех сметет и тебе не уйти.

— Не понимаю я, — покачала головой, крепко сжимая в ладонях кружку, уже пустую. — При чем здесь Ростих? Коли разлюбил меня Ладимир...

— Дуреха ты, Вёльма, — упрекнула Варвара. — Сама же говоришь — переменялся он. Нет такой силы кроме колдовской, чтоб враз разлюбить. Ладимир твой и без того недобрый человек, а уж с Ростихом и дядькой своим, Велимиром, тех еще дел натворить может. Оттого и говорю тебе — отступишь, обожди. Не то костей потом не соберешь. Сам же он тебе сказал!

Голос ее вроде и близкий, и родной, а все вдали звучит.

Как вспомню глаза его, голос, лицо равнодушное, так и упала бы на пол, кричала бы, билась о стену головой. Лишь бы понять — отчего так? За что?

— До утра пару часов подреми, Вёльма, а после... — Варвара решала, что делать. — После пойдем в Дом Предсказаний, к Всеславу. Он знает, что делать, подскажет.

Боги! Вела-вещунья, помоги! Если коснулись Ладимира злые чары, исцели его, дай сил справиться.

Не хотелось мне спать, не могло. Да только ноги сами от усталости подкосились. Упала я на постель и заснула вмиг. И снова мне шепот слышался, снова чья-то рука на плечо легла и ласково так гладила.

Не пойду я к ней, не пойду, пусть не старается — не уговорить.

Всеслав, на которого вся моя надежда и была, только головой покачал.

— Жаль мне тебя, девонька, боги видят, как жаль. Да только права Варвара — обождать

надо. Ладимир твой вернется и никуда не денется. Подожди только немного.

— Чего ждать, Всеслав? — вскочила я с места. — Если беда с ним какая, так помочь нужно, а, если чары злые, так развеять. Не могу я так сидеть... Ты коли знаешь что — не молчи!

Я с отчаянием и мольбой поглядела на заклинателя.

Всеслав не спешил с ответом, тянул чего-то. По глазам видела я, что знает да только говорить не станет.

— Сказано тебе, Вельма, сидеть и ждать. Так и жди. А лучше готовься к битве грядущей. Твои-то беды поменьше людских будут.

— Всеслав...

— Будет, Вельма! — прикрикнул он. — Не хочу я тебя губить, потому промолчу и слова больше о Ладимире и Ростихе не скажу.

Я обомлела.

— Всеслав, смилуйся, — прошептала, — чует мое сердце, беда случится скоро. Скажи хоть, откуда ждать ее.

— Ни слова!

Поднялся чародей, взметнулись полы одежд его, взмахнул посохом и вмиг вихрем исчез — был и нет.

Замерла я на месте. Шагу ступить не могу.

Будто темнота окутала меня. Все вижу, а двинуться не могу. Все слышу, а ответить не смею. Все знаю, а слов не свяжу.

— Лисичка? Вельма?

Я вздрогнула, обернулась — Тишка.

Шут, чье лицо исказилось в жалостливой улыбке, стоял совсем близко. Бубенчики на цветастом колпаке тихонько и грустно позвякивали, а сам напевал что-то тихое.

— Не печалься, лисичка, — проговорил, обняв меня за плечи. — Печаль будто туман. Глаза застит, на сердце камень опускает, дышать не дает и дорогу укрывает. А как свет забрезжит, так и рассеется, уйдет...

— Да где ж уйти коли и света нет?

Шут сел передо мной на пол и грустно улыбнулся. Так, будто и не дурак княжеский вовсе передо мной, а мудрец — старик с глазами, видевшими и счастье, и горе, и жизни, и смерти.

— Сколько бы тьме и печали не длиться, а одного луча тоненького на них обеих вдоволь станет.

Захотелось мне ответить, только не нашлась. Села рядом с ним.

— Расскажи мне сказку, Тиша.

— Какую сказку тебе хочется?

— А любую, только бы конец добрый.

Шут и заговорил.

Что за слова, что за песни не помню. Знаю только, что спокойно мне стало, легко, будто уснула и сон чудесный видела.

И уж не про драккары и северное море, не про дом родной, не про Ладимира даже. Снилось мне то, чего на свете быть не может, а еще песнь дивной вещи птицы, слово ее мудрое и совет.

Или не снилось вовсе? Печаль, она глаза застит.

В годы, когда я еще дитем несмышленным была да проказить любила, матушка запирала меня в темную клеть. Сидела там после, шевельнуться боялась. Оно ведь как — двинешься неосторожно, ненароком чего заденешь, поранишься, ударишься, а то и посыпется на тебя что. Еще больше ведь после влетит.

Сидела я на полу, обхватив руками колени, чтоб теплее стало. Веки до боли смежала. И все думала, грезила, что вот явится ко мне спаситель. Да не богатырь на коне, как девчонки все мечтают, а чародей. Что взмахнет он своим посохом, взметнется ветер вихрем, сорвет треклятую дверь с петель и унесет меня далеко-далеко. Туда, где молочные реки, кисельные берега, а по ним сахарная лодья плывет.

Это уж после, как подросла, поняла, что нет такого края и нет чародеев, готовых мне на помощь кинуться. Да и вообще нет ни чудес, ни див дивных, ни счастья простого.

Если и есть где-то, так в краях неведомых бродит мое, горемычное, уж и с дороги сбилось и заплутало, и не встретиться нам теперь.

Вот и теперь сижу будто в темной клетке и хоть светит мне яркое осеннее солнце, все одно ничего не вижу.

Трайта, все такая же шумная, наполнилась новыми звуками. Теперь веселые посвисты скоморохов, разухабистые песни их, крики торговцев и бормотание гадалок уличных едва заметны были. Лязг железа, шум знамен, трепящихся на ветру, команды воевод раздавались над городом.

На пристани, куда забрела я ненароком, и вовсе переполох был. Сэконунг Ульвар Трехпалый спешно покидал белардскую столицу. Не по нраву ему гости ельнийские пришлись.

Скельдиане готовили драккары к отплытию, не доверяя столь важное дело чужакам. Что ж могут простые белардские рабочие сделать? Не ходили они под парусом в морях, только на лодьях мелких, по спокойным водам Марвы.

Страшные драконьи головы снова красовались своей жестокой ухмылкой на корме. Теперь уж пускай врагов лютых пугают да злым духам мешают скельдианам пакостить.

Вышла я к самой воде. Знак Дома Предсказаний из-под складок плаща достала и никто меня тронуть не смел. Только глядели недоуменно. И пусть их.

Волосы я в тугой узел на затылке стянула — Варвара научила как. На голову длинную шаль накинула. Если и встретится кто знакомый, не хочу, чтоб узнал.

Воды Марвы по-осеннему темные. Ветер рябь на них нагонял, осыпая пожелтевшими листьями. Вспомнился мне Истомин день, вспомнился хмельной вечер и прыжки через костер. Вспомнилась и дорога домой, и как Ладимир тогда обнял, и как после, в тишине спящего дома я в его комнату вошла, и как впервые его назвалась.

Будто и не со мной было...

Касание чье-то незримое и я обернулась.

Северянин чуть заметно склонил голову, приложив правую ладонь к груди, и неспешно подошел ко мне.

— Не ждал встретить здесь ученицу уважаемого Всеслава.

— Доброго дня, ярл Сигурд, — поклонилась в ответ.

С минуту он глядел на меня, не сводя глаз. Ветер трепал его серебристые волосы, и я невольно поймала себя на желании коснуться его щеки и отвести в сторону непослушную прядь.

— И что же чародейка на пристани делает? — наконец проговорил Сигурд.

— На реку пришла поглядеть. Скоро ведь дожди пойдут, а после и вовсе льдом Марва покроется.

— В Беларде ранний ледостав, — согласился скельдиан. — Это плохо для нас.

— А брат твой стало быть скоро отбудет на север?

— Да будет богам угодно дать ему попутный ветер и милость свою. Сэконунга ждут в Скельдиании, — он миг помолчал. — Да и меня тоже.

Ворох желтых листьев, принесенных ветром, осыпался к нашим ногам. Тут же стряхнуло их в воду, и поплыли те по ряби темно-серой.

— Вернешься ли в Беларду, ярл Сигурд?

— Если велит мой конунг.

— Не жалко ли уезжать?

Откуда только во мне смелость такая взялась, ума не приложу. Ноги больше не подкашивались, голос не дрожал, провалиться сквозь землю не хотелось. И будто жалко стало, что он уезжает.

— Жалко не жалко, а долг прежде всего, — уклончиво ответил ярл. — Я не смею нарушить указа конунга.

Я обернулась к реке.

— Скоро уходите?

— Завтра после рассвета.

— Добрых вам ветров, — легко улыбнулась ему.

Сигурд сделал знак своим дружинникам ждать и подошел к воде вслед за мной.

— Ты, Вельма, все с драккаров глаз не сводишь, — сказал. — Коль пожелаешь, завтра с нами отправляйся. Рад буду.

Я подняла голову — в глазах скельдиана опять не было никакого сомнения или вопроса. Только слово — приказ.

— Не время мне Беларду покидать, — ответила. — Если будет на то воля богов, увижу север. Не будет — так не мне решать.

— Боги лишь указывают верный путь. Ступать на него иль нет — в нашей воле.

В голосе послышалось недовольство. Не привык Сигурд, чтоб его слова ослушивались.

— Ответ твой принял и дважды предлагать не стану, — добавил. — Прощай, Вельма, ученица заклинателя. Да благословят тебя боги, северные и белардские.

— Легкого пути, ярл Сигурд, — негромко сказала в ответ. — Подарок твой до смерти носить хранить буду.

Скельдиан чуть заметно улыбнулся — одними только уголками губ. Склонился в знак уважения и ушел вместе со свитой.

И как по волшебству налетел на меня порыв холодного ветра. Взметнул шаль, сбросил с головы. И ушел следом за скельдианами.

Человек этот, чьи глаза неба серого, а волосы пепел с серебром, все одно северный ветер. Холодный, жестокий, второго слова не дает. Вот он был — диво дивное — и ушел. Вернется ли? Не ведаю. Да только, чует мое сердце, унес с собой, в северные края, что-то. Будто от меня кусок оторвал и не видать теперь покоя. По слову одному могла бы в Скельдиании оказаться, а теперь лишь сны тревожные и печаль несбыточная.

Помогите мне, боги молодые, одолеть все грядущее.

Время, то соколом быстрым летящее, то ползущее улиткой, шло все к тому, чтоб отправиться нам прочь из Трайты. Уж собраны были все. Зелья колдовские в ларцы походные запрятаны, мешки заплечные уложены, кони быстрые откормлены и вычищены, подкованы на совесть.

Минуло всего-то двумя днями меньше седмицы, а мне вечностью показались эти дни. Страшно жить в ожидании, а в неведеньи и того хуже.

Варвара с Тишкой оставались в Доме Предсказаний. Ростих благоразумно разделил кому в путь двинуться, а кому и дома остаться. Не все на битву пойдут. Пойдет ли Ладимир я не знала.

За дни прошедшие каждый вечер к дому Велимира подходила. Ждала да так и не дожидалась. Надеялась — увижу и хоть словом обмолвиться. Спросить, отчего вдруг не нужна стала, отчего меня как собаку за дверь выставили.

Говорят люди, гордость иметь нужно. Только ж какая тут гордость коли правды не знаешь? Осудить ведь и отвернуться легче. А вдруг беда какая? Вдруг сам Ладимир в помощи нуждается?

Всеслав прознал про мои прогулки и строго-настрого наказал больше не «шляться под чужими домами».

— О тебе ведь, Вёльма, пекусь, — говорил он, когда шли к княжьему терему, скельдиан провожать в путь. — Не мешайся в дела незнакомые.

— А, если печешься, так скажи, что знаешь. Я, может, и мешаться перестану.

— А перестанешь ли? — усмехнулся заклинатель.

Я только глаза опустила.

— То-то же. На меня взгляни — старик-чародей, уж сколько лет в Доме Предсказаний сижу, а и то не лезу в ростиховы задумки, побери его ушедшая. Послушай совета, Вёльма, угомонись ненадолго. Пусть все решится, а после и узнаешь.

— Тяжело мне, Всеслав. Не могу покоя найти.

— Знаю, что тяжело, знаю. Думаешь, самому страдать по младости лет не приходилось? Когда на душе камень, белый свет не мил. Потерпи, девонька, потерпи, пройдет все и будто сном покажется. А годы пройдут, еще и улыбнешься, вспомнив...

Слушала его и не верила. Кажется мне, горе это с годами не померкнет, не поблекнут темные краски его, не сойдутся раны.

Несмотря на ранний час да холодный ветер, пришедший от самых восточных гор, как сказывали вещуны, люду собралось немерено. Вечно не спящая Трайта провожала северян в их жестокий суровый край. Всем хотелось вновь полюбоваться на драккары, что стояли со спущенными парусами, спали у пристани которую седмицу. Теперь же развернулись они во всей красе и величии. Драконы хищно скалились с носов и, кажется, встань кто на их пути, сожгут огнем своим, разорвут мощными клыками.

Близко подходить мы с Варварой не стали. Всеслав не велел. Мол, сиди ты, лисица рыжая тихо в сторонке, не суйся лишний раз. Я хоть и против была да все ж послушала. Сам чародей, как и полагалось, с князем Мстиславом поблизости был. И Ростих там же, и Велимир, и Зоран. Темный жрец сразу меня в толпе приметил и едва заметно кивнул.

Отвернулась я, не ответила. Не стану.

Помогите мне, светлые боги!

Вот и скельдиане вышли, обмолвились с князем, поклонами обменялись, пожали друг

другу руки. После Ульвар Трехпалый вышел вперед и, преклонив колена, вознес молитву своим богам, которые должны были хранить в пути. Его люди сделали так же.

Поднявшись, Ульвар вынул из-за пояса короткий нож и быстро провел им по ладони. Проговорив что-то, бросил в реку, а помощник его прибавил пригоршню соли.

Соль, сталь и кровь — вот чем платят скельдиане своим духам перед отплытием. Сталь — в подарок, кровь — чтоб получив свое, кровожадные духи не требовали больше и не забирали никого из скипрейда сэконунга, а соль — все тех же духов умастить. Воды Марвы нашей пресные, а защитники скельдиан лишь в морских и живут. Реки Белардские им что отравы лютой. Пусть же не сердятся, что заставил их Ульвар столько ждать и не напиться горькой морской соли.

Шагнули скельдиане на корабли, убрали мостки, развязали морские узлы. Затрубил могучий рог, чей голос оглушил меня тут же.

Внутри вдруг точно оборвалось что.

Вот бы мне на драккар взойти, встать на натертую деревянную палубу, ладонью по оскаленной драконьей морде провести и не израниться об острые клыки. Грубого паруса коснуться и услышать, как грохочет в нем ветер. А после стереть с лица брызги соленой воды и укрыться под тяжелым меховым плащом от обжигающего попутного ветра.

Будто сон. И явью уж никогда не станет.

Показалось мне, что Сигурд, вставший вместе с братом на корме, меня в толпе разглядел. Не поклонился, не улыбнулся, только глядел долго. Второй раз мы теперь с ним распрощались.

Мне, девке простой, богов благодарить следует, что свели меня с высокородным скельдианским ярлом, в чьих жилах древняя кровь течет. Куда уж до него? И верно решила, что плыть отказалась в Скельдианию. И правильно.

Только отчего вдруг щемит так в груди? Не родного ведь кого провожаю.

Под оглушительное пение рога, под крики людей, под бормотание молитв, хмельные голоса. Сопровождаемые дымом, запахом горячей смолы, свежего хлеба, рыбы, осенней прелой листвы, сырости вод, уходили скельдиане прочь из Трайты. Паруса с оскаленной волчьей мордой туго натянулись от попутного резкого ветра. Затрещали, зашумели — запели особую песнь.

Люд на берегу толпился, пока не исчезли за поворотом драккары, пока не стало видно их. На этот раз скельдиане другим, северным путем ушли. Туда, где Марва в море впадает напрямиком и где вотчина скельдианского конунга начинается.

— Идем что ли? — спросила Варвара в тот самый миг, как я с тоской глядела на драккар, исчезающий с глаза. — Вёльма?

— Идем, — грустно согласилась я. — Не на что глядеть дольше.

— Печалишься, что скельдиане ушли что ль? — удивилась чародейка.

— И без них печалей мне хватит, — ответила.

Потом вдруг подняла глаза и увидела Ладимира. Вместе с Ростихом они за князем шли среди прочих приближенных.

— Вёльма, идем. Вёльма?

— Ты, вот что, иди пока одна, Варвара.

— А ты как же?

— Я вон Осьмушу подожду, поговорить с ним хочу.

Слава богам, перевертыш в тот миг как раз через толпу продирался и прям в нашу

сторону. Зоран видать велел ему в Дом Предсказаний вернуться.

Варвара недоверчиво на меня взглянула, но все ж согласилась.

— Как знаешь, — ответила. — Только не загуляйся.

— Куда уж мне.

Дождавшись, пока она уйдет, я навстречу к Осьмуше кинулась.

— Вёльма, куда несешься будто подпаленная? — удивленно усмехнулся он.

— Слушай меня, Осьмуша да делай как говорю, — я вцепилась в его руку и отпускать не собиралась. — Как в Дом Предсказаний придешь, скажи Варваре, что Всеслав меня с собой оставил, ясно?

Перевертыш нахмурился.

— Что удумала такое?

— Не твоя то забота, Осьмуша, помоги лучше.

В глазах его волчья зелень колдовская мелькнула.

— Печалью ты пахнешь, Вёльма, тоской и тревогой тяжелой.

— Не время для твоих присказок, Осьмуша, — резко бросила я в ответ. — Сделаешь, как я прошу, благодарна буду, а нет — не твоя забота.

— Стой, Вёльма, погоди, — остановил он меня, и пройти не дал. — Сделаю, как сказала. Только, если что дурное...

Я резко отдернула руку.

— А что дурное, так не твоя забота.

Боги, ну сколько можно уж? Шагу ступить не могу — каждому остановить да бедами пригрозить нужно. Мне ли теперь бояться злых предсказаний?

Не оглянулась я на Осьмушу. Только вперед прошла. Пусть что хотят болтают, а я свое дело делать буду.

И никто мне не указ.

Со знаком Дома меня всюду пускали, не осмеливаясь вопросов задавать. Вот и прошла я тихонько в княжий терем. А чтоб не узнали, глаза отвела. Как — Варвара научила. Всеслав не велел такими забавами заниматься, а я втихаря все и выпросила.

Варвара хоть и не заклинательница, а чародейка умелая. Она-то быстренько меня обучила как глаза отводить, личину чужую надевать да невидимой для недругов становиться. Всеслав все говорил, мол, нечестно это, неправильно. Но разве ж я правила когда принимала? Коли принимала б, так дома, в Растопше, сидела с мужем.

Князь сегодня не для пира людей собрал, а для совета. Воеводы по правую руку, чародеи по левую. А рядом ельнийский принц со своими приспешниками и княжна Сияна.

Вот уж имечко верное Мстислав для дочери выбрал — все краше она с каждым днем, все милее и заметнее. И на совет нынче пришла разодетая. А позвали ее, чтоб лишний раз ельниец полюбовался да от планов своих свадебных не отступился.

Встала я тихонько в уголке, чтоб не видел никто. Заклятия охранные да невидимые прочитала. Теперь не увидят меня и чародеи. Отчего? Да потому что сила их светлая, а меня с первого дня дочерью ушедшей все зовут. Известно ведь, что сила ее иная и лишь свои распознать могут. Так-то!

Долго я слушала важные речи воевод, глядела на их лица суровые. После боярские да купеческие жалобы. А потом уж и черед чародеев настал. Ростих первым слово взял, за ним Всеслав, Велимир, Зоран. Не слушала их — на Ладимира глядела. Тот понуро сидел, в глазах

прежний туман стоял.

Боязно мне стало пуще прежнего. Вдруг и впрямь под чарами он?

Княжна-красавица скучала заметно. Изредка из-под опущенных ресниц смотрела на ельничца, что с нее глаз не сводил, а после куда-то в сторону смотрела. На чародеев видать.

Я уж и притомиться успела, пока слушала их.

Наконец завершил Мстислав совет, велел всем расходиться. На дворе уж ночь поди, пора на отдых. Да только не мне.

Дождавшись, пока Ладимир с Ростихом выйдут, я за ними скользнула. Смотрю, а идут в разные стороны. Ростих любимому моему что-то сказал, а тот кивнул и ушел.

Я за ним.

День будто час прошел — не заметила я, как осенний вечер крыла темные распустил. А только птаха уж давно с гнезда спорхнула да в путь пустилась. Люд честной спешил по домам — закрыться и сидеть подальше от лихих ночных гостей и холодных ветров. Одна я, безумная, брела по улицам, личину и ту подрастеряв.

Чары ведь дело такое — пока питаешь силой до тех пор и крепки. Я же чародейка неумелая пока, нечего мне лишний раз себя испытывать. Не то свалюсь без сил где-нибудь в переулке и знай-поминай как звали — себя загублю и куда Ладимир шел не узнаю.

Шла я тихо, таясь по углам, стараясь не шуметь и на глаза ему не попадаться. И выходило ведь. Сколько помню себя, всегда тихой была. В лесу бывало так неслышно ходила, что и к охотникам подкрадывалась — не замечали. Однажды отца до смерти испугала — ох, напустился же он тогда на меня! Умения те послегодились, как из дому уходила.

Ладимир небыстро шел, не оглядывался. Знай себе своей дорогой шагает. Куда — не ведаю. Только улицы-переулки все незнакомые кругом. Одно и знаю, что верхний город, княжьи терема кругом.

Остановился он, будто подумать иль оглядеться решил. Я же в тот миг за углом, прижавшись к бревенчатой стене, притаилась. Стою, вдохнуть боюсь.

Ладимир поглядел куда-то вверх, на окна высокого терема да и пошел дальше. Я хоть и дура деревенская, а заметила — свечной огонь в окне блеснул.

Сердце нехорошо забилося, по спине холодок прошелся. Неужто кто ему сигнал подал? Неужто ждет кто? Ясное ж ведь дело — не друг-товарищ разлюбезный, не Ростих-наставник.

Выглянула я из-за угла своего, только собралась выйти и следом пуститься. Чтоб ни было там, узнать должна.

Легла на мое плечо рука тяжелая.

— Всеслав стало быть тебя по углам вынюхивать учит?

Обернулась я.

Велимир.

— Что молчишь? Язык проглотила? Никак в доме моем языкастей была.

Я пошатнулась и невольно назад ступила, прижавшись к стене холодной.

— Обмануть всех решила, Вельма? Думала, умней иных станешь? Отвечай, зачем следом шла?

— Правду узнать хотела, — только и ответила ему.

— Правду? — Велимир усмехнулся, не сводя с меня глаз. — А на что тебе правда? Мало, что в доме моем принята была и не отвергнута чародеями? Тебе, девке уличной

радоваться бы, что удача такая выпала. А ты знай все не в свое дело нос суешь. Шла бы своим путем, никому не мешалась.

Я вжалась в стену, стараясь быть дальше от нависшего надо мной чародея.

— Не тебе решать, Велимир, где мой путь, — проговорила тихо, — не в твоей то власти.

Двинулась было вправо, чтоб мимо него проскочить.

— Не в моей говоришь?

Я вскрикнула и больно ударилась затылком. Глотнула воздух и захрипела. Тяжелая велимирова рука сжала мое горло.

— Ты, девка, место свое забыла. Под ногами у меня с первого дня путаешься. Была б воля моя, так мигом бы к ушедшей отправилась.

Я судорожно пыталась схватиться за его руки, хоть как-то высвободиться. Перед глазами все меркло. Боль и жжение в груди.

— А Владимиру ты не нужна, — жестоко повторял Велимир. — Наигрался он с тобой и будет. Из-за какой-то дуры судьбу свою губить он не станет да и я не позволю.

Бессильно схватившись за его запястье, я захрипела. Велимир разжал хватку.

— Жаль, не могу тебя к темной родне отправить, — проговорил, брезгливо встряхивая рукой. Будто испачкался в чем. — Правды хотела? Будет тебе правда. Сполна получишь. Пошли.

Схватил меня за руку и потянул за собою. А я, сил не имея сопротивляться, пошла.

Вошли мы в терем. В тот самый, на который Владимир глядел, дожидаясь чего-то.

Велимир ни на миг руки моей не отпускал. Слова не говорил. Только тащил за собою. Я же, дрожа всем телом, шла следом. Горло все еще саднило, а по коже мурашки так и бегали.

Слава тебе, Ларьян-батюшка! Уберег рабу свою неразумную от смерти лютой.

А ведь близко я к ней была. Как рука колдуна на шее моей сомкнулась, так и легли на плечи руки Ее холодные. Шепот тихий уши заполнил. Ласково так, нежно успокаивала меня, к себе звала в объятия. Казаться мне уж стало, что окутывают черные ее одежды. Что немного еще и раскатятся прочь белые бусины и окажусь я вместе с той, что силу дает — с ушедшей вместе. Ждет она детей своих, каждого ждет, хоть живым, хоть мертвым.

Покорно, ни слова не говоря, я шла за Велимиром. Поднялась следом по крутой лестнице. Прошла в конец коридора.

Чародей прислушался. Прошептал слова какие-то.

Глядела на него и не верила. И меня-то еще темной дочерью зовут! Велимир вон такие дела творит, налево и направо черные заклинания плетет, а все же светлым считается, все правильным. Сейчас — морок навел и будто с гуся вода. Не узнает ведь никто, слова не скажет.

— Готова правду увидеть? — спросил, а в глазах едкая злая усмешка мелькнула.

— Готова, — хрипло прошептала я.

— Так гляди!

Толкнул дверь рукой. Та настежь открылась.

Ступила я в комнату, где тепло душное сон-травой пахло — чар сильных свидетелем, зелий колдовских другом. Тускло свеча мерцала. Оплывшая воском, который никто убирать не спешил, одиноко светилась на столе посреди комнаты.

Замерла я, двинуться не силах. Закричать хотела да голоса не стало.

На ложе богато убранном любимый мой Владимир и девица — княжна Сияна

Мстиславовна.

— Ну что, достанет с тебя правды? — не скрывая кривой ухмылки, проговорил Велимир.

— Ты что сделал с ним? Какие чары навел? — наконец крикнула я.

— Чары ни чары, а правда перед тобой. Не нужна ты Владимиру больше — другую он полюбил.

Я снова оглянулась на любовников. Предательская слабость по телу разлилась.

Велимир, родной мой! Да что ж это делается? Очнись, взгляни не меня!

Светлые боги, помогите! Развейте чары злые!

Окликнула я — не отозвался, подойти хотела — не смогла.

— Не старайся, — сказал Велимир. — Мы сюда по Изнанке вошли. Они и не видят, и не знают. Позовешь — не услышит. Велимир теперь никого кроме нее не услышит вовсе.

Глядела я, как ладони по золотистым волосам Сияны скользят, как кожу ее шелковую гладят. Как она на груди его лежит, как улыбается, как глаза сверкают.

Глядела и не верила.

Велимир, сердце мое, за что же так? Чем я-то не приглянулась? Чем не подошла?

«Чары не чары, а правда перед тобой...». Какой же он колдун, ежели приворот распознать не смог? Какой чародей, если поддался на темное заклятие? Без воли его не свершить Велимиру с Ростихом волшебство, не одолеть.

— Зря ты, Вельма в Скульдианию не ушла, как звали, — проговорил Велимир. — Теперь знай правду.

Померкло все передо мной.

Не слушая других слов чародея, выскочила я прочь. Побежала куда глаза глядят.

Не видела ничего и не слышала.

Разве что шаги за спиной да шепот иногда чужой, что к себе звал и успокаивал...

В Доме Предсказаний тихо было.

В час, когда колокол на башне трижды пробил, не было здесь никого. Не должно быть видно.

Вошла я без спроса, без проверки стражей на входе, без взгляда косога. Вещие создания на стенах не шурились ехидно, не пугали, не срывались с мест — пропускали.

Промокшая под ночным дождем, упавшим с небес, в разодранном платье, простоволосая, с исцарапанными руками и горлом синим от велимировой руки, шла я по коридорам.

Много, ох, много лет манили они меня, звали.

И что же? Пришла я, поверила. Все сделала лишь бы здесь остаться.

Боги светлые... Да только кто же я теперь?

Чародейка недоученная, девка гулящая, которую и замуж никто не возьмет, коли уйти надумаю. Обманутая и брошенная жестоко.

Всеми брошенная — людьми и богами, которым день и ночь молилась. Не слышали видно недостойную, не приняли треб моих, не пощадили.

Говорил мне Зоран, темный жрец, что страдать буду, говорил, а я не верила. Прав был. В огне все видел. А пламя, оно каким не станет — темным или светлым, все истину кажет. В лепестках его любая тайна явью становится. И не укрыться, не спрятаться, не обмануть.

Прошла я тихо, у двери резной остановилась, постучала. Открыли сразу.

— Входи, сестра, — проговорил Зоран. — Мы ждали тебя всю ночь.

Осьмуша, за его спиной, за руки меня удержал, не дал упасть.

— Вельма, да что стряслось с тобой? — спросил, оглядев меня с ног до головы.

Не ответила я.

— После спросишь, — велел ему Зоран. — Помоги лучше нашей сестре, дай одежду сухую, отвару горячего.

— Нет, — взмахнула я рукой. — После все...

Они поглядели на меня оба.

— Увидеть ее хочу. Сейчас же.

На святилищах в Беларде не ставили идола ушедшей. Ей лишь темные жрецы поклонялись вдали ото всех.

Знала я, что если уж Зоран такой путь выбрал, то сам, в своей обители ей молится. Чтоб не видел и не помешал никто.

— Идем, — кивнул он, взял меня за руку и повел.

В зале небольшом, полутемном очаг горел посередине. Пламя его колдовское яркими языками взлетало над чашей. Кажется, взглянешь в него и увидишь все — прошлое, настоящее и грядущее. Покажется оно всполохами алыми, картинами такими, что с ума свести могут, ежели не готов окажешься.

Дойдя до очага, я вдруг тепло ощутила, враз согрелась. Протянула руки к огню. Языки пламени почти коснулись кожи да не обожгли.

— Это пламя — ее огонь, — проговорил Зоран. — Всегда греть тебя станет.

Тут я глаза подняла и поспешила очаг обойти.

Она такой же как во сне моем была. Точь-в-точь. В черном вся, с лицом закрытым, глазами, на меня взирающими, и рукой протянутой. Будто прямо ко мне.

— Ушедшая, — прошептала я. — Мать моя непризнанная...

И ладони ее мне на плечи легли.

— За что же ты дочери своей страдания принесла? За что не пощадила?

И шепот ласковый как песня полился...

— За что не защитила? За что покинула?

«Сама ты меня покинула, Вельма, признавать не захотела. А путь тебе указать непросто было», — шептала в ответ.

Вгляделась я в ее лик и показалось будто сама на нее похожа. Ступила было вперед, ближе подойти да не удержалась. Ноги подкосились, и упала на колени.

— Ушедшая, мать моя непризнанная, сама я к тебе пришла, — снова зашептала, — защиты и помощи просить. Сил мне дай и развеяй мое горе по ветру будто пепел. Сожги любовь мою в огне своем — пусть не будет ее навеки. Не хочу в сердце ее хранить, не хочу предателя помнить.

Просить прошу, а что взамен дать. Нельзя мне ей служить, нельзя белую бусину терять, нельзя...

— Помоги мне, ушедшая, дай сил, — слабо повторила. — Не служила я тебе прежде и знаю, что не оставишь меня. Белую бусину из ожерелья твоего принимаю и с ней силу твою...

Взглянула на нее и показалось, будто сквозь складки легкой ткани возникло ее лицо и легкая, едва уловимая улыбка.

Подняла я дрожащую руку, чтоб к ее ладони коснуться, договор наш скрепить.

Протянула пальцы и едва-едва дотронулась, а после все и померкло.

Очнулась уже днем.

Свет дневной в глаза ударил и больно стало.

— Лисица-синица и где ж ты гуляла? — пропел Тишка. — Где была так долго, что извелись мы все! Меня, шута бедного, и того подняли не свет ни заря!

— Умолкни! — цыкнула Варвара. — Вёльма, слышишь ли меня?

— Слышу, Варварушка. Встать помоги...

Осьмуша тут же подскочил и помог мне сесть.

В комнате, прежде лишь Всеславу и его союзникам принадлежащей, Зоран сидел.

— Сильно ты утомилась, Вёльма, — сказал. — Без чувств тебя сюда принес. А Варвара после зельями своими отпаивала.

Я взглянула на себя — платье новое, чистое, меховым плащом укрыта. Отчего ж я здесь?

Как вспомнила, так будто стрелой грудь пронзило... Слезы сами подступили.

— Не плачь, лисичка, не плачь, — Тишка стал гладить меня по голове. — Нет твоей вины ни в чем.

— И то верно, не плачь, сестра, — добавил Зоран. — Печаль уйдет, так огонь сказал. А время унесет ее следы и будешь ты снова счастлива как прежде.

— Как прежде, — повторила за ним бессмысленно. — Зоран, услыхала ли она молитву мою?

— Она все слышит, Вёльма.

— Вёльма! — вскрикнула Варвара. — Никак ушедшей молиться надумала?

— Боги светлые, помогите! — пискнул Тишка и полез под кровать.

— Не кричи, Варвара, — спокойно ответил Зоран. — Нет ее вины в том, что сказать желаешь. Договор их не скреплен. Вёльма руки ушедшей коснуться не успела — чувств лишилась. Если желаешь, сестра, вернешься и доверишь дело.

Ничего я не сказала ему в ответ. Только голову опустила и закрыла лицо руками.

Темные от дождя стены покинутых людом домов казались мертвыми. Того и гляди нечисть какая из-них покажется. Зашипит злобно, оскалится и царапины от когтей на бревнах оставит. А следом за ней целая орда нежити хлынет и тогда уж не спастись нам, никому. Говорят, шаманы гарнарские немерено ее разбудили волшебной темной.

Вздвогнув, я плотнее запахнула плащ и убрала со лба прилипшие волосы. Непогода вот уж третий день изматывала незадачливых путников. А холод — холод крался следом за дождем. Проникал под одежду, царапал кожу, колотл будто насквозь и отказывался выходить из тела, оставаясь там, кажется, навечно.

Чем дальше мы двигались на юг Беларды, тем страшнее мне становилось. Всюду виднелись брошенные деревни, сожженные дома. Частенько встречались нам люди, бегущие на север. Иной раз целыми селами бежали — уставшие, грязные, с пожитками, что успели унести.

У дороги, размытой дождями, в грязи, часто натыкались мы на мертвецов. Были они как один — раздеты и ограблены.

— Надо бы передохнуть, Всеслав, — сказал Зоран, поравнявшись с нами. В седле он

держался так, будто с малых лет на коне сидел. Непогода кажись и не пугала его.

Заклинатель поглядел по сторонам и только покачал головой.

— Нельзя. До темноты мы должны добраться до деревни.

Зоран поглядел на темнеющее небо, грозящее новым проливным дождем пуще прежнего и холодным вечером.

— Как скажешь, Всеслав. Воля твоя.

Двигались мы небольшим отрядом — всего-то пять десятков нас. Вздумай враг напасть, не отобьемся.

Я хмуро оглядела растянувшуюся по размытой дороге цепочку усталых путников.

Боги, когда же кончится этот путь?

Мирка недовольно всхрапнула, и я погладила ее по мокрой гриве. Затеяли люди войну, а зверье бессловесное вместе с ними страдает и муки терпит. Чего, сказано, не хватает Ихмету поганому? И так полмира заграбастал руками загребущими, так еще на север лезет. Беларду ему подавай!

Остовы покинутых и разграбленных домов все еще виднелись позади. Кому война, а кому мать родная. Много их развелось, разбойников, которым бы только нажиться на чужом горе. А ведь ежели враг придет и им достанется.

Глядела я кругом, вздрагивала от холода и до того тошно мне становилось. Век бы всего не видела!

За что мне ноша такая выпала?

Покой лишь во сне тревожном обретала. Глаза смыкала и забывалась ненадолго. А после вставала и снова — рвется сердце на части, болит. Будто камень на грудь положили и стряхнуть не могу. Тяжко мне, ох, тяжело...

— Ушедшая, мать моя непризнанная... сил дай.

И легче на миг стало. Каждый раз становилось.

— Вельма? — окликнул Всеслав. — Ты чего там под нос себе шепчешь?

— Песню старую, что от бабки слыхала, напеваю. Авось не так тоскливо будет, — соврала, не моргнув.

С того дня, как Ладимира в объятиях Сияны застала да к Зорану в святилище ходила, все молюсь ей. Сил прошу и защиты. Произнесу имя и легче делается — камень мой будто сдвигается немного, холод не колет, а ласкает, окутывает.

Не деться никуда от силы древней. Чую, как глядит она на меня, как помогает, утешает, шепчет. Что бежать от самой себя? Не сбегу. Ее я отродье, верно Ростих Многоликий говорил. Ее дочь.

Ясно мне теперь, отчего люд колдуна Многоликим прозвал. Затем что нет числа его лжи и обману. Коварен и хитер Ростих. Не знает никто, чего ждать — ни я, ни Всеслав, ни Зоран, ни Ладимир.

Храни его боги, любимого моего. Пусть хоть где, хоть с кем, хоть навеки будет. Жизнь за него молиться буду. Пусть жив и здоров по земле ходит.

В дороге торной время тяжело коротать. Дни напролет я бывшее вспоминала. Одно и то же по сотне раз передумывала. Сердце оттого кровью так и обливалось, так и замирало. В минуты эти ушедшую и поминала.

— Сожги любовь мою несчастную и пусть пеплом по ветру летит, и чтоб не было ее, окаянной, — шептала снова и снова.

Оттого, что лишь в темном колдовском пламени сгорит она — настолько сильна. Лишь

по ветру развеявшись, сгинет — настолько глубока и нескончаема.

И нет уж который день страданиям моим конца, и края не видно.

— Ушедшая, мать моя...

— Дядька Бурислав, там идет кто-то! — крикнул Некрас, прежде знакомый мне тем, что спас от нищих на улице.

— Стой! — скомандовал воевода.

Мы разом оглянулись в сторону, куда указал Некрас.

Одинокая фигура, бредущая через поле. Полы одежды нещадно развевались холодным ветром. Стена из дождя и тумана не давала понять, кто идет к нам.

— Кто ж такой? Баба что ль? Лохмотья так и треплются, — пробормотал Некрас, остановившись подле меня.

Осьмуша выпрямился в седле, прислушался к ветру и по-волчьи потянул носом. Потом вдруг замер и побледнел.

— Зоран, то наши гости, — проговорил негромко.

Темный жрец всмотрелся в бредущего, потом вдруг соскочил с седла, быстро отстегнул посох от седла.

— Вот что, Всеслав, — сказал. — Вы скачите дальше, а мы останемся.

Заклинатель переглянулся с Буриславом.

— Справишься сам?

Зоран тем временем уже принялся расчерчивать на мокрой траве неизвестный мне символ.

— Чего стряслось? Кто это? Осьмуша? — я поглядела на них, ожидая ответа.

— Гарнарцы подарочек нам передали, — ответил Зоран. — Езжайте от греха подальше, я сам справлюсь.

Он поглядел вдаль и добавил:

— Где один, там и второй прибудет. Езжайте!

— Едем, — скомандовал Всеслав. — За рощей вас будем ждать.

Зоран кивнул.

Я медлила.

— Вельма, ты чего? — позвал Некрас.

— погоди, — ответила. — Зоран, дозвожь остаться?

— Нет, сестра, езжай.

— Вельма, быстрее.

— Нет. Вы с Осьмушей темную волшбу творить собрались, думаешь, не знаю? Дозвожь и мне остаться.

Тут дождь усилился. Мой голос терялся в его шуме.

— Ты ей не служишь, твоя сила другая.

— Вельма! — закричал Всеслав. — Ты что удумала? Девка дурная!

Но меня будто что держало. Не могу уехать и все тут.

— Прости, Всеслав, что не слушаюсь. Только с места сойти не могу. Как ни ругайтесь, а остаюсь.

Заклинатель только кивнул.

— Неволить не стану коли чуешь. Бурислав, едем.

Я спрыгнула с седла. Хлюнула под сапогами грязь.

— Езжай, голубка, — шепнула Мирка. — Прости хозяйку свою беспокойную... Ступай

подалее от греха.

Лошадь недовольно повела ухом, но все же послушалась.

Отряд наш быстро удалялся.

Я, Зоран и Осьмуша молчали. Только дождь пел свою печальную песнь.

И тут я поняла, что почувал Осьмуша. Ветер принес густой запах злобы, страха и мертвечины.

— Возьми, сестра, пригодится, — Зоран протянул мне нож.

Я коснулась отцовского, что висел на поясе теперь.

— Не нужно.

— Мой вернее будет, в нем волшба.

Я покачала головой.

— Твоя волшба, а мне моя вернее.

— Как скажешь, — кивнул темный жрец.

Поднявшись с земли, я отерла грубым рукавом лицо. Платье мое было в грязи, а руки исцарапаны о костяную рукоять отцовского ножа.

— Сестра, жива? — спросил Зоран, подав руку и помогая встать с колен.

— Жива.

Глаза колдуна все еще были черны и будто неживые после свершенной волшбы. Камень в посохе тихонько переливался и медленно угасал.

— Не придут больше? — спросила я.

Зоран помедлил с ответом.

— Не знаю, сестра, не знаю. Верно только, что мы ждать не станем. Этих, — он кивнул на тела, лежащие вокруг нас, — сожжем.

— Огонь ведь не загорится, — заикнулся было Осьмуша.

Дождь так и хлестал, так и бил нещадно. Вот уж выбрался час для навьих гостей!

— Загорится, — уверенно ответил Зоран. — Вёльма, помоги.

Вызывать огонь — не велика задача, как я узнала недавно. Это ведь раньше, глядя, как Ладимир то же делает, рот от восторга открывала, а теперь сама едва пальцем шевельну, и взовьется колдовское пламя.

Тела упырей, темных дел гарнарских шаманов, вспыхнули. Я долго глядела, как горят они. И снова себе не верила — будто не я и не со мной все.

— Вёльма, идем, Всеслав ждет, — тронул за плечо Осьмуша.

— Идем, — ответила, отчего-то не желая уходить.

Дождь и ветер будто отступили. Хоть и была я до нитки мокрой, хоть и в кровь губы обветрились, грязь по лицу размазана, а волосы на лоб беспорядочно налипли. Не чувствовала ничего.

Только и казалось, будто вместо крови по венам моим сила льется. Горячая, живая, страшная.

— Вёльма! — и Зоран позвал.

— Иду, — сказала и, отвернувшись, от колдовского огня, пошла прочь. — А можно ли дождь прекратить? — вдруг подумалось мне.

— Можно. Только Всеслав не станет. Он всегда твердит, что грех в дела богов и природы лезть.

— А ты бы смог?

— И ты бы смогла, Вёльма. Если руку ее примешь, еще не то сможешь.

Вмиг предо мной явился образ.

Стою я на коленях у идола ее, ладонь узкую своей сжимаю. И глаза мои черны будто те одежды, что с ног до головы укутывают. После уж не надену платьев, расшитых узорами бережными, не стану посоха цветного брать. Буду такой как у Зоран и Осьмуши, и не то что над зверьем, над людьми власть получу.

Только вот к чему она мне?

Того, над кем княжной быть хотела, и чарами не вернешь. А, если и вернешь, так какая ж то любовь выйдет?

Темная сила велика. Не далече как с миг назад с ее творениями боролась.

— Ушедшая, — снова шептала.

Будто она сомнения мои разрешит.

— Ушедшая, мать моя...

Только сама решить должна. Тьма и свет. И я меж ними стою.

Не ошибся Зоран, когда сказал, где один там и второй.

Да и не второй, а третий, четвертый... семеро их всего было.

Гарнарские шаманы, чтоб их собственные упыри разорвали, не славу постарались. Расщедрились на подарочки.

Не знала я, как они тварей этих плодят, да и знать не хочу. Страшно и подумать, что те живыми людьми недавно были. Глянешь на них — вон девка не старше меня, мужики молодые, старик и мальчик, ребенок совсем. Издали и вовсе за людей примешь.

Не будь я чародейкой, запросто приняла бы. Попалась бы на удочку колдовскую и сгинула. А ведь если приглядеться иным взором, не человеческим, так сразу нить видна — землисто-коричневая — за ту шаманы и дергают. Не живые они уже. В землю бы положить и пусть спят спокойно, как и положено мертвым. Но темные заклятия заставляют снова и снова подниматься и идти на поиск живых, на поиск пищи.

Одежда на них была изорванной, грязной. Глаза горели маленькими красными угольками на черном. Кожа, белая будто снег, с серыми пятнами, какие у покойников видны. А когти — такие у живого и не встретишь. И клыки, клыки из-под верхней губы торчат.

Как я увидела их вначале, когда из-за стены дождя темными фигурами выступали, так и ушла душа в пятки. Хотелось бежать куда глаза глядят.

— Стой спокойно, — велел Зоран, заметив, что вздрогнула я.

Осьмуша чуть пригнулся, ссутулился, по телу его будто судорога прошла. Обернулся на меня — в глазах волчья зелень ядовитая. Еще миг — и уже не человек он.

Замерли мы все трое — я, колдун с мерцающим посохом, волк.

— Береги шею и запястья, — проговорил Зоран. — Они кровь живую чувят. Если вцепятся, конец человеку.

Липкий страх полз по моей коже. Страх того, что не смогу, не справлюсь, не выживу.

И поделом — сама решила остаться.

Они приближались, а мы все выжидали. Чего?

Вдруг мне будто в спину дохнули. Обернулась медленно, как во сне.

— Зоран! Берегись! — не своим голосом закричала.

И ударила наугад.

Нож акурат по шее упыря прошелся. Брызнула темная кровь. Тварь захрипела и оскалилась. Осьмуша зарычал, прыгнул и враз голову отгрыз.

Зоран, успевший увернуться, взмахнул посохом и сразу двоих тварей положил. Вот тут битва настоящая и завязалась.

Землистые нити, что вились от их сердец, не парили в воздухе, как у живых. Лежили безжизненными лентами они на земле.

Уворачиваясь от цепких когтей девки-упырихи, я упала на землю, проехала спиной по грязи и, схватившись за нить, резанула ее ножом. Тварь задрала голову, взвыла, будто посылая зов о помощи своему хозяину, и упала.

Следующую нить ухватила, дернула — упырь едва на меня не завалился — да откатилась в сторону вовремя. Вскочив на колени, и его нить резанула.

Вдруг тихо стало.

Будто во сне, сквозь дождь видела, как Осьмуша снова человек, Зоран с посохом быстро оглядывается. Я сама на коленях возле убитого упыря стою.

Минуты всего, а, кажется, вечность прожили.

Издали мы заметили, как суетится люд у городских стен. Укрепить перед битвой — нелегкое дело.

Единственная уцелевшая крепость на юге Беларды — Грошов-град. Сюда воевода Всеволод направил чародеев.

«Ежели Грошов потеряем, то и вовсе гарнарцам волю дадим», — мрачно сказал Мстислав на том военном совете, куда я тайком пробралась.

Гарнарцы поганые, чтоб им пусто, тварям, было.

Не один город они сожгли, не один разграбили, а уж Грошов не получают. Про крепость эту много сказок ходило. Дивом дивным его считали по всей Беларде. Красотой он разве что с Трайтой и сравнится.

Стены Грошова крепче обычных — чарами защищены. Говорят, сама Вёльма- Огнёвица, тёзка моя именитая, коснулась их однажды и заклятие, от пламени ограждающее, сотворила.

Не знаю уж, волшба ли простой девки, искусность зодчих скельдианских иль время само сжалилось — только стены по сей день держатся. И гарнарское колдовство им не помеха.

Въезжали мы в ворота и сердце мое сжималось. Люд — рабочие, воины, крестьяне — изможденные, уставшие, в глазах страх и печаль.

Уже сколько дней держатся они, страдают от натиска могучей силы, которую и понять не могут. Мне, чародейке, и то боязно, а уж им...

Будь я на их месте, от страха бы померла. Днем к битве готовиться, ночью засыпать и слышать, как у стен упыри с умертвиями бродят. Голодать, каждый день, ждать помощи и на небо глядеть — вдруг прилетит сокол быстрый и принесет добрые вести.

На фоне серого неба мрачными выделялись мне поблекшие маковки теремов грошовских, каменные дома горожан, полуразрушенные и разворованные. Размытые дождями улицы наполнились грязью и нечистотами. Еще немного и люди начнут умирать, гибнуть от болезней.

Нет, не выдержать Грошову, не выстоять без помощи.

На нас глядели по-разному — то удивленно, то гневно, то с усмешкой. Грошовцы от

князя помощи ждали, дружины верной, витязей смелых. А прислали им кого — кучку чародеев с охраной да девку рыжую.

— Спаси нас боги, — вслух проговорила замотанная в грубую ткань старуха, прикладывая руки к груди.

Только на богов теперь грошовцам и надеяться, только от них помощи и ждать.

— Есть ли здесь войско какое, Бурислав?

Воевода покачал головой на вопрос Всеслава.

— А как же? Есть. Дружина Назара Хмелевича здесь стоит.

— Давно стоит?

— Да поди с три седмицы.

— Плохо это, Бурислав, плохо, — с горечью проговорил заклинатель. — Устали люди — ни сил, ни надежды у них нет.

— Так вы ж теперь с ними, Всеслав.

— Думаешь, поверят ли нам?

Не ответил воевода.

А по глазам горожан я прочитала — нет, не поверят. Ни за что не поверят.

Тревожный колокол ударил спустя час после рассвета. Гул его разнесся над замершим на ночь Грошовом.

Я, на ходу одевшись, выскочила на улицу.

Дом, куда нас поселили у самой стены стоял. Зоран, Осьмуша и Всеслав тотчас поднялись, а я припоздала.

Остановилась на миг, голову подняла.

— Гарнарцы идут! — крикнул дозорный на башне. — Гар...

Стрела с пестрым оперением вошла в его грудь и парень свалился на каменную лестницу стены.

Колокол бил все громче. Воины бежали на стены, разводили огонь под чанами со смолой, готовились к битве.

Я рванулась было за ними, чтоб своими глазами увидеть войско Ихмета. Да тут вдруг замерла и будто холодом меня обдало.

Громкий протяжный стон — как предсмертный крик — прозвучал над нами. Гарнарский рог пропел сигнал к битве. Возвестил нам о приближении гибели. И в воздухе запахло страхом, болью и кровью.

Миг я пыталась справиться со страхом, а после побежала на стену.

— Ушедшая, мать моя, помоги... Светлые боги...

Кому молиться уж и не знаю.

Припав к краю стены, я поглядела вдаль.

Боги...

Горло сдавило будто тисками. Ни слова, ни звука не могло вырваться наружу. Страх, дикий страх сковал меня всю разом.

До боли сжав каменные выступы ладонями, я замерла. Лишь слеза, одна-единственная, скатилась по щеке и исчезла.

Рать их огромна, бесчисленна. Глядишь до самого горизонта и нет конца-края темным всадникам в остроугольных шапках. Пыль вздымается клубами под копытами их коней. А

ржание их и нетерпеливые удары о землю лишь говорят — и те готовы биться.

Проклятый гарнарский рог протрубил снова и снова. Каждая его песня сопровождалась дружным восклицанием воинов, их криками.

Всмотрелась я внимательней — среди темных воинов мелькали другие. Пешие, в длинных одеяниях и шкурах, с бубнами в руках. Обвешанные яркими полосками ткани, костями и оберегами. У иных на головах и вовсе черепа с рогами были.

Шаманы.

Даже издали видела я, что лица их ярко разрисованы красками. Нити от сердец вились темные, тугие, сплетенные в узлы в нескольких местах. У всех, как у одного.

Сказывал Всеслав, что узлы те не простые. Каждый узел — спасение от смерти. Захочет кто убить человека — разорвать нить должен. А коли кто спасти надумает — связать заново. Темная то волшба, не наша.

Боги... Ушедшая...

Уж не знала я, у кого помощи и защиты просить. Страх, великое дело страх.

Шли они быстро. Кажется, вот-вот да и сметут Грошов. Растопчут крепостные вековые стены, как и не было их.

Не орда то гарнарская, то смерти наши идут.

— Ушедшая... — беспомощно прошептала я.

И будто руки ее на плечи легли. И будто сила вновь по венам потекла как тогда, в сражении с нечистью.

— Вельма! Вельма!

Я обернулась.

— Всеслав?

— Обыскались мы тебя, Вельма. Будь на стене, не сходи никуда. Рядом с нами будь.

Опираясь на посох, он хотел уйти.

— Всеслав! Стой! Как же мы сражаться-то будем? Со стены? Как же чары нам плести?

Врагов ведь не видим.

— Ежели ворота открыть, конец Грошову-граду, — мрачно проговорил чародей.

Я поглядела ему вслед, а после с места сорвалась и побежала Зорана искать.

Дурно, ох, дурно я делаю, что Всеслава не слушаюсь. Зря я поперек ему все делаю, ой, зря. Только не могу ведь иначе. Не до того теперь.

— Некрас! Зоран с Осьмушей где? — схватила за руку дружинника.

— Внизу они, у стены, — отмахнулся тот и побежал дальше.

Едва переводя дух, я побежала вниз.

— Осьмушу и Зорана, чародея, не видел? — спрашивала у всех, кого видела.

Кто отвечал, кто ругался, кто просто проходил мимо.

Боги, как же их найти?

Наконец я увидела темного жреца. Тот что-то быстро говорил Буриславу и указывал рукой на стену.

— Зоран?

Сквозь толпу я рванулась к нему.

Плачущие женщины, перепуганные дети, старики, взывающие к богам, нищие, бегущие прочь, к сердцу крепости.

— Зоран!

Колдун обернулся, увидел меня.

— Уйди, сукина дочь! — крикнул витязь, которому я на пути попалась.

— Сам с дороги сойди, — бросила в ответ. — Не видишь, кто перед тобой.

Указала на знак Дома Предсказаний и двинулась дальше. В спину мне неслись проклятия и пожелания скорой гибели от руки гарнарца. Похоже, не так уж и жаловали нынче чародеев в Беларде.

— Зоран! — наконец очутилась я подле колдуна. — Делать нам что-то нужно! Иначе сгинем все.

— Всеслав что? — кратко спросил темный жрец.

— Ждет он, боится, не хочет людей в битву бросать. И слушают его все...

Лицо его на миг стало будто каменным. Замер он, не двинется. Чернота в глазах мелькнула и скрылась.

— Мне Всеслав не господин, — проговорил Зоран. — Тебе — как решишь. Только если уж надумала, Вёльма...

— Некогда мне думать! — оборвала я его. — Грошов едва стоит, а, ежели ждать. Шаманы бы не ждали...

— И то верно, — глаза Зорана снова потемнели. Он улыбнулся какой-то страшной, неестественной улыбкой. — А мы и не станем.

После склонился ко мне и чуть тише проговорил:

— Есть под Грошовом ход тайный, что ведет за ворота.

— Где? — я резко схватила его за руку. — Проведи меня!

Шагнула я вперед — ноги подкосились. Едва не упала, удержалась.

Ветер холодный трепал на мне рубаху, бил по телу нещадно да только не чуюла я холода тогда. Будто огнем все на мне горело.

Лишь глаза открыла, и голос пропал, от страха горло сдавило. Слезы тихо полились по щекам, закрыли все мутной пеленой. За ними все темным стало — как чернота движется на меня.

Руки прохладные на плечи легли снова, укрыли, подтолкнули.

— Ушедшая, мать моя непризнанная, — прошептала и вперед шагнула.

Шаман, увешанный лентами, с костью в носу громко бил в бубен и что-то пел на гарнарском поганом языке. Вокруг его тела вились черные клубы и в каждом витке виделся страшный образ. Оскаленные пасти, клыки, горящие глаза и глубокие темные глазницы. Глянешь в них и провалишься, исчезнешь, сгинешь.

Закричав что-то, он ткнул в мою сторону своим посохом. Из глазниц черепа на его навершии вырвался еще один дух. Ринулся ко мне, разросся вмиг до размера лошади. Раскрыл пасть, взревел.

Из груди вырвался хрип и я упала навзничь.

Светлые боги! Ушедшая!

Чудище глухо просмеялось и приблизилось ко мне. Страшный холод и смрад заполнили все вокруг. По телу прошла судорога.

Ушедшая, помоги...

Вдруг треснуло так, будто ткань разрывают. Черный дух разлетелся на куски, оставив на пожухлой осенней траве лишь пятна. Такие, как от чернил бывают.

Зоран и Всеслав. Это они, больше некому меня спасти теперь.

Судорожно сжимая пальцами скельдианский медальон — подарок Сигурда — я поднялась. Отчего-то почудилось, что отпущу его и умру, погибну.

Никогда я северным богам не молилась и не знала их, а теперь о жизни умолять стану.

Гарнарцы остановились, словно ждали чего-то.

Шаманы их, все как один, исполняли танец смерти — нас губить велели черноте своей поганой.

Засвистели стрелы. Я рукой лицо закрыла да зря. Все они дождем осыпались у ног моих.

Бегло назад оглянулась и увидела фигуру Всеслава на стене. Прости меня, чародей, что ослушалась и зла не держи.

Гарнарец один решил меня мечом сразить. На коне своем поскакал вперед да только встретил его Осьмуша-волк. Сбил наземь в прыжке и через миг на траве всадник лежал, а морда волчья в крови измазана.

Прикрыла я глаза на миг.

«Волосы твои будто огонь, а глаза — зелье колдовское», — говорил Ладимир нашей первой ночью.

«Прости меня, любимый, и счастлив весь век будь», — безмолвно ответила в пустоту.

Раскрыла глаза, руки раскинула.

Нити золотые, что у лошадей гарнарских струились от сердец, заплясали по пальцам. Много их, ох, как много, а с ними и шаманские темные. Не ухватить все, не разорвать.

Содрогнулась я — то сила по венам потекла. Горячая как кровь, темная, как земля после дождей, безумная, как я сама в тот миг.

— Ушедшая, — прошептала. — К тебе взываю...

Осьмуша рядом зарычал.

В тот миг глаза мои и потемнели. Нити заплясали в руках. Ай, шальные, не даются сразу.

Стрелы и копья полетели в меня да только зря теперь. Не всеслава сила теперь хранит, моя собственная.

Вспомнилось мне, как отец родной сетовал, будто род его позорю я. Как мать плакалась, что дитя бестолковое да некрасивое уродилось — замуж отдать и то не выходит.

Вспомнила и как Заряна — Арьяру мать — глядела на меня. Как глазами сверкала да все злилась. А из дому как гнала, от судьбы, от сына своего отваживала. Не она б, так может и по-другому вышло все.

Велимира вспомнила, как из дому прогнал. Мне, чародейке, как псу шелудивому, указал на дверь. Выгнал будто девку распутную, что монету свою за работу получила.

Слезы из глаз полились.

Ладимир, а ты что натворил, любимый, родной мой? Помню я все — помню, как руки твои по ее спине скользили, как волосы гладили. Как губы твои другую целовали.

Любила я не того, что с Сияной был, а того, что из Подлесья меня увел да стрелять из лука учил. Первого ввек не прощу, а второго до смерти помнить и в душе хранить буду.

Взглянули б они на меня...да только какая теперь разница?

— Ушедшая, силы дай, — повторила еще раз.

И будто обняла она меня.

Враз нити в ладони мои легли, враз тугими веревками сплелись. Ухватилась я за ним и что было сил рванула.

Не крик мой — вой — унесся в серое безмолвное небо. Растаял там. А вместе с ним и я

растворилась. Туманом утренним растаяла.

Враз. Как и не было Вэльмы никогда, и не жила она будто.

Промелькнули черные легкие одежды надо мной, да и закрыла я глаза. Устала, намаялась, теперь отдыхать стану.

— Светлые боги, простите, спасите меня... — последние слова мои.

Говорили мне не раз, что в пустоши серой она живет. Бродит по окраинным землям Межмирья и выискивает заблудшие души, чтоб себе их забрать. Каждый вечер подходит к древу великому, садится на корни его и водит ладонью по глади зеркальной. Там-то и видит все на свете, во всех мирах что делается.

Много чего люди говорят.

А оказалась я на том самом берегу северного холодного моря. Ветер только поутих, а волны ласково лизали края валунов, спустившихся к воде.

Сидела я на берегу, вся в черном, простоволосая. На запястье моем переплетено ожерелье черно-белое было. Тербила я бусины и все никак сосчитать не могла — сколько тех есть.

Долго так сидела. И хорошо, и спокойно, и мирно мне было. И уходить никуда не хотелось — век бы так!

Только обернулась я — будто коснулся кто.

Гляжу, а там она стоит.

Я вскочила. Почудилось мне, что в глазах ушедшей улыбка мелькнула. Медленно протянула она руку вперед и стала точь-в-точь как образ у Зорана в Доме Предсказаний.

Теперь уж ни мига я не думала, ступила вперед, подошла к ней. Только-только собралась ладонь протянуть.

Ушедшая предостерегающе подняла палец и покачала головой.

В лице ее, наполовину скрытом, что-то мне знакомым показалось. Осмелилась я и дернула ткань. Да только зря. Кусок прозрачной струящейся материи безжизненно обвис в ладони, а сама она исчезла — как не было.

Не приняла меня, отпустила. За то, что в последнюю минуту свою я светлых богов о помощи просила.

Так тому и быть, значит.

— Вэльма, очнись, родная, — позвал кто-то.

Тяжесть, огромная тяжесть лежала на моих веках. Поднять ее сил не находилось.

— Вэльма.

Сквозь забытье я понимала, что кто-то держит меня на руках. Тепло его живое успокаивало и убаюкивало. Заставляло не помнить глубокую усталость и боль.

Тело ныло будто после долгой тяжелой работы, в руках не было и капли силы. Казалось, та покинула меня навсегда.

Больно, страшно, тяжело. Здесь, снова живая, я страдала. Не было ни легкости, ни покоя.

— Очнись, Вэльма, — снова попросил он.

С великим трудом я открыла глаза. Свет ударил острее меча.

— Светлые боги, она жива, — проговорил мужчина.

Откуда-то издали пришли воспоминания. Медленно и тяжело они подступали ко мне,

говоря, кто я.

— Арьяр...

Он слабо улыбнулся.

В воинских доспехах ведун казался чужим. Прядь черных волос, выбившаяся из-под шлема, глубокая царапина на лице и прежние льдинки в усталых глазах.

Маленькое селение Прогалье стояло на берегу Марийки — реки, связавшей Беларду с Зарецким княжеством. Там мы и заночевали на обратном пути. Чудом уцелевшая деревенька и ее испуганные жители приняли нас с благодарностью.

Всеслав, я, Зоран и Осьмуша заняли домик старосты.

Заклинатель еще ворчал по-стариковски, но все ж не злился на меня, послушавшуюся приказа.

Отправляться из Прогалья было решено на рассвете третьего дня седмицы. Первые заморозки уже коснулись земли — вот-вот птаха крылья расправит и полетит над миром.

Вышла я из дома, зябко поежилась и плотнее запахнулась.

В небе еще светился бледнеющий полумесяц девицы-луны. Дольше она нынче песни возлюбленных своих слушает. Дразнится только — одним боком им показываясь.

У ворот стояли двое витязей, Арьяр, а с ними и Всеслав о чем-то говорил.

— Куда это ты собралась ни свет ни заря? — спросил заклинатель, сердито сведя брови. — Спала бы еще.

— Не спится мне, — ответила. — Пройтись хочу.

— Пойду с тобой, словом обмолвиться надобно.

— Дозвольте с вами? — спросил Арьяр.

— Отчего нет, — только и пожала плечами.

— Вести из Трайты с соколом прибыли, — без радости в голосе проговорил Всеслав, как со двора вышли.

— Невеселые видать?

— Куда уж веселее! Мстислава едва не убили.

— Как же так? — испугалась я. — Кто же?

Всеслав шел, опираясь на посох, и тяжело кряхтел. После последней битвы силы подвели старика. Он и раньше-то близок к ушедшей был, а теперь и подавно за руку ее держит.

— Родич его и пытался. Давно на трон метил.

— Какой родич?

Заклинатель удивленно взглянул на меня.

— Ростих Многоликий. Не знала что ль? Он младшим братом Мстиславу приходится. От незаконной связи рожден, оттого и не признан наследником.

Я замерла на месте.

Ростих — брат Мстислава... Ростих — наставник Ладимира, верный друг Велимира.

— Что же мне не сказал никто? — чужим свой голос показался. — Что же смолчали все?

— Уберечь тебя решил, вот и наказал молчать и Варваре, и Тишке-плуту да и Зорана попросил. Ежели на трон двое сесть хотят, всегда третий виноват. А на пути у Ростиха

вставить — гиблое дело.

— Всеслав... — я невольно приложила руку к сердцу. Защемило что-то в груди, ох, как защемило. — Что ж ты наделал-то?

— Живой тебя оставил, вот что. А Ладимир — полюбовник твой — лишь ступенькой к трону был. Думаешь, зачем вдруг Ростиху новый сильный чародей нужен? Думаешь, рад он, что на его место молодой сесть захочет?

— Так как же... Война ведь.

— Война! Ни единого приказа Мстислава Ростих не выполнял, а тут — надумает что ли? Обманули вас всех, Вёльма, как детей наивных вокруг пальца обвели.

— Что с ним станет теперь? — тихо спросила я, глаз с хрустальной корочки на лужице, не сводя.

— Станется с него! — взмахнул рукой Всеслав. — И думать забудь. Нет Ладимира больше в Беларде. Мстислав здраво рассудил, что не след ему чародея даровитого терять из-за корысти своего брата сводного. Сняли чары с Ладимира твоего и с посольством в Феранию отправили — от глаз людских подальше.

— А Сияна что?

— А Сияну на восток, к родичам услали. Принцу ельнийскому в руке ее отказано было. Сказали будто больна княжна.

— Больна? — эхом я за ним повторяла, а слов и не понимала ни единого.

— Знамо, что за болячка, — брезгливо проговорил заклинатель. — Позор Мстиславу нужно прикрыть.

Заклинатель поглядел на небо.

— Ишь какие тучи набухли. Того и гляди снег упадет. Пойду, погреюсь перед дорогой — не дело старику за молодежью поспевать.

И ушел, постукивая посохом по подмерзшей дороге.

— Вёльма..., - хотел что-то Арьяр сказать.

— Не тронь меня, — в ответ велела.

И зашагала прочь. Быстро-быстро.

Отзвенела осень свою золотую песню и на смену ей явились хмарь и холод, чернота замерзшей от первого морозца грязи на дороге и небо — иней, что будто седина на висках.

Теперь уж люд в меха облачился. Не найдешь девки простоволосой, не увидишь парня в одной только рубахе. Того и гляди снег на землю упадет — перья птахи небесной. То летом она, сердечная, от солнца яркого хоронится. А уж зимой нечего бояться. Светило что ни день так не выходит, а коли и выйдет, так холод его свет придержит, не даст спалить нежные крылья птахи.

А та только и ждет зимы. Встанет с гнезда, встрепенется, взмахнет белыми крыльями и перья ее укроют всю землю, до самой весны, когда солнце прежнюю власть обретает.

Стояла я на мосту, глядела на реку, неспешно устремленную вдаль. На небо хмарное, что в водах ее отражено. Глядела и не было ни в душе, ни в мыслях моих ничего. Будто и не живу вовсе. Только тоска тягучая и долгая. Как та, что ушедшую мучила век напролет.

Заскрипели старые доски от шагов человеческих, а я и не обернулась, чтоб на незваного гостя глянуть. Кто бы ни был — все равно мне.

Ладимиром ведь не станет.

— Всеслав тебя найти велел, Вёльма. Уходим скоро.

— Знаю, — тихо ответила.

Арьяр — голос его из тысячи узнаю — ближе подошел, за спиной остановился.

— Идем, Вёльма, будет на воду смотреть и мерзнуть зазря.

— Минуту еще дай, — попросила я.

— Как скажешь. Рядом подождать позволишь?

Я только кивнула.

Арьяр постоял немного, а после вдруг взял и своей широкой ладонью мою накрыл.

Отталкивать не стала.

— Нынче день Несвиры — первый зимний рассвет, — зачем-то сказала я вслух. —

Скоро эта река льдом покроется и не видно ее станет глазам людским.

Несвира — Ларьяну жена — покровительницей зимы считалась. Птаха небесная с ее рук кормилась, а как касалась ладонь Несвиры перьев ее, так те белели и после осыпались снегом на землю.

— Что теперь делать станешь, Арьяр? В Подлесье вернешься?

— В Трайту поеду, князю Мстиславу стану служить.

— Разве? — я обернулась на него и ничего более проговорить не сумела.

Глаза Арьяра прежними были и как будто я сто лет на них глядела, и не было ничего. И сама я только-только к Подлесью с мешком походным подошла.

— Решил — не вернусь больше домой, — продолжил он, — ждут меня там да только не вернусь.

— Отчего вдруг? — и ветер слова мои снова унес, договорить не дал.

А Арьяр только улыбнулся.

— Не спрашивай, не то отвечать стану.

Усмехнулась я в ответ и снова к реке отвернулась.

Ладонь его горячая все еще мою накрывает и сжимает крепко. И пусть, и правильно это.

Не уйти выходит от судьбы своей, не убежать и не скрыться, не найти спасения на пыльных дорогах. Хоть в само межмирье иди, а все найдет она тебя — доля твоя.

Глубоко вздохнула я, и дыхание тут же белым паром сделалось. С детства я холод не жаловала да и он меня так же. А впереди зима долгая, холодная. Лесьяр говорил будто после битвы с черным войском ждет нас лютей холод.

— Идем, Вёльма. Ежели на реку эту долго смотреть, так кого угодно тоска возьмет.

Я улыбнулась грустно:

— Будто ты знаешь, откуда тоска моя?

Арьяр промолчал, не ответил.

— Знаешь? — спросила. — Отвечай.

Он кивнул.

— Знаю, лисица, знаю. Винить ни тебя, ни его ни в чем не стану.

Слезы к глазам моими подступили, в горле ком засел.

И кто же ему разболтал? Уж не сам ли Ладимир в письмах? Нет, тот не стал бы. Разве что люд судачит? Да и Арьяр не дурак, догадался небось давно, не обманешь.

Скатилась лодьей слеза по щеке моей и упала в темную воду, а за ней и вторая ушла.

— Не плачь, Вёльма, не плачь, — Арьяр обнял меня за плечи — от ветров холодных укрыл, плащом незримым укутал. — Прости, если дурное сказал.

Еще он что-то говорил, слова какие-то пустые. Да только я не слушала.

Глядела на темные воды и знала, что уносят они не только слезы мои горькие. Вместе с ними уплывала прочь моя молодость. Не вернуться уж ей никогда да и мне прежней не стать.

Сгорела моя любовь горькая. Сгорела и пеплом унеслась в темные воды и сгинула. И не будет второй такой уж никогда. Растворилась в глазах его родных, где колдовской огонь сияет.

И да хранят Ладимира боги на чужой земле, и да будет с ним их благословение. Счастлив пусть будет.

Не быть нам вместе, как водам этим с северным морем не встретиться.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net